

ХРИСТИАНОС

XXXIII

АЛЬМАНАХ

ISSN – 1407-0898

Обложка работы архимандрита Зинона (Теодора)

Редакционный совет

Наталья Большакова-Минченко –
главный редактор
Протоиерей Владимир Зелинский
Андрей Десницкий

Ответственный за выпуск
Василий Минченко

*Перепечатка материалов альманаха «Христианос»
возможна только с письменного разрешения гл. редактора*

*Путям,
которыми идет душа
человеческая к Богу,
посвящен этот альманах.
Особенно значима для нас
жизнь христиан нашего времени,
войдем же и мы вместе с ними
в святое любовное
единение с Богом – Отцом,
и Сыном, и Духом Святым,
Троицей единосущной
и нераздельной. Аминь.*

ОНИ РАБОТАЛИ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ И ТРИ ГОДА...

...и дожили до выхода «Христианоса-XXXIII».

Разве можно было такое себе представить, когда 34 года назад, отец Александр Мень, поставив меня главным редактором задуманного нами христианского журнала, и в ответ на мои вопли, что не смогу, не сумею и пр., сказал: «Не бойтесь, я буду вам помогать, я буду рядом». И добавил: «Ну, спать вы, конечно, перестанете, но делать это – надо!» И посмотрел на меня серьезно, как бы проверяя, все ли я поняла.

А он, глядя на меня, наверно, понимал, что я не ослушаюсь этого его – почти приказа (впервые за годы нашего общения), – не оставлю по своей воле этого «слушания», что буду верна ему, что бы ни случилось. А когда вскоре отца Александра убили, и я осталась одна, он сказал мне: «Теперь вы пойдете за мной». И я пошла, а он послал мне в помощь архим. Виктора (Мамонтова), архим. Зинона (Теодора), Сергея Аверинцева, Наталью Трауберг, Василия Минченко, отца Владимира Лапшина, отца Георгия Чистякова, отца Владимира Зелинского, Валентина Курбатова, Ива Амана, отца Рене Маршала, Малую сестру Клер Латур, игуменью матушку Ольгу (Слёзкину), отца Михаила Аксёнова-Меерсона, Екатерину Гениеву и еще многих других, кто живет на сотнях страниц альманаха «Христианос», и кто сегодня наполняет этот выпуск, для которого мы все вместе работали 30 лет и 3 года.

Наталья Большиакова-Минченко

БИБЛЕЙСКАЯ АСКЕТИКА

Владимир Сорокин

ТОРА: ДУХ И БУКВА

Сегодня в христианских кругах нередко звучит мысль о противопоставлении духа и буквы, причём под буквой понимается обычно любой текст, ветхозаветный или новозаветный. Особенно же «достаётся» в таких случаях законодательным книгам Ветхого Завета – о них ведь точно известно, что ветхозаветный закон «Христос за нас исполнил» и нам, Его последователям, можно об этом не беспокоиться. Такой подход, разумеется, не новость: в истории Церкви были, как известно, даже попытки полного отказа от Ветхого Завета, и не только в древности. В таких утверждениях, однако, есть, как может показаться, и рациональное зерно: ведь даже Декалог, составляющий ядро ветхозаветного законодательства, при формальном подходе действительно превращается всего лишь в ещё один моральный кодекс, пусть и данный Богом.

В Евангелии, между тем, речь идёт о любви, Божьей и человеческой, а любовь свободна от формальностей, пусть даже речь идёт о моральном кодексе. В самом деле: не станет же любящий завидовать или лгать тому, кого любит, не говоря уже о том, чтобы обокрасть его или убить. И всё же вопрос остаётся: имеет ли ветхозаветное законодательство хоть какой-нибудь смысл для христианина сегодня, когда историческая ситуация изменилась полностью, а любовь пришла на место закона? Какой вообще смысл имеют для нас сегодня законодательные книги Ветхого Завета? Вопрос мог

бы показаться неуместным, если бы в наших церквях сегодня проблема внешней формы и устройства, проблема канона во всех его смыслах не стояла вообще; очевидно, однако, что это не так, и что проблемы эти зачастую занимают в жизни христиан немало времени и отнимают немало сил, нередко отвлекая от главного и разрушая те самые отношения любви, о которых столько говорится во всех христианских собраниях. Так может ли Ветхий Завет вообще и ветхозаветные законодательные книги в частности помочь нам сегодня разрешить эти проблемы?

Для ответа на этот вопрос важно подходить к ветхозаветному законодательству так, как предполагается самими ветхозаветными книгами. Законодательные тексты Ветхого Завета собраны в сборник, который христианам известен обычно под именем Пятикнижия, но который в иудейской традиции носит название Торы. Под Торой, впрочем, понимают не только законодательство как таковое, хотя само слово «тора» означает прежде всего именно «закон» (иногда, однако, под «торой» понимают также поучение или традицию вообще). Тора – это ещё и образ жизни, соответствующий данному Богом закону, и внутреннее состояние человека, живущего согласно Торе. С одной стороны, тут можно говорить о традиционном еврейском укладе жизни, который, конечно, менялся с течением времени, всегда ориентируясь при этом на соблюдение заповедей и вытекающих из них законов; с другой же стороны, речь должна идти также и о внутреннем состоянии человека, о тех усилиях, которые позволяют ему соответствовать поставленной перед ним Богом задаче следовать Божьему закону. Тора в таком случае становится уже не просто мораль-

ным кодексом, а описанием пути, на который нужно стать и которым нужно идти тому, кто хочет нормальных, полноценных отношений с Богом. В таком случае встаёт закономерный вопрос: чего же больше в Торе – формы или сути, внешнего или внутреннего?

Тора внешняя и внутренняя

Вопрос о сути Торы связан с вопросом о её развитии. Нетрудно заметить, что законодательство Книги Исхода (гл. 21–23 книги) и законодательство Книги Второзакония несколько отличаются. Декалог (гл. 20 Книги Исхода и гл. 5 Книги Второзакония), разумеется, в обеих книгах один и тот же, если не считать различий в комментариях к четвёртой заповеди (об этом ниже); сами же законы, основанные на заповедях и из них вытекающие, различны, и связано это с изменившимися условиями жизни. Исторически первый, ранний вариант Книги Второзакония появился, вероятно, в IX в. до Р.Х., хотя в самой книге речь идёт о времени появления евреев в Трансиордании незадолго до завоевания ими Палестины (Втор 1:1). В данном случае неважно, будем ли мы следовать логике истории или логике самого текста: в любом случае речь идёт о развитии Торы, о дополнении уже существующего законодательства новым, сообразным изменившимся условиям жизни (логика текста Книги Второзакония предполагает, что законодательство Книги Исхода целиком было дано Моисею на Синае, во время дарования Торы). Очевидно, речь идёт о заповедях Декалога как о ядре Торы, которое остаётся неизменным, дополняясь по мере необходимости законами, сообразными времени и месту

их применения. В Торе последовательно различаются заповеди (евр. *мицва*) и законы (евр. *хок*) (к сожалению, в переводах это различие отражается не всегда). Первые связаны с Декалогом, с текстом десяти заповедей, вторые обозначают законы, появившиеся позже на основе заповедей в процессе их интерпретации. Интерпретация, вероятно, происходила в формате судебных постановлений по конкретным делам (евр. *мишпах*, судебное определение или постановление). Учитывая прецедентный характер еврейского законодательства (как, впрочем, и всех законодательных систем древности), такие определения и постановления сами по себе становились источником законодательной нормы. Так Тора росла в объёме, развивалась и адаптировалась к изменяющимся историческим условиям.

Казалось бы, описанные юридические процессы менее всего связаны с внутренней жизнью человека: речь тут идёт о юриспруденции, о правовой системе и о правовых нормах, т.е. о том, что по самой своей природе связано с жизнью общественной, государственной, а значит, внешней. Важно, однако, отметить ту логику судьи-законодателя, которой он руководствовался, вынося свои определения и постановления. Тут очевидно предполагалось, что заповеди – не просто готовый набор правил на все случаи жизни, что это в первую очередь императив, юридический и моральный, который должен быть интерпретирован применительно к конкретной ситуации, как всякий такой императив, а это требует понимания того, как норма преломляется внутри такой ситуации, чем она становится применительно к ней в качестве уникального, здесь и сейчас уместного, решения. Готовых решений не было и не могло быть;

было видение ситуации, восприятие её в непосредственной цельности сквозь призму заповедей, и именно это видение позволяло судье принять решение о том, как именно данную ситуацию можно исправить, сделав её соответствующей Божьему закону. Не случайно в библейских книгах (и, в частности, в книгах ветхозаветных) столько говорится о мудрости настоящего судьи: ему прежде всего необходимо было увидеть ситуацию через призму заповедей Декалога и найти такое решение делу, чтобы оно могло стать прецедентом для тех, кто будет обращаться к Торе впоследствии для разрешения дел сходного рода.

Очевидно, чтобы судить, исходя из норм Торы, судье необходимо было, помимо знания законов, обладать определёнными навыками видения и восприятия ситуации, которое позволило бы ему принять адекватное решение, исходя не только из формальных критериев, но и из внутреннего опыта. Основой такого опыта могло быть для судьи только его собственное знание Торы, и прежде всего её ядра – десяти заповедей, Декалога. Притом знание это должно было быть опытно-практическим, таким, которое заповеди переживало как духовно-нравственный императив, предполагающий неукоснительное следование ему. Здесь Тора становилась реальностью уже не внешней, а внутренней. Впрочем, Тора вообще изначально не предполагала разделения человека и его жизни на сферы, отделённые одна от другой. В самом деле: человек ведь не может быть одним в религиозном собрании, другим на работе или вообще на публике, и ещё каким-нибудь третьим у себя дома, по крайней мере, не может без серьёзных разрушительных последствий для собственной личности. Так и

Тора была дана Богом человеку как для жизни внутренней, видимой лишь ему самому и Богу, так и для жизни внешней во всех тех сферах, с какими человеку приходится соприкасаться в течение жизни. Собственно, и судьи в этом отношении не отличались от других: они лишь применяли в своей профессии навык, необходимый каждому, кто хочет быть человеком Торы. В самом деле: видеть ситуацию сквозь призму данных Богом заповедей ведь необходимо каждому и в любом случае, хотя бы для того, чтобы сделать правильный выбор и принять правильное решение, и судья здесь отличается от любого другого человека Торы лишь тем, что ему приходится оценивать ситуации, касающиеся не только его лично, но и тех, чьи дела он рассматривает по должности. В таком случае можно говорить уже не только о Торе внешней, выбитой на камне или написанной на папирусе, Торе, состоящей из заповедей, законов и судебных определений, но и о Торе внутренней, о Торе, являющейся для человека личным внутренним императивом, духовным и нравственным.

Как же становятся заповеди внутренним императивом? В каком смысле и до какой степени могут они переживаться человеком как нечто внутреннее, а значит, неотъемлемое от его собственной личности? На первый взгляд Декалог представляет собой моральный и, в определённой степени, юридический кодекс. Здесь перечислены нормы (по преимуществу запретительного характера), нарушение которых иногда становится уголовным преступлением и практически всегда осуждается с моральной точки зрения большинством современных обществ. Конечно, не везде сегодня общество поддерживает выраженную религиозность, но и

ущемление религиозной жизни тоже нигде, как правило, не поощряется, а значит, даже к первой части Декалога, к первым пяти заповедям, отношение у большинства людей сегодня скорее позитивное. Что же касается второй части, то тут всё настолько очевидно, что эти заповеди даже прямо называются порой общечеловеческими (хотя история человечества свидетельствует скорее об обратном, если исходить не из деклараций, а из практики). Однако любой кодекс (вернее, следование ему) всегда предполагает внешние ограничения. В случае кодекса юридического это вполне очевидно, тут речь идёт о принуждении закона, но и в случае кодекса морального ситуация кардинально не отличается: разница лишь в том, что если закон связывает человека извне, то моральные обязательства связывают его изнутри, и в первом случае это делают по отношению к человеку другие (представители закона), а во втором – сам человек по отношению к себе. Природа человека во всяком случае противоречит требованиям, и её приходится ограничивать, или самому человеку (мораль), или другим (закон). Внутренний же императив не принуждает человека вопреки его собственной природе, он действует изнутри, из глубины человеческого «я», или, говоря библейским языком, из глубины сердца. Пророк Иеремия именно в этом смысле говорит, что новый, мессианский союз-завет будет основан на Торе, написанной в сердце человека, а не просто выбитой на камне (Иер 31:31–32). Каждому поступку человека предшествует намерение, интенция, направленная к совершению этого поступка (то, что в библейских книгах называется иногда «помыслами»). Чаще всего с помыслами, исходящими из сердца,

приходится бороться (если в том есть необходимость) уже тогда, когда они превратились в сформировавшееся намерение, и тогда бороться с ними трудно. Если же заповеди Декалога для человека становятся внутренним императивом, они действуют там же, где зарождаются помыслы, и тогда те зарождающиеся интенции, которые противоречат заповедям, можно пресечь ещё при их зарождении. На этом этапе избавиться от ненужных помыслов-интенций куда проще, чем позже, когда они уже сформировались.

Сказанное Иеремией было по-настоящему услышано только после плена, во времена Второго Храма. Именно тогда, уже в раввинистический период яхвистской истории, когда эпоха великих пророков ушла в прошлое, наступило время осмысления пророческих откровений. В это время, в иудаизме эпохи Второго Храма, формируются те представления о духовной жизни, которые определили, между прочим, и духовность первых христианских поколений, живших в лоне иудео-христианской традиции. Частью этих представлений стала практика, получившая название внутренней Торы. В основе её лежала та самая работа с интенциями (или помыслами, говоря библейским языком), без которой, как стало ясно всем, интересовавшимся духовной жизнью всерьёз, исполнить заповеди по-настоящему невозможно. Конечно, практика эта не сводилась только к самоуглублению; тут предполагалась и непрерывная молитва, которая была известна иудаизму времён Второго Храма, и созерцательное, или медитативное, чтение священных текстов, когда текст в процессе чтения не анализируется, как это бывает обычно, а воспринимается непосредственно-цельно, без анализа и рефлексии, так, чтобы Бог Сам

мог открыть читающему Своё слово. Все эти практики отошли на второй план в иудаизме раннего Средневековья, став частью традиции каббалистических школ. Однако можно думать, что во времена Второго Храма они не воспринимались как нечто эзотерическое или магическое и были достоянием духовных школ той эпохи. Более того: ближе к концу её сформировался даже идеал праведника как «живой Торы», как такого человека, чья жизнь определялась только внутренней Торой, и ничем другим. Конечно, идеал оставался недостижимым, но он вдохновил искателей праведности.

Одним из таких искателей был, между прочим, и будущий апостол Павел, а в пору своих исканий ещё не Павел и не апостол, а Шауль, ученик Гамалиэля. Свой путь он описывает предельно честно и откровенно в Послании к Римлянам (Рим 7:5–24). Праведность оказалась недостижима без Христа, и только встреча с Воскресшим на Дамасской дороге открыла искателю путь к полноте праведности и – вместе с ней – к полноте жизни. И такое развитие событий, конечно, не случайно: ведь и Сам Иисус в Нагорной проповеди прямо указывает на путь внутренней Торы как на путь, ведущий в Царство. Именно здесь Он приравнивает ненависть к убийству, а вожделение к прелюбодеянию (Мф 5:21–22; 27–28). Такое приравнивание сформировавшегося намерения, интенции к поступку и было основой практики внутренней Торы, как видно, необходимой человеку как часть духовного пути, ведущего в Царство. Более того: о Себе Он прямо говорит, как о живой Торе (Мф 5:17). Говоря, что Он пришёл не для того, чтобы разрушить Тору, но для того, чтобы довести её до полноты, Иисус, разумеется, не имел в виду никаких

письменных дополнений к уже существующей Торе. Он не собирался дописывать Тору. Он Сам стал живой Торой, явив миру Её полноту. Собственно, вся первохристианская (а значит, иудео-христианская) духовность была связана с пониманием пути христианина как его становления во Христе, целью и венцом которого была именно живая Тора. Так Тора связала воедино оба заповета, став тем стержнем, вокруг которого складывается история Откровения. Начинается же всё – сущностно и исторически – с десяти заповедей, с Декалога.

Школа молитвы

Для адекватного, соответствующего авторскому замыслу, восприятия текста Декалога важно иметь в виду, что это не просто перечисление некоторых пунктов кодекса, а цельное литературное произведение со своей структурой. При этом необходимо учитывать, что первая часть Декалога (т.е. текст первых пяти заповедей) представляет собой комментированный текст, где заповедь сопровождается текстом комментария, написанного, как правило, достаточно рано, ещё до Вавилонского пленя. Такие комментарии хорошо различимы в тексте заповеди, они вводятся в текст еврейскими союзами *ки* («так как», «потому что») или *ле маан* («для того, чтобы»). По-видимому, здесь перед нами результат творчества тех, кого в допланные времена называли мудрецами. Эти люди были носителями письменной культурной традиции, связанной, между прочим, и со священными текстами тоже, включая тексты Торы. Они были предшественниками тех, кого после пленя стали называть книжниками, знатоками и учителями

Торы, упомянутыми в том числе и в Евангелии. В этой среде, конечно, встречались очень разные люди, и не все из них были духовно добросовестными, но лучшие их представители внесли свой вклад в традицию, связанную с Торой и её осмысливанием.

По-видимому, ещё до плена авторы из числа мудрецов обратили внимание на то, что, по крайней мере, первая часть Декалога обладает смыслом, не сводимым лишь к буквальному пониманию соответствующих заповедей. Что касается текста заповедей как таковых, то тут структурно выделяются две заповеди: первая и десятая, первая и последняя. Текст как первой, так и последней заповеди представляет собой сложное предложение – в отличие от текста остальных восьми заповедей – там все предложения являются простыми (если, конечно, говорить о самих заповедях, а не об упомянутых выше комментариях к ним). Очевидно, именно первая и десятая заповеди представляют собой своего рода смысловой центр Декалога. Вернее, впрочем, было бы сказать, что они представляют собой смысловые центры первой и второй его части – ведь Декалог достаточно очевидным образом делится на две части, каждая из которых включает в себя пять заповедей. По-видимому, предание о двух небольших каменных плитах (их называют иногда старославянским словом «скрижали») отражает древность такого восприятия текста Декалога: он, если следовать этому преданию, с самого начала был разделён на две части, причём, как видно, в первой части Декалога, главную роль играла первая заповедь из пяти, а во второй – заключительная, пятая (или десятая, если брать текст Декалога в целом).

Если исходить из такой структуры Декалога, главной, как видно, надо считать первую заповедь. «Я Яхве, Бог твой, выведший тебя из земли Египта, из дома рабства; да не будет у тебя других богов, кроме Меня» – так звучит она в современном русском переводе (*перевод текста заповедей здесь и далее мой – В. С.*). «Перед лицом Моим» Синодального перевода – калька с библейского иврита, как раз и означающая «кроме Меня». Буквальный смысл первой заповеди сводится к запрету для всякого яхвиста (равно как и для представителя любой авраамической традиции – иудея, христианина, мусульманина) участия в любых языческих культурах, религиозных обрядах и церемониях. Однако такое неучастие само по себе ещё не делает человека монотеистом в библейском понимании этого слова. Первая заповедь не случайно начинается не с запрета, а с провозвестия, которое можно считать фактически ветхозаветной благой вестью: Бог открывается человеку и выводит его из той земли, где он был рабом, на свободу, где рабства уже не будет. Свобода эта прямо и непосредственно связана с Богом, а также с теми отношениями, которые устанавливаются у человека с Ним, если он откликается на Божий призыв. В таком случае соблюдение первой заповеди требует от человека непрерывного внутреннего предстояния Богу, без которого богообщение не будет устойчивым. Как же возможно такое предстояние? Для ответа на этот вопрос необходимо вспомнить, что Бог с самого начала создал человека как единство двух начал, духовного и природного. При сотворении из «земной пыли» Бог «вдувает» человеку «в ноздри» (именно так дословно звучит еврейский текст) «дыхание жизни», которое, собственно,

и делает его человеком, образом Божьим (Быт 2:7). Сам человек назван в этом тексте «живой душой». При этом важно иметь в виду, что ни «душа», как она понимается в библейских книгах, ни упомянутое в рассказе о сотворении человека «дыхание жизни» не являются чем-то статичным: это динамика, процесс. Человек рождается на пересечении двух потоков, природного («душа живая») и духовного («дыхание жизни»), существуя как их единство, установленное Богом в момент создания человека. При этом человеческая природа, согласно Божьему замыслу, должна была существовать в духовной среде, внутри «дыхания жизни», которое и должно было эту природу одухотворять. Такое одухотворение природы и подразумевается известным выражением «духовная жизнь»: человеческая жизнь становится и является духовной лишь тогда, когда она протекает внутри данного человеку Богом «дыхания жизни». Можно было бы сказать, что человек с самого начала был создан для богообщения и для предстояния Богу.

При этом важно иметь в виду, что Бог создаёт человека свободным, способным выбирать существом. Ни богообщение, ни предстояние Богу не было для человека предопределено; это была лишь возможность, которой человек волен был или воспользоваться, или отвергнуть её и даже вовсе о ней забыть. На первый взгляд такая ситуация кажется парадоксальной: ведь и сама возможность выбирать, и наличие у человека того, что делает выбор реальным – свободной воли, связанны с «дыханием жизни», без которого человек ничем не отличался бы от любого другого живого существа, от высших животных, у которых есть всё, что есть и

у человека, кроме этого дыхания, представляющего собой, по сути, не что иное, как данную человеку непрерывную внутреннюю теофанию: ведь «дыхание жизни» принадлежит Богу и является формой и способом Его присутствия в жизни человека, присутствия, данного каждому и способного полностью изменить жизнь человека и его природу. И, однако, Бог предоставляет самому человеку определить меру собственного участия в Божьей жизни, или, вернее, меру Божьего участия в своей, человеческой жизни. Именно выбор человека, его собственный волевой акт, связанный с этим выбором, определяет, в какой мере Бог и Его действие определит его жизнь, и даже то, будет ли вообще Бог в этой жизни участвовать. Падший человек, к примеру, может жить так, как будто никакого Божьего присутствия, никакого «дыхания жизни» в нём нет, и Бог принимает даже такой выбор, не навязывая Себя; но тогда, само собой понятно, ни о богообщении, ни о внутреннем предстоянии говорить не приходится. Именно от воли человека зависит мера одухотворённости его жизни: обращаясь к Богу, человек уже самым фактом такого обращения (если, разумеется, оно искреннее) открывает Богу доступ в свою душу и в свою жизнь. Тогда вместе с Богом в душу человека (а затем и в его тело) проникает и Божье «дыхание жизни», создавая для человека ту среду, внутри которой возможно не только полноценное богообщение, но и полноценная жизнь во всех её проявлениях, кроме, разумеется, тех, которые несовместимы с Божиим присутствием. Такую жизнь только и можно назвать духовной в настоящем смысле слова: теперь Божье дыхание действительно сопровождает человека, одухотворяя его. Мы сегодня духовной

жизнью нередко называем не саму эту жизнь как таковую, а то, что мы слышим или читаем о ней, и эта ошибка нередко дорого обходится ищущим: такая подмена была бы похожа на то, как если бы мы, вместо того чтобы дышать, попробовали бы обойтись чтением книг о методиках правильного дыхания.

В таком случае оказывается, что главную роль в духовной жизни человека и в соблюдении им первой заповеди играет его воля и его выбор: выбирая Бога и данное Им «дыхание жизни», выбравший тем самым выбирает и непрерывное предстояние Богу, и постоянное общение с Ним, а значит – в пределе – и полноту Царства. В другом случае, выбирая вместо Бога, открывающегося человеку в глубине его души, нечто иное, выбравший оказывается в мире неподлинного, в мире, куда не проникает Божье дыхание, в мире теней, иногда кажущихся настоящими, но не обладающими жизнью. Что же увлекает человека в мир иллюзии, в мир теней? И как этого избежать? На заданные вопросы отвечает вторая заповедь. «Не делай себе статуй и никаких изображений того, что на небе вверху, и того, что на земле внизу, и того, что в воде под землёй» – так звучит она. В комментарии же к заповеди мы читаем о том, что Бог ревнив, что Он наказывает детей за вину отцов до третьего и четвёртого поколения, если Его не-навидят; но Он же готов даровать милосердие до тысячи поколений тем, кто Его любит и соблюдает Его повеления. Что касается комментария, то он, как видно, имеет в виду не только отдельного человека, но и целые человеческие сообщества или даже весь народ, которому была дарована Тора. Тут всегда существует социальная и психологическая инерция, так, что народ,

пренебрегавший заповедями и нарушаящий Тору в одном поколении, нередко создаёт проблемы не только себе, но и своим потомкам, которым приходится расхлёбывать последствия выбора своих отцов. Верно, впрочем, и обратное: Бог дарует милосердие потомкам за выбор отцов, и, учитывая сколь велика продолжительность последствий в обоих случаях, Он явно старается минимизировать последствия неправильного выбора отцов для их детей. В самом деле, три или четыре поколения с точки зрения истории почти ничто по сравнению с тысячей поколений. Но, как бы то ни было, здесь речь идёт о больших массах людей, о целых народах и их исторических судьбах, а Бог работает прежде всего с отдельными, конкретными людьми – ведь образ Божий, как и богоподобие, существуют лишь в конкретной личности – как её личностная особенность. Никакой коллектив не способен к духовной жизни, как не способен он и к праведности – коллективным может быть лишь грех. Даже община представляет собой прежде всего сообщество личностей, каждая из которых имеет свой опыт богообщения и свою, данную именно ей Богом жизнь в отношениях с Ним, и соединяет общину воедино не коллективная духовная жизнь, которой не может быть по определению, а единство предстояния и пути.

Что касается самой заповеди, то она, как и все заповеди, обращена прежде всего к конкретному человеку. Понятая буквально, она запрещает любые изображения Единого, даже символические или аллегорические – ведь символы и аллегории слишком часто заслоняют собой то, что символизируют или то, с чем ассоциируются. И дело тут даже не в том, что не все аллегории

уместны или не все символы адекватны – об адекватности символики в данном случае приходится говорить с известными допущениями, а спорить об уместности аллегорий так же бессмысленно, как о правильности художественного восприятия. Дело в том, что все такие символы или аллегории являются плодом человеческого ума или воображения, произведением человеческой психики, а значит, человеческой природы. Быть может, не будь человек падшим, порождения его психики и были бы адекватны открывающимся ему духовным реалиям, но в наличном состоянии ждать от них адекватности, увы, не приходится. Подлинный духовный опыт переживаем лишь в непосредственном внутреннем откровении, которое глубже любых порождений психики, и потому бесполезно пытаться как-то изобразить Бога, даже реально пережитого в опыте внутренней теофании. Единственное, что могут дать такие попытки – это отвлечь человека от опыта, как такового, в мир собственных фантазий, интеллектуальных или художественных. Иногда такие фантазии могут подтолкнуть человека к поиску, и тогда они полезны, но человека, уже вставшего на духовный путь, они могут лишь отвлекать от главного. Можно, конечно, изображать и описывать окружающий человека тварный мир, так же как можно и изучать его, но не стоит переносить методы и формы, связанные с изображением или изучением тварного мира, на опыт общения с Творцом. Вторая заповедь не запрещает изображений вообще (такие крайние интерпретации встречаются), но священные изображения она запрещает точно. К тому же здесь нередко возникает и опасность иного рода, связанная с отношением человека к изображаемому или

даже воспринимаемому им. В Синодальном переводе статуи названы кумирами – не в современном, а в архаичном, старославянском значении этого слова, обозначающего в старославянском именно статую; но было бы правильно прочитать эту заповедь, имея в виду кумиры и в современном смысле слова тоже. Если у человека возникают те или иные ассоциации с чем-то как с «божественным», с чем-то таким, что представляет собой для него абсолютную ценность (пусть даже из-за своих ассоциаций с Богом), то воля человека неизбежно переориентируется на это что-то, которое становится центром и смыслом всей жизни, делаясь тем евангельским сокровищем, которое определяет, где пребывает сердце человека. А ведь на библейском языке сердце – это средоточие, ядро человеческой личности, оно должно быть там, где данное человеку Богом «дыхание жизни», и, если оно оказывается не там, а где-то ещё, неизбежны серьёзные духовные проблемы, связанные с глубинной личностной деформацией.

Где же источник этих, по-современному выражаясь, кумиров? Ответ очевиден: на небе вверху, на земле внизу и в воде под землёй. Понятным этот ответ становится, если вспомнить, что священные статуи и изображения во времена Моисея обычно изображали не людей (эта традиция появилась позднее), а нечто из окружающего мира, обычно нечеловеческой природы. Если говорить о небе, то тут речь идёт прежде всего о так называемых астральных культурах, о поклонении солнцу, луне, звёздам, да и вообще о том, что можно было бы назвать религиозным космизмом, о поклонении космосу, вечному, неизменному и стройному в своём движении. Можно было бы в этом контексте говорить

и о поклонении космическим законам, которые как таковые суть абстракция, связанная с теми моделями реальности, которые предлагала в древности философия, а в новое время и наука. Между тем мир – не набор законов, это пульсация энергий, тварных и нетварных, за которыми стоит Божье дыхание, обычно называемое Святым Духом. Вот эта жизнь действительно реальна, а любые модели, её описывающие, – всего лишь схемы, такое же произведение человеческого ума и воображения, как любая схема. Между тем поклонение схемам, теориям и абстракциям, идеям и конструкциям, из них вырастающим, представляет собой давний и мощный источник разного рода кумиров. Конечно, не все такие схемы и идеи овладевают умами, превращаясь в популярные мифы или даже государственные идеологии, но все они надёжно заслоняют от человека реального, живого Бога, особенно если в предлагаемой философской или богословской схеме находится место для идеи или образа Бога, созданных человеком. С тем, что на земле, проще: боги земли – это боги плодородия, деторождения, торговли (точнее, коммерческого успеха), войны (вернее, военных побед). Алтари, правда, на протяжении столетий тут менялись не раз, но едва ли кто-нибудь сегодня решится утверждать, что самим этим богам больше не поклоняются. Что касается подземных вод, то с ними (и с нижним миром, с которым они ассоциируются) издревле связывались разные виды темной духовности, от самых примитивных до весьма рафинированных, включающих спиритизм, медиумизм и прочее, что со временем нашло себе место в оккультных практиках. Всё это действительно порой заслоняет подлинную духовную жизнь, и вряд ли

найдётся в истории человечества эпоха, когда ничего такого в его жизни не было. Как видно, кумиры человечества на протяжении его истории остаются всё теми же, так, что и вторая заповедь по-прежнему является актуальной.

Что же может помочь человеку избавиться от кумиров в своей жизни? Ответ на этот вопрос содержит третья заповедь. Звучит она так: «Не произноси имени Яхве, Бога твоего, попусту». Иногда в переводах вместо «попусту» появляется архаичное славянское «всye», как в Синодальном переводе, но сути дела этот «высокий штиль» не меняет. Буквальное понимание этой заповеди запрещает кощунство и богохульство, требуя, чтобы священное имя (речь идёт об имени «яхве», открытом Моисею) не употреблялось в неподобающем контексте. Это, между прочим, привело к известному историко-религиозному курьёзу с полным отказом в иудейской традиции от употребления имени «яхве», как на письме, так и в устной речи (на мысленное призывание этого имени запрет, однако, не распространился), так, что его стали заменять обычно словом «Господь». Решение было кардинальным: если не произносить священного имени вовсе, то, конечно, и попусту его произнести никак не получится. Ясно, однако, что дело тут не только во внешнем контексте, но и в том, насколько совпадают при призовании священного имени слово и внутреннее состояние. В самом деле: если на словах имя Божье, а в душе и в сердце то, что в литургической практике называют иногда «житейскими попечениями», то заповедь, очевидно, окажется нарушенной, хотя бы все слова и оставались вполне благочестивыми. Молитва – прежде всего состояние воли, а не слова, которые при

этом произносятся. Воля, обращённая к Богу, открывает путь Божьему «дыханию жизни» в глубины человеческой души, позволяя ему менять природу человека, одухотворяя её. Такая перемена очищает человека, о чём и свидетельствует комментарий к третьей заповеди, который говорит о том, что Яхве не очистит того, кто произносит Его имя попусту. В переводах нередко соответствующее еврейское слово переводится как «не оставит ненаказанным», хотя в Септуагинте оно передано именно как «не очистит». Надо заметить, что в еврейском «наказание» и «очищение» – слова однокоренные, так что, вероятно, оба варианта допустимы. Как видно, если обращаться к Богу по имени и произносить его не попусту и не легкомысленно, Бог может очистить человека, освящая его и избавляя от грехов и их последствий.

В таком случае можно было бы сказать, что полноценное исполнение третьей заповеди требует от человека того, что в православной аскетической литературе называют иногда «чистой молитвой». О какой же чистоте здесь идёт речь? Безгрешных людей после падения на земле нет, и если бы требование было таким, то молиться вообще было бы невозможно никому, кроме Самого Спасителя. Да и об очищении в процессе молитвы в таком случае говорить не имело бы смысла: ведь человек тогда должен был бы начинать молиться, предварительно очистившись от всех грехов. Но такое очищение своими силами для падшего человека, к сожалению, невозможно, и Бог ничего подобного от нас не требует. Чистота молитвы заключается в другом. Дело сводится к тому, чтобы во время молитвы в нашей душе не было никаких мыслей, образов и представлений,

связанных с Богом. В идеале психика во время молитвы должна молчать и слушать, что Бог хочет сказать человеку в ответ на его к Нему обращение. Вот тогда в душе не будет появляться никаких кумиров: ведь все они являются в конечном счёте не чем иным, как результатом активности человеческой психики. Душа должна собраться, сосредоточиться вокруг воли, обращённой к Богу. Не случайно одной из самых ранних форм молитвы было призывание священных имён, открывавшихся Богом человеку ещё в эпоху Авраама. Имя «яхве», правда, было открыто позже, но сути дела это не меняет. Такое непрерывное внутреннее (мысленное) повторение священных имён или коротких молитвенных формул, их содержащих, было повсеместной молитвенной практикой, знакомой всем авраамическим традициям. Подобного рода молитва с большой долей вероятности позволяет избавиться от мыслей, эмоций и прочих психических переживаний, обычно мешающих молитве, причём краткая молитвенная формула, как правило, вытесняет из поля сознания всё, что может помешать. Конечно, тут важно, чтобы постоянное повторение молитвы не стало своего рода внутренней «вещью в себе», иначе есть опасность впасть в обычный религиозный транс, который нередко сопровождает молитву как индивидуальную, так и коллективную. От молитвы транс отличается тем, что он, как правило, остаётся неосознанным или полуосознанным, так, что во время молитвы человек обычно как бы спит, а впоследствии не помнит, что именно тогда происходило, вспоминая лишь, что ему было «хорошо». Такой транс может иногда подменять собой молитву, и на душу он влияет отрицательно.

Тут требуются некоторые пояснения о сути того духовного процесса, который мы обычно называем молитвой. Чаще всего, говоря о молитве, мы имеем в виду не её собственно, а те слова, которые молитву сопровождают и которые вернее было бы назвать молитвословием. На самом же деле молитва, как уже было сказано выше, – это состояние воли, обращённой к Богу, и она совсем не обязательно должна сопровождаться какими-то словами. Слова во время молитвы – всего лишь вспомогательное средство, помогающее нам с молитвой как таковой. Они позволяют нам сосредоточиться на том, чего мы (особенно в начале нашего пути) не можем ни увидеть, ни ощутить. Конечно, мы всегда можем попробовать найти себя настоящих, внутренне отстранив от себя то, что совершенно точно нами не является. Найти это легко: если мы можем назвать что-то «нашим», значит, это точно не мы. Нетрудно понять, что я – это не только не мои вещи или не моя одежда, но что это также и не мои чувства, и не мои мысли. Конечно, человек – существо духовно-природное, и разделение тут неуместно, но различать в себе самом себя и своё совершенно необходимо, иначе мы неизбежно будем путать собственную психику и её проявления с Божьими откровениями. Внутренне отстранив от себя всё, что не является мною самим, т.е. свою природу, я остаюсь как бы в пустоте, поначалу совершенно непонятной и непривычной. Именно тут, однако, и можно встретить Бога, открывающегося нам в глубине нашего сердца, а с этой встречи и начинается собственно духовная жизнь. Здесь воля является сама собой, раскрывая свою духовную природу, и отсюда возможно беспрепятственное обращение к Богу, потому, что тут ему

ничто не будет мешать. Найдя себя настоящих, мы находим вместе с тем и точку подлинного богообщения. Если не оставлять внутреннюю молитву (а в идеале она становится непрерывной), эта точка растёт и расширяется, превращаясь во внутреннее пространство, и тогда в богообщение постепенно начинает включаться и природа, вначале душевная, психическая, а затем и телесная, пока наконец (в идеале) человек не становится живым вместилищем Святого Духа, того Божьего дыхания, которое в конце времён преобразит всё творение. В этом заключается суть подлинной молитвы, и таков её плод.

Конечно, достигается эта цель не сразу. Для её достижения нужен устойчивый навык непрерывной молитвы, а на его выработку требуется время. Что же может помочь обрести такой навык? Ответ на этот вопрос содержит четвёртая заповедь, заповедь о шаббате. Звучит она так: «Помни день шаббата для освящения его». Далее следует пространный комментарий, объясняющий, о чём идёт речь. Человеку, следующему Торе, предписано чередовать дни: на шесть обычных, рабочих, посвящённых повседневным делам должен приходиться один особенный, выделенный и посвящённый Богу. «Освятить» по-еврейски и означает буквально «выделить», «отделить». У нас сегодня шаббат ассоциируется прежде всего с иудаизмом и с системой иудейских религиозных запретов, связанных с ограничениями шаббата. Между тем речь идёт здесь о яхвистском, а значит, об общеавраамическом предписании. Заповедь шаббата для христиан важна не меньше, чем для иудеев, хотя подходить к ней, конечно, имеет смысл менее формально, чем это принято в иудаизме. Однако даже

в иудаизме применительно к шаббату надо говорить не только о ритуальных запретах. Так, в частности, правила иудаизма предписывают в этот день не только воздерживаться от работы и от повседневных дел, они запрещают в шаббат говорить о работе и о повседневных делах и даже думать о них. В шаббат надо просто «выпасть» из повседневной текучки, которая так легко захватывает человека, особенно если он мало или вовсе не думает о духовной жизни. Между тем текучка, суeta существует не только на поверхности, на уровне внешней активности. Она захватывает душу и волю, наполняет сердце, «зашумляет» его, не оставляя в нём места для молитвы. Шаббат как день, посвящённый Богу, и становится началом противостояния этому непрерывному, непрекращающемуся внутреннему шуму.

Речь в данном случае идёт, собственно, о воле, точнее, об интенциях, ею порождаемых. Интенция и есть воля, обращённая к тому или иному объекту, внешнему (физическому) или внутреннему (психическому), с которым она сливаются воедино. Будь то восприятие, мысль, слово, поступок, сделанный выбор – всему этому предшествует интенция, сформировавшееся намерение, осознанное и осмысленное. Оно присутствует во всяком случае, вопрос лишь в том, осознаёт ли его человек или нет. В первом случае он оказывается в состоянии управлять своей волей и своими интенциями, направляя их туда, куда считает нужным; во втором его интенции живут своей жизнью, и тогда уже они управляют человеком, а не человек ими. Образно говоря, в первом случае человек живёт, во втором ему живётся, причём живётся так, что живущий оказывается не в состоянии ничего изменить. В первом случае человек сам

определяет алгоритм своего взаимодействия с окружающим, во втором окружающее берёт его в плен. Находясь под властью окружающих его объектов, человек, разумеется, не может ни молиться, ни принимать свободные решения, ни воспринимать сколько-нибудь адекватно окружающее, ведь его воля не свободна, она связана тем, с чем соприкасается, оказываясь под властью каждого впечатления, каждой мысли или чувства, каждого психического состояния – словом, всего, что приходится переживать. Для того, чтобы не попадать под власть внешних объектов и впечатлений, необходимо отчётливое переживание себя в том смысле, в каком мы говорили о себе настоящих выше, и своей воли как источника всякого сознательного духовного проявления. Необходима внутренняя отстранённость от собственных восприятий, переживаний, мыслей, чувств, психических состояний, от собственных мыслей, слов и поступков. В самом деле: мои восприятия, мысли, чувства, психические состояния – не я, это нечто мне принадлежащее, и надо научиться отличать себя от них так же, как от своих вещей и от своего тела. То же касается мыслей, слов и поступков: всё перечисленное остаётся моим лишь до тех пор, пока оно определяется действием моей воли. Пока я произношу нечто, моё слово едино со мной; когда я его произнёс, оно живёт уже своей жизнью, продолжая быть моим по происхождению, но уже не являясь больше частью меня. То же касается мыслей, решений, поступков: всё это остаётся частью меня, пока совершается мною, и начинает жить своей, отдельной от меня жизнью, будучи сформировано, сформулировано и отпущено в собственное своё существование. Воля и осознание себя

во всяком случае должны оставаться свободными и отчётливыми.

Вот этому всему и научает человека опыт внутренней тишины, соблюдения которой требует четвёртая заповедь. Понятая буквально, она предполагает необходимость освобождения от повседневных занятий каждого седьмого дня (какой именно день считать первым, а какой седьмым – вопрос конкретного календаря). Однако мало только отказаться в этот день от повседневных занятий и от работы: надо ещё провести его в той самой внутренней тишине, в тишине Божьего присутствия. Так легче пережить реальность собственной воли и своих интенций, легче найти себя настоящего, а значит, легче понять, что такое чистая молитва. Разумеется, практика шаббата – лишь начало, со временем состояние, свойственное душе и сердцу в этот день, станет устойчивым и повседневным.

Школа молитвы постепенно находит человека непрерывному внутреннему предстоянию, тому собственно, чего и требует от человека первая заповедь. Не случайно в пространых комментариях к четвёртой заповеди, во второзаконническом их варианте, шаббат объясняется тем, что именно в этот день Бог вывел Свой народ из Египта. Через этот комментарий четвёртая заповедь связывается с первой, и первые четыре заповеди образуют таким образом единую литературную композицию, посвящённую основам духовной жизни и описанию того, как может человек выстроить свои отношения с Богом. А вот следующая, пятая заповедь как бы выводит человека в жизнь. «Чти отца своего и мать свою» – так звучит она, а комментарий добавляет: «чтобы продлились дни твои на земле, которую Яхве,

Бог твой, даёт тебе». Буквальный смысл этой заповеди понятен: он требует уважительного отношения к родителям. Во времена Моисея, однако, в дни, когда заповеди были даны, семья (вернее, большой патриархальный род) была для большинства не только семьёй, но и обществом, и религиозной общиной, и требование уважительного отношения к родителям (и, шире, к предкам) было вместе с тем требованием уважения ко всякой традиции, не только семейной, но и общественной (мы сегодня сказали бы национальной), и религиозной.

Как же связаны первые четыре заповеди с пятой? Даже если речь идёт о традиции в широком смысле, о традиции не только родовой или семейной, но и национальной, и религиозной, что общего это имеет с той школой молитвы, о которой говорится в четырёх первых заповедях? Для ответа на заданный вопрос важно понять, что такое традиция и как она формируется. Чаще всего под традицией понимают те или иные сложившиеся достаточно давно и устоявшиеся формы родового, национального или религиозного быта. Между тем подлинная Традиция, Традиция с большой буквы никогда не сводится к одной лишь форме. Такая Традиция предполагает прежде всего опыт, опыт духовный, связанный с тем или иным путём, который оживает лишь тогда, когда пытаешься им идти. Типичный тому пример из религиозной жизни – путь паломника. Можно долго читать и изучать карты, путеводители и свидетельства паломников, от Средних веков до наших дней, но оживёт путь паломника лишь для того, кто сам отправится в дорогу. Тогда паломническая традиция для отправившегося в путь станет вполне реальной, и сам путник окажется частью традиции, станет

паломником, чьё свидетельство дополнит слова тех, кто прошёл тем же путём до него. До тех же пор ни о какой включённости в традицию говорить не приходится: изучение карт и чтение чужих свидетельств сути пути не открывают и к традиции не приобщают. Всё это позволяет узнать о пути, но приобщиться к Традиции означает узнать сам путь, и узнать его не по текстам, а по личному опыту. То же касается и Пути с большой буквы (а традиция – любая, и тем более христианская – является таким Путём): узнать её можно лишь на практике, а для этого необходимо научиться ходить, научиться тому, чему учат первые четыре заповеди. Только живой носитель Традиции в состоянии понять и её, и любую традицию с маленькой буквы, будь то традиция семейная, национальная или религиозная. Отношение к такой традиции является, между прочим, одним из критериев духовного состояния человека: как огульное отрицание традиции, так и слепое поклонение всякой её форме равно свидетельствуют о том, что духовного различия человеку явно не хватает.

Путь жизни

Как мы уже видели, пятая заповедь возвращает человека в мир из уединения, которое необходимо для того, чтобы научиться духовной жизни. Школа окончена, впереди жизненный путь, и теперь всё, чему удалось научиться, придётся применить на практике. Именно этому жизненному пути и посвящена вторая часть Декалога, заповеди с шестой по десятую. Интересно отметить, что они остались без комментариев, которых так много в первой части Декалога. Вероятно, вторые

пять заповедей были осмыслены как описание духовного пути лишь после плены, когда текст Пятикнижия был завершён, и внесение изменений в него уже было невозможно. Теперь возможны были лишь комментарии к тексту, в книгу не входящие, в формате дополнительных писаний. Они и существовали именно таким образом, будь то сборники афоризмов, из которых составлена Книга Притчей, или мидраши, впоследствии вошедшие в состав Талмуда. Здесь мудрость становится уже опытом богообщения и навыком праведности, без которого никакое богообщение невозможно. Именно теперь, когда катастрофа, о которой предупреждал Иеремия, уже случилась и даже осталась в прошлом, были осмыслены упоминаемые нами выше слова пророка о Торе, написанной в сердце. После плены из этого пророческого откровения выросла целая традиция, связанная с представлением о внутренней Торе, о Торе как о духовном пути, на котором человеку, ищущему Бога и праведной жизни, необходимо будет вырастить в себе с Божьей помощью тот внутренний духовный стержень, вокруг которого будет строиться и на котором будет держаться его личность и его жизнь. Вторая часть Декалога как раз и описывает этот процесс, требуя от человека соблюдения заповедей, без которого никакой духовный стержень у него не появится. Конечно, разделение на школу и жизнь тут всё же условно и относительно. Формирование базовых навыков, таких, как навык внутреннего собирания, непрерывной молитвы и медитативного чтения священных текстов – необходимое начало всякого духовного пути, та основа, без которой он вообще невозможен. Можно, образно говоря, избрать спортивную карьеру фигуриста, хоккеиста

или конькобежца, но во всяком случае для начала придётся научиться стоять на коньках. Однако и впоследствии, уже твёрдо стоя на избранном духовном пути, навыки придётся совершенствовать, тем более, что и духовные задачи, встающие перед идущим, неизбежно будут усложняться.

Как уже было сказано, вторые пять заповедей итожит пятая, или десятая, если рассматривать весь Декалог в целом. Звучит она так: «Не желай дома ближнего своего; не желай жены ближнего своего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего». Иногда эту заповедь кратко формулируют как «Не пожелай», предполагая, что ближайший её смысл связан с запретом зависти. Отчасти это так, но надо иметь в виду, что зависть – не просто чувство, это состояние души и духа, разрушительное для человека. Попутно заметим, что зависть – не просто, говоря библейским языком, желание иметь такой же дом, как у соседа; это желание иметь именно соседский дом, одновременно избавившись от того, кому он принадлежит. В смягчённом варианте это желание иметь такой же дом, как у соседа, не потому, что он подходит именно мне и что мне было бы удобно в таком доме жить, а потому, что у соседа дом именно такой и, значит, у меня должен быть как минимум «не хуже». При этом важно иметь в виду, что дом в Библии больше, чем просто жильё, это прежде всего семья и, значит, пространство семейных отношений, в первую очередь отношений между супругами. О доме говорит и пятая заповедь, но здесь речь идёт о большом патриархальном роде, об отношениях детей с родителями; десятая же заповедь имеет в виду дом как пространство

отношений внутри малой семьи, основу которой составляет супружеская пара и, соответственно, отношения между мужем и женой. Получается, что завистник завидует именно этим отношениям, желая себе не просто чужого жилища, но и чужой жизни. Конечно, далеко не каждый, испытывающий зависть к чему-то или к кому-то, отдаёт себе отчёт в том, чего он на самом деле хочет. Чаще всего завистник связывает своё желание с чем-то вполне материальным, не претендуя на большее: с чужим имуществом, положением в обществе, умом, талантами, иногда даже с тем, что он считает «духовными достижениями» того, кому завидует. Нередко, однако, бывает так, что, заполучив желаемое (если это возможно и если это удаётся), завистник испытывает разочарование: полученное не приносит ожидаемого удовлетворения, и приходится искать чего-то иного, чтобы удовлетворить своё ненасытное чувство зависти. Впрочем, возможна и ситуация, когда завидуют именно чужому семейному счастью: каждому ведь хочется быть счастливым, но не каждый готов приложить усилия к тому, чтобы создать свою счастье (в данном случае к тому, чтобы создать собственную семью и сделать её счастливой). Главная проблема тут заключается даже не в том, что завистник вполне может разрушить чужую жизнь (или хотя бы попытаться это сделать), а в том, что, желая чужой жизни, он отказывается выстраивать свою, а значит, отказывается и от возможных для него отношений с Богом – они ведь возможны для каждого лишь в собственной жизни, но никак не в жизни соседа. Чужой жизни не проживёшь, каждому дана лишь своя.

Отчего же возникает у человека желание чужой жизни и что заставляет его фактически отказаться от своей собственной? На первый взгляд, тут достаточно простой лени, желания воспользоваться плодами чужой жизни, получив их без труда и усилий. Однако ведь и лень имеет свои причины, и главная заключается в том, что человек нередко лишает себя той духовной основы, того фундамента, на котором только и можно выстроить полноценную личность. Нам уже приходилось говорить о том, как рождаются в душе человека кумиры, о том, как центр личности смещается оттуда, где ему определено быть Богом, на периферию, туда, где человек помещает своё, говоря евангельским языком, «сокровище». Тут уже неважно, чем именно пытается человек заменить то, что ничем заменить невозможно – Божье «дыхание жизни», оживотворяющее и одухотворяющее человеческую природу. Что бы это ни было, «дыхания жизни» оно не заменит. И всё же человек свободен в своём выборе, и Бог не стесняет его свободы: кто хочет жить не Божьим дыханием, а чем-то другим, волен жить так, как ему нравится, соответственно собственному выбору. Правда, жизнью это можно считать лишь с известной долей условности, по сравнению с тем, что Бог предназначил человеку, такую жизнь жизнью не назовёшь, но человек, как известно, привыкает если не ко всему, то очень ко многому. Может он привыкнуть и к духовному выживанию, считая его (за неимением лучшего) жизнью. Конечно, жить нормально и полноценно в таком режиме не может ни душа, ни тело, зато человек волен сколько угодно поклоняться внутренне избранному им кумиру. Однако, как бы ни нравился поклоннику его кумир, природа его

остаётся всё время на голодном духовном пайке, а это не добавляет устойчивости его личности. Впрочем, о подлинной личности кумиропоклоннику придётся забыть: она ведь может существовать только тогда, когда центром её является данное Богом «дыхание жизни». Только это Божье дыхание предназначено Богом для того, чтобы поддерживать человека по-настоящему, и только отсюда может начать расти внутренняя Тора, духовный стержень, вокруг которого формируется подлинный человек. Чтобы формирование такого человека происходило органично (насколько это возможно для падшей природы), «дыхание жизни» должно стать неотъемлемой частью человеческой жизни, а это, как уже было сказано, невозможно без непрерывной внутренней молитвы, без той постоянной обращённости к Богу, которая делает возможным внутреннее предстояние и, соответственно, подлинное соблюдение первой заповеди.

Альтернативой этому пути жизни становится путь выживания и постоянного духовного голода, порождённого невозможностью полноценного духовного дыхания. Если «дыхание жизни» лишь с трудом, стеснённо и с перебоями, проникает в душу и в тело, устойчивыми ни телесные, ни тем более душевые структуры у человека не будут. Кумир может радовать того, кто ему поклоняется, но не всё, что приносит удовольствие, полезно для здоровья. Для душевного здоровья эта истина справедлива, наверное, даже больше, чем для здоровья физического. Кумир в душе человека существует за счёт того внимания, которое уделяет ему человек; можно было бы сказать, что он порождён и поддерживается исходящей от самого человека интенцией, и эта

интенция становится в духовной жизни кумиропоклонника главной – будь оно иначе, кумир не был бы для него кумиром. Духовная насыщенность такой интенции, однако, ограничена: это ведь не Божье «дыхание жизни», которое по определению неистощимо, все человеческие интенции зависят от Божьего дыхания, где укоренены и откуда черпают свою силу. Если в интенции природная составляющая преобладает над духовной, она неизбежно будет слабеть. Так и происходит с главной интенцией кумиропоклонника: она становится всё слабее духовно, и слабость эту приходится компенсировать чисто природными, психическими средствами (ведь и сам кумир – объект не духовный и не физический, а именно психический). Вокруг кумира и связанной с ним интенции вырастает сложная и потому не слишком устойчивая психическая структура, работающая на его укрепление и (относительную) стабилизацию. Поскольку именно с кумиром связывает кумиропоклонник свою личность, то и эту структуру он начинает считать собой, своей настоящей личностью, под которую она успешно маскируется. В душе человека вырастает своего рода квазиличность, выдающая себя за настоящую личность. Человек и сам готов считать её собой – ведь она выстроена вокруг того «сокровища», которое стало для человека его кумиром, его главной ценностью, а значит, по сути, и его жизнью. Неудивительно, что квазиличностную структуру, выросшую вокруг этого «сокровища», кумиропоклонник считает собой, и что он готов защищать её любыми средствами, как самого себя. Такие структуры называют по-разному: иногда говорят об эго, иногда о самости, но по сути это именно квазиличность: ведь такая

структурой действительно подменяет собой подлинную личность, выдавая себя за неё.

Неудивительно, что при таком способе духовного выживания человеку бывает свойственна зависть. Квазиличность постоянно находится в опасности разрушения, она весьма неустойчива, и эту опасность она транслирует своему обладателю (обычно незаметно для него самого). Сам человек при этом испытывает страх и находится в состоянии полуосознанной агрессии – довольно обычная, можно сказать нормальная, реакция на угрозу собственному существованию. Разумеется, сам кумиропоклонник не видит всей картины, считая, что речь идёт или об угрозе его «сокровищ», или о реальной опасности для него самого. В такой ситуации возникает вполне естественное желание найти нечто такое, что гарантирует безопасность. Интуитивно человек чувствует, что ему нужно что-то, что даст ему полноту жизни, но где это искать, он обычно уже не помнит: квазиличностная структура насколько возможно надёжно блокирует любые обращения к подлинному личностному центру, полностью переключая внимание кумиропоклонника на его «сокровище». Оно и понятно: обнаружение человеком подлинного внутреннего источника жизни для квазиличности смертельно, если человек перестанет быть кумиропоклонником и обратится к Богу, как Он открывается ему изнутри, эта, по сути паразитная, структура исчезнет если не мгновенно, то очень быстро. Если, однако, не обращаться к Тому, у Кого настоящий источник жизни, остаётся искать источников ненастоящих. Именно таких источников и ищет завистник, и тут всё зависит от того, в чём он сам полагает основание той своей жизни, которую

считает настоящей. Кто видит его в имуществе, будет завидовать чужому богатству, кто в социальном статусе – чужому общественному положению, кто в уме и талантах – чужому уму и творчеству. Можно позавидовать даже тому, что считаешь чужими «духовными достижениями», если жизнь полагаешь в религии и религиозной активности – тогда «достижением» можно считать чужие достижения и чужую активность на этом поприще, которые вполне могут стать предметом зависти.

Учитывая всё сказанное, зависть приходится считать симптомом очень серьёзной духовной болезни. Тут, конечно, многое зависит от того, как реагирует человек, когда обнаруживает её в себе. Можно задуматься и по-пробовать что-то изменить, но можно и не обращать на неё внимания, считая повторяющиеся приступы зависти чем-то «естественнym», чем-то таким, что свойственно всем и потому не требует особого внимания. Между тем зависть вполне может стать причиной нарушения и всех остальных заповедей: ведь из-за неё можно не только солгать, но и украсть и даже убить. Такое, к счастью, бывает не всегда, но ведь если человек никого в жизни не обокрал и не убил лишь потому, что не представилось возможности, о таком человеке нельзя сказать, что он соблюл заповеди. Что же избавляет от зависти? На библейском языке состояние, при котором зависть невозможна, определяется словом «непорочность», на языке православной аскетики оно называется бесстрастием. Речь в этом случае идёт, конечно, не о бесчувственности, а об отсутствии в душе человека неконтролируемых интенций и, соответственно, таких же неконтролируемых душевных движений, которые,

если овладеют душой, принесут ей больше проблем и страданий, чем радости («страсть» в соответствующей литературе понимается в смысле несколько архаичном, как страдание, а не просто как душевный порыв). Собственно, такое духовное и душевное состояние должно быть результатом соблюдения четвёртой заповеди, заповеди, требующей от человека пребывания во внутренней тишине. Этот навык и делает человека, выражаясь библейским языком, «непорочным», т.е. внутренне цельным, так, что ни одна из его интенций не уводит его в сторону от пути внутренней Торы. Такой человек постоянно ощущает внутри себя Божье «дыхание жизни» и следует лишь тем интенциям, которые остаются в потоке этого «дыхания», отсекая остальные. Такие интенции не мешают внутреннему выстраиванию человека, они, наоборот, способствуют ему, укрепляя волю человека: ведь каждая интенция, рождённая и существующая в пространстве Божьего действия, укрепляет волю, а каждая, существующая вне этого пространства, её ослабляет. Если человек научается по-настоящему соблюдать десятую заповедь, он встаёт на путь внутренней Торы, на путь жизни, ведущий в Царство. Если же нет, он неизбежно оказывается на пути, уводящем от жизни в место, которое на евангельском языке называется «внешней тьмой». Это и есть выбор между жизнью и смертью, о котором так часто говорится в Торе, единственный выбор, по-настоящему важный с точки зрения не только яхвизма или христианства, но, наверное, и любой авраамической традиции.

Выбор пути в данном случае сводится к тому, решится ли человек соблюдать заповеди в полноте, или нет. Каждая заповедь обладает прямым и всякому

понятным смыслом, но, как и десятая заповедь, все они обладают также глубиной, предполагающей внутреннюю духовную работу. Так, девятая заповедь, понятая буквально, запрещает ложь во всех её видах, включая и самые обычные сплетни, которые сегодня многие даже не считают грехом. «Не свидетельствуй ложным свидетельством против ближнего своего» – так дословно звучит эта заповедь. На первый взгляд, тут всё понятно и не требует комментариев. Между тем для полного и последовательного исполнения девятой заповеди мало просто не лгать и говорить правду, какой она кажется говорящему, требуется ещё и видеть эту самую правду, видеть всякого человека, всякую ситуацию такими, каковы они на самом деле. Такое видение требует вполне определённого духовного состояния – а иначе неизбежно возникнет ситуация «множества правд», когда, как обычно говорят в таких случаях, «у каждого своя правда». В этом случае «живь не по лжи» становится, как минимум, проблематично. Очевидно и то, что показать Божью правду может лишь Сам Бог, а значит, цель желающего соблюсти девятую заповедь заключается в том, чтобы научиться видеть всё Божьими глазами. Между тем такое видение требует уже не просто анализа и оценки, возможной для человека, оно предполагает восприятие как процесс, направляемый Богом непосредственно, невозможный без молитвы и непрерывного богообщения. Лишь в этом случае можно будет сказать, что человек видит всю правду так же, как видит её Бог – конечно, с поправкой на ограниченность человеческого восприятия. Такая ограниченность, однако,

компенсируется непосредственным Божиим участием, Который коррелирует восприятие человека с учётом этой ограниченности. Разумеется, такое восприятие возможно лишь в том случае, если человек живёт полноценной духовной жизнью, если его личность не деформирована никакими квазиличностными структурами наподобие тех, о которых у нас шла речь выше. Тут, как и в случае зависти, многое зависит от реакции человека в момент, когда он обнаруживает, что его восприятие искажено. Можно смириться с этим, тем более, что, как обычно говорится в таких случаях, «все так живут, и ничего», а можно попробовать что-то сделать с обнаружившейся проблемой. В первом случае квазиличность получает полный простор для роста и развития, искажая все восприятия человека и формируя у него выгодную для поддержания собственного существования картину реальности, во втором – человеку придётся приложить определённые духовные усилия по выстраиванию процессов восприятия как отдельных объектов, попадающих в поле внимания, так и ситуаций, в которых приходится жить и действовать. Для такого выстраивания необходимо, чтобы всякое восприятие сопровождалось осознанной интенцией, а чтобы она была осознанной и осмысленной, важно, чтобы воспринимаемое (будь то отдельный объект или ситуация в целом) не сливалось воедино с воспринимающим субъектом. Между человеком и тем, что он видит или слышит, всегда должна оставаться внутренняя дистанция, причём формироваться она должна не вследствие отстранённости, порождённой безразличием, а вследствие постоянного пребывания в потоке данного Богом «дыхания жизни», вследствие того, что на

языке православной аскетической традиции называется «внутрьпребыванием». В таком случае в душе человека появляется то внутреннее пространство, внутри которого возможно непосредственно-цельное, без анализа и рефлексии, восприятие реальности, в которое легко может войти и Бог – там ведь вполне достаточно места для Божьего действия, для проявления Его воли и Его интенций. Человеку останется лишь принять это Божье действие и войти в него, сделав его своим, а себя – частью Божьего замысла и Божьего действия. Тогда и слова, и мысли, и поступки человека будут действительно правдивыми, правдивыми не своей, а Божьей правдой. На языке Библии такое состояние человека называется «прямотой», а на языке православной аскетики – «простотой», не в смысле недалёкости или необразованности, а в смысле аскетическом, где это слово обозначает прежде всего духовную цельность человека и его проявлений.

Если же человек отказывается от такой работы, как, к сожалению, это и бывает сегодня в большинстве случаев, он оказывается в мире если не прямой лжи, то полуправды, которая порой даже хуже. Это мир недосказанных, умалчиваемого, «замятого для ясности», мир духовных табу, которые не принято нарушать, чтобы не разрушить картину (обычно коллективно созидаемую) всем удобной, хоть и далёкой от истины, виртуальной реальности, где всё, конечно, несколько искусственно и потому всегда предполагает «неудобную» правду, но где ради искусственного и приемлемого для большинства комфорта о ней не принято говорить. Все всё знают и понимают, но молчат с тем, чтобы не нарушать этого фальшивого по сути, но привычного комфорта.

Такой консенсус приучает его участников ко лжи, лжи непрерывной и настолько привычной, что её перестают замечать, но которая духовно разъедает человека и его душу. Подобного рода привычная ложь проявляется в самых разных сообществах, и от неё не избавляют никакие идеи, идеалы и убеждения, ни светские, ни религиозные; чтобы от неё избавиться, требуется та духовная работа, о которой мы говорили выше, духовное выстраивание личности и избавление от квазиличностных структур. Если же ничего такого не принимать, то структуры эти живут своей жизнью и приводят раньше или позже к нарушению и других заповедей. Так, восьмая заповедь («не воруй») запрещает кражу во всех её видах и формах. Конечно, не каждый, кто зарится на чужое, решается на кражу, но очевидно, что, если человек ничего не украл и никого не ограбил лишь потому, что, как говорится, «не сложилось», едва ли можно говорить, что он соблюдает восьмую заповедь, как должно. Чтобы её соблюдать, мало лишь воздерживаться от краж или грабежа – надо перестать быть вором, измениться настолько, чтобы кража стала делом, внутренне невозможным. Между тем, как мы уже видели, желание чужого – одно из самых ярких и характерных проявлений квазиличности. Оно и понятно: если квазиличность полностью подменила собой подлинную личность, то ничего по-настоящему своего у человека быть не может по определению. Между тем именно квазиличностная структура обладает особой тягой (можно было бы сказать жадностью) ко всему, что создаёт иллюзию своего. Разумеется, в жизни каждого человека всегда есть что-то, ему принадлежащее, что-то, что он может назвать своим – от собственной

природы до принадлежащего человеку в этом мире имущества. Здесь, однако, важен баланс между мной и моим как двумя составляющими полноценной духовной жизни. Если моё остаётся лишь продолжением меня, не претендую на большее, оно неискажает того потока жизни, который на языке Библии и называется душой. Моё тогда продолжает, выражает и выявляет меня в мире, где мне приходится жить, но не отягощает меня, неискажает течения моей жизни и не блокирует её поток. Так, физическое тело может стать естественным и органичным продолжением человека, частью его личности (насколько это возможно в мире, испорченном грехом), но если человек этот станет обжорой и пьяницей, то же самое тело станет ему в тягость, и виновато в таком случае будет, конечно, не оно само, а человек, неправильно пользующийся своим телом, или, вернее, квазиличность, которой он это позволяет. Смысл неправильности очевиден: человек использует своё тело вовсе не так, как это было предусмотрено Богом, тем самым разрушая и само тело, и свою жизнь. То же самое можно сказать обо всём, что человеку принадлежит: для жизни в этом мире Бог даёт нам (прямо или косвенно, позволяя взять) то, что нужно и полезно нам для жизни, и, если мы следуем Ему в том, что касается нам принадлежащего, наша жизнь протекает оптимальным с духовной точки зрения образом. При этом мы обычно понимаем, что нам ничего не принадлежит как нечто неотъемлемое, хотя бы потому, что после завершения земного этапа нашего пути у нас отнимается даже то, что представляется здесь совершенно неотъемлемым, как, например, наше тело. На библейском языке такое состояние называется бедностью

(не в материальном, конечно, смысле, а в том, какой вкладывали в это слово пророк Исаия Иерусалимский и его последователи), на языке православной аскетики – нестяжанием. Последнее мы часто понимаем в монашеском смысле, как полный отказ от всякого имущества, однако на самом деле для настоящего монаха такой отказ представляет собой лишь способ сбалансировать внешнее и внутреннее в потоке собственной жизни, которую ему (в силу особенностей его духовного пути) надо максимально облегчить от всего, что он может назвать своим.

Очевидно, от жадности и связанного с ней нарушения восьмой заповеди человека избавляет лишь внутреннее, духовное выстраивание, которое предполагает, в конечном счёте, полное предание себя Богу, не об разно, а совершенно буквально. Человек на этом пути расширяет пространство Божьего действия в себе и во круг себя. Для соблюдения девятой заповеди важно позволить Богу определять все свои восприятия, ход своих мыслей, каждое слово и действие; для соблюдения восьмой заповеди важно позволить Ему определять круг нужного для жизни в том, что касается принадлежащего человеку, от образа жизни и занятий до имущества. Для того же, чтобы соблюсти седьмую и шестую заповеди, придётся пустить Бога в самую глубину. Седьмая заповедь, как известно, запрещает разврат во всех его видах и формах, она так и звучит: «не развратаничай» (или «не прелюбодействуй», если говорить «высоким штилем» некоторых переводов). Буквальный её смысл прост: заповедь эта запрещает все виды добрачного, внебрачного и извращённого секса. Это, впрочем, лишь самый первый, буквальный смысл. Спаситель

же, как известно, к разврату приравнивает вожделение (Мф 5:27–28). Обычно вожделение рассматривают как желание, овладевающее человеком и связанное с влечением к противоположному полу, с влечением сексуальным; между тем, на самом деле всё несколько сложнее. Конечно, для падшего человека именно сексуальность зачастую становится одним из главных искушений, и связано это с тем, что данная человеку Богом энергия жизни, которой до падения человек пользовался свободно, теперь проявляется в полноте именно в этой сфере: ведь иначе, если не задействовать её во всей полноте в момент соития, само зачатие, зарождение новой жизни и нового человека, будут невозможны. Падший человек, однако, не в состоянии совладать с собственной природой, и проявления её полноты поэтому его пугают. Впрочем, страх этот отчасти обоснован: после падения ослабевшая воля действительно не позволяет нам управлять течением энергии собственной жизни, теперь это под силу лишь нашему Творцу, отсюда и те инструкции по безопасности в области половой жизни, которые мы по собственному невежеству считаем излишними и ненужными запретами. Однако та энергия жизни, которую мы считаем исключительно сексуальной, на самом деле формирует природную основу того, что и называется в Библии «душой живой» (Быт 2:7). Если этот поток одухотворить, как и было задумано Богом с самого начала, если позволить Божьему «дыханию жизни» полностью определить его течение, жизнь человека станет духовной в полном и настоящем смысле слова. Тогда станет возможной и внутренняя Тора: заповеди, раскрывающиеся в душе человека не просто как предписания, а как Божьи интенции, станут

тем стержнем, вокруг которого выстраиваются интенции самого человека, определив его существование перед Богом в динамике Его дыхания. В таком случае человек никогда не покусится на чужую жизнь, будь то посредством сексуальных нарушений или как-то ещё. Такое состояние внутренней цельности человека, ненарушимости потока его жизни называется в Библии непорочностью (это ещё один, более глубинный её аспект по сравнению с тем, о котором шла речь выше), а в православной аскетике он называется целомудрием. Как и нестыжение, целомудрие нередко понимают сегодня по-монашески, как безбрачие и воздержание от половой жизни, хотя на самом деле речь идёт именно о ненарушимой цельности потока жизни души. Нарушить же эту цельность можно самыми разными способами, и не обязательно связанными с сексом и сексуальностью. Нецеломудрие начинается там, где налицо оказывается вторжение в поток чужой жизни, нарушение его течения и разрушение его цельности. Всякая квазиличностная структура стремится к такому вторжению: ведь чужая жизнь – это чужая энергия, которой квазиличности всегда не хватает. Тут важно, чтобы другой человек отдавал себя, свою жизнь другому, с сексом или без секса – всё равно. О таком мечтает всякий самовлюблённый нарцисс, идеал которого – мир, вращающийся вокруг него и ему отдающий всего себя, всё своё внимание, всё своё восхищение, всё своё поклонение. Глобально, конечно, такое обычно невозможно, но за невозможностью глобального варианта квазиличность обычно соглашается довольствоваться локальным. Тут как раз и впрямь лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме – второму

ведь не достанется ничего, он должен будет всё отдать первому.

Что касается шестой заповеди, то она, понятая буквально, запрещает убийство и всякое насилие над человеком (она звучит как «не совершай убийства»). Конечно, речь идёт о людях, соблюдающих Тору; к нарушителям Торы применение насилия (с точки зрения той же самой Торы) допустимо. Однако если человек не нарушает заповедей, он волен жить так, как хочет, и в таком случае любое насилие по отношению к нему будет нарушением шестой заповеди. Это первый, буквальный смысл; Спаситель, однако, как известно, к убийству приравнивает и ненависть, и оскорблениe как её проявление (Мф 5:21–22). Очевидно, всякое убийство связано с желанием уничтожить человека, сделать так, чтобы он исчез. Убивающий, конечно, всегда имеет в виду некую цель, достижение которой, как он считает, невозможно, пока человек, которого он хочет убить, жив и пока он находится здесь, в этом мире. Убийца уверен, что тот, кого он собирается убить, должен исчезнуть – иначе своих проблем ему не решить. Конкретика может быть разной, как и мотивы убийства, но суть одна: двоим (убийце и убиваемому) в этом мире не жить, жизнь одного несовместима с жизнью другого. Разумеется, речь здесь идёт об убийстве сознательном, с выраженным умыслом и намерением, когда убийца знает, что делает и ни о чём не жалеет. Убийство по неосторожности и даже без явно выраженного намерения (например, в состоянии аффекта) – дело другое, к нему сказанное может и не относиться. Между тем такое желание устраниить человека как конкурента или просто как помеху представляет собой

крайнее проявление агрессии, связанное с квазиличностной структурой. Разумеется, убийцу это не оправдывает, как и развратника, и лжеца – в конечном счёте ведь именно сам человек и даёт в себе место и волю им же вскормленной квазиличности. Теперь она проявляется себя во всей полноте, желая, чтобы другой человек (или паразитирующая на его душе такая же квазиличность) исчез, оставив жизненное пространство ей. Не случайно речь тут может идти и о ненависти тоже: ненавидящий не всегда стремится к убийству, иногда он хочет не убить того, кого ненавидит, а получить над ним всю полноту власти, чтобы жизнь того, кого ненавидящий ненавидит, принадлежала ему и чтобы он мог этой жизнью пользоваться в своё удовольствие. В самом деле: страх, боль и некоторые другие состояния могут при определённых условиях совершенно парализовать волю человека, и тогда его душа, его жизнь будет принадлежать тому, кому удалось его до этого состояния довести. Есть, правда, вариант и поинтереснее. Как известно, всякому диктатору особенно приятно, если его не только боятся, но и обожают. Пугать хорошо, но нравиться лучше: тогда люди будут отдавать себя почти добровольно, не замечая собственного страха, прикрытого этим обожанием. Впрочем, можно попробовать вариант ещё более «перспективный»: без всякого внешнего принуждения, на одном обожании. Это, конечно, уже не диктатор, не тиран-убийца, а, скорее всего, «духовный наставник», «учитель», «старец», самозваный «духовник». Ему не надо никого принуждать, «ученики», «духовные чада» сами готовы отдать ему себя без остатка, только чтобы он их «спас», «научил», «открыл истину». Это уже, образно говоря, высший

пилотаж насилия, которое не подпадает под статьи уголовного кодекса, но души калечит не хуже, чем деятельность серийного убийцы или классического диктатора-тирана. Что касается соблюдения шестой заповеди, то тут, как и в случае кражи, мало лишь воздерживаться от убийства или насилия, надо стать таким человеком, который не станет убийцей, а значит, надо полностью избавиться от агрессивности. Речь идёт не только о видимых её проявлениях, но и о той, как правило, бессознательной агрессии, которую обычно не замечают, но которая может проявиться в случае провокации в самый неподходящий момент. В «спокойном» состоянии такая бессознательная агрессия проявляется обычно как полуосознанное раздражение, причину которого чаще всего невозможно установить, а в случае обострения она даёт неожиданные вспышки уже явного раздражения, кажущейся беспричинной злобы, спровоцированной порой каким-нибудь пустяком, а иногда и настоящими, яркими вспышками гнева. Избавиться от этого возможно лишь тогда, когда каждая интенция, рождающаяся в глубине души, осознаётся человеком с самого момента своего зарождения. Такое бывает, если человек полностью отказался от себя, понимая, что не только его жизнь, но и сам он, включая то самое подлинное «я», которое находишь, когда ищешь себя настоящего, принадлежит Богу и Им обновляется каждое мгновение своего существования. Тогда человек совершенно реально переживает отсутствие себя и Божье присутствие как основу своей жизни. Павлово «уже не я живу, а Христос во мне» – типичный тому пример. В Библии такое состояние называется смирением или кротостью, в том смысле, в котором слово это

впервые употребил Исаия Иерусалимский. Так же, т.е. смириением, называется оно и в православной аскетической литературе. Оно-то и является тем состоянием, к которому приводит человека путь внутренней Торы. Конечно, не каждый читавший и читающий Тору идёт этим путём, но путь всегда был открыт для каждого, и Сам Спаситель подтвердил в Нагорной проповеди его значимость, а значит, и у нас, христиан, вряд ли есть основания сомневаться в его истинности.

Москва

Март 2024 г.

ХРИСТИАНСКАЯ АКСИОЛОГИЯ

Протоиерей Игорь Прекуп

О себе: Нынешний статус таков, что я настоятель прихода во имя прп. Сергия Радонежского в г. Палдиски (Эстония), преподаю философию в Ласнамяэской гимназии г. Таллина и являюсь сотрудником информационного отдела Таллинской епархии ЭПЦ МП (у нас две епархии: Таллинская и Нарвская).

ПОДМЕНЫ В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРИСТИАН

Подлинник и подмена: какая разница?

Всякий раз, говоря о подмене, мы подразумеваем, что существует подлинник, за который выдается нечто достаточно похожее, чтобы жертва обмана подмену не обнаружила. Слово «фальшь», «фальшивка», «подделка» на слуху у нас с детства. Некоторые из нас в детстве же, играючи, изображали на ластиках некие подобия печати, ставили их на «документы». Ведь шпионы должны иметь фальшивые документы. Возможно, кто-то, услышав, что деньги бывают «ненастоящие», не сразу понял, в чем разница, где и кем они нарисованы. По мере взросления, мы учились отличать истинное от ложного и узнавали, что подделывают не только документы и труды, но и чувства, когда выгодно расположить кого-то к себе, и убеждения, когда, например, выгоду усматривают в принадлежности к определенному кругу единомышленников... Подделывается все, что значимо и ценно.

Казалось бы, да какая разница?! Если виртуозно подделано произведение искусства, какая разница – *та самая* картина, или это всего лишь ее великолепное повторение, все равно ведь красиво? Вешай у себя в гостиной, наслаждайся и подпитывай тщеславие: к чему углубляться и портить себе настроение? А чувства... Если они убедительно изображаются, какая разница? Классик же признался, что он «сам обманываться рад», может, это и есть высшая мудрость?

Что значит «не настоящее»? А что такое «настоящее»? Старшее поколение хорошо помнит книгу Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке». Мы читали и ни у кого не возникало вопроса, что автор хотел сказать названием. Всем было понятно: это повесть о человеке, в котором нет фальши, в котором явлено человеческое достоинство, о человеке, который реализует себя по максимуму, всю свою натуру мобилизует на выявление всего, что в нем есть истинно человеческого, отряхивая шелуху случайных примесей. Т.е. мы понимали, что «настоящее», «подлинное» и «истинное» – синонимы. Вернее, думали так. Позже, вникая в глубинную суть этих слов, мы начинали все лучше различать их смыслы. Вплоть до противопоставления.

Например, по мере своего личностного развития, получая образование, погружаясь в мир культуры и осваиваясь в нем, всё ясней мы понимали, что «настоящее» в своем изначальном смысле подразумевает лишь то, что происходит, то, что есть в данный момент, сейчас. До какой же степени мы зациклились на сиюминутном, на временном, если истинное отождествляется в нашем подсознании с ускользающим мигом?.. Помните слова из песни о том, что жизнь «есть только миг между

прошлым и будущим», за который рекомендуется «держаться»? Тут есть тонкая подмена: жизнь наша – земная, тем, действительно, ценная, что временная, уходящая и неповторимая, – это не «миг между прошлым и будущим», а как бы прихожая вечной жизни. Прихожая, в которой мы определяемся, кто мы Богу – свои или посторонние. Не нам решать, когда в этой прихожей окажаться и когда из нее пройти во внутренние помещения. А вот какими дверьми туда войти – это как раз зависит от нас, от того, как мы себя вели с теми, кто с нами рядом оказался в «прихожей», – со своими ближними. Ибо как мы к ближнему, так и Бог к нам. Как говорил преподобный Антоний Великий, «от ближнего – жизнь и смерть»¹. Относясь к ближним как к братьям и сестрам в Боге, мы тем самым свидетельствуем о Его Отцовстве всем нам и своем сыновстве Ему. И наоборот, относясь к ближнему как к чужому, до которого нам дела нет, мы отрекаемся от общего нам Отца Небесного. Он-то нас всех Своими чадами считает, но предоставляет нам свободу определиться, кем мы себя считаем по отношению к Нему. Настоящий «миг» и в самом деле, в зависимости от нашего морального выбора, может определить нашу вечную участь, но от этого он еще не становится истинной жизнью. «Настоящее» не есть истинное.

Вообще слово «истина» – от «естина»: то, что есть. Так вот, в полном смысле истинным является то, что есть, существует независимо ни от чего или от кого бы то ни было другого, имея бытие в себе. Поэтому Бог и открылся Моисею с именем, которое переводится на

¹ Антоний Великий, прп. Изречения // Добротолюбие: В 5 т. – Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. Т. 1. С. 137.

русский как «Сущий», то есть имеющий бытие в Самом Себе, – Он есть Тот, Кто **Есть** (Исх 3:14). Все остальное, что меняется или когда-то не существовало, существует относительно, ибо имеет бытие от Него, и только Бог имеет бытие в Самом Себе, только Он вечен, вне времени и пространства, только Он **есть** безусловно, а потому Он и есть Истина, а истинно то, что в Нем, от Него и к Нему.

В этом незыблемый ориентир христианской системы ценностей. Все ли нам равно, чем мы владеем – копией, подделкой или подлинником? И есть ли разница между копией и подделкой, если обе они – копии? Есть и принципиальная: подделка – это копия, выдаваемая за подлинник.

То же касается и духовной жизни. Все ли нам равно, что мы исповедуем: подлинное православное христианство или подделку под него, пусть и с включением подлинных элементов? Приемлемо ли нам избирательное использование Священного Писания и Предания, канонов, исповедание догматического учения, признание Таинств и обрядов, применение в богослужебной жизни многовекового литургического наследия, хранение и возрождение традиций иконописи и зодчества – всё это и многое другое, но лишь в качестве средства служения ценностям мира сего: народу, отечеству, государству – чему и кому угодно, но не Богу, Которого норовят впрячь в государственное тягло (иначе зачем Он нужен?) – этакое *квазиправославие*.

В самом деле, зачем нам заповеди, если их исполнение может вступить в противоречие с государственными интересами? Без них нет христианства? Так кто же спорит! Но надо разумно их применять... Зачем нам знание Священного Писания, если его нельзя использовать

в качестве обоснования всего, что предпринимается в интересах государства? Нет, никто не против Священного Писания! Просто его надлежит разумно применять, интерпретируя его в интересах государственной политики и пропаганды, отодвигая на периферию, а то и за рамки религиозного сознания те компоненты, которые могут отвлечь от исполнения стратегической задачи. Каноны? Они важны и необходимы, особенно, когда ими можно подменить заповеди: ведь какая разница – и то, и другое от Бога!

Приставка *квази-*, в отличие от *псевдо-*, указывает на подделку, которая может включать подлинные элементы. Это примерно, как фальшивые деньги напечатать на подлинной бумаге с водяными знаками, или картину подделать, используя и холст, соответствующий оригиналу, и технологию приготовления красок, и живописную манеру мастера воспроизводя так, что не отличить, но подделка даже при наличии некоторых элементов подлинности все равно остается подделкой. Суть ведь подделки не в схожести, а в том, что она, как уже сказано выше, мнимое, выдаваемое за истинное.

Равна ли подделка под православное христианство – подлиннику благовествования, вере Апостолов? Равно ли православию – *квазиправославие*? Все ли нам равно, кем быть: *подлинно-* или *квазиправославными*?

История подмены

Что мы знаем о Церкви эпохи гонений? Чем тогдашние христиане отличались от нас – нынешних, христиан эпохи всего «постного»: постмодерна, постсекуляризма, постхристианства?..

Прежде всего – общим, доминирующим настроем на сораспятие Спасителю жертвенной любовью, выраженным в словах Апостола: *для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение* (Флп 1:21), желанием *разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше* (Флп 1:23). Отсюда и стремление к исповедничеству и мученичеству, отсюда и раннехристианский аскетизм, который был одновременно и приготовлением к страданиям за исповедание веры, если Господь призовет к ним, и произвольной заменой, если чести сподобиться их не окажутся удостоены. Отсюда же и жертвенное служение ближним, в т.ч. и язычникам, которые поначалу их ненавидели, презирали, доносили на них, а то и непосредственно стихийно их истребляли², но со временем, будучи убеждаемы их добродетельным образом жизни, начали уважать³.

Безусловно, представлять себе древних христиан в этаком лубочно-героическом виде не следует, но среди них «случайные» люди встречались сравнительно редко. Сравнительно с последующими временами, когда

² Самосуд был промыслительно ограничен римским законом, иначе, как заметил наш великий церковный историк В. В. Болотов, «если бы народ имел свободные руки, то история христианства обратилась бы в уличную бойню, и христианство было бы истреблено без остатка» (Болотов В. В., проф. Лекции по истории Древней Церкви. – М.: Спасо-Преображенский Валаамский Ставропигиальный монастырь, 1994. Т. 2. С. 12).

³ См. пример у христианского историка Евсевия Кесарийского, описывающего поведение христиан, которые во время чумы «..укрепляя других, скончались сами, приняв смерть вместо них», и как это повлияло на язычников (*Евсевий Кесарийский. Церковная история / Евсевий Кесарийский. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2013. С. 340*).

христианство стало массовым, а язычники, принимая Крещение, зачастую всего лишь меняли культ, но не веру, не образ мыслей и чувств, и не систему ценностей.

До легализации Церкви Миланским эдиктом императора Константина в 313 г., христиане в целом удивляли общество своей неотмирностью. Как пишет выдающийся русский церковный историк В.В. Болотов, христиане, например, своим равнодушием к общественно-политической жизни вызывали у язычников недоумение, воспринимались ими, как «genus tertium; „это какой-то третий род, род особенный“», – говорили про них язычники»⁴.

Как пишет игум. Филарета (Калачева), язычникам «невозможно было понять, что аполитичность христиан – это не равнодушие безответственных и беспринципных обывателей, а принципиальная аполитичность граждан, преданных политическому единству не от мира сего – единству, вторгающемуся в сей мир и противопоставляющему ему свой принцип жизни, свои ценности, но, что важно, не навязывающему их миру»⁵.

Теперь же (с началом массового обращения из язычества в христианство после легализации Церкви, когда числиться христианином стало выгодно), «мир, привычно лежа во зле, начал себя позиционировать как христианский... <...> Среди христиан возобладала категория людей, не разделяющая традиционной эсхатологической устремленности и обусловленного ею

⁴ Болотов В.В., проф. Лекции по истории Древней Церкви. С. 42.

⁵ Филарета (Калачёва), игум. «Путь и истина и жизнь»: Истоки и становление игуменского служения. – М.: ПСТГУ, 2019. С. 35.

аскетического сознания, которое было стержнем христианского мышления и поведения. Христиане прежнего устроения оказываются „чужими среди своих“, при этом „свои“ оказываются своими по факту крещения, но не по сути, не по духу. В „христианском мире“ стало сложно соблюдать заповеди, и в нем почти не с кем стало говорить „о едином на потребу“⁶.

Начинается так называемая «эпоха Вселенских Соборов» – многовековой период борьбы православия с ересями, которые мало того, что были массовыми, так они еще нередко получали поддержку со стороны патриархов и императоров. Однако доктрина в эту эпоху не только сохраняется, но, пройдя сквозь все искушения, еще и развивается, формируясь в борьбе с лжеучениями. Но, вот аксиология преобладающей части Церкви незаметно меняется, точнее, подменяется.

Что-то основной частью верных было упущено из внимания. Вероятно, защита теоретической области апостольского Предания от утрат, примесей, всевозможных искажений была настолько всепоглощающей, что сохранять апостольских дух в самой практике христианской жизни удавалось намного хуже. И потому в этот же исторический период «по жестокосердию» нашему, из глубин церковного сознания рождаются каноны. Рождаются как ограда любви, в ней же их смысл, через нее и толкуются, и применяются (во всяком случае, должны). И одно из самых пронзительных предостережений, выражавшее предназначение канонического права, звучит в 8-м правиле III Вселенского Собора: «да

⁶ Филарета (Калачёва), игум. «Путь и истина и жизнь»: Истоки и становление игуменского служения. – М.: ПСТГУ, 2019. С. 35

не утратим по малу, неприметно, той свободы, которую даровал нам кровию Свою Господь наш Иисус Христос, освободитель всех человеков».

Чем христианство привлекало сердца язычников в древности? Благолепием богослужения? Блистанием интеллекта? Может, преобладанием знатных или благо-воспитанных людей? Нет, такого разработанного богослужебного чина, как в наши дни, не было; интеллектом большинство тоже не отличалось, о знатности и хорошем домашнем воспитании большинства я вообще молчу.

Не это способствовало обращению даже палачей, которые порой бросали свой инструмент и становились в один ряд с теми, кого только что пытали. В древности христиан распознавали, как учеников Христовых именно так, как Он предсказывал: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин 13:35). И они ее являли не только между собою, но и к своим гонителям.

Казалось бы, чего нам беспокоиться? Кому доказывать, что мы Христовы, проявлением любви между собой? Окружающие нас люди чай не маленькие (так рассуждая, мы забываем, что вообще-то на нас и дети смотрят), и, как правило, не бедствующие.

Чего еще переживать за них? Сколько таких вокруг? Эти «внешние» сами делают свой выбор, мы-то тут при чем?

А при том, что эти «внешние» *встретились с нами*. Пусть мельком, но мы попали в их поле зрения. Что они в нас увидят за то время, пока им выпадет честь созерцать нас?

Позволю себе обширную цитату из свт. Иоанна Златоуста: «Никто не остался бы язычником, *если бы мы*

были христианами, как следует (выделено мною – И. П.), – утверждает он, комментируя 1-е Послание к Тимофею. – Если бы мы соблюдали заповеди Христовы, если бы мы благодушно переносили обиды и насилия, если бы мы, будучи укоряемы, благословляли, если бы, терпя оскорблений, воздавали добром, то никто не был бы столь диким, чтобы не обратиться к истинной вере (*τῇ εὐσεβείᾳ*), если бы так все вели себя».

А поскольку среди нас это не особо наблюдается, то «ради чего они станут веровать? – спрашивает свт. Иоанн. – Ради знамений? Но их уже больше нет. Ради жизни праведной? Но она уже погибла. Ради любви? Но ее и следа нигде не видно. Вот почему мы дадим отчет не только в своих грехах, но и в погибели других людей»⁷ – людей, с которыми Господь нам благословил встретиться, но которые мало того, что не получили через нас от Него спасения, так еще и наоборот, наш пример оказался им в соблазн и погибель.

Глядя на нас, кому-то придет в голову, что смерть победена Воскресением Христовым? Господу угодно, чтобы «внешние» в нашем лице встречали Его, а кого они встречают, глядя на нас? Ну, не Его точно.

Религия любви, религия Воскресения и торжества жизни над смертью, религия милосердия и кротости подменяется своей противоположностью людьми, декларирующими себя христианами.

«Елицы верни...», – призывает священнослужитель, обращаясь к собравшимся в храме. Кто такие эти «верные»? Мы называем «верными» по старинке всех,

⁷ Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на 1 Послание апостола Павла к Тимофею // Творения. В 12 т. – СПб.: Изд. СПбДА, 1905. Т. 11. Кн. 2. С. 688.

кто крещен и не отлучен от Церкви. Нынче, понятие «верные» с таким узким содержанием (наличие факта крещения и отсутствие факта отлучения) подразумевает широченный объем, даже если ограничиться только православием: это многомиллионная масса, которая, за *исключением нескольких процентов*, ничего о своей вере не знает и знать не желает, совесть свою Евангелием не обременяет, в богослужебной жизни не участвует (разовые посещения храмов, чтобы свечку за упокой или за здравие поставить, вербы-куличи-березки-медяблоки-орехи освятить, святой воды набрать, на крестинах-венчаниях-отпеваниях побывать – не считается), не говоря уже о широком спектре суеверий, от бытового оккультизма до неприкрытого колдовства.

А ведь так всё просто...

Прп. Исаак Сирин дает очень простой совет, как стать проводником Христовых действий, в которых признается Бог, и через осуществление которых опознаются христиане, как Его ученики: *быть милостивым*.

Когда эта добродетель вселяется в человека, в нем образуется «святая красота, которою человек уподобляется Богу. Милость, когда ею растворена вся деятельность, совершает в душе постоянное, всегда одинаковое общение со светлой славой Божества, а не по временам. Это духовное соединение есть незапечатленное памятование, возжигаемое в сердце горящей любовью, не имеющее расстояний, приемлющее силу к единению от пребывания в Евангельских заповедях»⁸.

⁸ Отечник. Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их / Сост. свт. Игнатий Брянчанинов. – М.: Донской монастырь; Изд. отдел Московского Патриархата, 1993. С. 254.

Что нам мешает поступать согласно этой простоте? Противящаяся ей наша «сложность», многообразие в нас, казалось бы, взаимоисключающих примесей. Мы уклоняемся от простоты во Христе и повреждаемся умом (2 Кор 11:3), когда принимаем в себя одну или все три закваски – фарисейскую, саддукейскую и иродову, о которых Господь предостерегает нас в Евангелии (Мф 16:5–12; Мк 8:15).

Порочные примеси

Согласно свт. Игнатию Брянчанинову, под «закваской» имеется в виду образ мыслей, правила, настроения⁹.

Что следует понимать под *закваской фарисейской?*

Господь говорит не о принадлежности к тому или иному сообществу, течению, школе и т.п. Он использует образ закваски, чтобы указать на некоторую сущностную примесь, которая может внешне сама по себе никак не проявляться, ведь закваска – это не основная масса, а всего лишь небольшая добавка к ней. «Лице-мерие названо закваскою, потому что оно, вкравшись в душу, проникает во все мысли, во все чувствования, во все дела человека, делается его характером, как бы душою его»¹⁰.

Закваску не видно, видно тесто, которое вскисает. А на чем – это знает лишь тот, кто кладет в него закваску.

⁹ См.: Свт. Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Фарисей // Полное собрание творений. – М.: Паломник, 2001. Т. I. С. 383.

¹⁰ Свт. Игнатий Брянчанинов. Аскетическая проповедь. Поучение в 27-ю Неделю // Полное собрание творений. – М.: Паломник, 2002. Т. IV. С. 270.

Так и мы: видим дела, слышим слова, но того, **что** побуждает человека к ним, содержания, сути – не видим ни в себе, ни в других. И особенно трудно обнаружить чуждую «закваску», если слова и дела обосновываются святоотеческим учением и канонами; чрезвычайно трудно, если носитель этой «закваски» – человек волевой, требовательный к себе и последовательный в своих действиях.

Это важно понять, потому что иначе нам не разглядеть в себе этой порочной, чуждой примеси, ведь мы знаем о себе, что веруем во Христа, доверяем святым Отцам, искренне хотим соответствовать званию христианина, и на том успокаиваемся по поводу своей искренности. Так вот, очень важно понять, что ни благие наши намерения, ни определенные достижения на верном пути, ни наличие ума, ни посты и молитвы – не делают невозможной примесь фарисейства, которая, подобно закваске, становится катализатором, а затем (если не заметим ее в себе и не начнем фильтровать) и содержанием нашей жизни, залогом ее мнимой успешности.

Фарисейская «закваска» вполне совместима с искренней преданностью Богу и Его народу (во времена земной жизни Спасителя – Древнему Израилю, после Пятидесятницы – «Новому Израилю», Церкви Христовой). А поскольку мы и Евангелие читали, и Отцов, то знаем, что любить и смиряться – хорошо, а презирать и превозноситься – плохо. И мы, замечая в себе симптомы фарисейства, можем их ловко заглушить (но только симптомы) или... прикрыть чем-нибудь духовно-привлекательным: грустью о «заблудших овцах», негодованием о «сеющих соблазны», «скромным помышлением» о своих немощах (чтобы не «вторгаться» в сложную

ситуацию), усиленным «хранением мирного духа», якобы в надежде, что «тысячи вокруг спасутся» – в арсенале православной аскетической мысли есть очень много прекрасного, чем можно злоупотребить, «уклоняясь от простоты во Христе» (2 Кор 11:3).

Фарисей «новозаветный» изощренней своего ветхозаветного предка по духу. Если тот величался естественными добродетелями, то нынешний, стремясь к славе, смиреннословствует или вовсе помалкивает о своих достижениях, а свой эгоизм предпочитает прикрывать святыми, духовными добродетелями, подобающими преуспевшим в духовной жизни (или же всерьез мечтает об этих добродетелях, отвлекаясь от евангельской простоты).

Если ветхозаветный фарисей («ветхозаветный типаж» и нынче отнюдь не редкость) свое уклонение от сущности Закона маскировал второстепенными ценностями («наружными мелочами» по свт. Игнатию Брянчанинову) то «новозаветный» с этой целью использует бисер святоотеческой мудрости.

Нынче фарисей ветхозаветного типа по-прежнему концентрируется на «внешнем» (обрядовая форма, дисциплинарные требования, канонические нормы), чтобы отвлечься от наиболее существенного: элементарных человеческих моральных норм и принципов, заповедей Евангельских, самого Евангельского духа, тогда как фарисей новозаветного типа уворачивается от «иги Христова», прикрываясь Его же учением и как бы усердствуя в тонкостях аскетики: совесть вытесняя «послушанием» (под которым понимается бездумное и беспрекословное подчинение начальству), отзывчивость заглушая «смирением», «кротостью», «незлобием»,

«хранением себя от осуждения ближнего» – которые, якобы могут повредиться, если отзоваться на чужую беду и вмешаться в конфликт, защитить обиженного, а вместо уважения к личности будем усердствовать в «смирении» подвластных (подвергая их издевательствам, якобы ради исцеления от страсти гордыни).

Кроме того, надо понимать, что фарисейство может действовать в человеке параллельно с его добродетелями, лишь частично примешиваясь к ним, и только время от времени подталкивая его к ложному моральному выбору, но из этого не следует, что ему не стоит озабочиться своим духовным состоянием. Удобно прячясь среди добродетелей, как Адам среди деревьев рая (Быт 3:8), фарисейство делает свое погибельное дело. Более того, именно так, без претензии на полное господство над нами, оно надежнее в нас прячется и сбивает с толку как нас самих, так и наших «почитателей таланта».

Впрочем, справедливости ради, стоит заметить, что еще более распространенным является тип «фарисействующего мытаря»: сознательного грешника, в совершенстве освоившего все «ужимки и прыжки», положенные кающемуся, и живущего по принципу «благодарю Тебя, Боже, что я не таков, как этот фарисей»: *мы верны Матери-Церкви, ну, а если не все и не всё соблюдаем, что положено, и «кто-то, кое-где у нас порой», то Господь милостив, мы же не фарисеи какие, чтобы мелочиться и строить из себя праведников: ну погрешим в чем, так ведь на то и человек, чтобы грешить, а как без греха-то?..*

Это гордыня, а гордыня – мать всех грехов, демонская твердыня! Не-e, упаси нас Бог от праведности

фарисейской, не-е-е! Мы не такие, слава Тебе, Господи! Мы дух мира и смирения храним, а Евангелие... Ну, на то оно и Евангелие, т.е. Благая весть, чтобы радовать нас вестью о спасении всем грешникам, верующим во Христа, и прибегающим к Его дарам, врачающим нашу душу: к молитве да посту, к сухарикам из чугунка да к землице с могилок, к цветочкам от Плащаницы и Креста да к водице заговоренной... Ну да... всякое бывает, а что ж поделаешь, когда ребенок болеет, а врачи помочь не могут? Господь простит, мы же не со зла, а по немоици, а сила Божия, как известно, в немоици совершается, вот.

Это изуверство, ставящее праведность и добродетель в зависимость от греховности и порока, внешне маскирующее язычество христианской символикой, а христианство, внутренне подменяющее язычеством – такой же плод лукавствующего ума, как и «классическое» фарисейство. От них одно средство: мытарева простота в покаянии, соединенная со старанием «фарисеевы добродетели... подражати, и поревновати мытареву смирению, во обою ненавидяще безместное мнение, и пагубу падений» (из канона на утрени Недели о мытаре и фарисее).

Фарисеи всех времен пытаются приспособить Божие учение под «удовлетворение религиозных потребностей верующих» и «духовных нужд православного населения».

Будучи всегда «со своим народом», они культивируют в нем национально-религиозную гордость, не углубляясь, разумеется, в суть Закона и охотно идя навстречу всему, что укрепляет положение национальной религиозности в государстве, как правило, строго

и одновременно избирательно взыскивая за обрядовые, канонические и дисциплинарные нарушения и, в целом, достаточно снисходительно относясь к безнравственности, особенно к тем ее проявлениям, которые в обществе давно прижились и распространены.

И Бог, если разобраться, для них не цель, а все то же средство: Он – Помощник и Покровитель в благополучии мирском: хоть на индивидуальном, хоть на семейном, хоть на корпоративном, хоть на общегосударственном уровне, а спасение, как это (как правило, косвенно) следует из их поведения и «мыслей вслух», осуществляется не столько на путях Его заповедей, сколько в строгом соблюдении ритуально-канонического порядка или в жертвенному служении земному Отечеству.

Отсюда и, как правило, непонятная толерантность фарисейства к магизму и «неразборчивость в связях» со всевозможными одиозными течениями и сообществами.

Отсюда же и лютая ненависть к тем, кто смеет ставить под сомнение состоятельность удобных стереотипов мышления, и, развенчивая научообразное мифотворчество, якобы мешает «уважать свою историю», а на самом деле всего лишь побуждает ее знать, понимать, здраво и честно мыслить.

Не утратило актуальности и предостережение Спасителя о *саддукейской закваске*.

Исторически саддукеи – поддерживаемая римской властью каста своего рода аристократов от религии, которых народ интересовал исключительно в качестве быдла. Какая разница, насколько осознанно и верно будет «населением» исполняться Закон, и насколько

осмысленным будет совершение обрядов? В качестве сплачивающего народ компонента культивируется, на почве неспособности исполнить Закон, комплекс вины, и поощряется магическое, без всякого понимания сути, соблюдение обрядов и дисциплинарных требований – наиэффективнейшее средство тотального контроля и манипуляций!

Поэтому жертвоприношениям они придавали большее значение, чем изучению Закона и молитве. В этом их принципиальное отличие от фарисеев, которые, будучи заинтересованы в просвещении народа, усиленно формировали «ограду Закона» – учение о том, как не-преходящую сущность Закона исполнять в меняющихся обстоятельствах (намерение само по себе благое, другое дело, во что оно выродилось).

Для саддукеев характерен был прикрытый (в отличие от иродиан) коллаборационизм, однако, поскольку они добивались не только духовной, но и светской власти над народом Израиля (тот самый пресловутый клерикализм), то в отличие от фарисеев, ставящих себя в более или менее жесткую оппозицию оккупационной власти, и от придерживавшихся откровенно проимперской политики иродиан, они порой вступали в соперничество с государством. И это соперничество – тоже характерный *непреходящий* признак «саддукейской за kvaski».

Характерным признаком *иродианства* в современной церковной среде является такое отношение к мирским порядкам и обычаям, которое ставит религию в служебное положение к государству, правящей политической коалиции, а то и некой, быть может, даже оппозиционной идеологии.

Исторически иродиане – это не только династическая корпорация, но идеологическая группировка, верная политическому курсу Иродов, их «цивилизационному выбору». Поэтому Господь и говорит об особой «закваске», определявшей их специфическую систему ценностей и представление, как ее следует осуществлять во имя этнического и geopolитического выживания.

В условиях реальной римской оккупации идеяная проимперскость иродиан, выражавшаяся в сознательном, последовательном и всецелом встраивании в систему безопасности и стабильности Римского мира, выглядела в глазах национально ориентированных фарисеев даже не как своего рода «низкопоклонство перед Западом» и даже не как «пятая колонна, продавшаяся за печеньки Госдепу», но как инструмент оккупационного режима со всеми отсюда вытекающими унижениями.

Эта «закваска» побуждает нас, современных христиан, «шагая в ногу со временем», «прогибаться под изменчивый мир», а уж в какой форме: «запираясь в гетто» или отказываясь от незыблемых мировоззренческих основ и приспособливая христианский образ мыслей под мирской, но в обоих случаях соглашаясь с вытеснением подлинного христианства из общественной жизни – это на суть не влияет, главное, чтобы приспособленчество рассматривалось как что-то здоровое, нормальное, а еще лучше, чтобы оно вообще не замечалось.

Существенное проявление «иродовой закваски» в христианах – согласие с правом мира указывать христианству его «место» и аксиоматичное акцептирование общепринятых в секулярном обществе взглядов.

При обильном цитировании Писания и аргументов от церковных авторитетов, с приведением исторических

примеров – «поднявшаяся» на этой закваске позиция не более чем проявление инстинктивного принятия закона мира сего, его духа и встраивания в одну из социальных ниш, представляющей референтной группой хотя бы и самого нонконформистского толка. Особенно трудно доказать человеку, что его религиозное сознание подвержено действию «закваски Иродовой», если он выстрадал свои взгляды в противостоянии «системе» или вопреки мнениям, поддерживаемым с авторитарных позиций.

Нетрудно заметить, что Господь практически не уделяет внимания саддукеям, не говоря уже об иродианах. Это очень просто объясняется: с иродианами Ему просто не о чем было спорить, и, главное, не ради кого, а саддукеи, в отличие от фарисеев, не пользовались доверием в народе, да они и не усердствовали в просветительской деятельности и не утруждали себя борьбой за сердца соплеменников, в своем властолюбии предпочтая опираться на оккупационную власть.

А вот с фарисеями всё обстояло намного сложнее именно потому, что их образ мыслей и жизни зачастую представлял собой весьма привлекательную подмену. Не случайно «фарисейство» стало синонимом «лицемерия».

Горе нам...

Обличая фарисеев, «оцеживающих комара и поглощающих верблюда» (Мф 23:24), Господь говорит: *Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды. Фарисей слепой! очисти*

прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их (Мф 23:25–26). Эти слова Спасителя обращены к каждому из нас, как тест на выявление лицемерия и средство его удаления.

Не надо бояться обнаружить в себе лицемерие, ибо не всякий, в ком оно есть – лицемер, но лишь тот, кто пытается лгать самой жизнью своей.

Что такое «ложь жизнью», очень доступно излагает авва Дорофей, типологизируя ложь по трем видам: мыслью, словом и жизнью. В частности, он пишет: «Жизнью своею лжет тот, кто, будучи блудником, притворяется воздержным; или, будучи корыстолюбив, говорит о милостыни и хвалит милосердие или, будучи надменен, дивится смиренномудрию»¹¹.

Всегда и всё определяют мотив и цель. Где цель – создать видимость благополучия без волевого усилия изменить к лучшему внутреннее состояние, там торжествует *ложь жизнью*, лицемерие. И в отношении конкретной личности всё, вроде бы, ясно. Кто не понимает, что лицемерие богопротивно?

Однако многие, кому это ясно в индивидуальном отношении, утрачивают ясность мышления в ситуациях *коллизий корпоративной этики*, когда речь не только об отдельной личности, но, к примеру, о репутации Церкви, в жизни которой эта личность играет, скажем так, не последнюю роль. И мы зачастую видим, как человек, зорко следящий за собой, чтобы не лукавить, не лицемерить, не величаться «внешностью чаши» (своей), старающийся в первую очередь усердно вычищать ее

¹¹ Прп. авва Дорофей. Поучение 9. О том, что не должно лгать // Преподобный авва Дорофей. Душеполезные поучения. – М.: Сретенский монастырь, 2010. С. 158.

«внутренность» – этот же человек, не раздумывая, резко выступает против каких бы то ни было открытых обличений недостатков церковной жизни и личных пороков пастырей и архиепископов.

Если при этом он «за закрытыми дверями» добивается исправления пороков, открытое обличение которых осуждает, т.е. вычищает «внутренность чаши» (общей) всеми силами, тогда это замалчивание – не лицемерие, а искренняя забота о немощных, которые могут соблазниться и потерпеть душевный вред. А если нет?

Искреннее лицемерие – одна из форм сопротивления живущего в нас «ветхого человека» Духу Святому; сопротивления «ветхого человека», который, будучи изможден и уже почти побежден, вдруг обнаруживает корешок страсти (например, человекоугодия), находит добродетели для прикрытия (к примеру, ревность по Бозе, любовь к ближнему, смирение и кротость) и, окопавшись внутри сердца и замаскировавшись от совести, пытается из укрытия направлять наши мысли, чувства, слова и действия, порождая «ложь жизнью».

И вот, не видя в себе того, что таится под прикрытием добродетелей и благих намерений, преисполнившись чувства ответственности за души «малых сих» и за судьбы Церкви, человек негодует против безответственности обличителя всевозможных язв церковной жизни, одобряя, а то и требуя в его отношении суровых мер, совершенно не замечая, что перегибы, допущенные «хамом», по сравнению с грехами тех, кого он обличает – все равно, что комар и верблюд.

И не замечает человек, что занимается он полировкой «внешности чаши», оставляя нетронутым «внутреннее»... только масштаб другой, что, собственно,

тоже препятствует ему видеть применимость слов Спасителя о внешнем и внутреннем к своей жизненной позиции, помыслам и поступкам: *он ведь не о себе заботится, а грех ближнего все Отцы советуют покрывать!..*

Все, да не все, не всегда и не во всём. Если по совести и с умом подходить к делу, адекватно применяя к жизненным коллизиям святоотеческие наставления, то найдется свое место и кроткому терпению, и смиренному неосуждению, и мудрому молчанию, и нелицеприятному обличению.

Итак, в чем корень зла? В том, что кто-то смеет выносить внутренние нестроения на обсуждение общественности, или в том, что замалчиванием проблем создается благоприятная среда для укоренения и процветания порочности?

Ради кого имя *Божие хулятся у язычников* (Рим 2:24)? Ради тех, кто объявил о недостоинстве некоторых христиан, или ради тех, кто культивировал в себе и других что-либо достойное порицания и/или попустительствовал этому?

Кто дискредитирует Церковь? – Те, кто, называясь христианами, тайно творит зло, или те, кто их открыто порицает?

К сожалению, эти вопросы не для всех являются риторическими.

Почему? А потому что не бережемся мы трех «заквасок», о которых предостерегает нас Христос. Все три упомянутых сообщества (партии, секты, движения – как угодно) жаждали Его смерти, каждое по своим причинам. Все три «закваски» – богооборческие и богоубийственные по своей сущности.

Допуская их в себе, мы культивируем чуждый Христу дух, а Христа изгоняем и распинаем. Причем, что важно еще понимать: если *во время оно* немыслимо было, чтобы один человек состоял одновременно более чем в одном из этих трех сообществ, то все три «закваски» запросто могут действовать в одном христианском сообществе и даже в одном человеке.

Вышеупомянутые «закваски» в нас уже есть. Вопрос не в том, принимать их в себя или нет. От нас зависит, как мы *к ним в себе* относимся. Хотим ли мы их в себе распознавать, чтобы «уберечься»: зорко замечая, контролировать, не допускать их влияния и вычищать с Божией помощью, или предпочитаем не замечать, а то и «обманываться рады», принимая их за положительные ценности?

Погибельная парфюмерия

«Я ее не ненавижу, – как-то, помню, возражала мне одна юная прихожанка в ответ на мои увещевания не держать зла на свою сестру во Христе. – Я просто ее не замечаю, ее для меня нет, она для меня не существует».

Совершенно без толку было объяснять, что это и есть ненависть, что это и есть презрение (в отличие от признания – *обращать внимание*). Девушка была свято уверена, что если она не мстит (активно не оскорбляет словом и действием), а просто стоит столбом, не отвечая на приветствия и глядя вперед или сквозь (тут уж как повезет собеседнику в пространственном отношении оказаться) – это самое что ни на есть нормальное и приемлемое поведение. Она не держит зла, ибо не на кого. Этого человека – **нет**.

Конечно же, такое демонстративное презрение к ближнему, слава Богу, не особо частое явление в церковной среде. Но и демонстративность – не самое худшее в каком бы то ни было пороке. Противно, бесспорно, смотреть на отходы жизнедеятельности, но, видя их, можно, по крайней мере, если не убрать, то хоть не вступить, а как быть с тем, что прикрыто благоухающей флорой?

То же и с душой. Как же надо любить свою порочность, чтобы не только приспособиться ее камуфлировать мнимым доброделанием, но еще и проглядывающий срам научиться выдавать за добродетель?

Вериши лжи, потому что страшно обнаружить подделку и оказаться в одиночестве со своим пониманием. Лучше поверить. Вернее, легче. Так спокойнее.

И всё. И порок торжествует. Да-да, именно так. Порок торжествует в тишине. Порок не тогда распространяется и засасывает, когда людей от его миазмов наизнанку выворачивает, но когда его дезодорируют фирменными средствами ада: *мнимым благочестием и фарисейской моралью*.

Вспомним-ка происхождение парфюмерии: изначально ее цель была в чем? Правильно – перебить смрад грязного тела. Нечто подобное происходит и в духовном плане, когда «благоуханием православия» перебивают смрад алчности, гордыни, тщеславия, человеконенавистничества, равнодушия и пр.

Чего проще? Сатана первый химик. Какое благоухание изволите? Вмиг предложим варианты – все настолько «идентичные натуральному», что самое тонкое обоняние не отличит.

Чем желаете спрыснуть язву тщеславия? Фирменным «Ревность о славе Божией»? Пожалуйста! У вас подгнивает душа в связи с недугом равнодушия? Припудрите ее из коробочки «Смирение»: ведь именно смиление (да-да, а как же, ничто другое, конечно) вам не позволяет вторгаться в жизнь близких, справиться об их делах, искренне интересуясь, не можете ли вы им чем-то помочь. Пудрите, пудрите спокойно! Препарат, апробированный веками, да что там – тысячелетиями! Мозги запудриваются равномерно и приятно: и себе, и людям. И все довольны...

«Сакраментальное слово»

Прощение... О, эта добродетель заслуживает, чтобы и о ней, и о спекуляциях на ней поговорить особо. Вспоминается одна старая добрая знакомая. Отнюдь не праведница, не какая-нибудь «продвинутая православная». Очень даже непростой жизни человек. Много лет назад я упустил ее из виду и до сих пор не знаю, воцерковилась ли она в итоге.

«Как трудно нам произнести это сакраментальное слово „прости“!» Ее фраза врезалась тогда, двадцать лет назад, в мою непроизвольно избирательную память и звучит в ней по сей день. Как хорошо, как точно она сказала: «сакраментальное».

Поистине, слово «прости» – сакраментально. В душе происходит таинство отпущения греха. Нет-нет, прошу, не соблазняйтесь, братья и сестры, я не пытаюсь внести новшество в догматическое учение о Таинствах и отрицать необходимость священника для совершения таинства Покаяния. Речь о другом: что-то происходит

в душе людей в этот момент... или не происходит. В зависимости от искренности и серьезности отношения к теме. И в душе произносящего «прости», и в душе того, кто открывается для принятия этого слова в свою душу. Если открывается. И если произносящий *нелицемерно* просит.

Нет, я не хочу сказать, что если человек не получил прощения, то сам виноват: значит, неискренне просил... Нет, ни в коем случае! Хотя... надо посмотреть, может, и так. Может, и в самом деле не лишне будет заглянуть в свое сердце и покопаться, так ли уж оно преисполнено стыдом и горечью от осознания своей вины?

Однако бывает, что сердце, ожесточенное обидой и злопамятством, остается неприступным при самом искреннем призывае к примирению. В связи с этим вспоминается случай, рассказанный недавно моей духовной дочерью.

В детстве проводила она каникулы у бабушки на Дону. И вот ее все время поражало, как бабушка и ее соседка лаялись друг с дружкой: огонь и пламень!!! Рок-опера «Глубины ада на станичном огороде». Никакой аппаратуры, а зато какие спецэффекты!..

Одним из них был повторяющийся пассаж, означавший в станичной семиотике завершение фольклорной композиции на свободную тему: стремительный разворот спиной к оппоненту и поясной поклон до земли с одновременным задиранием юбки. Внутреннее единство душ, сплетенных в борьбе, парадоксально сводило на нет искомый зрелищный эффект от демонстрации «пятой точки», поскольку, сливаясь в экстазе, они это делали, не сговариваясь, одновременно.

Девочка, подраставшая на чтении классической литературы и небезуспешно вскармливаемая мамой в плане хороших манер, столбенела и робко спрашивала бабушку, как это у нее совмещается «вот это всё» с хождением в церковь? Бабушка пожимала плечами, разводила руками, вроде как, не видя ничего несомненного и противоестественного для христианской души в этом.

Однако не будем торопиться с выводами, что, дескать, обе они одинаковые, и народ, вот, «крещен, да не просвещен», и «все они – язычники», ну и прочий, хоть и не лишенный оснований, а все же поверхностный бред.

Так вот, собралась, значит, соседка бабушкина помирать. Но помирала она не дома, а в больнице. И тогда бабушка моего чада, превозмогая дикую боль в суставах, оделась-обулась и по черноземной грязи, в которой порой даже трактор застревал, пошла за тридевять земель в эту больницу.

Пришла, присела возле кровати и заговорила с умирающей о том, что, вот, лаялись они всё-ляялись, а теперь ей, видимо, пришел час помирать, и давай-ка мириться, прости меня, старую, а то, что ж?.. Та молчала, слушала. Выслушала. И, так же молча, отвернулась к стенке... Как рассказывала бабушка: «Зубы сцепыла, тай к стенки, *мовчки*, повэрнулась».

Вот так. С виду они как бы одинаковые: и в церковь обе ходили, и лаялись омерзительно тоже обе, и сквернословили в лицо, и фигуру канкана показывали с одинаковой завидной прытью, как списанные танцовщицы «Мулен Руж», идя ноздря в ноздрю к своему финишу на радость бесам. Да только на пороге вечности в них произошел суд (суд, по-гречески, **κρίσις** <кризис> –

выявление сущего): и одна повиновалась голосу Божиему, а другая предпочла «чужой глас» (Ин 10:5).

Потому что внутренне были разными. Не стали, а именно были. Только проявилось это при расставании, при прощании. При прощении. Одностороннем.

Трудно было уловить «разность» под грубостью. Тем более эта внутренняя «разность» с трудом просматривается, когда люди «обучены благочестивым манерам». Можно ведь и все нормы этикета соблюсти, и в глаза смотреть, и улыбаться, а при этом по сути стоять к человеку спиной, изящно, утонченно (а потому глубоко и болезненно) давая ему это почувствовать.

Так бывает: человек прощения просит, но как бы стоя спиной. При этом и подрагивание голосовых связок будет с поволокой в глазах, и очень стройное изложение своего якобы осмысления вины.

Но «лукавство спины» уловить все же можно. По некоторым реакциям и аргументации. Если, конечно, быть внимательным. Критериев, как минимум, три: о чем сожалеет просящий, чего добивается и на что ради прощения готов?

Искреннее раскаяние сопряжено с покаянием, то есть с изменением внутренним, с *переменой образа мыслей и чувств*. Если просящий сожалеет не о самой ране, которую нанес, и не о самой безнравственности поступка, а о том, что вследствие этого потерял – это раскаяние без покаяния.

Если он добивается прощения не ради самого прощения, не ради мира в душе обиженного и не ради, как следствия, очищения своей совести, а *непременно* ради восстановления утраченных благ (или предотвращения

их утраты) – даже раскаяние это весьма сомнительно, не говоря уже о покаянии.

Если нет у него стремления как-то исправить испорченное, возместить утрату или, если это невозможно, хоть что-то сделать во искупление вины (речь именно о нравственной потребности искупить, а не о готовности откупиться, чтобы избежать неприятностей) – раскаяние, может, и есть, но... только на уровне того, что вот, не рассчитал, промахнулся, недооценил, а теперь расхлебывать приходится – лучше бы не делал.

Все это значит, что если даже есть сожаление о содеянном, то не из-за горя, причиной которого стал, а из-за собственных неприятностей, которыми это «чужое» горе обернулось. Ну максимум, в самом деле, сожалеет о поступке, которым причинил страдания невинному человеку, о самих страданиях жертвы тоже, может, переживает, но при этом не меняется, оставаясь таким же, относясь к себе по-прежнему.

И что с такими делать? Не прощать? Но тогда какие мы христиане? Подыгрывать им? А по-христиански ли это? Христос не лобзал Иуду в ответ, но укорил, указав на чудовищную подłość выбора знака: «*Целование ли предаешь Сына Человеческого?*» (Лк 22:48).

Сщмч. Вениамин Петроградский не стал благословлять своего «птенца» Александра Введенского, когда тот, придя с чекистами, хотел получить благословение: «*Отец Александр, мы же не в Гефсиманском саду!*»

Это примеры непрощения? Нет, но примеры непотворства лукавству.

Православие антиномично не только в области вероучения, но и в области учения нравственного, которое от первого неотделимо, органически из него произрастая.

Догматика питает этику, а последняя, реализуясь практически, является в спасаемый Богом мир как плод ве-роучения.

Если Бог непостижим, то и Его Откровение тоже не поддается схоластическому препарированию. В жизни христианина всегда будут складываться ситуации, которые можно назвать духовно-нравственными коллизиями. Не потому, что заповеди не ясны, а потому, что ум наш лукав.

И лукавый наш ум, сталкиваясь с ситуациями, в которых, чтобы адекватно применить теорию на практике, требуется напрячься и прислушаться к совести, предпочитает либо теоретизировать, выхватывая, не вникая в суть проблемы, «подходящие» отрывки из Писания, святоотеческих трудов, житий, канонов (когда речь о другом человеке), или же (когда речь о себе-любимом или о ком-то из близких), не задумываясь, отдает предпочтение житейской мудрости, решая ситуацию по привычному шаблону производственных, коммерческих, корпоративных и тому подобных типов безбожных отношений.

Если же мы хотим оставаться Христовыми, то «двойные стандарты» не для нас. Другое дело, что не всегда бывает просто поступить по Евангелию.

Вот хотя бы то же прощение. По Евангелию все ясно: от ближнего отвращаться нельзя. Нет для нас людей погибших, пока их земля носит. Есть *погибающие*. Тут важно и против них (значит, против Христа) не погрешить, и себя не дать им обмануть в каком бы то ни было отношении.

Так прощать или не прощать? Броситься в объятия или повернуться спиной?..

Вот из-за такой постановки вопроса люди зачастую и впадают в противоположные крайности. Почему обязательно «или-или»?

Чтобы не возникало соблазна двоедушия по принципу: «Евангелие и Отцы – это прекрасно, а жизнь – это жизнь», следует развести понятия прощения как духовно-нравственного акта и прощения как восстановления отношений.

Первое – заповедь, и без этого нет спасения. Причем не столь важно, заслуживает ли обидчик прощения – это не нам судить. Прощать, не дожидаясь, пока нас об этом попросят, надо в любом случае от сердца ради Христа, Который нас прощает и примиряет с Отцом Небесным.

И тут не проходит оправдание, что есть такие обиды, которые нельзя прощать. Потому что в таком случае и Бог нам простит только всякую мелочь, а что посущественней – останется на нашей душе, ибо мы *сами* так решили. Нам ведь ясно сказано: ...*Каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить* (Мф 7:2).

Разумеется, прощение от сердца – основа выстраивания дальнейших отношений, но отнюдь не с необходимостью влекущая их восстановление, а если и да, то совсем необязательно скорое.

Разум дан человеку, чтобы анализировать и делать выводы. В том числе на будущее. Прощать от сердца надо. Быть готовым оказать согрешившему против тебя человеку милосердие, помочь – нормально. Сама по себе эта готовность – уже христианское состояние души. Но всегда ли надо действовать так, как готово простившее сердце?

Безусловно, что бы ни совершил человек, но, если он искренне раскаивается, если его покаяние приносит плоды – он должен быть прощен и его зло можно, да и нужно покрыть. Он уже другой человек. Ни к чему все эти «справедливые воздаяния».

А если как был злодей, так и остался, и просит он прощения только для того, чтобы избежать наказания или каких-нибудь проблем, и ему идут навстречу, в результате чего он получает возможность продолжать свои темные дела, но уже, с учетом ошибок, более ловко – это добро? Это по-христиански?..

Когда восстанавливают с ним отношения, оказываются доверие, только лишь на том основании, что на сердце больше нет на него зла, обиды, как если бы он никогда ничего не делал плохого, тем самым позволяя ему вновь вводить людей в заблуждение – это христианское поведение? – Это глупость.

Причем глупость преступная. Потому что одно дело – простить, оказать милость, поддержать в намерении исправиться и выдать первый *аванс* доверия; другое – сразу оказать *полное* доверие, не убедившись в искренности раскаяния и степени исправления. Ведь иной, даже искренне раскаявшийся человек, поначалу может лишь отчасти осознавать свою порочность, которая полностью еще не выветрилась, и он по немоши может вляпаться в прежнее... Это при искреннем раскаянии, а что говорить о лукавом примирении?

По-христиански ли принимать решение, исходя только из своего душевного состояния, не учитывая многих факторов, которые определяют дальнейшее поведение того, кого собираешься обременить доверием? А его психическое состояние, а наклонности, а степень

изменения образа мыслей (покаяние), а среда, а люди, наконец, которые могут пострадать от него?.. О них-то можно подумать и понять, что такое «милосердие» к неисправившемуся злодею – жестокость по отношению к его потенциальным жертвам?

Доверие доверию – рознь. Нам заповедано любить, а не дружить. Нам заповедано всех любить, но не заповедано всем и каждому доверять в одинаковой степени. И в то же время невозможно любить без доверия. Мы не можем любить ближнего, если не надеемся на его совесть, на то, что он изменится к лучшему. Доверие – это проявление надежды. Поначалу осторожное, а затем, от одного оправданного доверия к другому, и оно крепнет.

К любому человеку надо быть обращенным лицом, т. е. прощая заранее, не дожидаясь ничего с его стороны, в готовности принять его покаяние и поддержать в малейших изменениях к лучшему.

Но следует помнить, что чрезмерность доверия обременяет и провоцирует на злоупотребление; его недостаток оскорбляет и провоцирует на подтверждение обоснованности недоверия; аванс доверия вдохновляет и укрепляет на пути покаяния, но... аванс – это задаток, а не вся сумма.

Церковь Христова и подмены в ней

Многим знакомо высказывание: «В главном – единство, во второстепенном – свобода, во всем – любовь». Его приписывают, как правило, блж. Августину, иногда (согласно проф. А. И. Осипову) – прп. Викентию Лириńskому. На самом деле принадлежит оно протестантскому

богослову XVII в. Руперту Мелдению. Этот принцип – мерило принципиальности и толерантности.

Стоит, кстати, отметить, что «в главном» – не совсем точный перевод «*in necessariis*». «Главное» все же не исключает относительности своего статуса. Ну, мало ли, что среди чего – главное. Тогда как *necessitas* переводится не только как необходимость, нужность, обязательность, но и как обязательная сила, нерушимость, незыблемость, неприкосновенность. Т.е. речь не просто о главном, а о том, что обладает абсолютной и самодостаточной значимостью, что по своей природе неизменно и разнообразие возможно лишь в интерпретациях адекватных как содержанию понятия, так и его восприятию конкретной аудиторией; о неизменяемом не из-за каких-то внешних запретов, а в силу своей вечной и непреложной сущности. Этим *necessitas* является Божественное Откровение, сохраняемое в формах Священного Писания и Священного Предания, критерии которого прекрасно описаны в *Commonitorium*-е прп. Викентия Лиинского, утверждавшего, что если мы последуем трем принципам – всеобщности, древности, согласию (*universitas, antiquitas, consensio*), то сможем сохранить то, чему «верили повсюду, всегда, все». *Quod ubique, quod semper, quod ab omnibus creditum est* – эта формула прп. Викентия есть «строго-церковный, руководящий принцип и вместе православно-богословский научный критерий» догматического Предания (свящ. Иоанн Филевский). Причем критерий не для какой-нибудь отдельной части Предания, но для всего объема и содержания религиозно-догматического, истинно православного учения.

Так вот, для начала надо определиться с областью непреложного, незыблемого, а потому неприкоснovenного: какие ценности, какие явления и понятия относятся к этой категории? Все остальное – область свободы, область взаимоуважительной и, не побоюсь этого дискредитированного слова, толерантной дискуссии.

Отсутствие свободы в спорном, дискуссионном, допускающем не только разные трактовки и точки зрения, но и предусматривающем различную информированность, не говоря уже о зависимости установления истины от доказательной базы и риторических способностей конкретных личностей – это не только не способствует защите базовых ценностей, но гарантирует замутнение содержания того священного и непреложного, ради которого, казалось бы, предпринимаются избыточно-охранительные меры.

Но самое главное, без чего нет смысла даже заикаться о христианских убеждениях и соответствующем образе жизни – любовь. Без нее главное становится набором мертвых формул, а второстепенное – почвой для разделений и объединений лишь ради «дружбы против». Без нее не только богословский спор, но вообще любая дискуссия оборачивается показательной расправой над инакомыслящими и ответным нарастанием протеста и, как результат – неизбежное прогрессирование разномыслий и разделений, оставляющее все меньше надежд на достижение консенсуса и торжество истины.

«Про войну или про любовь?»

В сознании многих из нас избирательно-фрагментарно резонируют слова Христовы о кончине мира. На чем, например, в 24 гл. Евангелия от Матфея, акцентируется наше внимание? На том, что «восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных» (24); на войнах, междуусобицах, эпидемиях, природных катаклизмах; на новых гонениях – осели эти признаки в сите нашего внимания, и вот, мы уже напрягаемся, тревожно озираемся и подозрительно вглядываемся в братьев и сестер во Христе, в пастырей и архиастырей, усиливаясь понять, кто же из них – слуга антихристов. Подобные настроения закономерны при такой фильтрации слова Божия, когда предостережение «по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь» (12), оседает где-то на периферии, почти не попадая в поле нашего зрения.

Казалось бы, чему тут удивляться: об охлаждении любви Господь предостерегает, но ведь не подчеркивает же, а как бы между прочим упоминает, так чего ж нам на этом акцентировать внимание? Да потому акцентировать, что Евангелие надо воспринимать в контексте, а не путем выхватывания фрагментов с целью составления из них удобной концепции. А контекст слова Божия определяется тем, что «Бог есть любовь» (1 Ин 4:16); Его слово – это слово любви, даже когда оно обжигает обличением, сотрясает страхом геенны, описывает грядущие тяжкие испытания, прохождение которых «до конца» (Мф 24:13) является непременным условием спасения – все это слово любви, потому что

Господь, предостерегая, спасает. Любовь всегда – ко-
нечная цель, определяющая направление и весь строй
жизни христианина. Вот, откуда «во всем – любовь».

Давайте вспомним, что заповеди Десятословия были
начертаны на двух скрижалях. На одной – заповеди,
определяющие отношение человека к Богу, на другой –
к ближнему. Когда Спасителя спросили о наибольшей
заповеди в Законе, Он, отталкиваясь от уже известных
текстов: ...*Люби Господа, Бога твоего, всем сердцем
твоим, и всею душою твою и всеми силами твоими* (Втор 6:4-5) и ...*люби ближнего твоего, как самого себя* (Лев 19:18), выражая суть обеих скрижалей – любовь
к Богу, себе и ближнему, ответил: «*Возлюби Господа
Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою тво-
ю и всем разумением твоим* (в Мк 12:30 еще сказано
„и всею крепостию твою“ – И. П.): *сия есть первая и
наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби
ближнего твоего, как самого себя; на сих двух запо-
ведях утверждаются закон и пророки*» (Мф 22:37–40).

Важный нюанс: слово «утверждаются» не совсем
удачный перевод греческого глагола **κρέμαται** <крема-
тэ>, означающего «висит», от **κρεμάννυμι** <креманни-
ми> – «вшать», «быть повешенным», «висеть», «зави-
сеть» (в церковнославянском переводе сказано «висят»,
а в греческом тексте глагол употреблен в единственном
числе). Как отмечается в Толковой Библии Лопухина,
Закон и Пророки «не утверждаются, а зависят от двух
главных заповедей, суть вывод из них»¹², они как бы
поддерживаются этими двумя заповедями, но не снизу,

¹² Толковая Библия или комментарии на все книги Свя-
щенного Писания Ветхого и Нового Завета. – Петербург,
1902–1913. Т. 8. С. 347.

а сверху; они «словно бы „подвешены“ на приведенных двух заповедях»¹³.

Мы не случайно в тексте заповеди выделили слово «весь». Господь уже в Ветхом Завете, и еще настойчивей, открывая полноту Закона в Новом, заповедует нам руководствоваться любовью к Нему не постольку-поскольку, а всецело подчиняя ей всего себя. Казалось бы, *ну и что?* – мы *Его всецело и любим: соблюдаем богослужебный устав, молимся, постимся, ревнуем о чистоте веры и защищаем Его Церковь от врагов, воюя с ними на их же территории...* Так что с любовью к Богу всецелой, ради которой никого и ничего не жалко, у нас все в порядке. Такого типа рассуждение происходит из-за симптоматичной дезинтеграции религиозного сознания, упускающего из внимания, что Господь ответил искушавшему Его законнику на вопрос не о многих заповедях, а об одной наибольшей.

Двуединая заповедь триединой любви к Богу, себе и ближнему – это канон (стержень), который обеспечивает единство Ветхого и Нового Завета, это мерило церковности, которое всегда должно служить христианину ориентиром в жизни; это ответ Спасителя, открывающего нам, в чем проявляется богоугодная любовь, которая «есть исполнение закона» (Рим 13:10): *Если любите Меня, соблюдите Мои заповеди* (Ин 14:15).

Иногда приходится сталкиваться с лукавой интерпретацией наибольшей заповеди: якобы Спаситель самой формой последовательного соединения заповедей о любви к Богу и ближнему, указывает на поэтапность во времени (сначала Бога научиться любить, а потом уж

¹³ Щедровицкий Д. Введение в Ветхий Завет. – М.: Теревинф, 1997. Т. 2. С. 133.

ближнего). Не могу не воспроизвести, в качестве примера, поучение одного семинариста: «Любить ближнего? Да, но сначала надо Бога полюбить. В заповеди что сказано? – сначала Господа всем существом, потом ближнего. Как Закхей: сначала он увидел Иисуса и полюбил Его, принял Его у себя в доме, а тогда уже и ближних возлюбил так, что готов был пол-имения отдать нищим. Поэтому сначала Бога надо научиться любить и только тогда, когда мы в этой любви утверждимся, тогда только в нас откроется любовь к ближнему. А любовь к Богу проявляется в молитве и посте, в ревностном участии в богослужении...».

У свт. Игнатия Брянчанинова мы находим прекрасное опровержение этой лукавой попытки увернуться из-под «благого ига» Христовых заповедей. Размышляя в «Аскетических опытах» о любви к Богу, он пишет, что «Господь отметил верными и точными признаками любящего и нелюбящего. Он сказал: *Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое... Нелюбящий Меня не соблюдает слов Моих* (Ин 14:23–24). <...> Постоянным уклонением от зла и исполнением евангельских добродетелей – в чем заключается все евангельское нравоучение – достигаем любви Божией»¹⁴. Как мы видим, свт. Игнатий не рассматривает никакой поэтапности, но уклонение от зла и исполнение заповедей происходит одновременно, не дожидаясь достижения какого-то этапа, гарантирующего устойчивость против греха (что невозможно, не зря же Отцы советуют до конца

¹⁴ Свт. Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. О любви к Богу // Полное собрание творений. – М.: Паломник, 2001. Т. I. С. 119.

жизни быть готовым к искушениям и никогда не считать себя неспособным к падению).

«Любовь к Богу, – пишет он далее, – основывается на любви к ближнему»¹⁵. Т.е. не какое-то искусственное возгревание в себе любви к Богу требуется, оставляя любовь к ближнему на потом, но с точностью до наоборот.

А вот из другой его книги, «Приношение современному монашеству», о том же: «Любовью к ближнему мы входим в любовь к Богу. Любовь к Богу христианина есть любовь ко Христу, а любовь к ближнему есть любовь ко Христу в ближнем... <...> Невозможно возлюбить Бога, по учению Богослова, не возлюбив прежде брата. Любовь же к брату заключается в исполнении относительно его заповедей Господа»¹⁶. В качестве обоснования сказанного, свт. Игнатий далее цитирует авторитетных Отцов: прпп. Антония Великого, Иоанна Колова, Марка Подвижника. И далее пишет: «Любви к ближнему предшествует и сопутствует смирение пред ним».

Выражаясь словами почившего «старца в миру» прот. Владимира Залипского, любовь к Богу познается через любовь к ближнему, а любовь к ближнему – через смирение. Именно так, потому что, как только мы попытаемся возлюбить своего ближнего богоугодной любовью, свободной от пристрастий и корысти, он (точнее, лукавый через него) создаст нам все условия для упражнения в добродетели смирения, которая формируется через преодоление обид.

Этого и боится, гнездящийся в нас, дух фарисейства: его закваска, норовящая пропитать наши мысли,

¹⁵ Там же. С. 120.

¹⁶ Свт. Игнатий Брянчанинов. Приношение современному монашеству. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1991. С. 87.

проникнуть в любое наше чувство и дело, противится смириению и основанной на нем любви.

Конечно, принцип «во всем – любовь» не провозглашает примиренчества со злом, подыгрывания лукавству, рядящемуся в ризы миротворчества. Там, где речь идет об апологии греха и выгораживании злодеев, любовь к Богу побуждает вступаться за попираемые заповеди, любовь к себе – хранить совесть от растлевающих ее сделок, а любовь к ближнему – заботиться о его спасении. На то, как следует осуществлять эти побуждения любви, могут быть разные взгляды, и дискуссионность этой темы вовсе не предполагает, что лишь какая-то одна из сторон права. Но они могут каждая по-своему работать в едином направлении, признавая вариативность служения Истине: «несистемные», с большим уважением относясь к нелегкому кресту добросовестных церковных управленцев, действия или бездействие которых зачастую обусловлены более глубоким знанием реалий и пониманием возможных пагубных последствий, если потянуть за ту или иную соблазнительно торчащую ниточку; а «системные», проявляя ангельское терпение в отношении своих «несистемных» братьев, удерживаясь от соблазна записывать их в «церковные диссиденты», сдерживая досаду на них за «раскачивание лодки», «вынесении сора из избы» и прочие способы убеждения руководства в наличии проблемы, актуальности и необходимости срочно ее решать.

Кстати, о беспокойных «занозах». У Александра Галича есть стихотворный философский этюд, названный им эпически-скромно: «Пейзаж», и посвященный нехиткой механической конструкции, показывающей, когда уровень нечистот в выгребной яме доходит до своего предела и пора вызывать ассенизаторов. Кому-то надо

быть таким вот измерительным прибором, кому-то ас-сенизатором – лишь бы мотивом была чистоплотность, а целью – здоровье.

Церковь и церковная среда

В спорах на церковную тему настолько же трудно, насколько важно не допустить путаницы понятий. Меняется не Церковь! Меняется ее среда. Понятие Церкви, как ипостасного единства личностей во Христе, не тождественно понятию церковной среды. Последняя состоит из всех людей, идентифицирующих себя с Церковью. Это не только ее активная часть, так называемые «практикующие верующие», участники всевозможных православных объединений и учреждений, церковно- и священнослужители, священноначалие, но и, мягко говоря, пассивная масса, демонстрирующая свою идентичность крещением детей (зачастую приглашая совершенно неверующих крестных), отпеванием усопших (многие из которых последний раз в церкви бывали на своих крестинах), венчаниями (зачастую совсем не задумываясь о нерасторжимости брака и совместной жизни по вере, о недопустимости абортов, об исключении прелюбодеяния), освящением верб, куличей и пасок, забором святой воды, посещением могил в поминальные субботы и на Пасху (последнее противоречит церковному уставу, зато соответствует народному – куда церковному с ним тягаться!).

Среда эта отнюдь не однородна. В ней есть место и подвижникам благочестия – и прельщенным маньякам, и смиренным труженикам – и сеющим соблазны кликушам, и деятельным личностям – и бездеятельным (причем бездеятельность свою представляющим как норму

жизни), и усердным искоренителям своих пороков – и предпочитающим руководствоваться духом и обычаями мира сего. В этой среде есть место всем людям, идентифицирующим себя с Православной Церковью, крещенным в ней и демонстрирующим свою религиозную принадлежность, порой самым причудливым и несовместимым с ее учением образом... Эта среда – не сама Церковь, ибо с одной стороны она не охватывает сонма святых, отошедших из земной жизни, а с другой – в ней есть место и тем, кто, внешне пребывая в ее ограде, а то даже играя в ней не последнюю роль, своими настроениями и действиями свидетельствуют о чуждости Христову и святоотеческому учению, и сами себя отлучают от Христа.

Христианство и его паразиты

На всем протяжении церковной истории христианское сознание не меняется в своей сущности. Меняется массовое сознание христиан, что не одно и то же. Меняется не Церковь, а ее внешние формы самовыражения и бытия в мире (богословские, лiturгические, структурные, территориальные, этнические, социальные, политические, эстетические, технические и пр.). Эти изменения могут соответствовать ее основам, ее сущности, а могут и противоречить. Причем противоречащее может из ее жизни отфильтровываться, а может и прилепляться к ней, паразитируя на ее природе под видом освященного обычая или этической нормы. Но как бы прочно, импортированные из мира и паразитирующие на Священном Писании и Священном Предании, ценностные и этические представления ни распространялись в церковной среде и ни встраивались в ее

массовое сознание, они не могут стать христианскими. Другое дело, что из-за их распространенности и укоренности в христианской среде, *заплеленности* ими христианского сознания, очень трудно бывает разобраться, где мы имеем дело с элементом христианского мировоззрения, а где с мимикрирующим под него паразитом.

Что еще важно понять: для определения состояния и качества самой Церкви неприменимы социологические подходы. Церковная среда вполне поддается этим исследованиям, Церковь как таковая – нет. Тут не может быть никакой «средней температуры по больнице». О вероучении самой Церкви, о христианской аксиологии и этике судить надо не по соцопросам, не по массовым явлениям, не по среднестатистической модели поведения лица, идентифицирующего себя с Церковью, а по тем людям, чей образ жизни и мыслей соответствует евангельскому благовествованию, по тем, чья жизнь – во Христе, а потому – в Церкви.

Причем образ мыслей важнее, потому что христианин может согрешать, когда по немощи, когда по обстоятельствам (например, во избежание худшего зла), но пока он нарушение заповеди признает грехом, не оправдывает греха, кается в нем, надеется и усиливается преодолеть его, он – христианин, он Христов, он в Церкви, хоть грехом и повреждено это единство.

Но, когда человек, может, и не сам грешит, но оправдывает грех, объявляет его яко не бывшим в силу оправдывающих причин, обстоятельств и пр.; когда он ту или иную заповедь объявляет или необязательной, или «недействующей» в какой-то период, обосновывая тем, что по-другому не добиться какой-то важной цели, то он тем самым отрекается от Христа как истинной цели своего жизненного пути. И когда этот человек

внутренне сворачивает с пути заповедей, в нем совершается отречение, отпадение от Христа.

Внешне, формально он не отрекается. Себя нехристианином не считает, никакого отречения в своем прагматизме, ради которого жертвует заповедями, не видит. Самоидентификация у него твердая, уверенная. Но в Церкви ли он? Вряд ли, если доверять прп. Исидору Пелусиоту, объясняющему в послании диакону Феологию, что «кто, погрешив, осуждает грех, тот возможет со временем исправиться, имея в осуждении греха весьма великую помощь к тому, чтобы раскаяться; а кто хвалит порок, тот лишает себя помощи покаяния. Итак, поскольку соизволение греху есть плод развращенного сердца и души, неисцелимо больной, то похваляющий грех справедливо называется гораздо более беззаконным, нежели погрешающий. Ибо один весьма скоро удалится от греха, а другой вовсе не удалится...»¹⁷.

Зачем нужен Бог?

Церковь живет вечными ценностями и истинами. Но среди ее членов количество, исповедующих эти истины и ценности, может колебаться, порой доходя до катастрофичного минимума. Это не значит, что, вследствие наплыва множества людей чуждых по своему духу древнему христианству, а также вследствие дальнейшего обмирщения, Церковь изменилась по своей

¹⁷ Прп. Исидор Пелусиот. Толкование на Рим 1:32 в письме диакону Феологию // Прп. Исидор Пелусиот. Письма. Книга II [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otekhnik/Isidor_Pelusiot/pisma-kniga-2/#0_563 (дата обращения: 07.09.2023).

сущности или изменились исповедуемые ею истины и ценности. В сущности своей, в своих свойствах, в исповедуемой вере и ценностях Церковь не меняется.

Меняется *качество ее среды, определяемое преобладающими в ней представлениями об основах вероучения, об иерархии ценностей и о нравственности*. Остающаяся неизменной, исходящая из Божественного Откровения, ценностная система христианства настолько подменяется в количественно преобладающей части членов Церкви, среди большинства христиан, что создается впечатление будто бы это и есть Церковь, именно такова христианская вера, ее система ценностей и мораль.

Декларируется одна система ценностей, а жизнью исповедуется – другая. Спроси такого «среднестатистического православного», что превыше всего, скажет: «Бог», но стоит прислушаться к его рассуждениям и присмотреться к моральному выбору в тех или иных ситуациях, как становится ясно, что Бог для него не цель (как должно быть с высшей ценностью), а средство достижения цели, которая находится отнюдь не в области вечных духовных и нравственных ценностей. Не на небесах, одним словом, его сокровище. Впрочем, выбирая среднестатистического представителя не из «практикующих верующих», а из всей массы «крещенного люда», не стоит удивляться, если он высшей ценностью назовет не Бога, а что-нибудь из категории «главное – здоровье» (в основном, это выстраданный девиз старшего поколения), или, например, «героизм», «национальная гордость», «государственные интересы» и т.п.

Казалось бы, *ну и что? Каждый, как говорится, «выбирает для себя...»*. *Знай служи себе да обслуживай православное население, что бы там оно тебе о своей*

вере ни вообразжало. «Всех не переделаешь, всем не поможешь». Так?! Но ведь этот «каждый» – возлюбленное чадо Божие: либо уже родившееся в жизнь вечную в таинстве Крещения, либо призывающее к ней. И если соблазном для немощного послужила неадекватная адаптация Церкви к реалиям мира сего, то, не снимая ответственности (меру которой один Бог ведает) с поддавшегося и заблудшего, нам уместно вспомнить грозное предостережение Спасителя: *...невозможно не прийти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят* (Лк 17:1).

Духовное выживание

Тут очень важно понять, что такое адаптация. Это приспособление организма к условиям окружающей жизни, с целью сохранить свою. Внимание: жизнь! Не внешние признаки, не шкурку, не костно-мышечную систему, а жизнь и, по возможности, здоровье, для которого, конечно, важно в каком состоянии и внешний покров, и телесная основа, но первое без жизни – чучело, а второе – тушка, труп, который, конечно, можно заморозить, а то и забальзамировать, но суть от этого не изменится.

До тех пор, пока происходит именно адаптация христианства к жизни, точнее, к выживанию в миру, т.е., пока происходящие в Церкви изменения способствуют наиболее полноценной жизни во Христе, наиболее чистому осуществлению Евангелия в жизни каждого христианина, наиболее адекватному его распространению (и тут важнейшую роль играет богословие, как «перевод на человеческий язык» вечных истин Божественного Откровения), а во внешних формах церковной жизни (богослужебной, управлеченческой и пр.)

наиболее адекватной структуризации – это все и есть адаптация в истинном смысле.

К сожалению, часто под адаптацией человека, в частности христианина или Церкви, понимается банальное приспособленчество, позволяющее сохраниться, как говорится, «в качестве белкового тела», за счет ущерба жизни во Христе. Подобно тому, как человек, идя на сделку с совестью, предавая себя и других людей, калечит свою душу, уродует свою личность, разрушает самое ценное в себе – то, ради чего, собственно, стоит жить, но благодаря этому, весьма преуспевает, по мирским понятиям, в жизни (в том числе и церковной) – точно так же калечится и разрушается церковная жизнь, когда, ради сохранения ее институтов, инфраструктуры, внешне «мирного и благоденственного жития», ее жизнь, проповедь, социальное служение ставится на рельсы обслуживания политических интересов власти. Под предлогом, что она должна «всегда быть со своим народом» (в контексте архетипа «народ и партия едины»), ее жизнь повреждается ложными истолкованиями Священного Писания и высказываний свв. Отцов (иногда вырванным из контекста цитированием не к месту), ложными стереотипами поведения, выдаваемыми за традиционные ценности и т.д. – всем тем, что препятствует в нас жизни во Христе, лжет о Христе, сбивает с дороги к Нему.

Святая Церковь и ее «темный двойник»

В течение последних десяти лет, из которых особенно последние два года, нередко приходилось слышать: «когда-то мы пришли в другую Церковь». Нет, не в другую. В эту же самую. От того, что в ее среде стало боль-

ше людей, с которыми чувствуешь моральную несогласимость, то ли оттого, что многие старые добрые знакомые по церковному кругу общения, в самом деле, изменились в худшую сторону, то ли просто больше информации в открытом доступе (в т.ч. и ложной) – сама Церковь от всего этого другой не стала. Кто внутренне уклоняется от следования за Христом крестным путем Его заповедей, тот не может быть Его учеником (см.: Мф 10:38), отпадает от Христа, а значит, и от Церкви.

И если говорить о конкретной Поместной Церкви, все равно неуместно говорить так, словно вместе с носителями определенного воспитания и нравственного сознания, отошла в прошлое и Церковь их времени, как если бы вот, условно говоря, в одной ограде была до какого-то момента одна Церковь, а после – другая. Так недопустимо говорить, потому что Поместная Церковь – это всего лишь подструктура Вселенской Церкви. Единая Святая Соборная и Апостольская Церковь осуществляет себя в мире сем посредством тех форм и структур, которые мы знаем, и которые, да, могут не всегда полноценно соответствовать своему предназначению, но не меняют сути того, что должны осуществлять. Если мы видим творящееся в Поместной Церкви зло, нам не Церковь обличать надо, а зло, которое ее терзает, вводит в соблазн, явно или «неприметно, по малу», обманом отторгая от Христа его чад, внушая им ложные представления о ценностях и нравственных нормах, подменяя Христа в их умах и сердцах.

«Не знаете, какого вы духа» (Лк 9:55), – отвечает Спаситель ученикам на их железобетонный аргумент от Ветхого Завета, когда они просили разрешения спалить огнем небесным самарян. Как после этих слов,

после этого укора и одновременно предостережения, можно оправдывать войну примерами из Ветхого Завета? Что это, как не произвольное отречение от Нового Завета, а значит и от Христа и Его Церкви? Что это, как не отпадение от нее?..

Церковь – это Христос во главе тех, кому Он Путь, Истина и Жизнь (см.: Ин 14:6), и кто, по крайней мере, *старается* последовательно жить соответственно этому пониманию. В наши дни, как никогда прежде, актуальны размышления С. И. Фуделя о «темном двойнике Церкви» – размышления мало, кем, к сожалению, понятые. Рубить сплеча всегда было проще, чем распутывать. А если речь о переплетенности «по живому»?

Воцерковленность – не что иное, как внутреннее живое и осмысленное принятие единства во Христе, жизненный стержень, определяющий всю иерархию ценностей, в которой ничто преходящее не подменяет собой вечное. Между тем, нередки случаи, когда человек, заявляющий себя православным христианином, своими высказываниями и поступками обнаруживает искажение ценностей по рангу. Бог для него оказывается не целью, а средством, если и не в достижении каких-то низменных целей, то в служении ценностям пусть высоким, но все же преходящим. Его религиозность обусловлена представлением о Боге, как всемогущем защитнике, помощнике, снабженце и целителе. Бог – для него не Господь, а господин, Которому он служит, чтобы обеспечить благополучие себе, своей семье, своему Отечеству (вопрос, как он понимает это благополучие, опять же сам или с подачи пропаганды?).

Но вот ведь проблема: всё в земной жизни, в т.ч. и Отечество, временно и относительно, вечен лишь Бог,

а соединяемся мы с Ним или отпадаем от Него, зависит лишь от того, насколько мы следуем Его заповедям, в т.ч. заповеди «не убий». И когда правительство бросает клич: «Отечество в опасности!», каждый христианин должен рассудить, в самом ли деле его отчество в опасности, и если да, тогда он должен встать на защиту ближних (если необходимо, то и с оружием в руках), или же в опасности вовсе не Отечество, а интересы кучки властолюбцев, обосновавшихся у государственного кормила? Нравственный долг пастыря, тем более, архипастыря, для которого единство во Христе превыше всего, не только самому задуматься и рассудить, справедливо ли пред Богом слушать правителей «более, нежели Бога» (Деян 4:19), но призвать к этому и свою паству. Да и тем, кто в Бога не верит, можно было бы деликатно напомнить: правители приходят и уходят, а уголовные статьи за развязывание агрессивной войны и подстрекательство к ней, а также за исполнение преступного приказа остаются. А если ничего подобного пастырями не говорится и не делается, да еще и подыскиваются примеры от Писания и Отцов, оправдывающие грех, а то, не дай Бог, злодейству придается видимость служения мало того, что возвышенным – святым целям, происходит *страшная духовная подмена*.

Вспоминается фрагмент из романа «Идиот» Ф. М. Достоевского: «Вечером я остановился в уездной гостинице переночевать, а в ней только что одно убийство случилось, в прошлую ночь, так что все об этом говорили, когда я приехал. Два крестьянина, и в летах, и не пьяные, и знавшие уже давно друг друга, приятели, напились чаю, и хотели вместе, в одной каморке, ложиться спать. Но один у другого подглядел, в последние два

дня, часы, серебряные, на бисерном желтом снурке, которых, видно, не знал у него прежде. Этот человек был не вор, был даже честный и, по крестьянскому быту, совсем не бедный. Но ему до того понравились эти часы и до того соблазнили его, что он наконец не выдержал: взял нож и, когда приятель отвернулся, подошел к нему осторожно сзади, наметился, возвел глаза к небу, перекрестился и, проговорив про себя с горькою молитвой: “Господи, прости ради Христа!” – зарезал приятеля с одного раза, как барана, и вынул у него часы.

Рогожин покатился со смеху. Он хохотал так, как будто был в каком-то припадке. Даже странно было смотреть на этот смех после такого мрачного недавнего настроения.

– Вот это я люблю! Нет, вот это лучше всего! – выкрикивал он конвульсивно, чуть не задыхаясь. – Один совсем в Бога не верует, а другой уж до того верует, что и людей режет по молитве...»¹⁸

Другой пример такого рода извращенной религиозности приводит С. И. Фудель, рассказывая в книге «Моим детям и друзьям» об одном судебном факте, «о котором было сообщение в конце прошлого, то есть XIX, столетия. Деревенская девочка возвращалась из дома в школу после пасхальных каникул. Несла она с собой несколько копеек денег, корзиночку каких-то домашних пирожков и десяток яиц. По дороге с целью ограбления ее убили. Тут же убийца был пойман. Денег у него уже не нашли, пироги были съедены, но яйца остались. На случайный вопрос следователя, почему, собственно, он не съел и яйца, последовал ответ: „Как же я мог съесть! Ведь день был постный“.

¹⁸ Достоевский Ф.М. Идиот. – Л.: Лениздат, 1987. С. 227.

Это страшно не потому, что это судебный факт, а потому, что за спиной этого соблюдающего посты убийцы чувствуешь звенья длинной цепи, уходящей в века. Этот случай только вскрыл на минуту процесс гниения, который совершался в Русской Церкви в XIX веке. *Знаю твои дела; ты носишь имя, будто жив, но ты мертв* (Откр 3:1) – это слова не к человеку, но к Церкви. Почему же в те времена, да и во все времена, члены Церкви, тем более духовенство, не решались признаться в этом, а того, кто решился, наверное, обвинили бы в неуважении к Церкви? Уважал ли Господь Церковь, когда говорил ей, что она мертвая, а не живая? Ведь мы ни в чем не отделяем себя от Церкви и всю силу обличения принимаем прежде всего на себя. Я и в этом виновнее всех»¹⁹.

В 90-е гг. прошлого века на различных православных форумах говорилось очень много о возрождении духовности. Опыт последних лет показывает, что вместе с духовностью возродились и болезни Церкви, вместе с восстановлением церковного тела, отогрелись и ожили веками вскармливавшиеся в нем паразиты, а подмены выдавливают из церковного сознания подлинное христианство.

Таллин, Эстония
Апрель 2024 г.

¹⁹ Фудель С. И. Моим детям и друзьям // Фудель С. И. У стен церкви. Моим детям и друзьям / Сост. прот. Н. Балашов. – М.: Русский путь, 2012. С. 203–204.

**У ИСТОКОВ
ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Священник Владимир Зелинский

СВЕТЛАЯ ТАЙНА ПРЕМУДРОСТИ

Предисловие к статье Евгения Барабанова

Евгений Викторович Барабанов (1943 г. р.), философ, богослов, искусствовед, публицист, д-р теологии Тюбингенского университета, один из первых, если не попросту первый, духовный сын о. Александра Меня. Автор многих статей, опубликованных сначала под псевдонимом, затем и под своим именем в западных изданиях еще в советские годы. В начале 70-х, выслеженный и разоблаченный КГБ как человек передававший на Запад многие рукописи самиздата, заявил публично о своем праве на распространение свободной информации. Оно прогремело тогда на весь мир, так что мощный общественный отклик спас его от ареста. В дальнейшем, после раз渲ала СССР многие годы преподавал в ФРГ. В последние годы, живя в России, получил широкую известность как куратор многих выставок современной живописи и взыскательный художественный критик.

Предлагаемая статья, написанная 25 лет назад, обращается к одной из светлых «тайн» православия, и, возможно, к одной из тех «священных тем», которые никогда завораживали русскую религиозную мысль – теме Софии как Премудрости. Здесь вспоминаются слова блаженного Августина о том, что к каждому народу с его крещением Христос приходит с новыми дарами. Для России, для всего последующего русского богомыслия, новым был дар Премудрости. Премудрость

заговорила прежде всего в безмолвной красоте, красоте храмостроительства, церковной живописи, как и в молитвенном труде первых отшельников, уходивших спасаться в киевские пещеры. Родословная Софии начинается уже с выбора веры св. князем Владимиром, откликнувшемся на свидетельство посланных им мучей, побывавших на торжественной службе в храме св. Софии в Константинополе. Они, как пишет *Повесть временных лет*, не знали, где пребывали – на небе или на земле, не знали даже, как рассказать об этом. Но в эту весть о красоте богослужения, донесенной будущему крестителю Руси, они вложили и другую – весть о Премудрости как явленной иконы Бога. В богословском ее осмыслении Премудрость раскрывается нам в трех лицах. Прежде всего – это лик христологический, это образ Слова Божия, которое было в начале у Бога, и все через Него начало быть. «Творческое Слово Божие созидает вселенную, соединяя земное с небесным посредством Божьей Силы и Божьей Премудрости (Софии); Воплощенное Слово спасает своей крестной смертью человечество, собранное в Церковь – Тело Христово; в конце времен это же Слово Божие производит свой Последний Суд над миром».

Христологический лик Премудрости, Логос творения мира, оставляет, согласно преп. Максиму Исповеднику, свою печать на каждом из творений Божиих; любое из них хранит в себе то Слово, посыпаемое людям, которое было в начале у Бога. Другой лик Премудрости – богородичный. Лоно, вместившее Христа – утроба Богоматери, «Звезда, являющая Солнце», как называет Ее один из акафистов, и в этой Звезде по-особому преломляется сияние Солнца. Мария – целостный образ

творения (Томас Шипфлингер), Мария – проступающий в нас образ материнства Бога (о. С. Булгаков). Здесь Премудрость раскрывается излучением любви, которое особым образом передается в древнерусской иконописи. Богородичные иконы на своем языке говорят нам, что любовь-милосердие окутывает собой все созданное Словом, Сыном Божиим и Марией. Но есть еще и экклезиологический образ Премудрости, являющийся в Церкви, собирающий в себе Премудрость, как весть о спасении, как упование Царства Божия, как чаяние жизни будущего века. Эта весть отражает в себе замысел Бога о человеке, который ищет воплотить его в устройении храма, в видении неба на земле, открывающегося в богослужении, церковной живописи, преображении жизни, любви, «невидимой браны», совести, памяти. Премудрость – растущий символ, родившийся в Библии, он может бесконечно отражаться во все новых образах Христа, Богоматери, Церкви, они не повторяют друг друга, ибо отвечают непреходящей человеческой потребности во встрече с Господом повсюду, к распознаванию Его следов, которые открываются в дарах Духа Святого. Премудрость постоянно входит в новую реальность, точнее узнается в ней от глубокой древности до сего дня.

Дары Духа персональны, они лежат в основе самой нашей способности мыслить о Боге, описать Его догматически, нужными, ответственными словами выразить нашу веру, коснуться нашей молитвы, запечатлевать их в «умозрении в красках», но в Церкви все это собирается вместе. В литургическом смысле Премудрость *соборна*, то есть, социальна, коллективна и коммуникативна: будь то формы организации общежительного

монастыря, хозяйства, храмового или книжного знания. Премудрость есть и человеческая способность восприятия устроения мира, творения мира Богом и одновременно само это устроение, встреча с Ним «под гробою корою вещества» (Вл. Соловьев). Она – «не свойство отдельного человека, не результат его собственной интеллектуальной, практической жизнедеятельности, его усилий, но – свойство Бога, которым Он одаривает человека». «Узнай себя», по слову св. Василия Великого, и в глубине, в тайне своего творения и призыва найдешь ту Премудрость, которую вложил в тебя Господь.

*Брешиа, Италия
Май 2024 г.*

Евгений Барабанов

ОБРАЗ СОФИИ ПРЕМУДРОСТИ БОЖИЕЙ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ИКОНОПИСИ

Образ Софии Премудрости Божией – один из центральных символов древнерусской культуры. В нем соединяются самые разные линии традиций. Благодаря научным исследованиям последнего столетия (см. библиографию), сегодня мы можем достаточно ясно различать основные исторические слои этих традиций: слой библейско-новозаветный, слой патристическо-византийской теологии, слой литургическо-гимнографической практики и, конечно же, – собственно иконографический.

Однако, при всем множестве исследовательских работ, по-прежнему остается открытым вопрос о том, каким именно образом – и прежде всего в какой именно исторический период – образ Софии Премудрости Божией из доминантного универсального символа древнерусской культуры превратился в символ одного из «отвлеченных принципов», потерявших свою безусловную ясность для русской духовной традиции.

Одним из возможных путей к ответам на этот вопрос, на мой взгляд, является рассмотрение взаимосвязей иконописных образов Софии Премудрости Божией с теми символическими смыслами, актуализация (или забвение) которых составляет одно из важнейших содержаний древнерусской, а затем и послепетровской культуры.

Выявлению некоторых из таких взаимосвязей и посвящена настоящая работа, которая, разумеется, не

претендует на какое-либо исчерпывающее их выявление. Более детальное исследование всех перечисленных ниже элементов, и самое главное – их взаимосвязей – является следующей задачей моей работы.

1. Основы универсальности символа Святой Софии

Согласно «Повести временных лет», выбор византийского православия Древней Русью, был предопределен свидетельством послов князя Владимира, побывавших в константинопольском храме *Святой Софии-Премудрости*: «Ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали – на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелица и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом... Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве»¹.

Однако софийной доминантой отмечен не только древнерусский, но также и крайне важный для культурного самосознания Древней Руси *общеславянский образ православия*, восходящий к переводческому делу Константина-Кирилла Философа. Как рассказывает его «Житие», Константин еще в детстве обручился с Софией-Премудростью: «Когда же было ребенку семь лет, видел он сон и поведал о нем отцу и матери, и сказал, что стратиг, собрав всех девушек нашего града, сказал мне: “Избери себе из них, кого хочешь, в супруги, на помощь тебе и сверстнице свою”. Я же, рассмотрев и разглядев всех, увидел одну прекраснее всех,

¹ Повесть временных лет. Подготовка текста Д. С. Лихачева. Ч. I. – М.-Л., 1950. С. 274.

с сияющим лицом и украшенную золотыми ожерельями и жемчугом и всей красотой, имя же ее было София, то есть Мудрость, и ее я избрал». Родители, которым отрок Константин рассказал свой сон, утвердили его выбор наставлением: «Скажи же премудрости: сестра мне будь и мудрость сделай знакомой себе. Ведь премудрость сияет сильней, чем солнце, и если приведешь ее себе в супруги, то с ней избавишься от многого зла»².

² Сказания о начале славянской письменности. –М., 1981. С. 71–72; см. комментарий переводчика: «Рассказ о чудесном сне сложился под впечатлением сочинений знаменитого церковного деятеля, теолога и писателя IV в. Григория из Назианза, которые, по-видимому, были излюбленным чтением и солунских братьев, и кружка их учеников <...> В Житии “сон” Константина как бы приспособлен к условиям жизни IX в., когда распространенным явлением были так называемые “конкурсы красоты”: всех красивых девушек страны собирали в столицу, чтобы из них император или его наследник могли выбрать себе невесту». (Там же, с. 107); ср. В. Н. Топоров. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. – М., 1995. С. 145 и след.

К провиденциальному значению для судеб русского православия обручения Константина Философа с Софией-Премудростью русская мысль возвращалась и в XX веке. Так, П. А. Флоренский писал Ф. Д. Самарину: «Относительно Софии мне хочется припомнить сейчас, что мы, волею Божиего, насквозь Софийны, раз только мы православны. Ведь Св. Константин-Кирилл Философ, – тот, который духовно родил русскую церковь, еще семилетний, во сне избрал себе в подруги Царственную Софью, и, ей служа всю жизнь, от нее получал милости и дарования. Русское православие в существе своем есть дар Софии... Это залог нашего существования, ибо “Россия” и “русское” без Софии – *Contradictio*. (Свящ. П. А. Флоренский. Письмо к Ф. Д. Самарину от 1 августа 1912 г. – Вестник РСХД, № 125. С. 258–259).

Вслед за Константином тот же выбор сделали и в Древней Руси. Прежде всего об этом свидетельствуют древнейшие центральные храмы Киевской Руси, посвященные Святой Софии: Софийский собор в Киеве (1037–1067), в Новгороде (1045–1050) и в том же XI веке – в Полоцке. К этому коренному выбору восходят и последующие древнерусские софийные образы, запечатленные фресками, иконами, службой, народными духовными стихами³.

Конечно, древнерусская обращенность к образу Софии вовсе не является результатом зависимости только от византийских или южнославянских «влияний». О коренном отличии «естественной» человеческой мудрости от Мудрости Божественной прежде всего учили книги Ветхого и Нового Завета. И эти книги, судя по литературному наследию Киевской Руси, были хорошо известны древнерусским книжникам.

В Новом Завете София Премудрость Божия решительно противопоставлена всякой другой, прежде всего языческой мудрости: «Иудеи требуют чудес, а эллины ищут премудрости; а мы проповедуем Христа распятого – Христа, Божью Силу и Божью Премудрость, который сделался для нас премудростью от Бога» (I Кор 1:22–30).

Патристическое и византийское богословие, следуя апостолу Павлу, однозначно отождествило ветхозаветное учение о Божественной Премудрости с Логосом-

³ А. И. Кирпичников. Св. Георгий и Егорий Храбрый. Исследование литературной истории христианской легенды. СПб., 1879; Г. П. Федотов. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. – Париж, 1935, – М., 1991; Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI–XIX веков. Сост. Л. Ф. Соловченко, Ю. С. Прокошин. – М., 1991.

Христом. Христу посвящались и софийные храмы. Об этом прямо говорится в «Сказании о Святой Софии Царьградской»: ангел, явившийся сыну одного из строителей, повелевает назвать храм Софией во имя Второго Лица Троицы, «оттоле же прыйт такое наречение церкви (да) именуется Святая София Слово Божие, нареченное от ангела Господня»⁴. В другом списке того же «Сказания» сообщается, что на месте явления ангела «честна икона Великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа утвердися»⁵. Строители храма Новгородской Софии также не сомневались, что «воздвиже храм велик и пречестен Святыя Софея, иже есть Божия слово премудрости» (Книга Степенная. Ч. 1)⁶.

Христологическое понимание Софии органично сводило к взаимосвязанному единству онтологию, учение о спасении и эсхатологию: Творческое Слово Божие созидает вселенную, соединяя земное с небесным посредством Божьей Силы и Божьей Премудрости (Софии); Воплощенное Слово спасает своей крестной смертью человечество, собранное в церковь – Тело Христово; в конце времен это же Слово Божие произносит свой Последний Суд над миром. На этом христологическом принципе и основывалась универсальность символа Святой Софии Премудрости Божией.

⁴ Сказание о Святой Софии Царьградской. – Памятники древней письменности и искусства. Вып. 78. – СПб., 1889. С. 13.

⁵ С. Г. Виленский. Византийско-славянские сказания о создании храма Святой Софии Царьградской. – Одесса, 1990. С. 85.

⁶ А. Афанасьев. София Премудрость Божия в христианской иконографии, с. 76.

2. Древнерусские истолкования образа Софии Премудрости Божией

Древнерусская культура предприняла попытку значительно расширить объем значения универсального софиологического символа. Наряду с христологическим толкованием Софии Премудрости Божией, русское любомудрие знает и другие. Прежде всего – *мариологическое, богоородичное*.

Толковая Палея – наиболее влиятельная толковая книга Древней Руси – разъясняла: «Премудрость мнети Сына Божия, храмъ же святыи пречистую непорочную и бескверную Деву Богородицу Марию»⁷. Отсюда – традиция понимания церкви в образе Дома-Богородицы. Ветхозаветные слова «Премудрость созда себе дом» толковались как вместившая Христа утроба Богоматери. К этой традиции примыкают: с одной стороны, широко распространенное в Древней Руси строительство богоородичных храмов и практика посвящения храма Софии на дни богоородичных праздников, с другой – появление икон с богоородичной иконографией, с третьей – включение мариологического мотива в службу Софии Премудрости Божией, составленной князем Семеоном Ивановичем Шаховским в XVII веке⁸. В эпоху барокко мариологический аспект толкования Софии стал доминирующим, а в XIX–XX вв. – под сильным

⁷ Толковая Палея 1477 года. Синод. № 210. Общество любителей древней письменности. ХСIII. 1892, 26 об.; М. Б. Плюханова. О традициях Софийских и Успенских церквей, с. 489.

⁸ Ф. Г. Спасский. Русское литургическое творчество (по современным минеям). – Париж, 1951. С. 254–273.

влиянием западноевропейской мистики – составил одну из главных линий русской религиозной философии и русского богословия.

Наконец, следуя логике расширения объема значений символа древнерусская культура удерживала и третью линию интерпретации: объединенное средствами *аллегории* христологическое, мариологическое и экклезиологическое понимание Софии Премудрости Божией. В Древней Руси эта традиция была представлена иконами, изображавшими Софию в виде крылатого огненного Ангела (Ангел Великого Совета) в царско-архиерейском облачении (далматик, бармы) на престоле с семью столпами. В соответствии с изображением традиционного Деисуса, Ангелу предстоят Богоматерь с Предвечным Христом-Эммануилом и Иоанн Предтеча; над главою Ангела – в огненном кругу – благословляющий Христос.

Расширение объема содержаний символа, естественно, вело к многозначности, соответствовать и справляться с которой в средневековой религиозной культуре мог только *аллегоризм*. Аллегория не знает противоречий: один и тот же знак может иметь бесчисленное число подразумеваемых под ним значений. Важно лишь, чтобы эти значения были заранее оговорены, зафиксированы, учтены при вопросах и ответах.

Подробное аллегорическое толкование фигуры Ангела-Софии сохранилось в наследии Максима Грека: «Имеет же лицо человеческое огненное, ибо огонь божественный испепеляет страсти тленные, просвещает же душу чистую. Над ушами имеет тороки*, которые и ангелы имеют, ибо житием чистым подобна ангелам; тороки же есть местопребывание Святого Духа. На главе

ее венец царский, ибо смиренная мудрость владычествует над страстями. А что препоясана в поясе, то является признак старейшинства. В руке же держит скипетр, что означает ее царский сан. Имеет также орлиные огненные крылья, чем возвышенное пророчество и быструю мысль знаменует. Весьма прозорливая птица орел любит мудрость – когда видит ловца, она выше взлетает, так и любящие целомудрие неудоболовимыми ловцу дьяволу бывают. В левой руке держит свиток, в котором начертаны неведомые сокровенные тайны, ибо говорит Писание: не постижимы таинства божественные ни ангелами, ни людьми. Осиянный же светом престол, на котором она восседает, пребывание будущего века знаменует, как в пророчестве Исаии написано: утвердились же семью столпами – семью духа дарованиями. Ноги же поставлены на камне, ибо сказал Христос: на сем камне создам церковь мою; и еще: утвердится на камне веры печать девственности невредимой»⁹.

Благоговейное сохранение древнерусской книжностью разъяснительных ответов Максима Грека не случайно. Образ Софии-Премудрости, запечатленный иконописным «умозрением в красках» XVI–XVII веков, оставался одной из устойчивых загадок, над которой ломало голову не одно поколение русских любомудров.

* Тороки – волнистые ленты обрамляющей голову повязки, которые изображались в средневековой живописи у ангелов, и которые служат как бы улавливателями вышней воли.

⁹ Из приписываемого Максиму Греку сочинения, носящего название «Святаго Максима Грека известное сказание о образе святыя Софии Премудрости Божии». Цит. по кн.: *М. Н. Громов. Максим Грек. – М., 1983. С. 182.*

Уже ученик Максима Грека, московский инок Зиновий Отенский, сосланный в Новгород, свидетельствует об отсутствии у новгородцев какой-либо ясности в понимании образа Софии: «Слышах прящихся, – читаем в его “Сказании известно что есть Софей Премудрость Божия”, – не единого, ни дву, но многих и глаголюющих: что есть Софеи Премудрости Божия и в чие имя сия церковь поставлена и в которых похвалу освящая. Иногда же ко мне приходяще от людей прящихся и с докучанием многим мене пытающе: скажи нам, что слыхал еси о сем: овии убо глаголуть, яко освятися сия церковь во имя Пресвятыя Богородицы, овии же глаголуть яко несть зде имени сему в Руси ведомо, ниже мудрости сия можно толку ведати»¹⁰.

Сам Зиновий следовал объяснению образа Софии как изображения Логоса, причем не только как ипостаси, но и вообще Божественного Промысла: «Но и все богословцы умыслиша постаси (ипостась) Сына Софии рекше Премудрость, Логос сиречь Слово, силу Божию и сим подобное»¹¹.

Существование различных традиций толкования Софии Премудрости Божией, а также возможность их комбинирования сформировало своего рода софиологическую парадигму древнерусского символизма. Именно этот софиологический символизм и позволял объединять в разнообразных взаимосвязях и ансамблях высокую культуру книжности с фольклором, апокрифический

¹⁰ Зиновий Отенский. Сказание известно что есть Софей Премудрость Божия. – Вестник Общества древнерусского искусства. Вып. 1. – СПб., 1874; цит. по кн.: Г. Спасский. Русское лингвистическое творчество, с. 258.

¹¹ Там же, с. 259

гностицизм – с святоотеческим богословствованием, литургическую мистериальность и гимнографию – с пытливостью зависимых от них аллегорических фантазий.

3. Образы Софии Премудрости Божией в древнерусской иконописи

Софийные иконы в таком контексте – наилучшие иллюстрации к структурообразующим принципам всего древнерусского символизма. Образы «Софии Премудрости Божией», особенно распространившиеся на Руси в XVI–XVII веках, представляют собой сводную формулу древнерусской картины мира, основанную на принципе нерасторжимости всех фундаментальных обоснований интеллектуальной и социо-культурной жизни. Совокупность собранных вместе смыслов, явленных этими обоснованиями, предстает сакральной иерархией пронизывающих друг друга идей: миротворения и богооплощения, храма и миропорядка, «вышнего царя» и «богохранимой державы», церковных таинств и конечных судеб человека.

Образ Софии как бы выравнивает различное и поглощает противоположное: разделяя, он соединяет¹². На всех иконах слава Софии простирается на небо и землю: творение указывает на Творца, Царь Вселенной – на вместившую его Деву-Марию, Богоматерь – на крылатого огненного Ангела Великого Совета, храм – на эсхатологический образ освященной, спасенной и возвращенной Творцу в конце веков.

¹² А. И. Яковleva. «Образ мира» в иконе «София Премудрость Божия». – В сб.: Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. – М., 1977. С. 394.

Символическое изображение храма можно встретить на всех типах софийных икон, кроме новгородского¹³. И это понятно: Храм – идеальная форма богочеловеческого бытия: «Небо на земле», представленное совмещением различных образов. Поэтому здесь и Богоматерь Дева Мария – храм, в который вселилась воплощенная Премудрость-Христос и Собор Святых, и восхищение эстетическим совершенством¹⁴. Сами софийные иконы служили выражением той же идеальной основы бытия. «Композиция иконы “София Премудрость Божия” построена как план храма. Этот храм, в соответствии с IX главой Книги Притчей Соломона, воспринимается как “дом”, созданный Премудростью. Конструкция иконы несет на себе абрис вселенной, ее геометрическую формулу. В иконе “София Премудрость Божия” в единстве целого мы наблюдаем совпадение конструкции и композиции. Идея вселенной вбирает в себя идею храма. Храм стремится совпасть со вселенной. Дом Премудрости – это обширный дом мироздания»¹⁵.

Храм – наглядный, вещный, пластически оформленный и наиболее совершенный образ соборного, т.е. собранного Премудростью мира. Не случайно идея

¹³ А. И. Яковлева. «Образ мира» в иконе «София Премудрость Божия», с. 391.

¹⁴ Исходное значение древнерусского слова храм выражает «не представление о вере (как в греческом *kyriakós* ‘господень’, ставшем основой готского слова, к которому восходит славянское церковь), но также и не представление о собрании людей, пришедших молиться (как в слове собор); храм – обозначение простодушного восхищения красотой божьего жилища, хоромины чудной». (В. В. Колесов. Мир человека в слове Древней Руси, с. 198)

¹⁵ А. И. Яковлева. Ук. соч., с. 392.

дома или храма Премудрости связывалась с постройкой каждого храма: девятая глава книги Притчей («Премудрость созда себе дом и утверди столпов седмь...») читалась на службе основания всякой новой церкви¹⁶.

Климент Смолятич следующим образом интерпретирует библейский образ Премудрости, создавшей себе храм и утвердившей семь столпов: «Премудрость есть Божество, а храм человечество, aka во храм во вселился в плоть, юже приять от пречистыя владычица наша Богородица истинный наш Христос Бог. А еже “утвердив седмь столпов”, сиречь седмь соборов святых и богоносных наших отецъ»¹⁷.

Созидание храма Премудростю – дело домостроительства Божия: соединение идеального плана бытия с историей – с историей спасения, с историей борьбы за правую веру, с историей святости и монашеского подвига. В этой священной истории дело спасения есть дело Премудрости Божией: до эсхатологического Страшного Суда объединяет она Христа-Спасителя. И Богоматерь, которая для человека Древней Руси всегда оставалась Покровительницей, Защитницей, либо в позе «коранты», заступающейся за город, либо охраняющей его под покровом своих риз¹⁸. Просвещение народов, обучение неразумных – также принадлежит истории спасения.

Софийные иконы – формулы сакральной иерархии в домостроительстве теократической Державы,

¹⁶ И. Ф. Мейендорф. Тема «Премудрости» в восточноевропейской средневековой культуре и ее наследие, с. 245.

¹⁷ Н. К. Никольский. О литературных трудах митрополита Клиmenta Смолятича, писателя XII в. – СПб., 1892. С. 105.

¹⁸ См.: Д. С. Лихачев. Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси. – Успенский собор Московского Кремля. – М., 1985. С. 17-23.

основанной на симфонии священства и царства. Человек Древней Руси ясно понимал, что Богородицу и Иоанна Предтечу, изображенных на иконе «Софии Премудрости Божией» по обе стороны одетого в царско-архиерейские одежды и увенчанного золотым царским венцом Ангела, объединяло девственное *целомудрие*: сакральный исток истинной мудрости. В одном из древних письменных толкований о Богородице с Иоанном Предтечей говорится так: «си бо возлюби девство и роди Иисуса Христа Господа. Любяще бо девство створяжа есть словеса детельная, рекше неразумныя научают, си же възлюби Иоан Предтеча, и крести Господа Иисуса Христа. Устав же девства показает житие жестоко»¹⁹. Устав или чин – отсылает к служению: служению в монашеском чине (Церковь) и служению священной власти (Царство).

Главным же символом служения, представленным софийными иконами, была литургическая мистерия Евхаристии. Именно здесь фокусируется литургический аспект образа Софии: агнец в центре, Богородица и Предтеча по сторонам – все вместе «церковь торжествующая и воинствующая»²⁰.

Более «иллюстративно» эта литургическая тема развернута на иконах и фресках «Премудрость созда себе дом». Евхаристия предстает здесь в образе «пира Мудрости», являя тем самым торжественную актуализацию всех аспектов софиологического символизма. Исток его – все тот же библейский текст: «Премудрость построила себе дом, вытесала себе семь столбов его, заколола

¹⁹ Цит. по: А. И. Яковлева. «Образ мира» в иконе «София Премудрость Божия», с. 394.

²⁰ Там же, с. 395.

жертву, растворила вино свое и приготовила у себя трапезу» (Притч 9:1-2). Развернутой интерпретацией этой темы являлись росписи Успенской церкви на Волотовом поле под Новгородом (1352 г.)²¹. Однако литургически ориентированная древнерусская мысль распространяла понятие «трапезы» и на книжность. Епифаний в «Житии Сергия Радонежского» приравнивает слово – Евхаристии: «Приидите же ако да причастимся словесы»²². И это понятно: «Литературное произведение – трапеза, празднество, ликование, а значит, и отношение к литературе должно быть особым, как к чему-то свыше предложенному для спасения читателя, для его духовного насыщения»²³. Максим Грек также уподобляет книжное слово пище: книга Иоанна Дамаскина для него «воистину небесней красоте подобна есть и пище райстей

²¹ Подробнее см.: *M. Ф. Аллатов*. Фрески церкви Успенья на Волотовом поле. – М., 1977; *T. A. Сидорова*. Волотовская фреска «Премудрость созда себе дом» и ее отношение к новгородской ереси стригольников в XIV в. – ТОДРЛ. Т. 26. – Л., 1971; *Г. И. Вздорнов*. Волотово. Фрески церкви Успения на Волотовом поле близ Новгорода. – М., 1989 (там же – обширная библиография); *Б. А. Рыбаков*. Стригольники. Русские гуманисты XIV столетия. – М., 1993.

²² Ветхозаветные источники этой словесной трапезы, как бы отменяющей «Пир» Платона, разъясняется самим Епифанием: «Ведь пищей ангельской в Писании духовные слова называются, которыми наслаждается душа и внимает ум; и как пищей тело, так словом укрепляется душа. Сладость слов вкушив, Давид, дивясь, Богу говорит: “Как сладки гортани моей слова Твои, лучше меда устам моим!”» (Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века, с. 409).

²³ *O. Ф. Коновалова*. К вопросу о литературной позиции писателя конца XIV в. – ТОДРЛ. Т. 14, с. 210.

и сладше паче меда и сота»²⁴, а «Толковая псалтирь» – «некий вертоград всеплодный <...> наипаче же сосуд есть духовного меда, преисполнен всякия сладости, услаждая вкушающих его»²⁵. Наслаждение слушателей «медоточивыми речами», исходящими из уст праведника – устойчивый топос древнерусской литературы.

Сакрализация и религиозное почитание мудрости, представленной множественностью символических образов, делает соизмеримыми различные уровни древнерусской культуры. Софийно всё: храм и мир, служение и святость, икона и книга, любомудрие и удерживаемый им образ мира. В таком контексте само символическое видение вещей становилось софийным. Не случайно, поворот к символизму, начатый Вл. Соловьевым, вновь возвращает русской культуре XX века тему Софии – Премудрости Божией²⁶.

²⁴ Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 3. – Казань, 1859. С. 227.

²⁵ Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 2, с. 303–304.

²⁶ Литература, посвященная софиологической проблематике в русской культуре XX века, чрезвычайно обширна, напр.: С. Соловьев. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. – Брюсель, 1977; А. Ф. Лосев. Владимир Соловьев и его время. – М., 1990. С. 209–260; П. Кудрявцев. Идея Св. Софии в русской литературе последних десятилетий. – «Христианская мысль». – Киев, 1916. Кн. 9–10; 1917. Кн. 1, 3–4; З. Г. Минц. О некоторых “неомифологических” текстах в творчестве русских символистов. – Блоковский сборник III. – Тарту, 1979; П. А. Флоренский. Столп и утверждение истины. – М., 1914; С. Н. Булгаков. Свет Невечерний. – М., 1917; Он же. Купина Неопалимая. – Париж, 1926; Он же. Агнец Божий. – Париж, 1933; Он же. Утешитель. – Париж, 1936; Он же. Невеста Агнца. – Париж, 1945; В. Н. Лосский. Спор о

Генетически древнерусское почитание Святой Софии – Премудрости Божией восходит к библейской и эллинистически-византийской традиции. Однако древнерусское благочестие сместило некоторые акценты. Тайны Премудрости – это прежде всего тайны божественного домостроительства, явленные в церковных таинствах. В литургическом смысле Премудрость соборна, то есть социальна, коллективна и коммуникативна: будь то формы организации общежительного монастыря, хозяйства («домострой»), храмового (Типикон и служебные Минеи) или книжного знания (Минеи-Четыни).

Мудрость – не свойство отдельного человека, она не результат его собственной интеллектуальной, практической жизнедеятельности, его усилий, но – свойство Бога, которым он одаривает человека. Мудрость приходит к человеку путем теофаний – собственных манифестаций, чудес и знамений Софии – Премудрости Божией. Вне этих явлений, вне целомудренного служения Премудрости любой философ, к каким бы умным книгам он ни обращался – обречен оставаться во тьме. Если внешняя мудрость и приходит через приращение знаний о множестве вещей, то истинная мудрость обязана приобщению к мудрости Бога.

Этой божественной мудростью был создан мир и человек; ею поддерживается порядок этого мира, а ее конечное торжество совпадает с концом истории. Такова картина мира древнерусской книжности, где истинная мудрость предполагает единство теоцентрической и эсхатологической перспектив.

Софии. – Париж, 1936; В. Зеньковский. Проблема платонизма и проблема софийности мира. – «Путь». – Париж, 1930, № 24. С. 3–40.

Если мудрость опирается на Бога, она должна быть эсхатологически ориентированной на конец мира. Мир не бесконечен; его развитие и его знания не предполагают бесконечного роста. Напротив, он идет к концу. Соответственно, эсхатологически окрашенной оказывается и теоцентрическая перспектива. Эсхатология указывает на вечный характер сакрального и временный – (подлежащий упразднению) характер профанного. Все, что не от Бога, уйдет во тьму кромешную. И, напротив, все, пронизанное Его светом, все сакральное – отойдет к вечному, священному, бесконечно длящемуся состоянию неделимой целостности: к той преизбыточествующей полноте бытия, где Бог будет «всияческое во всём».

1998–1999

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверинцев С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской. – Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. – М., 1972. С. 25–49;

Афанасьев А. София Премудрость Божия в христианской иконографии. – Журнал Московской Патриархии, 1982, № 8. С. 72–79;

Лосев А. Ф. Термин “София”. – В сб.: Мысль и жизнь. К столетию со дня рождения А. Ф. Лосева. Ч. I. – Уфа, 1993. С. 7–21;

Мейендорф И. Ф. Тема “Премудрости” в восточноевропейской средневековой культуре и ее наследие. – В сб.: Литература и искусство в системе культуры. – М., 1988. С. 244–252;

Никольский А. София Премудрость Божия. Новгородская редакция службы св. Софии. – «Вестник археологии

и истории, изд. имп. Археологическим институтом». Вып. 17. – СПб., 1906. С. 69–102.

Плюханова М. Б. О традициях Софийских и Успенских церквей в русских землях до XVI века. – Лотмановский сборник 2. – М., 1997. С. 483–510.

Филимонов Г. Очерки русской христианской иконо-графии. София Премудрость Божия. – «Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее». Вып. 1/3, 1874, с. 1–20;

Флоренский П. А. Служба Софии Премудрости Божией. – «Богословский вестник». 1912. Т. 1. С. 1–23.

Флоровский Г. О почитании Софии Премудрости Божией в Византии и на Руси. Труды пятого съезда русских академических организаций за границей. Ч. 1. – София, 1932. С. 485–500

= «Альфа и Омега». Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. – М., 1995, № 4. С. 145–161.

= *Флоровский Г.*, прот. Догмат и история. – М., 1998. С. 394, 414.

Шипфлингер Томас. София – Мария. Целостный образ творения. – М., 1997 (см.: Schipflinger Th. Sophia – Maria.)

Ammann A. M. Darstellung und Deutung der Sophia im Vorpetrinischen Russland. – “Orientalia Christiana Periodica”. Vol. IV. 1938, S. 120–156;

Meyendorff I. L'Iconographie de la Sagesse Divine dans la tradition Byzantine. – “Cahiers archéologiques”. Vol. 10. 1959, p. 250–277.

Schipflinger Th. Sophia – Maria. Eine ganzheitliche Vision der Schöpfung. Ein Beitrag zum Marianischen Jahr und zum Millennium der “Taufe der Rus”. München-Zürich, 1988.

**ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО
ПРАВОСЛАВИЯ
НА ЗАПАДЕ В ХХ–ХХІ вв.**

Священник Александр Занемонец

Александр Занемонец – родился в Москве в 1976 г. и вырос в Новодеревенском приходе прот. Александра Меня.

После окончания исторического факультета Московского государственного университета переехал в Израиль, где преподавал византийскую историю и историю христианства в Хайфском университете и израильских колледжах.

В 2007 г. рукоположен в диаконы - в Русской Архиепископии Вселенского патриархата в Париже, архиепископом Гавриилом (де Вильдером).

Служил диаконом в Храме Гроба Господня в Иерусалиме. С 2021 г. – священник Украинской Православной церкви.

ЕПИСКОП КАМПАНСКИЙ МЕФОДИЙ (КУЛЬМАН, 1902–1974) И ПАЛОМНИЧЕСТВА НА СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ ИЗ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ, 1950–1970 гг. К 50-летию со дня кончины

На одной из могил в крипте Успенской церкви на русском кладбище св. Женевьевы в г. Sainte Geneviève des-Bois под Парижем есть надпись: «Епископ Мефодий. 25.VII.1902–13.IV.1974. Настоятель Храма Христа Спасителя в Аньере. Возобновитель Православных Паломничеств на Святую Землю. Отшел ко Господу в Великую субботу 1974. Слава Богу за все».

Владимир Кульман (будущий епископ Мефодий) родился и вырос в России. После революции и Гражданской войны, как и многие, оказался в изгнании и большую часть жизни провел во Франции. В течение более

чем сорока лет он был настоятелем небольшого приходского храма в Аньере, под Парижем, который назван был во имя Христа Спасителя, так как приход был создан в 1931 г. – в год взрыва московского храма Христа Спасителя («наш приход – это наше общее бревнышко на устроение многострадальной русской церкви»¹). В 1953 г. о. Мефодий был возведен в епископский сан с титулом Кампанский, и являлся викарным архиереем при митр. Владимире (Тихоницком † 1959), а затем – при архиеп. Георгии (Тарасове † 1981) – предстоятелях русского Экзархата в Западной Европе в составе Вселенского патриархата.

Родился Владимир Кульман в Петербурге в семье профессора-слависта Николая Карловича Кульмана и его супруги Екатерины Иасоновны (урожденной Смирновой).

В эмиграции Владимир Кульман окончил историко-филологический факультет Пражского университета, после чего переехал в Париж, чтобы продолжить образование в только что открывшемся там Богословском Свято-Сергиевском институте. В 1930 г. он был пострижен в монашество митр. Евлогием (Георгиевским, 1868–1946), и после окончания института в 1931 г. рукоположен во священника и направлен в только что устраивавшийся приход в Аньере под Парижем. С аньерским приходом Христа Спасителя были связаны более чем 40 лет священства (а затем и архиерейства) о. Мефодия (Кульмана).

Помимо активной и очень разнообразной приходской деятельности, вл. Мефодий был и «Возобновителем Православных Паломничеств на Святую Землю», как

¹ Епископ Мефодий. «Немного о многом». Слова и поучения 1931–1972. – Париж, 1973. С. 135.

написано на его надгробии. Он сам впервые съездил на Святую Землю в 1951 г. До Второй мировой войны отец Мефодий со своим духовником отцом Сергием Четвериковым паломничал на остров Валаам. Валаамский монастырь находился на территории Финляндии, так что был доступен для русских эмигрантов. Сам прот. Сергий Четвериков даже оказался на Валааме к началу советско-финляндской Зимней войны 1939–1940 гг., так что вместе с валаамскими монахами пережил эвакуацию вглубь Финляндии – на Новый Валаам.

После Второй мировой войны для русских эмигрантов оказались недоступны такие старые русские обители, как Псково-Печерский мужской монастырь, Пюхтицкий женский монастырь или же старый Валаам: они оказались на территории Советского Союза. И вот в начале 50-х годов стало возрождаться русское паломничество на Св. Землю из Франции. Можно предположить, что помимо понятного для всех паломников желания посетить места евангельских событий, для людей из Русского Зарубежья это было еще и посещение старых русских монастырей, оставшихся на своих местах с XIX столетия.

До Шестидневной войны 1967 г. русские эмигранты приезжали почти исключительно в Иорданию, а после 1967 г. – когда вся Святая Земля оказалась под контролем Израиля – они уже могли ездить по всей стране. Возрождение русского паломничества из стран Западной Европы в начале 50-х годов XX века фактически спасло Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме, вместе с ее Елеонской и Гефсиманской обителями и школой в Вифании, которые после 1948 г. оказались в нищей Иордании: поддержка эмигрантов в этой ситуации

была очень значительной. И одним из главных организаторов этих паломничеств был о. Мефодий (Кульман).

Первое его паломничество было знакомством. В 1951 г. о. Мефодий примкнул к католической паломнической группе. Вместе с ним собралось ехать около десяти его прихожан, но из записавшихся в начале, – в конце концов осталась лишь Е. И. Слёзкина – духовная дочь о. Мефодия, ставшая впоследствии главной помощницей владыки Мефодия в организации паломничеств (в будущем – монахиня Ольга, игуменья Покровского монастыря в Бюси-ан-От во Франции). Интересно, что, по свидетельству очевидцев, прихожане о. Мефодия плакали, провожая его, поскольку не были уверены, что он вернется: в те времена Ближний Восток казался гораздо дальше, чем сегодня. Путь проходил по морю, воздушного пассажирского сообщения между Европой и Ближним Востоком еще не было. Приплывали в Александрию, затем ехали через Иорданию, на территории которой до 1967 года находилась большая часть святых мест. Вместе с католической группой в 1951 году о. Мефодий и Е. Слёзкина смогли посетить даже Галилею, входившую в состав Израиля. В последующем русские группы не могли посещать Галилею из-за того, что у многих из них были «нансеновские» паспорта, не признавшиеся государством Израиль. Так было до 1967 г.

Начал свое паломничество о. Мефодий с благодарственного молебна в Гефсимании, в русском монастыре. Это стало началом его многолетних связей с русскими монастырями и Русской Духовной Миссией на Святой Земле. Отличительная черта всех его паломничеств в том, что их участники ехали не только молиться на святых местах, но в течение двух десятилетий они

являлись чуть ли ни главными благодетелями русских обителей на Святой Земле. В свое первое паломничество 1951 г., о. Мефодий увидел ужасающую бедность русских монастырей. По возвращении во Францию о. Мефодий подал объявление в газету об организации паломничества на следующий год и о необходимости собрать помочь для русских монастырей. Летом 1952 г. состоялось первое паломничество в составе 28 человек, возглавляемое о. Мефодием. До его смерти в 1974 г. паломничества устраивались, за редким исключением, каждый год со все более возраставшим количеством участников. За двадцать лет (1952–1972) состоялось 18 паломничеств.

Одна из особенностей тех паломничеств заключалась в том, что все их участники были людьми «вовлеченными». Таким образом, главный смысл паломничества был не в знакомстве с христианством на месте его возникновения, как это было в первое время после обращения императора Константина (IV век) или в постсоветское время в XX столетии из России. Паломничества имели не «катехизический» смысл, но являлись частью церковной жизни. Вл. Мефодий считал, что каждому христианину надо хотя бы раз в жизни посетить те места, где проходила земная жизнь Спасителя. Так он писал о смысле паломничества в предисловии к своему небольшому путеводителю:

«Паломник не турист. Он едет на Святую Землю не посмотреть, а помолиться, поклониться, покаяться, духовно укрепиться, обновиться. Он помнит, что Св. Земля – земная родина Христа Спасителя, что здесь было Благовещение, Рождество Христово, Сретенье Господне, Крещение Господне, что здесь Господь Иисус Христос

жил, учил, творил чудеса, совершил Тайную вечерю, здесь был предан Иудою, претерпел страдания, распятие, Крестную смерть. Здесь на Св. Земле было Его Воскресение, Вознесение на небеса, Сошествие Св. Духа.

На Святой Земле протекла и жизнь Матери Божией и было Ее славное Успение. Отсюда вышли на проповедь святые апостолы. Здесь пролилась кровь и первых мучеников за Христа.

Святая Земля – духовная родина всех христиан, Иерусалим – Святой Град, а Церковь Иерусалимская – мать всех церквей.

Со времени земной жизни Христа Спасителя прошло более 19 веков. Много событий пронеслось за эти годы над Св. Землей. Много разрушено, много построено. Многое свидетельствует о любви ко всему, что связано со Спасителем. Каждое место, связанное с воспоминаниями о земной жизни Сына Божия, отмечалось, украшалось. Пусть эти украшения бывают грубые, безвкусные, наивные, но все они говорят: здесь был Господь, и мы, люди грешные, это отметили, сделали, что смогли и как сумели.

Конечно, за 19 веков многое на Св. Земле изменилось, но остались воспоминания, осталась та же земля, по которой Христос Спаситель ходил, те же небо, горы и долины, на которые Он смотрел.

Благоговейный паломник прикоснется на Св. Земле к совсем особому миру, память о котором останется с ним до конца его дней, и да поможет она ближе подойти ему к пониманию Священного Писания, освящая им свою повседневную жизнь»².

² «Спутник паломника по Святым местам». – Париж, 1963. С. 3.

Первое паломничество 1952 г. было особенно сложным, поскольку на небольшую группу в 28 человек было большое количество передач, предназначенных для русских монастырей на Св. Земле, к тому же путь еще не был освоен. Ехали на перекладных: от Парижа до Венеции на поезде, с пересадкой в Милане. Затем пароходом до Бари, к мощам святителя Николая, и далее в Александрию. Как вспоминала одна из участниц того первого паломничества: «В Александрии, где пароход стоял сутки, не хотели пускать на берег паломников, особенно бесподданных, и лишь на утро это устроилось для беглого осмотра города. В Азии надо было предъявлять справку о прививке оспы и свидетельство о крещении: после войны арабы не впускали к себе ни одного еврея»³. Из Александрии надо было плыть в Бейрут, а оттуда уже посуху ехать в Иерусалим через Иорданию. Останавливались паломники владыки Мефодия не в гостиницах, а в русской общине в Вифании.

Вифания была местом, где русских паломников по настояющему ждали. Здесь они столкнулись с тяжелым положением русских монастырей на иорданской территории. Как вспоминала одна из паломниц: «Скудость русских монастырей велика. В школе нет электричества, проточной воды. Каждое утро сторож таскает ведра с водой на второй этаж здания, где поместились паломницы, для пополнения большой бочки, откуда по комнатам берется кувшинами вода для умывания. Железные кувшины текут, тазы помяты и заржавлены. Стульев не хватает, и их собирают по утрам в столовую, а на ночь снова разносят по комнатам, иначе не

³ Паломнический листок № 40. Июнь 1973. С. 7.

куда положить платье. Одежду повесить негде: в двери вбивают гвоздики. Простыни и полотенца паломников попросили привезти с собой».

Если в 20-е–30-е гг., в период Британского мандата, часть русских имуществ сдавалась в аренду английским учреждениям, и вырученые деньги как-то позволяли жить, то оказавшись после 1948 г. на территории нищей Иордании, русские монастыри и зарубежная Духовная Миссия оказались в очень тяжелом положении. Как продолжает та же паломница: «Тут довелось узнать, какая всюду нужда. Матушке Марии пришлось из-за недостатка пищи продать пианино, хорошие керосиновые печи и т.п. Послушницы-девочки искали в Гефсиманском саду дикие рожки, какую-то травку «хубези», улиток после дождя – для пополнения скучного питания... В школе не хватало тетрадей, цветных карандашей, географических карт... Не хватало иголок, ниток, гребенок, не говоря об одежде и обуви. В Елеонском монастыре совсем не было общей трапезы: сестры пробовались на пол английского фунта в месяц и ведро воды в неделю»⁴. Удивительно, что в такой стесненной ситуации продолжалась не только община монашеская жизнь, ее «Мариино» служение, но и «Марфино»: и больница, и школа продолжали в Вифании свою работу. Владыка Мефодий старался, чтобы русские паломники участвовали в поддержании этих трудов. Помощь привозилась с каждым паломничеством или присыпалась дополнительно. Так писала гефсиманская игуменья м. Мария в благодарственном письме Владыке еще в первые годы паломничества:

⁴ Там же. Паломнический листок № 40. Июнь 1973. С. 8–9.

«Ваше Преосвященство,
Преосвященнейший Владыко,

Наконец, пришли собранные Вами и Вашими со-
трудниками и сотрудниками пожертвования в пользу
наших Обителей, которые о. Архимандрит [о. Димит-
рий (Биакай)] распределил между нами по Вашим ука-
заниям. Ваш дар так велик и так глубоко трогает серд-
це, что благодарность за него не вмещается в слова.
На Вашу доброту и внимание, на эти, действительно,
лепты «единой вдовицы» мы можем ответить только
усердной молитвой к Богу за наших благодетелей.

Полученными суммами, в первую очередь, мы опла-
тим счета по продовольствию, потом сможем приобре-
сти чувствительно не хватавшие вещи детского оби-
хода: белье, обувь и т.д. и, наконец, побаловать всех
вкусными вещами перед началом Великого Поста.

Просим Милостивого Господа не отвергнуть наших
горячих молений, принять наши немощные труды, не
оставить в огорчениях и соединить всех в служении
Ему Единому, укрепляя и оберегая Святую Соборную
и апостольскую Церковь Его на самом месте Ее утверж-
дения – во Св. Граде Иерусалиме, на Святой Земле.

Прошу для себя, всех сестер и детей Вашего – дос-
точтимый и дорогой Владыка – архипастырского бла-
гословения и святых молитв.

гр. иг. Мария во Христе с сестрами. 1/25 февраля
1954 г.»⁵.

Как в дореволюционной России были самые разные
источники помощи «русскому делу» на Святой Земле,
от пожертвований меценатов до общероссийских «кру-
жечных сборов» в Вербное Воскресенье, так и вл. Мефо-

⁵ Паломнический листок № 3. Апрель 1954. С. 5.

дий с самого начала старался сделать помошь монастырям и Духовной Миссии «общенародной», пусть только в эмигрантских масштабах Западной Европы.

Так рассказывается о сборе средств в апрельском «Паломническом листке» за 1954 год:

«Сборы на помошь в Св. Землю все время продолжаются. Из отчета Епархиального Палестинского Комитета видно, что за 1953 г. да дело помоши было собрано более 800 тыс. фр. Но это не все. Еще были немалые посылки денег из Бельгии и от отдельных лиц. Посылались и посылаются вещевые и продуктовые посылки. Несколько престарелых монахинь имеют своих “благодетелей”, которые регулярно им помогают деньгами и посылками. Значительна забота и “крестных” о своих “крестницах” в Вифанской школе. Слава Богу. Русские сердца чувствуют Св. Землю и не только стремятся туда для поклонения святыням и молитвы, но и стараются послать туда помошь.

Отдельные, обычно небольшие пожертвования, продолжают поступать все время. У многих стоят кружки “на помошь в Св. Землю”, некоторые из них уже наполнились и деньги сданы. В день Входа Господня в Иерусалим, по благословению Владыки Митрополита Владимира, во всех наших церквях будет произведен на помошь Св. Земле тарелочный сбор.

С большим моральным и материальным успехом прошел концерт 21 февраля, данный детьми интернатов Св. Георгия и Св. Ольги. Это католические учреждения, в которых учатся русские православные дети. Чистый сбор только за билеты дал около 100 тыс. фр., а потом были поступления от «мешочеков» (40 т. фр.) и от буфета (около 18 т. фр.).

Теперь М. Фортунато с молодежью подготавляет большой духовный концерт, который состоится в помещении Американской церкви 9 мая. Надо всячески способствовать этому делу.

В Бельгии, по инициативе наших паломников, сбороны все время продолжаются»⁶.

Мы видим, что «паломническая» деятельность продолжалась и по возвращении в Европу. С одной стороны, надо было все большее количество людей знакомить со Св. Землей и открывшейся возможностью посещать ее. Для этого устраивались специальные встречи, лекции, рассказы о Святой Земле: «В течение года Владыка Мефодий там, где ему приходилось бывать по делам Епархии, в окрестностях Парижа и во многих городах Франции, говорил о Св. Земле. В некоторых фабричных центрах и глухих провинциях эти доклады-беседы особенно умиляли слушателей»⁷. В 1952 г. о. Мефодий создал Епархиальный Палестинский Комитет (состоявший из него самого, секретаря (Е. И. Слэзкина) и казначея), который занимался организацией паломничеств и помощи на Св. Землю. Изыскивались частичные стипендии тем, кто не имел достаточно своих средств для паломничества, а также для регента и, иногда, священников. Поскольку о. Мефодий уже имел опыт издательской деятельности – с 1948 г. он являлся редактором журнала «Вечное», при его жизни было выпущено 316 номеров этого журнала – то с 1953 г. было решено выпускать так называемый «Паломнический листок». Этот небольшой журнал, объемом в 10–20 страниц, выходил обычно два раза в год – в октябре-декабре и в апреле-июне, так что

⁶ Паломнический листок № 3. Апрель 1954. С. 8–9.

⁷ Паломнический листок № 4. Ноябрь 1954. С. 3.

при жизни Владыки было выпущено сорок номеров. В первом номере листка (ноябрь 1953 г.) вл. Мефодий так писал о цели этого небольшого издания:

«Паломничество в Св. Землю очень сближает участников друг с другом и с теми, кого они встретили на св. местах. по возвращении хочется знать друг о друге, хочется постараться так или иначе помочь русским стражам русских мест на Св. Земле, хочется иметь и сведения, как там живут. Несомненно, и на Св. Земле интересуются паломниками и их деятельностью. Но все живут по разным странам и городам, переписываясь затруднительно. Вот и возникла мысль время от времени издавать «Паломнический листок». В нем будут помещаться сведения о жизни и деятельности паломников и русских людей на Св. Земле, о делах помощи на Св. Землю, об очередных паломничествах. «Паломнический листок» - наше маленькое дело взаимной связи и поддержки»⁸. На сегодняшний день сорок номеров «Паломнических листков» (все вместе - около 600 страниц) являются одними из главных источников сведений о тех паломничествах и о связях между русской эмиграцией в Западной Европе и Святой Землей. Те люди, которые уже съездили в паломничества, объединились в Содружество Паломников, которые проводили регулярные встречи: от «чашки чая» у вл. Мефодия (для тех, кто мог приехать в Аньер), до ежегодных общих Собраний о Св. Земле, на которые приходили как паломники, так и те, кто был заинтересован темой Св. Земли. На этих встречах делились впечатлениями, читали доклады, демонстрировали сделанные фильмы, коллекции диапозитивов или звуковых записей.

⁸ Паломнический листок № 1. Ноябрь 1953. С. 1.

На таких собраниях бывало по несколько сот человек. На одной из таких встреч впервые услышала о Св. Земле Галина Бубнова – будущая игуменья Елеонского Вознесенского монастыря мать Моисея⁹: тогда она была маленькой девочкой и стояла с тарелкой для сбора на нужды русских обителей на Святой Земле.

Постепенно помимо издания журнала «Вечное» и «Паломнического листка» вл. Мефодием было организовано издание необходимой для паломничества литературы. Так, в 1961 г. был издан сборник статей «Святая Земля» (162 стр., с иллюстрациями и планами). В 1963, «К 10-му русскому православному паломничеству из Парижа в Святую Землю», издали «Спутник паломника по Святым Местам в пределах Иордании». Это был путеводитель с фотографиями, планами, историческим описанием мест и рекомендациями, касающимися тогдашнего положения дел. В 1967 г. был сделан второй выпуск – «Спутник паломника по Святым Местам. Галилея и некоторые другие места Палестины». Сюда вошли те места, которые до объединения страны в 1967 г. не могли посещаться паломниками. Отдельно издавались брошюры с житиями святых, подвизавшихся на Святой Земле, воспоминания паломников и сборники статей, так или иначе связанных с нею. В 1968 г. вышло первое издание «Песнопений для паломников на св. местах Палестины» (около 100 страниц). В последующих изданиях были добавлены также и евангельские чтения. Этот сборник песнопений и евангельских чтений, подготовленный епископом Мефодием и его паломниками, переиздается и используется вплоть до настоящего времени.

⁹ Игуменья Моисея (Бубнова, 1943–2021).

При жизни вл. Мефодия русские паломничества из Западной Европы на Св. Землю продолжались более 20 лет, так что паломники становились в какой-то мере свидетелями многих важных событий и церковной, и политической истории. В «Паломническом листке» описывались войны, объединение Иерусалима в 1967 г., смены иерархов, а также такие события, как, например, перенесение мощей преподобного Саввы Освященного из Венеции в его монастырь в Иудейской пустыне.

Русские паломники в Константинополе

Надо сказать, что возвращение мощей преп. Саввы из Венеции в его обитель стало возможно благодаря встрече Константинопольского патриарха Афинагора с Римским Папой Павлом VI в Иерусалиме в 1964 году. Патриарх Афинагор (1886-1972) был очень интересным человеком. Он родился еще в Османской империи. Пережил Балканские войны и Первую мировую войну, связанные для него с изгнанием греков из тех мест, где они жили веками. Был греческим архиереем в Америке. Затем вернулся в Константинополь и в течение многих лет, с 1948 г. и до своей смерти в 1972 г., являлся Вселенским патриархом. Он был огромного роста и с настоящей «патриаршой» бородой.

Паломники еп. Мефодия дважды имели возможность посетить Константинополь, возвращаясь со Святой Земли, – в 1959 и в 1961 гг. «Мы ожидали, что прием будет, как в Иерусалиме, - писала Е. И. Слэзкина о первом их этих посещений, - в большом торжественном зале, где Патриарх сидел на патриаршем троне. Но здесь все было иначе. Святейший нас встретил в дверях

своего кабинета. Он благословил каждого паломника отдельно и познакомился с каждым. Затем он ввел нас в свою комнату. Убедившись в том, что каждому было место сесть, сел сам за свой стол и обратился к нам со следующими словами: “Все в жизни – чудо. Чудо и то, что вы были в Св. Земле, чудо и то, что вы теперь здесь, чудо и то, что вы – русские, рассеянные по всей Европе. Я вижу в этом промысел Божий с целью ознакомить Европу и европейских людей с Православием и разнести свет Православия по всему миру”. Прием у Святейшего Патриарха Афинагора был поразительный – никакой официальности, сама простота»¹⁰.

Для русских эмигрантов, находившихся в Западной Европе под омофором Вселенского патриарха, такие встречи были очень важны.

Объединение Святой Земли, 1967 год

Одним из важнейших исторических изменений, свидетелями которых стали русские паломники владыки Мефодия – объединение разделенных ранее частей Иерусалима и Святой Земли после войны 1967 года. В результате Шестидневной войны и победы Израиля над коалицией арабских государств, для паломников стали доступны святыни Галилеи, Хайфы, Яффы, западного Иерусалима. Раньше из Европы ездили через Амман, теперь стало возможно прилетать прямо из Парижа в аэропорт близ Яффы.

Сразу после войны, с благословения еп. Мефодия, издается дополнение к выпущенному ранее «Спутнику паломника по Святым местам в пределах Иордании»

¹⁰ Паломнический листок № 16. Ноябрь 1959. С. 6–7, 13.

- «Спутник паломника по Святым местам. II. Галилея и некоторые другие места Палестины» (Париж, 1968). Притом что вл. Мефодий последовательно уклонялся от политики и всего того, что он считал далеким от «вечного», в предисловии к «Спутнику паломника» 1968 г. проявилась радость по поводу объединения страны и доступности всех святых мест для паломников.

«В 1967 г. упала стена, разделявшая св. Город Иерусалим на две части.

Двадцать лет стоявшая, как символ перемирия после жестокой войны 1948 г., делившая не только Город, но и всю страну на два государства, непостижимой волей Божией вдруг исчезла в несколько дней эта преграда. И возможно стало посещение всех христианских святынь Св. Земли одновременно, странствуя по ней так, как ходил по ней воплотившийся Господь, Его Пречистая Матерь, св. Апостолы, жены-мироносицы. Как ходили впоследствии наши русские паломники, из конца в конец...

Часть Св. Земли, о которой идет речь, в настоящее время находится в республике Израиль... Израиль – молодая республика, образовавшаяся в 1948 г. Управление страной, как и вся система хозяйства, ведется почти по тому же принципу, как в европейских и американских государствах. Поэтому посетитель может предъявлять к ней те же требования в смысле обслуживания, как и в своей стране... Общеупотребительное приветствие при встрече – «шалом» (что значит «мир»)»¹¹.

В «Паломническом Листке», выпущенном в 1972 г. к двадцатилетию возобновления русских паломничеств,

¹¹ «Спутник паломника по Святым местам. II». Париж, 1968. С. 3–4.

один из паломников так вспоминает впечатления от тех событий:

«Вдруг развернулась карта Палестины в 1967 г. И стали доступны запретные было Св. Места. Замелькали новые имена. Нет, не новые, а давно знакомые и волнующие – из Священной Истории, из Евангелия: Тивериадское озеро, Назарет, гора Фавор, Сионская горница... И уже на большой аэродром в Лидде прилетает самолет прямо из Парижа, а оттуда «пульман» везет паломников через новый Иерусалим до Вифании. И здесь перемены и улучшения: электричество (на жертвы паломников), модерные столы уже не кроются kleenкой, и мебель лучше, и посуда; паломники размещаются уже по двое, редко по трое в комнатах. И автобусы стали приличнее, уже не подаются сплошь засыпанные арбузными семечками, как бывало. А на дальние расстояния идут автокары с вентиляцией, умеряющей даже Иерихонскую жару»¹².

Таким образом, начиная с 1968 г., паломники стали посещать больше мест, но при этом стало меньше времени уходить на дорогу из-за прямого авиационного сообщения.

Но прежде объединения страны была хоть и короткая, но кровопролитная война (5–11 июня 1967 г.). Она коснулась и русских монастырей: Гефсиманский и Елеонский монастыри находились почти что на линии фронта. На Елеоне от осколка снаряда погибла привратница – мать Евлалия: нашли ее в келлии, на посту, с четками в руках. Военные дни так описывала гефсиманская игуменья Мария (Робинсон) в первом послевоенном письме еп. Мефодию, написанном 9 июля –

¹² Паломнический листок № 39. Октябрь 1972. С. 2.

через месяц после окончания военных действий (пер. с английского. Из «Паломнического листка» 1967 года):

«Гефсимания поистине была окружена войсками, и я думаю, что не было ни одной категории современных орудий, которая не была бы использована обеими сторонами. Батюшка и генерал, оба военные, говорят, что бомбардировка была очень реальная, аэропланы над головой, горящие танки, полные взрывчатыми веществами, уже негодные, но все еще в огне ночью около католической Гефсимании, шум ужасающий. И, несмотря на все это, была большая тишина. Богослужения продолжались. Израильтяне старались не трогать Св. Мест, и мы получали силы для каждого нового момента. Только те люди, которые ходили по дорогам – их было несколько – пострадали. Мы имели питание, хлеб пекли сами, и рядом с нами было куриное хозяйство. Никакой подготовки не было проведено для мирного населения, сотни в панике бежали бессмысленно. К моему великому удивлению, Вифанию бомбардировали, иорданские солдаты были вблизи, и о. Феодосий был под подозрением в симпатии к ним. С ним обращались хуже, чем с нами. У нас было 12 детей, с. Люба, две учительницы, сторож и кухарки. Пещера оказалась чудесным убежищем, но все окна разбиты, их не открыли, и четыре бомбы упали рядом с новым домом, от осколков есть повреждения и одна келлия разрушена...

В Вифании уже есть свет, но у нас еще нет ни света, ни телефона. Старый Город очень хорошо реставрирован, со светом и водой, и все чисто. Мы видели, как они [израильтяне] входили в Город через Св. Стефановы ворота, окруженные стенами дыма, воздушными ограждениями и танками, артиллерия и пехота... Наш

автомобиль украден во время паники и увезен в Трансиорданию, но прежний наш шофер Туфик вернулся со своим маленьким автомобилем, и таким образом весьма трудный вопрос передвижения разрешился, а в течение десяти дней у нас не было транспорта. Теперь у нас Единый Город, много горя, но много и радости, что мы свободны, все разделяющие стены разрушены... Израильтяне очень добры и особенно по отношению к монастырям, но Иерихон, например, совершенно пуст, никаких жителей не осталось. В деревнях только старые люди. Надеюсь, что население вернется, евреи дали им шесть недель, чтобы вернуться из Аммана»¹³.

Помимо письма м. Марии, в «Паломническом листке» было опубликовано несколько других писем без подписи («Из писем со Св. Земли»). Принадлежат они наследницам русских монастырей в Иерусалиме. Так, пишет одна из них:

«Наконец в среду утром (Отдание Пасхи) стало стихать. В окнах все время то взрывы, то горящие танки, то дым откуда-то с огнем. Окрестность тоже вся в дыму. Но вот видим – какие-то солдаты идут вереницей в горку к Стефановым воротам. И все больше и больше их. Подъезжают на военных автомобилях, и все они идут в Старый Иерусалим. Но кто они, какие это войска – не знаем. Кругом, конечно, ни души. Все замерло, и все глубоко запрятались в своих домах и пещерах. Наконец, стали долетать от войска слова – и тут мы поняли, что Израильская армия вошла в побежденный Иерусалим. Стали появляться военные грузовики и джипы. Стали солдаты петь и хлопать в ладоши. Радовались. А кругом еще все в дыму, там и сям горит. То тут, то

¹³ Паломнический листок № 29. Сентябрь 1967. С. 6-7.

там выстрели и какие-то разрывы. Еще было опасно выходить, и только через крышу переговаривались с соседями. Но все боялись еще, не знали, что и как. Наконец вышли и узнали: Старый Иерусалим в руках Израильской Армии. А потом нам и радио это оповестило. Так свершилась Воля Божья. У Иерусалима своя судьба, и она во власти Бога Вседержителя. Эта война – чудо: как мог маленький Израиль победить на многие фронты. Это-то и есть явное чудо. Победители сами в изумлении, и склоняют головы перед Всеизвестным Богом. Они все теперь верующие стали, если какие были неверами или сомневающимися. Со всеми можно говорить о Боге и о разных чудесах легко. Все они держат себя очень скромно, и очень вежливы и оказывают помощь по разным вопросам. Ни намека на победительскую гордость»¹⁴.

Из-за неясности послевоенного времени большое паломничество 1967 г. было еп. Мефодием отменено, хотя на него записалось множество людей. Как писала Е. И. Слёзкина: «У Владыки Мефодия определенное убеждение, что ему надо ехать туда и принести материальную помощь; но еще важнее ему кажется поехать, чтобы побывать с теми, которые так много пережили за эти дни»¹⁵. Собралась группа в 12 человек, в основном состоявшая из тех, кто уже на Святой Земле бывал, поскольку было неясно, где можно будет жить, и можно ли будет путешествовать. Но поездка конца июля – начала августа 1967 г. оказалась настоящим паломничеством! Жили, как и раньше, в Вифании, хотя в Вифании, не вошедшей в пределы Иерусалима, сохранялся

¹⁴ Паломнический листок № 29. Сентябрь 1967. С. 10.

¹⁵ Паломнический листок № 29. Сентябрь 1967. С. 1.

комендантовский час для постоянных жителей. Паломники – в большинстве своем уже не первый раз бывавшие на Святой Земле и хорошо знавшие сестер – смогли пообщаться с сестрами в Гефсимании, Вифании и на Елеоне, с монахами в Хевроне. Они смогли также посетить те места в Иерусалиме, которые прежде были недоступны – Сион, монастырь Креста, монастырь Симеона Богоприимца, а так же в других частях страны – Галилейское озеро, Назарет, Фавор, Капернаум, Лидду... А уже на следующий год после войны была выпущена вторая часть «Спутника паломника» по Галилее и другим местам Израиля, ставших теперь доступными.

Конечно, паломники еп. Мефодия и в этот раз, привезли необходимую в послевоенное время материальную помощь, нужную для восстановления разрушенного во время войны. Помощь была «всенародной», и в тот год равнялась 48.996,40 фр., около 10 тыс. тогдашних американских долларов. Размер этой помощи становится более понятен на фоне того, что Зарубежный Синод смог прислать обителям менее 4 тыс. долларов, и то из «несгораемого фонда» русской Духовной Миссии, который с 1965 г. находился в одном из швейцарских банков и составлял менее 20 тысяч. Стоимость всего паломничества на одного человека (по объявлению о паломничестве 1968 г.), включая перелет, поездки, питание и помещение, равнялась 1.400 фр. или 289 долларов¹⁶.

На собрании паломников в Назарете – который теперь тоже стал доступным – одна из Гефсиманских сестер поделилась своими впечатлениями о военном времени и последующем посещении Святой Земли

¹⁶ Паломнический листок № 30. Март 1968. С. 8.

паломниками: «Могу сказать, что Ваш приезд был для нас в это время настоящим благодеянием. Не говоря о материальной помощи – отклике русских православных на наше несчастье, который мы глубоко оценили, – мы восприняли посещение Ваше, как истинно дружеское участие, ободрение, духовную поддержку. Почувствовалось, что приехали друзья, сильные словом и делом, – а ведь мы здесь во время войны остались только слабые женщины, с двумя больными престарелыми священниками. И мы очень боялись, прямо струсили, а убежать было некуда, да и нельзя. Если Вифанским бросить все и бежать к нам, чтобы быть вместе – разграбят Вифанию. Нам бежать к ним, чтобы не быть на самой границе в гуще огня, – нельзя бросить Гефсиманию. Почти все покинутые жителями дома и участки были разграблены или конфискованы. И мы оставались, надеясь на милость Божию и на молитвы друзей, и теперь, после этих сильных потрясений, которые на многих очень отзывались, такой отрадой повеяло от Вашего участия, так отвлекло от тяжелых впечатлений. И нет слов, чтобы выразить Вам нашу благодарность»¹⁷.

Двадцатилетие паломничества (1952–1972)

В июле 1972 г. было совершено восемнадцатое паломничество на Святую Землю под руководством еп. Методия. Это было последнее русское паломничество из Западной Европы, в котором Владыка сам участвовал. Он заболел в начале 1972 г. У Гроба Господня паломники оказались как раз на 9 день кончины Святейшего

¹⁷ Паломнический листок № 29. Сентябрь 1967. С. 12.

Патриарха Афинагора, которого паломники в свое время дважды посещали в Константинополе. В Иерусалиме они приняли участие в панихиде, совершенной Иерусалимским патриархом и соном архиереев. Епископ Мефодий был награжден от патриарха золотым крестом с украшениями.

Как и всегда, паломники привезли помошь русским обителям, и в «Паломническом листке» были опубликованы цифры, показывающие распределение этой помошь разным монастырям и лицам: «Помощь в 1972 г.: Елеонский мон. – 2500 долл. Гефсимания со школой – 2500. Храм Гроба Господня – 1800. Отдельным лицам (25 чел.) – 748. Православным арабам – 542. На разные храмы (19 храмов) – 167. Игумену Игнатию – 160. Архимандриту Феодосию – 150. Итого – 8567 долл.»¹⁸. Интересно, что помошь по возможности оказывалась и православным арабским приходам, словно в продолжение традиции конца XIX в., когда русская миссия занималась о местном православном населении (в 1914 г. на Ближнем Востоке было более сотни школ для местных православных детей, которые содержались и опекались Духовной Миссией и Императорским Православным Палестинским Обществом). Вот отрывок из письма одного из православных арабских священников, опубликованного в «Паломническом листке» (пер. с англ.): «Несомненно, Вы знаете все обязанности приходского священника. Так как я посещаю семьи, я знаю их настоящее положение. Говоря о себе, я могу вас уверить, что я часто страдаю, понимая, что эти бедные люди ожидают от своего приходского священника, кроме молитвы, еще другую помошь, которой я им дать не могу. Вы, быть

¹⁸ Паломнический листок № 39. Октябрь 1972. С. 9.

может, хотели бы знать немного о моем приходе. Во время войны 1948 г. в моем приходе было 12 тыс. людей. Теперь их только 4 тыс. – те, кто не мог эмигрировать. Тысяча из них нуждается. Но особенно меня заботят 250 душ: вдовы, сироты и престарелые больные люди, которые не могут заработать себе на жизнь. Та помощь, которую они иногда получают от нашего Патриархата и других организаций, совершенно недостаточна... Спасибо, что подумали о наших бедных людях, спасибо, что помогли приходскому священнику в его служении»¹⁹.

В 1972 г. уже пожилой и болеющий еп. Мефодий подвергся испытанию. Еще в начале паломничеств, в 1954 г., друг Владыки и начальник Русской Духовной Миссии архим. Димитрий (Биакай) писал в письме, адресованном еп. Мефодию: «...Великое дело помочи нашим обителям не может не вызывать козни врага спасения, силящегося всячески помешать и разстроить добрые начинания Ваши. Но верим, тем большим воздаянием от Руки Вседержителя увенчаются труды Вашего Преосвященства для Святой Земли»²⁰. В 70-е гг. Русская зарубежная церковь, после кончины митр. Анастасия, временно пошла по пути все большего обособления от других православных церквей. Так, в 1972 г. еп. Мефодий получил письмо от митр. Филарета, нового первоиерарха Зарубежной церкви, в котором тот запрещал принимать еп. Мефодия в русских обителях на Святой Земле с архиерейскими почестями: “Согласно постановлениям нашего Архиерейского Собора делаются невозможными для Начальника и духовенства Миссии те связанные с Вашим саном оказательства

¹⁹ Паломнический листок № 39. Октябрь 1972. С. 10.

²⁰ Паломнический листок № 3. Апрель 1954. С. 5–6.

почета, которые имели место до сих пор. Миссия по-прежнему будет рада видеть Вас в качестве дорогого гостя во главе паломников, но без таких привычных для нее проявлений”²¹.

В «Паломническом листке» не было опубликовано куда более резкое письмо заведовавшего внешними сношениями при зарубежном синоде о. Георгия Грабе, от 21 июня / 4 июля 1972 г., сводившееся к тому, что «...Всегдашнее внимание Епископа Мефодия к нуждам Миссии ценится... и потому он принимается «с любовью», но (с настоящего времени) без прежних почестей».

На письмо митр. Филарета еп. Мефодий написал ответное письмо, характерное для всего его духовного облика:

«Ваше Высокопреосвященство,
Высокопреосвященнейший Владыка.

Письмо Ваше от 29.2 / 13.3 получил на больничной койке, ибо уже два месяца, как хвораю.

Наши паломничества на Св. Землю начались в 1952 г. с благословения Высокопреосвященнейшего Митрополита Владимира и при полном сочувствии и поддержке Высокопреосвященнейшего Митрополита Анастасия. Совершаются они с целью поклониться св. Местам и помолиться. Для нас всех было большим огорчением, когда Блаженнейший Патриарх Венедикт просил нас не служить с духовенством Зарубежной Церкви. Это прекратило совершение нами Литургии в русских храмах на Св. Земле.

Что касается встречи нас «со славой» или без оной, то это не имеет никакого значения для наших паломничеств.

²¹ Паломнический листок № 39. Октябрь 1972. С. 13.

Благодарим Вас за добрую оценку наших дел на помощь в Св. Землю. Радуюсь, что теперь этой помощью занимаются и другие и что паломничества развиваются. Спасибо и за постоянное гостеприимство, которым мы пользуемся всегда в Вифании и во всех русских обителях.

Святых молитв просящий Епископ Мефодий.
7/20. 3. 1972»²².

Можно сказать, этот ответ еп. Мефодия стал своего рода исполнением слов уже упоминавшегося Вселенского патриарха Афинагора: «Нужно быть просто христианином. Быть христианином и прежде всего – среди христиан. Мы все стоим перед судом: нас судит и духовная нищета наших современников, но также и Крест Сына Божия, на который Его возвела любовь. Сможем ли мы обезоружить себя по Его примеру или удовлетворимся добродетелями наших отцов и нашим полемическим богословием?»²³.

Важно, что сам вл. Мефодий никогда не позволял своим паломникам вести на Св. Земле беседы «о юрисдикциях», так затруднявшие церковную жизнь русской эмиграции. Игуменья Ольга так передает слова Владыки: «Вы приехали на землю Спасителя, и будьте просто паломниками, не входите ни в какие разговоры. Это все трата времени, а у нас его мало». Лучшее свидетельство этого – память о вл. Мефодии, и даже его почитание, среди многих сестер русских монастырей Зарубежной Церкви на Св. Земле...

²² Паломнический листок № 39. Октябрь 1972. С. 13–14.

²³ Оливье Клеман. Беседы с Патриархом Афинагором. // Пер. с фр. Владимира Зелинского. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1993.

Паломничество 1973 г. не состоялось, как из-за болезни еп. Мефодия, так и из-за обострившейся международной ситуации, приведшей к новой войне на Ближнем Востоке осенью 1973 г. (так называемая «война Судного дня»). Однако 1 апреля 1973 г. в Париже состоялось открытое собрание, посвященное двадцатилетию Православных Русских Паломничеств в Святую Землю. Из последних «Паломнических листков» можно узнать интересные «итоговые» цифры паломничеств тех лет:

«Немного Статистики (1952–1972).

За 20 лет было совершено 18 паломничеств на Св. Землю, некоторые из них были с посещением г. Бари и поклонением святым мощам Святителя Николая Чудотворца, Египта (Александрия, Каир, древние коптские монастыри в Нитрийской пустыне), Ливана, Сирии (Дамаска, Православного женского монастыря в Сайданае с поклонением чудотворной иконе Божией Матери Сайданайской), Константинополя (с приемом у Святейшего Патриарха Афинагора, посещением святых мест города и о. Халки), о. Кипра (с приемом у Архиепископа Макария и с посещением некоторых святых мест), о. Родоса, Афин, Венеции и Милана.

В этих паломничествах приняло участие 465 человек. Многие из паломников участвовали в паломничествах по несколько раз и даже по много раз, но в статистической справке они считаются только один раз.

Паломники были из 14 разных стран: Американских Соединенных Штатов и Канады, Англии, Бельгии, Германии, Голландии, Ливана, Марокко, Финляндии, Франции, Швейцарии, Швеции, Аргентины, Венецуэлы.

Из участников в паломничествах впоследствии поселились на Св. Земле (главным образом в русских обителях) 17 человек»²⁴.

Что касается большого вклада паломничеств еп. Мефодия в поддержание жизни русских мест на Святой Земле, то самими паломниками это воспринималось не как заслуга, но как почетная обязанность. Так об этом писал один из паломников еще в 60-е гг.: «На нашу русскую эмиграцию, на русских людей, пребывающих в великом рассеянии по всему миру, выпала великая честь – заботиться о поддержании и сохранении русских храмов, монастырей, подворий и школ на Св. Земле. Мы должны показать себя достойными этой великой чести»²⁵.

В Великую Субботу 1974 г., в преддверии Пасхи, владыка Мефодий скончался. Владыку отпевали в Кафедральном соборе св. Александра Невского на rue Dagu и похоронили в крипте Успенской церкви на русском кладбище св. Женевьевы. Как говорил в память о нем прот. Алексий Князев, ректор Свято-Сергиевского Богословского института в Париже, – «Владыка всегда желал умереть на Пасху, и вот это желание его оказалось исполненным... Он сделался живой связью между православным Парижем и всем церковным Востоком».

Сборник проповедей еп. Мефодия завершается такими словами: «Паломничество кончается, кончается наш “пир веры”. Вернемся на свои места. Много впечатлений. Постепенно все “утрясется”, помогут и книги – “Спутник”, “Св. Земля” и др. Дай Бог, чтобы память

²⁴ Паломнический листок № 39. Октябрь 1972. С. 5.

²⁵ Паломнический листок № 23. Апрель 1965. С. 3.

о том, где мы были, что видели, к чему прикасались, освещала бы нашу повседневную духовную жизнь и укрепляла бы сознание, что и мы ученики Христа, из св. Града Иерусалима по всем странам разошедшиеся»²⁶.

Хельсинки, Финляндия

Март 2024 г.

26 Еп. Мефодий. «Немного о многом. Слова и поучения, 1931-1972». – Париж, 1973 (II изд. – 1987). С. 184.

Наталия Большакова-Минченко

ИГУМЕНЬЯ ПО ПРИЗВАНИЮ

*Материалы к жизнеописанию монахини Ольги
(Слёзкиной, 1915–2013), игуменьи Покровского
монастыря в Бюси-ан-От, Франция*

Елена Ивановна Слёзкина (будущая мать Ольга) родилась в Петербурге, в 1915 г., 29 октября, в семье, близкой ко Двору императора Николая II. Отец, Иван Михайлович Слёзкин (1882–1944), окончивший Императорское Училище правоведения, служил при Дворе; он был камер-юнкером. Осенью 1917 г. родители – Ольга Николаевна и Иван Михайлович, вместе с двумя детьми, Мишой и Алёнушкой (Еленой) переехали в Ессентуки, на Кавказ, а в 1920 г. – через Новороссийск, Одессу – в эмиграцию, плыли до Константинополя, с огромными трудностями, потом в Сербию, Югославию – Загреб, Белград, где дети пошли в школу, а в 1924 г. семья Слёзкиных переехала в Париж. Как вспоминает матушка Ольга: «...братья уже там пошел в лицей, а я пошла в школу, в которую до революции ходили наши тетушки, наши родственницы. Школу держали католические монахини. У родителей не было денег, и меня приняли без денег, и сразу же принесли форму – все даром. Школа была замечательная. Это были самые счастливые дни моей жизни. Очень-очень нравилась мне эта школа, и очень нравились мои подружки. И там я осталась, можно сказать, на 50 лет. Потому что я там окончила свое образование и осталась потом учительницей математики.

В летнем лагере Русского Христианского Движения я встретила отца Мефодия (Кульмана), который стал моим духовником и был им больше 40 лет, до самой его смерти.

Я очень любила Церковь. Когда мне не было еще пятнадцати, лет в 14, вероятно, я решила: никаких замужеств, детей. Я мечтала о монашеской жизни. Но видно, так было угодно Богу, что я очень долго оставалась без монастыря. По семейным обстоятельствам и по благословению духовника.

Я очень любила преподавать математику. Для меня это не было работой, а только удовольствием. Надо сказать, что мои ученицы очень меня любили, некоторые из них, спустя 50 лет приезжают сюда ко мне в монастырь, чтобы посоветоваться, рассказать о своих несчастьях или, наоборот, радостях.

Потом я перешла на преподавание русского языка. Так как у меня был диплом факультета права, мне дали возможность записаться на филологический факультет университета Сорбонны сразу на последний курс. В течение года я подготовила маленькую работу об Оптиной пустыни. И, когда надо было написать и защитить диссертацию, я остановилась на личности Ивана Васильевича Киреевского, который очень часто посещал Оптину пустынь, и написала диссертацию на тему: «Духовный путь Ивана Васильевича Киреевского»¹. И вот наступил день защиты, которая проходила в Сорбонне, в очень торжественном зале. Пришли владыка Мефодий и многие мои друзья, чтобы поддержать меня.

¹ Диссертация была опубликована в 2001 г.: Hélène Slezkine «Kireievski et Optino Poustyne». Editions Saint-Jean le Roumain, 2001.

Защита прошла успешно, и докторское звание дало мне право преподавать уже на высших курсах. Однако в Сорbonne я оставалась недолго. Вскоре профессор, который возглавлял защиту моей диссертации, пригласил меня преподавать в Институт восточных языков. Это одна сторона моей жизни.

Но большая часть моей жизни проходила в церкви. Перед очень сложной операцией владыка Мефодий постриг меня в рясофор. Пострига в мантию он как-то боялся, волновался, не зная, куда меня могут послать после операции, после клиники. Об этом тайном постриге (в 1965 г.) никто не знал, и я продолжала жить дома, вместе с матерью, преподавать, хотя была на послушании (с 1933 г.) и под руководством моего духовника (отца Мефодия, а с 1952 г. – епископа Мефодия)».

Сестра Елена несла многие церковные послушания: и в храме Христа Спасителя в Аньере, где настоятелем был отец Мефодий; и очень активно помогала о. Мефодию с изданием журнала «Вечное»; потом начались паломничества на Святую Землю (опять же под руководством владыки Мефодия), и можно смело сказать, что без Елены Слёзкиной организация этих паломничеств из Франции в Иерусалим, – очень сложными путями в то время – вряд ли могла быть налажена.

И уже после смерти владыки Мефодия (1974 г.), после смерти матери, в 1987 г. архимандрит Феодосий в Вифании, в греческом женском монастыре свв. Марфы и Марии, на Святой Земле, совершил постриг инокини Елены в мантию с именем Ольга, в честь равноапостольной княгини российской Ольги, и тогда же он совершил ее постриг в великую схиму, но об этом почти никто не знал.

В 1988 г. мать Ольга стала монахиней Покровского монастыря в Бюси-ан-От.

А в 1992 г., после кончины матери Феодосии (Соломянской), мать Ольга возглавила монастырь, – этого хотела еще игуменья Евдокия (Куртен), основательница монастыря.

В сан игумены мать Ольгу возвел архиепископ Евдокиадский Георгий (Вагнер, 1930–1993). Так сложилась жизнь, что Елена Ивановна, ощущив призвание к монашеству еще в раннем отроческом возрасте, и проведя всю свою сознательную жизнь, хоть и в миру, но в иночестве, монахиней в монастыре стала только в 73 года.

В жизни монастыря произошли очень существенные перемены, когда настоятельницей стала мать Ольга. Ее понимание Евхаристии воплотилось в то, что на каждой литургии (четыре раза в неделю) сестры стали причащаться.

И Матушка считает, что это преобразило атмосферу в общине: «Мы так живем, такие у нас отношения, – говорит м. Ольга, – потому что мы часто причащаемся из одной Чаши. И в этом – наше единство, другого способа соединения у нас нет. И в Чаше – единство христиан, в участии в Евхаристии, ведь это Сам Христос. Невозможно отказать Христу, когда Он нас призывает, и все остальное не имеет уже значения. И Он создал одну Церковь, – как мы молимся в Символе веры: «...верую во Единую, Соборную, Апостольскую Церковь, – так как же мы можем отделять католиков или протестантов?! Ведь можно быть в любой христианской конфессии, общине, – главное, причащаться, участвовать в Евхаристии!».

*Бюси-ан-От.
Церковь во имя Преображения Господня
Фото В. Минченко*

При строительстве нового храма, когда решался вопрос, в каком стиле должен быть построен храм, Матушке со всех сторон пытались навязать идею, что церковь в Бюси должна быть похожа на Успенскую церковь на кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа. Видение Матушки было иным. Она обоснованно считала, что в средневековой французской деревне, среди холмов Бургундии, совершенно неуместно было бы возводить церковь в новгородском стиле, – как в Сен-Женевьев-де-Буа – белую с голубым куполом! Твердость Матушки помогла преодолеть многие препятствия – семь раз переделывали проект, – прежде чем получили уластей разрешение на строительство церкви. Католический храм в древнем романском стиле в Bussy-en-Othe построен в XI веке, он считается памятником истории и архитектуры, поэтому высота будущего храма не должна была превышать 12-ти метров.

Церковь во имя Преображения Господня в византийском стиле построена (бригадой особых специалистов) за три года. Она удивительно вписалась в окружающую природу! Если выйти из деревни и подняться на холмы, окружающие Бюси, то кажется, что православная церковь была здесь всегда – так естественно и органично вошла она в бургундский пейзаж.

В престол нового храма Преображения Матушка дала архиепископу Гавриилу, кроме мощей православных святых, вложить мощи и католических святых (Малой Терезы из Лизье и других); в алтаре велела написать фрески западных французских святых неразделенной Церкви: св. Германа Овксерского, Мартина Турского.

Приобщение к христианской французской традиции, к реликвиям, хранящимся в Католической церкви

Франции, к житиям святых вселило в мать Ольгу веру в единство Церкви. С некоторым святыми она чувствовала особенную связь с юности. Например, с Малой Терезой, ощущившей призвание к монашеству в 14 лет, жаждавшей полностью посвятить себя Богу и поступившей в монастырь кармелиток, где был самый строгий устав. Матушка Ольга, каждый год, отправляясь на отдых, совершила паломничество в Лизье – к мощам святой Терезы, которая была очень дорога и притягательна для Матушки своей простотой, ощущением себя младенцем, и призванием к монашескому пути, пережитом ими обеими в 14 лет.

Из современных монашеских католических общин Матушка чувствовала родство с Малыми сестрами Иисуса (последователями св. брата Шарля де Фуко), – монахинями, действующими в миру, но при этом живущими глубокой внутренней созерцательной жизнью и много делающих для единства христиан. Матушка обрадовалась, что мы тоже дружим с Малыми сестрами, и что отец Александр Мень был близок с их игуменией – матушкой Магдаленой, и знал многих из них. «Я так люблю этих Petites Soeurs...», – говорила она.

И в конце 90-х годов прошлого века Матушка приняла в монастырь одну из Малых сестер, которая хотела закончить свою жизнь в православном монастыре. Это была француженка *mère Eleni*, получившая благословение на это своей настоятельницы. А Матушка, естественно, получила благословение принять *mère Eleni* в общину от правящего архиепископа Евкарпийского Сергия (Коновалова, † 2003). И что еще примечательно и радостно, это то, что владыка Сергий принял католическую монахиню в Покровский монастырь, не «конвертируя»

ее, сказав, что «вы же полноценная монахиня, давшая вечные обеты, – куда вас еще переводить?! В эти игрушки мы не будем играть!». И благословил ее клубком. Mère Eleni была счастлива, она несла свои послушания; ее порой навещали Малые сестры, их очень тепло принимали в Бюси, и Матушка радовалась этим росткам христианского единства.

* * *

При игуменье Ольге монастырь сразу «помолодел», увеличился и стал многонациональным, – влилось много молодых сестер из разных стран Западной, Центральной и Восточной Европы. Мать Ольга была человеком и русской культуры, и западноевропейской, в частности, конечно, французской, которую знала прекрасно и любила: и в том числе, очень ценила французскую христианскую культуру – и архитектуру, и изобразительное искусство, и музыку, и литературу, и богословие, агиографию и т.д. И этим тоже матушка Ольга привлекала в монастырь образованных сестер, – православных, но сформированных французской культурой. Матушка вообще была открыта к разным национальным традициям, и, понимая, какую важную роль играет язык, литература в формировании личности, заботилась о том, чтобы сестры не теряли связь с родной культурой, языком, предлагала монахиням читать на вечерне, на утрени, во время часов – молитвы и чтения из Писания на их родных языках, напоминая этим же о вселенском характере христианской Церкви. Матушка ценила дарования сестер, их профессиональные качества, хотела, чтобы они развивались творчески, считая, что все может служить благу монастыря.

Хотя, конечно, для монашеской жизни важно, прежде всего, послушание, отречение от собственной воли, «и это довольно основательная вещь» – говорила Матушка. «Вы в миру тоже можете следовать за Христом, служить Церкви, но, чтобы стать монахиней, нужно отречься от своей воли. Поэтому я стараюсь не принимать в монастырь женщин, старше 45 лет. Не у всякой женщины, которая хочет поступить в монастырь, есть призвание к монашеству, поэтому в течение года мы смотрим на послушницу, которая уже живет в монастыре, но еще не сестра, не инокиня, и она сама проверяет себя, учится читать, петь на клиросе, выполняет разные работы (в монастыре они называются «послушания»), все делает «по благословению» игумены, и становится понятно, может ли она войти в монашескую общину или нет. Но даже если все хорошо, то не меньше, чем десять лет пройдет, прежде чем сестра станет действительно монахиней. Таков этот путь. Вот я чувствую себя уже совсем свободной (улыбается), могу делать, что хочу».

Мне вспомнилась заповедь бл. Августина: «Люби Бога, – и поступай, как хочешь». Вот свобода, которой за свою монашескую жизнь достигла матушка Ольга. Может быть, поэтому рядом с ней так радостно и легко...

* * *

Невозможно было не полюбить матушку Ольгу с первого взгляда! Я с первой встречи с ней поняла, что она – родной для меня человек, несмотря на разницу в возрасте, разницу в образе жизни, несмотря на то, что она всю жизнь монахиня, игуменья монастыря.

*Мать Ольга и Наталья Большакова.
31.03.2003 г.*

Фото В. Минченко

Удивительно, что и Матушка приняла меня сразу в свое сердце. Это была такая радость! Она, сама абсолютно лишенная ханжества, общалась с человеком очень легко (но не поверхностно), не только не стремясь понравиться, а, напротив, оставалась самой собой, не подстраиваясь ни под кого, не заботясь о производимом ею впечатлении, раскрепощая, таким образом, собеседника, и от этого общение становилось полноценным, «на равных», потому что ей был интересен человек. По-моему, это единственно ценное для обоих общение. Не было в ней и никакой суеверий: ни в жестах, ни в мыслях, ни в реакциях. Обаяние ее «русской» ласковости покоряло даже французских жандармов. Все обращались к ней не «Mére Olga», а «Matouchka».

Впервые я приехала в Покровский монастырь и познакомилась с Матушкой зимним дождливым (как это часто бывает зимой в Бургундии) днем – 22 января 1999 г. И, после службы в маленькой Покровской церкви, среди икон с. Иоанны (Рейтлингер), после общения с Матушкой, я знала, что это – подарок мне от отца Александра Меня, который он послал мне в день своего рождения.

Собираясь в монастырь, с женщиной, которая меня на машине везла в Бюси из Парижа, я взяла с собой несколько экземпляров альманаха «Христианос», привезенных мной из Риги. И эта женщина, хорошо знавшая матушку Ольгу, удивилась, что я хочу привезти матери Ольге альманахи. Я спросила о причине ее удивления, и она ответила, что, конечно, альманах интересный, но понимаю ли я, что мы едем к старой игуменье в православный монастырь, где такой альманах может быть неуместен?.. Меня, конечно, очень огорчили ее слова, – на что я ответила, что если неуместен «Христианос», то и я сама могу оказаться неуместной, и что мне не стыдно ни за одну публикацию, ни за направление и темы альманаха в целом.

Когда мы приехали в Бюси-ан-От, и меня представили матушке Ольге (благословение на приезд незнакомого человека моя знакомая получила по телефону), я передала ей эти альманахи.

К моему удивлению, за три дня, что я провела в монастыре, Матушка успела познакомиться с альманахом «Христианос» настолько, что выразила мне полное приятие не только отдельных текстов, но и самого духа альманаха. И, одновременно, она поняла, что такой журнал может вызывать и критику, и сопротивление.

Моя знакомая была крайне удивлена впечатлением Матушки, из чего сам собой напрашивался вывод о том, насколько мать Ольгу не понимают многие люди, знающие ее годами. Впоследствии я, к сожалению, не раз встречалась с подобным непониманием матушки Ольги и в самом монастыре, и среди паломников.

А летом я получила от Матушки первое письмо, вернее, открытку с акварелью одной из сестер монастыря, на которой была изображена маленькая часовня, построенная сестрами во имя прп. Серафима Саровского, в живописном монастырском саду. Часовня была задумана для уединенной молитвы и пользовалась большим «успехом».

Покровская обитель, 26-го июля, 99 г.
+

Дорогая Наташа,

Как Вас благодарить за поздравление и чудный подарок в день Св. Ольги!

Сердечно благодарю и очень тронута Вашим вниманием.

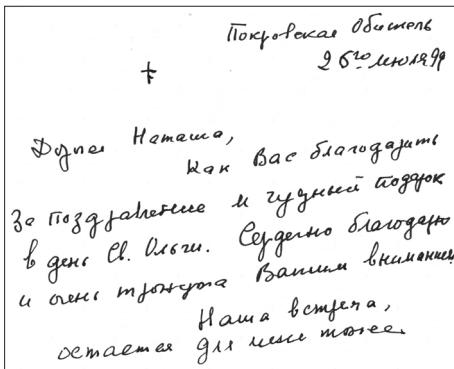
Наша встреча остается для меня тоже радостью, и я очень надеюсь, что мы еще сможем встретиться.

Да поможет Вам Господь в Ваших трудах – так понимаю, как Вам трудно бывает. Но это святое дело и Господь поможет.

Крепко обнимаю и люблю.

Грешная Игуменья Ольга.

В течение всех лет нашего общения (1999–2013) я получила более 30-ти писем от матушки Ольги. Хочется привести здесь еще несколько.

радостно и светло настрою, что
мы еще можем памятовать.
Да приведет Вам Господь в
Ваших трудах - как горечи и горю
как Вам трудно быть. Но это
самое дело и Господь поможет.
Крепко обнимают и
мойте. Чучка Николея Петра

25 сентября 2010 г.

+

Дорогие Наташа и Вася,

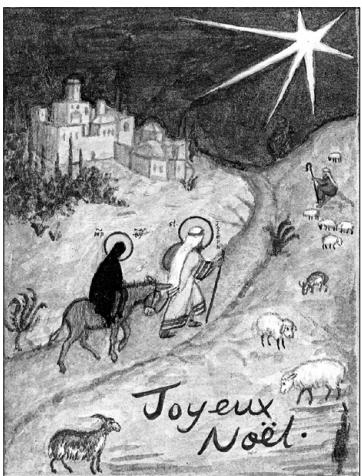
Так хочется благодарить вас за чудный альманах – памяти дорогого Отца Александра! Получила его на море. И с такой радостью и вниманием прочитала. Не все сразу, но то, что прочитала, оставляет глубокое чувство. Все очень интересно, важно, дает силы и радость жить. Больше всего меня тронуло: воспоминания, свидетельства – можно читать, не раз, а много раз, так это хорошо собрано. Но из всего, что написано, на меня произвело большое впечатление это: «Самое главное, что он был», – беседа с Анатолием Ракузиным, – «самая главная весть, которую он принес, это он сам. Он как личность... что он был, что такой человек возможен на земле».

После чтения альманаха, Отец Александр стал мне еще ближе, как родной и я с ним много говорю и, конечно, молюсь.

Спасибо Вам, Наташа, за Ваш труд все собрать, что могли об этом удивительном человеке. Когда увидимся, можно будет еще много о чем поговорить. А теперь скоро вы собираетесь на Святую Землю, да поможет вам Господь получить радости и сил от этой поездки. Но не всегда с первого раза чувствуешь все, что эта Земля дает.

Крепко Вас обнимаю, и Вас и Васю, и еще раз спасибо!

С любовью. М. Ольга.

Поздравительная открытка,
на обороте которой письмо:

11.01.2011 г.

+

Дорогие Наташа и Васи-
лий!

Сердечно благодарю за
поздравления, память и лю-
бовь. И надеюсь, что Гос-
подь пошлет Вам Мир, Бла-
годать и Радость великого
праздника Рождества Хри-
стова. Поздравляю с насту-
пающим Праздником Богоявления.

Так рада, что вы смогли быть на Святой Земле и по-
чувствовать то, что вы пережили там. Действительно
это Родина Христа и такая красота там. Спасибо за от-
крытие Галилейского Озера – какое дивное место. И,
как Вы пишите, Евангелие читаешь теперь иначе. Сла-
ва Богу, что вы смогли туда поехать.

Молюсь о вас как умею и верю, что Господь помо-
жет. Вам сил, чтобы переехать в другое место и, быть
может, там будет даже лучше... Мы не знаем, какая воля
Господня, но если мы предадимся Ему – Он не может
нас оставить. Только надо Ему доверить свою жизнь
целиком. Крепко вас обнимаю и, конечно, мы остаемся
вместе. С любовью М. Ольга.

31-го января 2012 г.

+

Дорогая Наташа,

Сердечно поздравляю Вас с наступающим днем Вашего рождения, появлением на Свет Божий. Желаю Вам от Господа бодрости, здоровья и мира.

Спасибо за Ваше письмо и замечательный Альманах XX – еще многое не прочитала, но что прочитала мне очень нравится.

Наверно это был большой труд, но без этого ничего не выходит. Думаю, что тема следующего номера о Библии очень интересная, и о. Александр так много занимался Библией.

Чувствуя себя неважно, но как Бог дает.

Господь Вас хранит. С любовью.

М. Ольга.

Последнее письмо, полученное от Матушки за полгода до ее кончины:

8 апреля 2013 г.

+

Дорогие Наташа и Василий,

Очень была рада получить ваше письмо.

Да, чудный праздник Благовещения.

Здоровье у меня неплохое, но конечно старею и все делаю не так быстро.

Архиепископа будут выбирать 1-го ноября.

Митр. Эммануил остается пока. Он очень спокойный, но конечно, сможет остаться только до выбора нового архиепископа.

У нас очень болеет М. Силуана (рак костей).

Помолитесь за нее тоже. М. Елизавета очень слабеет – просим тоже за нее помолиться.

Вы не пишете, как у Вас – надеюсь, что благополучно.

Да хранит Вас Господь.

С любовью

М. Ольга.

* * *

Матушка необыкновенно утешила меня, когда в феврале 2006 года умерла моя единственная родная старшая сестра Лора.

Я позвонила в Покровский монастырь, поговорила с матерью Анной, просила помолиться о моей некрещеной сестре. Мать Анна сказала, что помолится и скажет Матушке о моем звонке. Вечером того же дня мне позвонила Матушка и сказала, что очень сочувствует мне, и что не только на каждой панихиде в монастыре будет молитва о моей сестре, но и во время литургии. Я сказала Матушке, что Лора не крещённая, на что Матушка ответила, что м. Анна сказала ей об этом, но что они включат имя Лоры в Синодик и будет совершаться молитва о ней во время литургии, потому что Матушка просила и получила архиерейское благословение молиться об усопших некрещеных на литургии. Я восприняла это тогда и сейчас так считаю, что это проявление Божьего милосердия и любви. Внутри у меня все переменилось, безнадежность сменилась надеждой, что судьба моей, много страдавшей, мучительно и таинственно болевшей, не принявший крещение, сестры, может измениться в вечности, что Господь по молитве

монастыря, по дерзновению игуменьи, даст прощение Лоре и откроет перед ней Царство Свое, к чему она, на самом деле, и стремилась, и что измученная душа ее обретет покой и радость. И у меня пропало мучившее чувство вины, что я мало помогала сестре в ее скорбях и в болезни. Вот что сделала для меня Матушка! И этим самым она укрепила мою веру. Я ощутила близость духовного мира, действительность перестала довлеть надо мной, казаться непреодолимой. И, как только ее власть уменьшилась, открылось Небо.

Вот так через горе, недоумение и горечь, через потерю, произошло приобретение, преображение тяжелейшей ситуации, «осветление» темноты, рассеивание мрака. Так опыт веры Матушки передался мне. Такое можно было бы назвать «учением», но не через слова, а посредством фактического явления «веры, действующей любовью». То есть, по слову ап. Павла, – самому главному в христианстве.

Отношение Матушки к страданию, к смерти и то, что она чувствовала необходимость молиться о некрещенных усопших за литургией, – говорит о ее особой связи с умершими, о понимании загробной судьбы человека, о восприятии ею единства обоих миров – земного и потустороннего, – все это тоже можно было бы определить, как учение.

Вот запись одной из наших бесед:

– Страдание, мучение – есть последствия греха, – говорила Матушка. – Смерть – это не нормальное явление, все говорят, что смерть – это наказание Божие за грех человека, за отступление от Его любви. Бог дал все первым людям, нашим предкам, все дал – и бессмертие. Все, что только мы можем себе представить.

Одну заповедь дал. И они ее не соблюли. Почему? Потому что лукавый пришел искусить их и сказал, что если вы попробуете с этого дерева, то станете как Бог. То есть, гордость. Гордость – это наш порок. И вот из-за гордости мы все теперь страдаем смертью.

Но Господь же победил смерть, вот что самое замечательное! Что это за время сейчас у нас? – Пасхальное! Как раз победа над смертью. Смерть – она не нормальное явление. Поэтому ничего особенного нет в том, что люди боятся ее и переживаюят тяжело.

Я сегодня заходила к матери Сергии², мир в ее комнате сразу чувствуется, и я подумала, зачем, почему такой человек светлый, добрый, который очень нужен нам, и вот Господь его берет... И так быстро, так жестоко, я бы сказала, потому что это так неожиданно для всех... Я ушла и первый раз у меня было чувство какой-то грусти, что мы, как будто, не заслужили этого...

– Ну, что, матушка, нет ответа на все это?..

– Я думаю, что это то же самое, что все пытки, мучения и преследования, которые перенесли все наши там, в России – как это все можно объяснить – только тем, чтобы спасти Церковь. Церковь же все-таки там возрождается. Как она возрождается, мы не знаем, но все-таки церкви строятся, монастыри открываются, – это все на крови мучеников. И вот я думаю: мать Сергия – она страдает за наши монастыри, она ведь сказала: «Я хочу пожертвовать мою жизнь

² Мать Сергия (Наталия Дмитриевна Хвостова, 1931–2007). Заболев в 2006 г. раком, мать Сергия отказалась от лечения, принеся свою жизнь в жертву за игуменью Ольгу и Покровский монастырь.

для Вас и для монастыря», так что, понимаете, вот только таким образом можно объяснить, почему она страдает...

Или вот судьба сестры Иоанны (Рейтлингер) – ее мучительные страдания, последние четыре года полной глухоты и слепоты. Почему Господь посылает такие испытания человеку? Мы не знаем, почему... Для нее самой – вряд ли, потому что это был такой святой человек, но мы не знаем, за кого она молилась – ведь это всегда жертва за кого-то, для кого-то...

– Это искупление?

– Да, искупление кого-то. Кому-то это для спасения... И она всегда так жила, потому что она хотела другому помочь и молиться не для себя. Она молилась всегда за кого-то. Так что, я думаю, это искупление чего-то, кого-то... кому-то могло быть благо от этого, столько вокруг нее людей было, так тянулись к ней... Но, чтобы в конце жизни быть лишенной вообще всякого контакта, – действительно Господь уже видел ее веру, и как она может ответить на это Ему. Потому что другой мог бы совсем отчаяться, роптать, а она все это приняла – так мне кажется. Не знаю ее последние годы, но мне очень дорога эта переписка ее с о. Александром, и как она все время черпала у него силы, но она и сама была такая... бодрая.

– Но даже о. Александр ей пишет: «Ваша судьба для меня – тайна».

– Да, это действительно тайна. Мы можем объяснять словами: испытание, жертва для кого-то, но это – тайна. Это – тайна. Почему такой человек светлый, замечательный... это трудно понять. Только можно понять с точки зрения жертвы для кого-то... Посмотрите,

ведь если подумать об отце Сергию Булгакове – как он страдал, и какой он был святой человек, а как он страдал! Как он умер – тоже светло, но какие страдания перед смертью. Она была его духовной дочерью с самого начала, так что с. Иоанна за ним шла. Я часто думаю, почему почти все святые так страшно страдали? Переживали мученичество в своей жизни. Это трудно понять. Если ты хочешь стать святым – ты должен мучиться – выходит так? Каждый человек переносит какое-то страдание. Без этого не может быть святого. Брат Роже тоже мученик, его убийство – это знак святости. Я думаю, что его будут канонизировать, я надеюсь, что будут...

А вот о смерти из моей личной жизни. Смерть моего отца. Это было в феврале. Война, голод. Он довольно долго болел. А когда он скончался, даже не было скорби, – как Пасха. Но, может быть, это зависит от человека. Я часто думала об этом. Так было и с моей матерью. Обо мне говорили, что я не переживу ее смерти. И о смерти владыки Мефодия – как я переживу... А ничего не было. Во-первых, он скончался на Пасху, и это была пасхальная радость, это была Великая Суббота, начинавшаяся уже Пасхальная заутреня, так что он сразу пошел служить Небесную литургию. Это также тайна.

Все мои близкие – они около меня. Они не там, на кладбище, я очень редко туда езжу. Иногда меня упрекают в этом, но я предпочитаю общаться по-другому. Может быть, это такой дар... Потому что все удивлялись, говорили, что она даже не плачет, а у меня чувство, что они все живые, и что тут им было гораздо хуже. Они все страдали перед смертью, и для них это было облегчение.

Это поражает, но невозможно было не поверить подлинности ее опыта, когда она это рассказывала мне.

— *И я общаюсь с ними, — продолжает мать Ольга, — обращаюсь к ним, и чувствую их присутствие в моей жизни, совсем рядом. И вы можете обращаться к отцу Александру, это такое счастье, что вы его знали! Я и то ему молюсь и чувствую с ним общение, близость, а у вас есть свой опыт личного общения с ним, молитвы, — так и сейчас он вас слышит, как при жизни. И к Лоре вы можете обращаться, я думаю, вам теперь труднее, чем ей там.*

И простота, и естественность, с какими Матушка говорила мне это, свидетельствовали о ее близости к Горнему, о сокровенной жизни ее души, о «пропитанности» ее духа Евангелием, светом Христовым.

— *И Вы настолько реально чувствуете эту связь?*

— *Да, я чувствую связь, как будто они совершенно живые. И владыка, и родители, и мой брат — они все ушли, и они все живые.*

— *Нет ли у вас такого чувства, что физически не хватает близкого человека?*

— *Не знаю. У меня этого не было. Может быть, потому что я, как всегда была очень занята и, если бы я сидела дома одна — было бы очень тяжело, но, когда вы окружены делами, все такие разлучения — это конечно тяжело, близкий человек и вдруг его нет. Как можно сказать, что это безразлично? Но мне было радостно, потому что я знала, что он не ушел, а он здесь, со мной. И так все мои самые любимые... Странно... Может быть это такой дар... Потому что все удивлялись, и моя подруга, — говорили, что она даже не плачет, а у меня было чувство, что они все живые. И что тут им*

было гораздо хуже. Они все страдали перед смертью и для них это было облегчение.

И связь с умершими подводила ее к пониманию необходимости о памяти смертной.

– Я думаю, самое главное – память о смерти. Это важно. Потому что память о смерти нас все-таки останавливает во многом. Я раньше никак этого не понимала, сердилась на моего духовного отца. Он пишет в «Вечном» целые страницы об этой памяти, но все-таки это очень верно. Что память о смерти – она заставляет человека задумываться. Каждый вечер я думаю, а проснусь ли я? Столько старых людей засыпает и уходит во сне, поэтому хочется очиститься и подготовиться заранее. В Библии сказано: «...не знаете ни дня, ни часа, в который прийдет Сын Человеческий». Так что память о смерти очень важна. Но не для того, чтобы устрашать, а скорее, приготавливать к этому переходу.

– Отец Александр очень часто говорил, что мы должны быть готовы...

– Наверно, потому, что он сам готовился. Как это жестоко все-таки было! Я надеюсь, он тоже будет святой. Говорят ли об этом что-нибудь?..

Я думаю, что все вопросы о смерти разрешаются воскресением Христовым. Это может быть банально, но это так. Господь воскрес, и Он уничтожил смерть. Эта смерть не существует больше. Это тоже тайна – она существует, но уже ни один человек не умирает. Это единственное, что мы знаем, то, что мы все умрем, но, несмотря на это смерти уже нет. Это действительно, как мы вчера говорили, переход в настоящую жизнь. Это не жизнь, что мы живем... Это нас

Господь послал на землю на какое-то время и потом нас возьмет, а вся наша жизнь – это там...

– Ну, а зачем мы здесь, все-таки?.. Зачем Вы монахиня?..

– Потому что мы хотим там хорошую жизнь, я об этом не думала никогда, но это так. Все-таки, поскольку мы крещенные и мы любим Христа, мы хотим следовать за Ним уже теперь и там будет продолжение. Это замечательно у отца Александра, что Христа мы должны встретить здесь, лично, – потому что мы можем исполнять уставы, все делать, но пройти мимо Него... Он пишет, что мы должны найти хотя бы десять минут каждый день, чтобы быть наедине, лицом к Лицу. А то вы можете всю жизнь прожить около и не быть с Господом, и причащаться, и ходить в церковь, и посты соблюдать, но у вас нет контакта. Это он первый так открыто говорит об этом и ведь это такая правда. Мы ведь сами иногда это чувствуем, что мы только около, хотя мы все делаем... Отец Александр удивительный. Он просто гениальный святой!

– Матушка, а что Вы можете сказать о страданиях и одиночестве в старости?

– Это очень важная тема. Тема старости. Тут все дело в священнике. Если священник подходит к человеку – старому, никому уже не нужному, который не верит ни во что. Неизвестно, как он будет умирать, для священника это одна из самых важных его ответственостей... привести его к Богу. Это самое важное. Старость и детство – очень важно, когда вложено в детстве в душу ребенка – рано или поздно это даст свои плоды. После смерти уже ничего не будет у этого человека, и никто не даст там... можно толь-

ко здесь приготовить его. Это может делать даже не священник. Любой христианин – только надо это уметь. Это тоже такой дар. Приблизиться к тому человеку, как-то дать ему надежду не на то, что он будет жить, а на то, что он будет жить там. Это очень важно. Это я читала и знаю опытом, на нас лежит ответственность, особенно монахини не могут проходить мимо. Как-то надо именно с этими людьми общаться, а уж для священника это одно из самых главных его служений.

– Вспоминается мать Тереза Калькуттская, которая поднимала умирающих бедняков на улице...

– И она им говорила, что она их любит, и Бог их любит. Вот это пример. Очень важно, чтобы старый человек не оставался совсем один без поддержки. Только если человек совсем не хочет, настойчиво не будешь к нему лезть... в других случаях надо стараться всячески облегчить как-то... старые люди очень важны. Потому что это такой возраст... и если Господь допускает до такой старости, то надо всегда быть очень внимательными, стараться передать им любовь. «Я тебя люблю», – вот и все. Но это очень важный вопрос в христианской жизни.

Материнская педагогика

Когда в монастыре появилась японка (настоящая японка – из Японии, т.к. во Франции довольно много японцев живут поколениями, став французами по паспорту) и стала инокиней, сестрой Иоанной, все радовались, как она вошла в монастырскую семью, учила французский язык, охотно исполняла все послушания,

встречаясь с ней во дворе монастыря, ты, словно, встречался с улыбкой, с радостью – так сияло ее лицо.

И Матушка была довольна сестрой Иоанной, и она сама чувствовала себя хорошо. Но через некоторое время наступил кризис. Считается, что это закономерно для человека с Востока, оказавшегося в стране западной культуры и цивилизации, особенно, если он один, вне своей среды общения, языка и пр., что он вдруг начинает ощущать себя потерянно, одиноко, неуютно и т.д. Сестра Иоанна как будто несколько погасла. Матушка Ольга, постоянно державшая руку на эмоциональном, душевном, психологическом и духовном «пульсе» сестер, забеспокоилась, видя депрессивное состояние с. Иоанны, и когда м. Ольга поняла, что своими, «местными» монастырскими силами в этом случае не справиться, она стала искать священника-японца. Но во Франции и в других западноевропейских странах православного священника-японца не оказалось, и только в Бельгии, в бенедиктинском монастыре нашли монаха священника, японца по национальности, куда и была снаряжена экспедиция из Бюси-ан-От. Сестра Иоанна, в сопровождении монастырского священника отца Раду, поехала в Шеветонь (Chevetogne), на «реабилитацию» к японскому католическому священнику. И это было спасительное решение! Вернулась сестра Иоанна спокойная, радостная, обретя душевное и духовное равновесие и мир в общении с соотечественником, к тому же, опытным духовником-монахом.

Такова материнская любовь, мудрость и широта матери Ольги! Она любила монахинь, поистине, как мать любит своих детей. Когда начинала говорить о сестрах, – она словно любовалась ими, и ведь все разные (и по

характеру, – а еще по национальным темпераментам!), и всех любит, за каждую переживает: кто-то заболел, у кого-то проблемы внутренние, кто-то много трудится и устает. Матушка отпускала сестер съездить «домой», в те страны, откуда они приехали, навестить родных, и возвращались они неизменно в обновленном состоянии, и Матушка убеждалась, что она правильно делает, что отпускает сестер отдохнуть, переменить обстановку, одним словом, дает свободу, что редкое явление для монашеской жизни. Но такова педагогика Матушки!

Рассказ монахини Магдалины (Ольги Некрасовой; 1933, Париж – 2023, Москва).

«5-го октября 2013 г. у матушки Ольги случился инсульт. Она с трудом говорила, но до последнего вздоха сохраняла ясность сознания. Понимая, что Матушка уходит от нас, и что игуменьей монастыря будет мать Коломба, я решила не оставаться без матери Ольги в монастыре, а уехать в Москву, поступить в Марфо-Мариинскую обитель, куда звали меня сестры. Но, конечно, без матушкиного благословения я никуда бы не уехала.

И с этим вопросом я пришла к Матушке в келью. Выслушав меня, она сказала, что дает свое благословение на мой отъезд, т.к. знает, что для меня это будет гораздо лучше, чем оставаться в Бюси. Я сказала, что, если я ей нужна здесь, я с радостью останусь. Матушка ответила, чтобы я уезжала, и, как можно скорее. Это ее материнское благословение, и ей будет хорошо от сознания, что я буду там, где мне лучше, в чем она была уверена.

Мать Ольга оставалась моей матушкой, игуменьей, несущей за меня ответственность, – до конца своей

жизни. Через несколько дней, 3-го ноября, в воскресенье, во время Евхаристического канона, Матушка скончалась.

И я уехала, унося в сердце любовь и благодарность...»

Действия матушки Ольги могли выглядеть парадоксальными, но поскольку она обладала умудренностью старицы и таким же видением людей и событий, то она могла вести человека к Богу разными способами.

По свидетельству Марии Александровны Струве³, в 2001–2003 гг. обучавшей монахинь Покровского монастыря иконописи, «сестры пишут иконы с радостью, с удовольствием», она говорила, что с сестрами легко общаться, что они открытые, свободные, «они цветут как цветы, потому что мать Ольга для них настоящая мать, которая их любит, понимает, дает им свободу».

Я знала основательниц монастыря с 1938 года, еще со своего детства, и с Бюси я связана с 1946 года (год основания монастыря), я их всех очень любила: и мать Бландину (мы называли дочь в ее честь), и мать Евдоцию, и мать Феодосию – они все были удивительные! Но могу сказать, что как игуменья мать Ольга – лучшая, она просто игуменья по призванию»⁴.

³ М. А. Струве (1925–2020, урожденная Ельчанинова, дочь о. Александра Ельчанинова); была духовной дочерью прот. Сергея Булгакова; училась иконописи у сестры Иоанны (Рейтлингер); жена Н. А. Струве (1931–2016) – главного редактора «Вестника русского христианского движения»; руководителя издательства YMCA-Press; профессора Х Парижского Университета (Нантер).

⁴ Из беседы автора с Марией Александровной, 2003 г.

*Игуменья Ольга (Слёзкина)
в Преображенском храме. 2006 г.
Фото В. Минченко*

Кто такая игуменья? Это и мать, и руководительница, и главный авторитет для тех, кто ей доверился, и особое послушание от Господа. Хотя по поводу авторитета мать Ольга сказала: «Знаете, в монастыре авторитет должен быть попираемый ногами. Чтобы все было благополучно, он должен существовать из подполья, он не должен быть явным, чтобы никого не подавлять».

За все четырнадцать лет нашего знакомства с матушкой Ольгой (каждый год удавалось приезжать, и порой, не один раз в год, и иногда оставаться в монастыре подолгу) я видела ее и в храме на службах; и в будни, и в праздники; в общении с гостями – и епископами, и священниками, и мирянами; и на трапезах; и во время наших с ней личных встреч, – и исходя из этого опыта могу с уверенностью сказать, что это был удивительный человек, уникальная игуменья.

Не было в ней никакой не только фальшивой ноты, но никакой «статусности», никакой важности, властиности, часто присущей лицам ее звания, и, конечно, – никогда никаких «поучений». Вместо всего этого – замечательное чувство юмора (без которого трудно представить себе духовную жизнь), иронии, по отношению к самой себе. Ее искренность и открытость, делающие общение с ней радостным, глубоким, освобождали собеседника. Он чувствовал уважение к себе, интерес, доверие, доброжелательность. Человек раскрывался навстречу ей.

Когда Матушка назначала встречу, или присыпала кого-то из сестер с запиской, когда прийти к ней, это уже так радовало, так поднимало настроение. Потому что с ней всегда хотелось быть рядом. И никогда не было скучно с ней, всякая встреча с ней насыщала, обогащала.

Матушка обладала даром духовного рассуждения, советы ее были глубокими и, как бы, одновременно, простыми, мудрыми, смиренномудрыми.

Но главное, – любовь, исходящая от нее. Прощаясь, Матушка всякий раз говорила мне, что «мы остаемся всегда вместе!».

«Самое главное – любовь. Любовь к Богу и к ближнему. А любовь рождается из молитвы, но без любви молитва ничего не стоит. Знаете, вы можете стоять в церкви часами, что-то сестры там читают, а, если вы, например, глухая, вы даже не слышите, что они там читают, и одна только молитва ничего не дает, если она не проявляется в любви – к Богу, прежде всего, и к каждому человеку, который встречается нам в этот день. Он послан Богом и он, – это, все-таки, очень важно помнить, – он есть образ Божий».

И ее любовь остается с нами – согревает, наполняет, ею хочется делиться.

*Рига, Латвия
Апрель 2024 г.*

СЛУЖЕНИЕ ЕДИНСТВУ

Илья Семененко-Басин

О ДОКТОРЕ ГААЗЕ

В 2022 г. в московском издательстве «Языки славянской культуры» вышла монография о книгоиздательских инициативах московского медика-филантропа Фридриха Йозефа Гааза (Friedrich Joseph Laurentius Haass; 1780–1853)¹. Отправной точкой для меня стало глубокое чтение латиноязычного письма Гааза протоиерею Феодору Голубинскому от 24 декабря 1839 г., написанного в связи с изданием небольшого сочинения для тюремного персонала и заключенных; замысел книги принадлежал Гаазу. Другие его инициативы удалось прояснить благодаря документам духовной цензуры, хранящимся в архивохранилищах Москвы. Уточнение всех обстоятельств книгоиздательских проектов доктора Гааза – не единственная авторская задача. Поскольку книгоиздательские начинания медика-филантропа приоткрыли аспекты его личностной формации, я поставил перед собой вторую исследовательскую задачу: охарактеризовать личность Гааза, уточнить не только отдельные факты биографии, но и наши оценки его общественной деятельности. Хотелось бы представить читателям альманаха ХРИСТИАНОС две главы из книги; текст публикуется без изменений.

¹ Семененко-Басин И. В. Доктор Гааз и христианская книга. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. 192 с. (Studia historica).

Вводная глава

В дни Рождества 1839 г.² в своем доме в Сергиевом Посаде протоиерей Феодор Александрович Голубинский получил письмо от московского врача Фридриха Йозефа Гааза, или же, согласно русскому обычаю, Федора Петровича Гааза.

Голубинский с 1826 по 1851 гг. служил цензором в Московском комитете духовной цензуры и преподавал в Московской духовной академии в должности профессора³. Гааз к тому времени был признанным специалистом, известным московским медиком⁴. У

² Здесь и далее все даты приводятся по юлианскому календарному стилю.

³ О Феодоре Голубинском (1797–1854) см.: *Глаголев С., Введенский А.* Протоиерей Феодор Александрович Голубинский. Ко дню столетней годовщины его рождения: 22 декабря 1797–1897 гг. – Сергиев Посад, 1898; *Глаголев С.* Голубинский Феодор // Православная богословская энциклопедия. – Пг., 1903. Т. 4. С. 486–495; *Котович А.* Духовная цензура в России (1799–1855 гг.). – СПб., 1909. С. 437–450; *Мезьер А. В.* Словарь русских цензоров: Материалы к библиографии по истории русской цензуры. – М., 2000. С. 41; *Задорнов А.* Голубинский Феодор // Православная энциклопедия. – М., 2006. Т. XI. С. 721–724; *Абрамов А. И.* Голубинский // Русская философия: энциклопедия / общая ред.: М. А. Маслин / изд. 3-е, дораб. и доп. – М., 2020. С. 149–150.

⁴ О Фридрихе Йозефе Гаазе (1780–1853) см.: *Корсунский И. Н.* Русская благотворительность: Филарет, митрополит Московский, и Ф. П. Гааз. – М., 1893; *Пучков С. В.* К характеристике доктора Ф. П. Гааза / 2-е изд. М., 1910; *Кони А. Ф.* Федор Петрович Гааз: Биографический очерк // Он же. Собрание сочинений: в 8 т. – М., 1968. Т. 5. С. 288–422; Доктор Гааз: сборник / Сост.: Ю. Г. Куликов. Ставрополь, 1989; Врата милосердия: Книга о докторе Гаазе / Сост. и comment.: А. Нежный. – М.,

него имелась частная практика, им были выпущены научные труды на французском, выдвинувшие автора в число родоначальников российской климатотерапии и бальнеологии⁵.

В своем письме врач просил цензора о книжке, предназначавшейся для тюремного персонала и арестантов.

2002; Копелев Л.З. Святой доктор Федор Петрович. М., 2013; *Pfeifer K. Arzt und Christ – das Berufsethos von Friedrich Joseph Haass (1780–1853) / Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Medizin der Medizinischen Fakultät der Universität Regensburg*. Regensburg, 2010; *Beckmann-Kuhn J. Medizin als Lebenspraxis des Humanen: Studien zum Lebensweg des Arztes und Philanthropen Friedrich Joseph Haas (1780–1853) im Umbruch von Aufklärung, Revolution und Restauration / Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades am Historischen Institut der RWTH Aachen*, 2012.

⁵ Блохина Н. Н. Врач. Гуманист. Ученый // Врата милосердия: Книга о докторе Гаазе. С. 255–283; Курорты Кавказских Минеральных Вод – национальное достояние: становление и развитие (1803–2003) / Ред.: Ю. Л. Шевченко, О. П. Щепин. М., 2003. С. 32–34; Вазагов В. М., Сидоренко Ф. Ф. Первооткрыватели Кавказских Минеральных Вод (научно-популярные биографии). – Пятигорск, 2003. С. 95–144; Блохина Н. Н. Исследование Кавказских Минеральных Вод врачом-гуманистом Ф.П. Гаазом // Клиническая медицина. 2012. Т. 90. № 6. С. 76–80; Блохина Н. Н. Врач-гуманист Ф. П. Гааз как исследователь и организатор курортного дела на Кавказских Минеральных Водах // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. 2012. Т. 89. № 1. С. 38–42; Блохина Н. Н. Клинические взгляды врача-гуманиста Ф. П. Гааза (первая четверть XIX в.). К 200-летию выхода в свет труда F.J. Haas «Ma visite aux Eaux d'Alexandre en 1809 et 1810» (М., 1811) – Ф. П. Гааз «Моя поездка в Александровские воды в 1809 и 1810 гг.» (М., 1811) // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. 2013. Т. 90. № 4. С. 57–62.

Здесь надо пояснить, что доктор медицины Гааз, римо-католик, уроженец немецких земель, исторически именуемых Рейнской областью, а с 1806 г. – житель Москвы, много сил и времени посвятил служению заключенным. Именно вокруг книгоиздательской тематики письма Гааза, написанного на латинском языке, в значительной степени построено данное исследование.

Врачебный долг и вера велели Гаазу идти к самым уязвимым, так что, кроме обычной медицинской практики, львиную долю времени и сил он посвящал филантропии. Общественно-политическая ситуация тому благоприятствовала. Еще с конца XVIII в., со времен Екатерины II, российское правительство активно развивало институты благотворительности, поощряя самодеятельное начало в этой сфере⁶. Для нашей темы важно, что речь в данном случае идет не только о правительстве с его инициативами, но также о живой, беспокойной общественности. После исследований А. Линдемайер стало ясно, как в XIX в. в лоне благотворительного движения в России происходило становление гражданского общества – филантропические

⁶ Lindenmyer A. Poverty is not a Vice: Charity, Society and the State in Imperial Russia. Princeton, NJ, 1996. P. 26–47; Ульянова Г. Н. Благотворительность и общественное признание в России XIX – начала XX века. Институциональное развитие в контексте формирования гражданского общества // Труды Института российской истории РАН. 1997–1998 гг. / Отв. ред.: А.Н. Сахаров. – М., 2000. Вып. 2. С. 164–217; Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи: XIX – начало XX века. – М., 2005; История здравоохранения дореволюционной России (конец XVI – начало XX в.) / Ред.: Р.У. Хабриев. – М., 2014. С. 37–52, 73–77.

начинания, пусть и не преодолевшие бедность, порождали новый тип социальных сообществ, стимулируя гражданское сознание и самоуправление⁷.

В 1819 г., откликаясь на инициативу филантропов из Лондонского общества для улучшения порядка в тюрьмах и исправления несовершеннолетних преступников (*Society for the Improvement of Prison Discipline and for the Reformation of Juvenile Offenders*), император Александр I учредил Попечительное о тюрьмах общество⁸. Британские благотворители, посетившие Россию ради переустройства мест заключения, были последователями Джона Говарда (John Howard, 1726–1790) – знаменитого реформатора тюремной системы. В первой четверти XIX в. в России развернуло свою деятельность Императорское Человеколюбивое общество, действовали губернские попечительные о бедных комитеты, а также воспитательные дома под патронатом вдовы императора Павла I, в 1828 г. объединенные в «Ведомство

⁷ *Lindenmyer A.* Op. cit. P. 99–119.

⁸ № 27895. Об учреждении в России Попечительного общества о тюрьмах // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое. – СПб., 1830. Т. XXXVI. С. 306–314; Никитин В. Н. Тюрьма и ссылка: Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи, со времени возникновения русской тюрьмы до наших дней. 1560–1880 г. – СПб., 1880. С. 10–27; Краинский Д. В. Материалы к исследованию истории русских тюрем в связи с историей учреждения Общества попечительного о тюрьмах. – Чернигов, 1912. С. 63–131; Гернет М. Н. История царской тюрьмы / 2-е изд. – М., 1951. Т. 1. С. 97–103, 277–287; Упоров И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: Историко-правовой анализ тенденций развития. – СПб., 2004. С. 158–164.

учреждений Императрицы Марии»⁹. Попечительное о тюрьмах общество стало еще одной успешной инициативой в сфере общественного призрения.

Согласно идеологии английских пенитенциарных реформ конца XVIII – середины XIX вв., в задачи новоучрежденного российского Попечительного о тюрьмах общества входили посещение заключенных, их нравственное исправление¹⁰. Не получая государственного финансирования, филантропы могли рассчитывать только на собственные средства и добровольные пожертвования. Не имея административных полномочий в тюрьме, не влияя на пенитенциарную политику правительства, члены общества, тем не менее, разделяли с департаментом полиции хозяйственные функции и заботу о медицинском обслуживании арестантов. На местах общество представляли губернские комитеты и уездные отделения, Московский попечительный о тюрьмах комитет (далее – Тюремный комитет) был одним из них.

В религиозно-гуманитарном проекте перевоспитания заключенных заметны типологические параллели с просветительской задачей Российского библейского общества (далее – РБО), возникшего по инициативе Британского и иностранного библейского общества (*The British and Foreign Bible Society*) и утвержденного рескриптом Александра I в 1814 г.¹¹ Сходство не в

⁹ Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи. С. 192–219.

¹⁰ Васильева С. А. Христианская этика как интеллектуальный источник британских тюремных реформ XVIII века // Диалог со временем. 2017. № 61. С. 191–203.

¹¹ Санкт-Петербургское библейское общество, образованное согласно указу Александра I (1812), в 1814 г. его же рескриптом переименовано в РБО.

последнюю очередь связано с тем, что в Россию была перенесена специфичная для Англии культура клубов и общественных ассоциаций с их опытом самоуправления. На социальные связи между русскими благотворительными обществами и РБО указал еще А. Н. Пыпин – в библейском и филантропическом движении участвовали люди одного круга, часто одни и те же лица¹².

Сегодня филантропические и просветительские начинанияalexандровской эпохи видятся аспектами религиозно-политической программы императора, нацеленной на создание в России идейно единого «евангельского (общехристианского) государства»¹³. Существовала связь между всеми перечисленными инициативами и идеологией Священного союза, заключенного после Наполеоновских войн на Венском конгрессе (1814–1815). Александр I стремился придать этому альянсу, призванному сохранить международный порядок, духовно-мистическое измерение, полагая, что христианское учение может противодействовать разложению европейской политики и сословных структур.

Согласно Акту о Священном союзе (1815)¹⁴, христианские принципы любви, правды, мира должны не

¹² Пыпин А. Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I. Пг., 1916. Т. I: Религиозные движения при Александре I. С. 104–106.

¹³ Термин обоснован в монографиях: Вишленкова Е. А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России alexандровской эпохи. – Казань, 1997. С. 97–123; Вишленкова Е. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. – Саратов, 2002. С. 133–147.

¹⁴ № 25943. Трактат братского христианского союза // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое. – СПб., 1830. Т. XXXIII. С. 279–280.

только относиться к частной жизни, но стать руководящими принципами политических систем Европы. Документ утверждал окрашенную в библейские тона идею отцовства и братства: заботливое отцовство монарха по отношению к каждому подданному независимо от социального положения и братство во Христе как основа международных отношений. Таким образом, послевоенные интерконфессиональные начинания, просветительские, библейские, филантропические, могут быть определены не только как религиозно-нравственные, но одновременно и как пацифистские, нацеленные на обеспечение мира после Французской революции и Наполеоновских войн¹⁵.

Уже в начале своей медицинской карьеры Гааз не мог не чувствовать морального единения с европейскими и российскими филантропами. К. Пфайфер показала, что медицинская этика Гааза была этикой христианской по преимуществу¹⁶. Важен был и практический пример; велика вероятность, что Гааз читал жизнеописания католических подвижников милосердия, в частности житие Винсента де Поля (Vincent de Paul; 1581–1660), и был осведомлен о разносторонней деятельности благотворительных миссий, основанных этим французским святым.

В 1811 г. в книге *Ma visite aux Eaux d'Alexandre en 1809 et 1810* («Мое путешествие на Александровские Воды в 1809 и 1810 гг.») Гааз поделился размышлениями о медицине. Он считал необходимым качеством врача

¹⁵ Зорин А. Кормя двуглавого орла: Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. – М., 2001. С. 269–335.

¹⁶ Pfeifer K. Op. cit. S. 123–124.

«... добровольное стремление направить все имеющиеся знания и средства на облегчение мук страждущих, возрастающее до способности пожертвовать собой ради этой цели...»¹⁷. В тесной связи с этим стремлением находилось просветительство Гааза, разделявшего целостный подход к пациенту – врачеванию подлежали и тело, и душа.

В 1828 г. Гааз присоединился к Тюремному комитету¹⁸; приглашение он получил от генерал-губернатора Москвы князя Д.В. Голицына¹⁹. Тогда же Гааз был назначен главным врачом московских тюрем. Тюремный комитет в Москве управлялся директорами во главе с тремя вице-президентами – митрополитом Московским и Коломенским Филаретом (Дроздовым) (далее в тексте книги при любом упоминании митрополита Филарета имеется в виду московский святитель), князьями Д. В. Голицыным и С. М. Голицыным. Работе Тюремного комитета благоприятствовали меры по улучшению тюремного дела, применявшиеся в царствование императора Николая I, проводившего в России структурирование европейского государства и кодификацию права²⁰.

Анализируя медицинские сочинения Гааза, Й. Бекман-Кун пришел к выводу, что в них содержатся концепция царицы наук медицины, служащей совершенствованию человека в истине и красоте, и этика

¹⁷ Гааз Ф. П. Мое путешествие на Александровские Воды / Пер. с фр. Т. Л. Черноситовой // Доктор Гааз: сборник. С. 26.

¹⁸ Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1829. – СПб., 1829. Ч. 1. С. 902.

¹⁹ Пучков С. В. Указ. соч. С. 7.

²⁰ Гернет М. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 108–110; Т. 2. С. 33–56.

методичного жизнеустройства согласно формуле категорического императива И. Канта. Бекман-Кун показал, что натурфилософия Гааза сформировалась на основании философии Шеллинга, Канта и парадигмы Гиппократа, причем исследователь не обнаружил в натурфилософии Гааза какого-либо иррационального ядра, исключив, таким образом, принадлежность медика-филантропа к псевдонаучной «романтической медицине» (*romantischen Medizin*)²¹. В научно-медицинских трудах Гааза на первом месте – забота о больных, об их физическом и душевном исцелении, невзирая на собственные потери лечащего врача²². Эти основные моменты мировоззрения Гааза были вполне реализованы им на практике.

Позднее Ф.М. Достоевский скажет о Гаазе: «Он говорил с ними [арестантами. – *И. С.-Б.*] как с братьями, но они сами стали считать его под конец за отца»²³. Не оспаривая воздаяния по закону, но акцентируя положительные аспекты социального контроля, доктор Гааз сумел много сделать для заключенных. Впрочем, справедливость требует вспомнить здесь также и о других медиках-филантропах, посвятивших себя служению заключенным в России в ту же эпоху, в частности

²¹ Beckmann-Kuhn J. Eklektische Medizin nach 1800 zwischen Hippokratismus, Naturphilosophie und Romantik am Beispiel des Arztes und Humanisten Friedrich Joseph Haas (1780–1853) // Forschungen zur Medizingeschichte. Beiträge des „Rheinischen Kreises der Medizinhistoriker“ / Hrsg.: A. Karenberg, D. Gross, M. Schmidt. Kassel, 2013. (Schriften des Rheinischen Kreises der Medizinhistoriker. Band 3). S. 133–154.

²² Pfeifer K. Op. cit. S. 114–119.

²³ Достоевский Ф. М. Идиот // Он же. Полное собрание соч.: в 30 т. – Л., 1973. Т. 8. С. 335.

о докторе медицины Федоре Христофоровиче Грале (1770–1835) из Пермского попечительного о тюрьмах комитета, о М. Я. Протопопове, В. Я. Кокосове²⁴.

Совершенно бесправный тюремный контингент получал лечение, материальное вспомоществование. Среди подопечных Гааза оказывались отнюдь не только осужденные преступники, но также члены их семей, ни в чем не повинные женщины и дети, следовавшие в Сибирь вместе с родственником, а также нарушители, допустившие незначительные провинности, например бродяги, не имевшие при себе паспорта. Московский генерал-губернатор счел необходимым доложить царю о самых ревностных благотворителях; в 1830 г. Гаазу и его коллегам по комитету А.И. Полю и С.А. Маслову за их постоянные труды было объявлено монаршее благоволение²⁵.

Членов Тюремного комитета увлекала идея воспитания арестантов, тем более что в Великобритании в рамках упомянутых выше пенитенциарных реформ была реализована программа духовно-назидательного тюремного чтения²⁶. Правила Попечительного о тюрьмах общества, утвержденные Александром I в 1819 г., предписывали снабжать заключенных Священным Писанием

²⁴ Блохина Н. Н. Врач. Гуманист. Ученый // Врата милосердия. С. 259–275, 282–283; Блохина Н. Н. Профессионально-этические воззрения врача-гуманиста Ф. П. Гааза // Клиническая медицина. 2012. Т. 90. № 4. С. 75–77; Блохина Н. Н. Врачи-гуманисты – современники доктора Ф. П. Гааза // Клиническая медицина. 2012. Т. 90. № 7. С. 74–77.

²⁵ Архив МГУ, ф. 251, оп. 1, д. 22, л. 1.

²⁶ Васильева С. А. Издание «Проповеди для заключенных» 1790 года как первое руководство для тюремных капелланов // Христианское чтение. 2017. № 4. С. 378–389.

и другими духовными книгами, развивать наклонность к полезному чтению, прекращать брань между арестантами, развивать в них лучшие общечеловеческие и христианские качества²⁷.

Надо полагать, Гааз оказался подготовлен к миссии христианского воспитателя. В молодые годы он формировался в культурной среде Католического Просвещения (Katholische Aufklärung), как именуют следующий после контрреформации момент в истории Католической церкви в Германии. Католическое Просвещение, для которого характерны критика пышности церковного барокко и стремление к интериоризации веры, охватывало различные аспекты политики, церковных реформ, миссии, образования и культуры Германии XVIII в. Представители Католического Просвещения придавали большое значение христианской этике, проблеме соотношения свободы и авторитета (свобода мысли христианина и авторитет Церкви).

Обладая необходимой медицинской компетенцией, доктор Гааз превосходил сценарий профессионального поведения. С юных лет он был знаком с трудами Франциска Сальского (об этом см. ниже: глава 1, разделы 4 и 6), при том, обучаясь в немецких университетах, не мог не ощущать флюидов пietistского движения. Лидеры Католического Просвещения, немецкие пietисты, французские учителя духовной жизни, каждый по-своему, проектировали идеал непрерывного самовоспитания, глубокого переживания христианской веры. Неудивительно, что в Москве, в Тюремном комитете доктор Гааз поддерживал идею пастырства для заключенных,

²⁷ № 27895. Об учреждении в России Попечительного общества о тюрьмах. С. 311 – 313.

участвуя в раздаче экземпляров Евангелия и различных книг духовно-нравственного содержания, стараясь образовать душу и ум подопечных.

Как уже было сказано, правительенная пенитенциарная политика тому благоприятствовала. В 1842 г. Попечительное о тюрьмах общество разработало подробную инструкцию для духовенства о пастырской работе в тюрьмах; нравственное перевоспитание арестантов подробно регламентировано тюремным законодательством Николая I²⁸. Это обстоятельство следует подчеркнуть особо, поскольку А. Ф. Кони в известной книге о докторе Гаазе нередко представлял своего героя одиночкой среди равнодушных, не ведающих жалости людей. В 1868 г. генерал-майор П. С. Лебедев, член Тюремного комитета, оспорил аналогичные суждения писательницы Евгении Тур.

Движимая состраданием к далеко не совершенному обществу, Евгения Тур эмоционально рассказала о Гаазе, святом подвижнике, презираемом, осмеянном своими современниками, и погибшим в борьбе с неправдой²⁹. Лебедев справедливо возразил, что Гааз, хотя и сталкивался с противодействием бюрократического аппарата, встречал также деятельное сочувствие у москвичей различных классов – от простонародья до первых сановников империи³⁰. Несколько десятилетий спустя А.Ф. Кони в цитируемой книге о Гаазе прибегнул к риторическим преувеличениям, сосредотачивая

²⁸ Полищук Н. И., Баженов В. В. Попечение о лицах, отбывающих наказание. – СПб., 2011. С. 45–50.

²⁹ Тур Е. Воспоминания и размышления // Время. 1862. № 6. С. 64–65.

³⁰ Лебедев П. Федор Петрович Гааз // Врата милосердия. С. 461–462.

внимание читателей на беспримерно одиноком – и героическом – подвигничестве медика-филантропа. Можно предположить, что на Кони, а до него и на Е. Тур повлиял культурный архетип Дон Кихота. В действительности же исправление и религиозное просвещение арестантов было делом не одиночки-энтузиаста, но Тюремного комитета как института³¹.

Поскольку настоящая работа посвящена книгоиздательским замыслам Гааза, остановимся на его подходах к проблеме книжного чтения заключенных. В первой половине XIX в. даже в европейской части России, не говоря о Сибири, тюремные библиотеки были редким явлением³². И, хотя филантропам приходилось рассчитывать только на денежные средства доброхотов, Тюремному комитету все же удавалось бесплатно снабжать арестантов книгами, исполняя тем самым правила, утвержденные Александром I.

Д.В. Голицын собрал в Тюремном комитете неординарных личностей, умевших работать сообща. По мере того как Гааз участвовал в соратническом объединении,

³¹ С легкой руки А. Ф. Кони тема одинокого подвигничества Гааза стала традиционной. Ср.: «[Альберт] Швейцер опирался на взгляды и идеи многих передовых представителей человечества... <...> А Гааз был один. Его жизнь – это подвиг одиночки, но не канувшей все же в безвестность...» (Фролов В. А. Торопитесь делать добро: Легенда-быль о тюремном докторе. – М., 1995. С. 10).

³² О практиках чтения в российских тюрьмах и истории тюремных библиотек различных эпох см.: Шапошников А. Е. Тюремные библиотеки: история и современность // Книга: Исследования и материалы. М., 2003. Сб. 81. С. 74–86; Корякин М. В. Феномен чтения в тюремной библиотеке. Попытка аналитического обзора // Библиотечное дело. 2010. № 15 (129). С. 18–19.

постепенно оформились и некоторые его собственные начинания, позволившие проявиться характеру и мировоззрению медика-филантропа. 18 ноября 1835 г. Гааз докладывал коллегам по Тюремному комитету, что из пяти средств к исправлению заключенных, предписанных правилами 1819 г., он считает главнейшим третье: «...наставление их в правилах христианского благочестия и добной нравственности, на оном основанной»³³. Вставал вопрос о применении этого средства.

Изначально третье правило, на которое ссыпался Гааз, сформулировано в записке британских филантропов, последователей Говарда, поданной в 1818 г. Александру I. Уже тогда предполагались богослужение в тюрьме, обучение арестантов христианской религии и нравственности, обучение их чтению и распространение Священного Писания³⁴. Затем из записи британских благотворителей данную идею перенесли в текст правил 1819 г.

Доктор Гааз по-своему варьировал привнесенные в Россию британские методы. В докладе Тюремному комитету от 18 ноября 1835 г. он говорил, что наставлять в правилах христианского благочестия удобнее всего, распространяя среди арестантов книги Священного Писания³⁵, а в докладе 14 сентября 1845 г. назвал еще один способ для исполнения третьего правила, а именно частое посещение мест заключения добрыми людьми, их облагораживающее общение с заключенными³⁶.

³³ № 27895. Об учреждении в России Попечительного общества о тюрьмах. С. 311.

³⁴ Никитин В. Н. Указ. соч. С. 16–19.

³⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 564, оп. 1, д. 276, л. 1.

³⁶ ГАРФ, ф. 564, оп. 1, д. 283, л. 1–1 об.

Две эти стратегии – распространение Слова, связующего человека с Богом, и личный позитивный пример в общении – сполна применялись Гаазом в тюремном служении. Опекая заключенных в различных пенитенциарных учреждениях города, особое внимание медик-филантроп уделял контингенту московской пересыльной тюрьмы на Воробьевых горах. Арестанты прибывали туда регулярно, далее их отправляли по этапу в Сибирь.

А. Ф. Кони в своей монографии перечисляет наименования книг, которые Гааз распространял в пересыльной тюрьме, приводит данные о количестве розданных экземпляров³⁷. Можно ли к этому что-то добавить? Для начала отметим один нюанс: в своем эпистолярии и в докладах Тюремному комитету Гааз касался книжной и вообще текстуальной тематики, как правило, в связи с припоминанием, возвращением «в себя», раскаянием. Такому возвращению не в последнюю очередь должно было способствовать чтение. Прежде чем говорить о текстах, о книгах, приведем несколько примеров напоминающих знаков по Гаазу.

В письме от 15 июня 1834 г. к исполняющему обязанности московского обер-полицмейстера, со ссылкой на Библию («Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына...» Притч. 13:24), доктор Гааз изложил свои принципы. Тюремному комитету, как он считал, дана родительская власть над подопечными, власть, призванная обеспечить благодеяние, и при том ограниченная законом³⁸. Согласно правилам 1819 г. и последующим инструкциям, Тюремный комитет отбирал для исправления неопасных заключенных, размещал их в Губернском

³⁷ Кони А. Ф. Указ. соч. С. 363–367.

³⁸ ГАРФ, ф. 564, оп. 1, д. 272, лл. 1 об.–2.

тюремном замке отдельно; арестанты занимались переплетным, столярным и сапожным делом. По словам Гааза, Тюремный комитет учредил должность воспитателя, «который бы чтением молитв и божественных книг, добрым разговором и собственным примером всячески старался вводить между арестантами правила истинного благочестия»³⁹.

Сталкиваясь со злостным нарушением порядка, главный врач московских тюрем не прочь был проявить власть. Цитируемое письмо от 15 июня 1834 г. написано Гаазом в связи с тем, что губернский прокурор опротестовал некоторые его дисциплинирующие практики. Гааз устроил в Губернском тюремном замке «комнату покаяния», в которой железная решетка не позволяла провинившемуся лежать, арестант мог только стоять на ногах. Испытание предназначалось для исправляемых, не пожелавших честно выполнять свои обязанности, причем Гааз убеждал полицейское начальство в необходимости напоминать подопечным о благой родительской власти: для активизации памяти, кроме решетки в «комнате покаяния», Гааз поместил также розгу над дверью в комнате малолетних⁴⁰.

Поскольку металлические заграждения, не позволявшие арестанту лежать в «комнате покаяния», нарушили пенитенциарное законодательство, Гаазу пришлось нехотя подчиниться требованиям прокурора и удалить решетку. В дальнейшей переписке он продолжал настаивать на благотворной напоминающей функции наказания розгами и решеткой⁴¹.

³⁹ Там же, л. 2 об.

⁴⁰ Там же, лл. 1 об.–5.

⁴¹ Там же, лл. 6–12 об.

Это был далеко не единственный случай, когда Гааз делал ставку на тот или иной способ напоминания. Для того чтобы осужденные всегда имели перед глазами пример недостающей им голубиной кротости (ср. Мф 10:16), он завел в тюрьме голубятни; завел также петуха, который должен был кукареканьем регулярно напоминать арестантам о Страшном суде⁴². После устрайства в пересыльной тюрьме церкви заключенные могли участвовать в богослужении, а Гааз, не будучи священником, искал такие формы работы, которые были бы доступны для мирянина. По свидетельству П. С. Лебедева, «желая действовать на заключенных и вне храма, Федор Петрович [Гааз] приказал изготовить особые белые громадные щиты, на которых красными буквами были написаны разные нравственные правила и благочестивые размышления»⁴³.

Со временем Гааз стал все больше полагаться на убеждение, образование души и разума, а не на исправление провинившихся жесткими методами. В пересыльной тюрьме существовало наказание посредством привязывания к кресту, имитировавшего распятие человека. 26 января 1843 г. Гааз, ссылаясь на Гал 6:1 («Братия! если и впадет человек в какое согрешение, вы, духовные, исправляйте такового в духе кротости...»), просил Тюремный комитет ходатайствовать об уничтожении этого наказания. По словам Гааза, причина правонарушений в пересыльной тюрьме крылась в основном в недопустимом поведении надзирателей, и если бы тюремные надзиратели смотрели за собой, то и случаи взыскания

⁴² Беркут Н. К. Записки // Исторический вестник. 1911. Т. 126. № 12. С. 888.

⁴³ Лебедев П. Указ. соч. С. 456.

с заключенных были бы редкими⁴⁴. В те же годы, как будет сказано ниже, для исправления тюремного персонала медик-филантроп издал книгу «А. Б. В. христианского благонравия». Делая ставку на чтение, Гааз рассматривал книгу как средство напоминания, а следовательно, исправления человека.

Здесь самое время задаться вопросом: какое место книга занимала в жизни самого доктора Гааза? Можно сказать, что он был книжным человеком. Гааз собрал личную библиотеку, одаривал книгой близких и дальних, о чем сообщают мемуаристы. Именно книжные подарки обнаруживаются неожиданные человеческие контакты Гааза. Недавно выявлен «Месяцеслов» на церковнославянском, подаренный Гаазом осенью 1849 г. Андрею Михайловичу Достоевскому (1825–1897), младшему брату писателя⁴⁵. Неудивительно, что и в стенах тюрьмы Гааз налево и направо раздавал книги.

Некоторые экономические аспекты книжной благотворительности известны из ответов медика-филантропа на вопросы, заданные ему шотландцем Арчибалдом Мерилизом (Archibald Mirrieles; 1797–1877), оптовым торговцем из Санкт-Петербурга, одним из крупнейших жертвователей Тюремного комитета. Диктуя свои ответы в январе 1852 г., Гааз сообщил, что за период с 1829 по 1849 гг. Мерилиз вложил в покупку книг для арестантов 50 000 рублей ассигнациями, и еще такую же сумму Тюремный комитет за двадцать лет потратил на покупку книг из собственных средств. Дарить книги

⁴⁴ ГАРФ, ф. 564, оп. 1, д. 272, лл. 26–26 об.

⁴⁵ Тихомиров Б. Н. Неизвестный источник биографических сведений о семье А. М. Достоевского – младшего брата писателя // Неизвестный Достоевский. 2018. № 4. С. 185–205.

заключенным имел право каждый член Тюремного комитета. После того как в 1843 г. в пересыльной тюрьме устроили и освятили церковь Богородицы Взыскательницы Погибших, распространение книг было возложено на священника⁴⁶.

Десятки архивных дел о закупке Тюремным комитетом книг, предназначавшихся для бесплатной раздачи заключенным, хранятся в фонде Московской синодальной типографии (РГАДА, ф. 1184); свидетельства о регулярной раздаче Газетом книг содержат выборочно сохранившиеся протоколы Тюремного комитета за 1840, 1845 и 1847 гг. (ЦГАМ, ф. 1581). Кроме того, в нашем распоряжении имеется ведомость книг, розданных арестантам, следовавшим в Сибирь, в период с 1829 по 1844 гг.⁴⁷, и ведомость книг, поступивших в Тюремный комитет для раздачи с 1829 по 1845 гг.⁴⁸

В ходе настоящего исследования *de visu* изучена часть документов о закупке Тюремным комитетом книг, а именно дела за период с 23 сентября 1832 г. (самый ранний сохранившийся документ)⁴⁹ по 1840 г. включительно⁵⁰. До середины 1830-х гг. прошения о закупке

⁴⁶ ГАРФ, ф. 564, оп. 1, д. 284, л. 2 об.–3 об.

⁴⁷ ГАРФ, ф. 564, оп. 1, д. 276, лл. 6–6 об.

⁴⁸ Там же, лл. 7–12.

⁴⁹ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА), ф. 1184, оп. 2, д. 7071, лл. 152–152 об. (В этом же деле имеются документы о покупке Тюремным комитетом книг Священного Писания в 1833–36 гг., см.: Там же, лл. 162–162 об., 164–164 об., 168–168 об., 181–181 об., 184–185, 201–202, 223–224, 240–242).

⁵⁰ РГАДА, ф. 1184, оп. 2, д. 7071, 9380, 9385, 10123, 10137, 10572, 10737, 11660, 11842, 11843, 12343, 12347, 12429, 12430, 12958, 13035; оп. 3 (1840 г.), д. 23, 40, 41, 43, 44.

книг в контору Московской синодальной типографии направлял Гааз, позднее письма подписывал секретарь Тюремного комитета, при том что перечни книг, необходимых для закупки, и в 1840-х гг. по-прежнему составлял Гааз⁵¹. Книги закупались регулярно, три раза в году; в абсолютных лидерах по количеству заказов были учебная «Азбука» (за указанный период запрошено более двух с половиной тысяч экземпляров) и «Начатки христианского учения, или Краткая священная история и краткий катехизис» митрополита Филарета (за указанный период запрошено около полутора тысяч экземпляров). Во вторую по численности группу входят Псалтирь, Часослов, Святцы и «Пространный христианский катехизис» митрополита Филарета (каждая из этих книг за восемь лет была запрошена в количестве четырехсот или пятисот экземпляров).

В меньшем количестве в конторе типографии закупались экземпляры Нового Завета на церковнославянском и польском, «Наставление о собственных всякого христианина должностях» Тихона Задонского, полемическая антистарообрядческая литература («Розыск о раскольнической брынской вере» Димитрия Ростовского, «Ответы преосвященного Никифора Астраханского на вопросы старообрядцев», «Беседы к глаголемому старообрядцу» митрополита Филарета), «Святого мученика Иустина Философа разговор с Трифоном Иудеанином о истине христианского закона», в малом количестве – полные Четыи-Минеи и Библия на церковнославянском.

Далеко не все запросы Тюремного комитета выполнялись типографией. Если «Азбуки» и иные тиражные

⁵¹ Центральный государственный архив г. Москвы (далее – ЦГАМ), ф. 1581, оп. 1, д. 4, лл. 128–129 об.

издания всегда были в наличии, то некоторых книг могло не оказаться, наименования заменялись близкими по содержанию. Гаазу сложно было приобрести на складе типографии Псалтирь и Новый Завет на русском и церковнославянском, книги-билингвы, ранее издававшиеся РБО. К 1834 г. этих раритетов уже не было в наличии⁵².

Такова была ситуация на протяжении 1830-х гг. Позднее Тюремному комитету предоставили скидку при покупке некоторых изданий Московской синодальной типографии. В заседании 19–31 декабря 1852 г. Святейший Синод постановил, что Тюремный комитет в Москве при покупке книг в лавке Московской синодальной типографии в случае дальнейшей бесплатной раздачи этих изданий арестантам пользуется такой же двадцатипроцентной скидкой, как и учебные заведения Министерства народного просвещения. Скидка предоставлялась независимо от количества приобретаемых книг. Согласно документам Московской синодальной типографии, эта скидка в случае покупки книг Тюремным комитетом распространялась на три наименования: Пространный катехизис, Краткий катехизис, «Начатки христианского учения...» митрополита Филарета⁵³.

Протоколы Тюремного комитета, упомянутые выше, сохранили свидетельства о том, что в пересыльной тюрьме Гааз лично раздавал четки для молитвы, экземпляры Библии, Нового Завета, Псалтири, Часослова, а также книги «Пространный христианский катехизис», «Начатки христианского учения...», «Наставление о... должностях» Тихона Задонского, собеседование Иустина Философа с Трифоном, «Розыск...» Димитрия Ростов-

⁵² РГАДА, ф. 1184, оп. 2, д. 10137, л. 1 об., 3.

⁵³ РГАДА, ф. 1184, оп. 3 (1853 г.), д. 78, лл. 1–10 об.

ского, «Ответы преосвященного Никифора...», «Беседы к глаголемому старообрядцу», экземпляры церковного месяцеслова, печатных святцев (в единичном случае – Четыи-Минеи) и учебных «Азбук»⁵⁴.

Ассортимент распространявшихся книг свидетельствует о приспособлении Тюремного комитета к правительенной политике прозелитизма. Самым неожиданным образом тюрьма (как и ярмарка, например) оказывалась местом межконфессиональных контактов, при том что в тюрьме выходцы из разнообразных религиозных сообществ и субкультур были полностью подконтрольны. Поскольку разнообразие вер и убеждений ни в коей мере не считалось в те времена благом, неудивительно, что в такой благоприятной ситуации Тюремный комитет участвовал в церковно-просветительской деятельности, нацеленной на старообрядцев.

Распространение Гаазом апологетического сочинения Иустина можно связать с желанием обратить в христианство заключенных иудейского исповедания. Диалог Иустина Философа (II в.), воспроизводящий композицию диалогов Платона, является первой развернутой христианской апологией против раввинистического иудаизма. Заинтересованность Гааза в миссионерской работе среди евреев видна из его письма к митрополиту Филарету при посыпке рукописного перевода книги «Свет к часу вечернему» об обращении евреев в христианство⁵⁵. Маргиналии в рукописи «Света к часу

⁵⁴ ЦГАМ, ф. 1581, оп. 1, д. 3, пл. 5–5 об., 9–9 об., 46–46 об., 72 об.–73, 118, 122 об., 135 об., 174 об.–175. Некоторые из этих документов опубликованы в: Врата милосердия. С. 363–384.

⁵⁵ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ), ф. 173.П, д. 44.2, пл. 1–2 об.

вечернему» сообщают, что переводчик Абрам Черняк работал с текстом в больнице Губернского тюремного замка, то есть непосредственно в сфере ответственности доктора Гааза.

У прозелитизма был и иной аспект. Неясно, с какими чувствами католик Гааз должен был заслушивать доклады об арестантах-католиках, присоединенных к Православной церкви. В течение 1839 г., например, из заключенных греко-католиков к православию присоединились три человека, из римо-католиков – четырнадцать⁵⁶.

Арестанты из числа поляков-католиков получали от медика-филантропа Новый Завет на польском и русском, «Руководство к благочестивой жизни» Франциска Сальского на польском, а также два наименования на русском языке – «Наставление о... должностях» Тихона Задонского, «Училище благочестия, или Примеры христианских добродетелей, выбранные из житий святых» православного обер-священника Григория Мансветова⁵⁷.

Принципиально важным для Гааза всегда оставалось распространение среди заключенных Священного Писания. Краткую статистическую информацию на сей счет собрал А. Ф. Кони⁵⁸, его данные можно дополнить. В период с 1829 по 1844 гг. Тюремный комитет распространял экземпляры полной Библии на церковнославянском, немецком, французском и польском; Новый Завет – на церковнославянском и русском (книга-билингва РБО), на польском, французском, немецком,

⁵⁶ ЦГАМ, ф. 1581, оп. 1, д. 3, л. 4 об.

⁵⁷ Там же, лл. 42, 72 об.–73, 122 об.

⁵⁸ Кони А. Ф. Указ. соч. С. 364.

шведском, финском, эстонском, латышском и еврейском языках; Псалтирь – на церковнославянском и русском (книга-билингва РБО), еврейском и польском.

В зависимости от языка перевода статистика сильно разнится – с 1829 по 1844 г. была подарена только одна полная франкоязычная Библия и 56 экземпляров Нового Завета на французском; зато на польском – пять полных Библей и 995 экземпляров Нового Завета; на немецком – 303 экземпляра Нового Завета⁵⁹. Русскоязычные читатели получали книги Священного Писания как на русском, так и на церковнославянском.

Статистика распространения книг Священного Писания требует пояснения – далеко не все перечисленное было передано арестантам лично Гаазом, но он, несомненно, принимал живое участие в распространении Слова Божьего. И это само по себе могло поставить его в щекотливое положение. В эпоху, о которой здесь идет речь, распространение Библии на национальных языках в основном было делом протестантов, в частности Британского и иностранного библейского общества и иных близких по духу протестантских организаций.

С точки зрения Католической церкви, в деятельности всех этих обществ имелась некая проблема, обусловленная выбором текста-источника перевода, а также богословской интерпретацией, имплицитно содержащейся в новых переводах. Для протестантских объединений и миссий была характерна установка на спонтанное понимание прочитанного Писания исключительно под воздействием Святого Духа, так что благочестивому читателю ничего не сообщалось о традиционной экзегезе библейских текстов, об их догматическом истолковании.

⁵⁹ ГАРФ, ф. 564, оп. 1, д. 276, л. 6–6 об.

Переводы Писания, предлагавшиеся протестантами, несколько не ориентировались на Вульгату – официально принятый Католической церковью латинский текст Библии. В результате библейские общества в XIX в. неоднократно осуждались Римскими папами⁶⁰.

В 1757 г. папа Бенедикт XIV снял все запреты католикам на чтение Библии на родном для них языке с условием папского одобрения перевода и церковного истолкования Писания⁶¹. Следуя учению Тридентского собора, Апостольский престол предписывал католикам читать переводы Ветхого и Нового Завета, выполненные католиками, одобренные католической церковной властью и непременно содержащие авторитетный комментарий; опасные новаторские переводы фиксировались в Индексе запрещенных книг.

Казалось бы, католическим священнослужителям и мирянам был закрыт путь в Российское библейское общество, которое на протяжении своей истории было тесно связано с Британским и иностранным библейским обществом. РБО взяло за правило публиковать переводы Писания без каких-либо примечаний, выражающих конфессиональную точку зрения, и, тем не менее, католические епископы Российской империи, плохо

⁶⁰ Документы папского учительства 1199–1844 гг. о чтении, переводе и изданиях Библии, а также о библейских обществах см.: *Acta Sanctae Sedis in compendium opportune redacta et illustrata... / Editio Tertia. Romae, 1915. Vol. IX. P. 605–656*. Декреты и каноны Тридентского собора размещены на интернет-сайтах «Documenta Catholica Omnia» [http://www.documentacatholicaomnia.eu/01_10_1545-1563-_Concilium_Tridentinum.html] и «Una Voce Russia» [http://trent.unavoce.ru/_trent_fulltext_ru.html].

⁶¹ Даные почерпнуты из текста энциклики папы Григория XVI *Inter praecipuas* (1844), см.: *Acta Sanctae Sedis... Romae, 1915. Vol. IX. P. 648*.

ладившие между собой, солидарно поддержали царскую инициативу об учреждении РБО. В Санкт-Петербурге вице-президентами РБО состояли римско-католический митрополит Станислав Сестренцевич-Богуш (1731–1826)⁶² и греко-католический митрополит Иосафат Булгак (1758–1838)⁶³. Свою безусловную поддержку РБО выразили греко-католический архиепископ Иоанн Дамаскин Ястрембец-Крассовский⁶⁴, российские римско-католические иерархи, энергичные участники РБО епископы Гедрайц⁶⁵ и Мацкевич⁶⁶; экземпляры переводов Писания для своей паствы запросили армяно-католический епископ Кшиштофович⁶⁷ и римско-католический епископ Цецишевский⁶⁸.

⁶² Первый отчет комитета Российского библейского общества за 1813 год. СПб., 1814. С. VI (1-я паг.).

⁶³ Пятый отчет Комитета Российского библейского общества за 1817 год. СПб., 1818. С. X (1-я паг.).

⁶⁴ Грекокатолический архиепископ Полоцкий Иоанн Дамаскин Ястрембец-Крассовский (1776–1826). См.: Первый отчет... С. 121–122 (2-я паг.); Второй отчет Комитета Российского библейского общества за 1814 год. – СПб., 1815. С. 13 (3-я паг.).

⁶⁵ Епископ Жемайтский Юзеф Арнульф князь Гедрайц (Józef Arnulf Giedroyć, Juozapas Arnulfas Giedraitis; 1754–1838). См.: Второй отчет... С. 49–50 (2-я паг.); Третий отчет Комитета Российского библейского общества за 1815 год. – СПб., 1816. С. 15–16 (3-я паг.).

⁶⁶ Епископ Каменец-Подольский Францишек Боргиаш Мацкевич (Franciszek Borgiasz Mackiewicz; 1756–1842). См.: Первый отчет... С. 116–122 (2-я паг.).

⁶⁷ Епископ Юзеф Кшиштофович (Józef Krzysztofowicz; 1762–1816), викарий Львовской армяно-католической архиепископии, ординарий армяно-католиков России. См.: Третий отчет... С. 6 (3-я паг.).

⁶⁸ Епископ Луцкий и Житомирский Каспар Цецишевский (Kasper Kazimierz Kolumna-Cieciiszowski; 1745–1831). См.: Третий отчет... С. 260–261 (3-я паг.).

Мацкевич, Ястрембец-Крассовский и Цецишевский осторожно испрашивали у РБО латинский текст Вульгаты, официально принятый Католической церковью, а также польский перевод Ветхого и Нового Завета, выполненный священником-иезуитом Якубом Вуеком (Jakub Wujek) с Вульгаты и к тому времени давно уже одобренный Церковью. Впрочем, эти, казалось бы, вполне легитимные издания РБО не содержали никакого богословского комментария.

Генерал Ордена иезуитов Тадеуш Бжозовский (Tadeusz Brzozowski; 1749–1820), постоянно проживавший в России, отказался от участия в деятельности РБО⁶⁹; было очевидно, что издание Ветхого и Нового Завета без комментария, без *Imprimatur* (то есть одобрения богословского текста со стороны церковной власти) противоречило учению Тридентского собора и Римских пап. Сложнее обстояло дело с энтузиазмом католических епископов. Джудит К. Зачек объясняет его следующими причинами. Большую роль сыграли личный пример и авторитет митрополита Сестренцевич-Богуша, главы архидиоцеза в границах Российской империи, а самое главное, католические епископы остро нуждались в Писании на народных языках для проповедования своей часто невежественной паствы. Использовать в работе с массами текст Вульгаты было невозможно⁷⁰. Можно добавить, что будущий митрополит

⁶⁹ *Boudou A. Le Saint-Siège et la Russie: Leurs relations diplomatiques au XIXe siècle.* Paris, 1922. T. 1: 1814–1847. P. 121–122.

⁷⁰ *Zacek J. C. The Russian Bible Society and the Catholic Church // Canadian-American Slavic Studies.* 1971. Volume 5. Issue 1. P. 35–50.

получил воспитание шляхтича-кальвиниста Великого княжества Литовского, а к Католической церкви присоединился во взрослом возрасте. Так что Сестренцевич-Богуш, судя по всему, искренне придерживался не столь строгих взглядов на перевод и чтение Писания, как того требовала теологическая норма католичества начала XIX в.

В декабре 1814 г. Сестренцевич-Богуш обратился к католикам Российской империи с посланием, известив о работе РБО, поощряя верующих приобретать и читать библейские переводы на польском и литовском (последний ориентировался на польский перевод Якуба Вуека⁷¹). Для подтверждения своей позиции митрополит сослался на два документа: «Декрет о канонических Писаниях» (1546) Тридентского собора и бреве Пия VI *Dilecte fili* (1778)⁷², в котором папа одобрил перевод Библии на итальянский, выполненный аббатом Антонио Мартини (Antonio Martini)⁷³. Церковным цензором перевода Нового Завета на литовский в том же 1814 г. выступил сам Сестренцевич-Богуш, одобравший публикацию⁷⁴.

Сравнив текст послания 1814 г. с декретом Тридентского собора, нетрудно заметить, что Сестренцевич-Богуш цитирует лишь первую фразу соборного документа,

⁷¹ Третий отчет... С. 15–17 (3-я паг.).

⁷² Бреве *Dilecte fili* см.: *Acta Sanctae Sedis... Romae*, 1915. Vol. IX. P. 628–629. Текст *Dilecte fili* на протяжении XIX в. многократно публиковался во всех италоязычных изданиях Библии в переводе Антонио Мартини.

⁷³ Текст архипастырского послания Сестренцевич-Богуша в переводе с польского см.: Второй отчет... С. 85–87 (3-я паг.).

⁷⁴ Третий отчет... С. 17 (3-я паг.).

гласящую, что источник всякой спасительной истины и чистой нравственности содержится в Евангелии, но не упоминает при этом Предание и обходит молчанием «Декрет об издании и использовании священных книг» (1546) того же собора, где изложены правила печатания Священного Писания. Текст бреве Пия VI также использован Сестренцевич-Богушем весьма произвольно; митрополит умолчал о том, что папа в своем бреве похвалил Антонио Мартини за обширный библейский комментарий, основанный на патристическом наследии.

Митрополичье послание 1814 г. вызвало самую негативную реакцию Рима. В 1816 г. папа Пий VII направил Станиславу Сестренцевич-Богушу бреве *Magno et acerbo*⁷⁵, упрекнув того за искажение текста тридентского декрета и даже назвав митрополита в примечании к документу «волком в овечьей шкуре». Пий VII утверждал, что чтение Библии на народных языках может принести больше вреда, чем пользы, поскольку превратное толкование прочитанного порождает ереси. Сестренцевич-Богушу было предписано публичное покаяние: обратившись к российским католикам с новым посланием, он должен был подтвердить, что истины веры содержатся не в одном только Писании, но в Священном Писании и Предании, и толкование обоих принадлежит Церкви. Более того, папа обязал Сестренцевич-Богуша публично заявить, что митрополичья рекомендация читать Библию адресована не

⁷⁵ Бреве *Magno et acerbo* см.: *Acta Sanctae Sedis... Romae*, 1915. Vol. IX. P. 632–637. Этот документ, а также папские энциклики, упомянутые далее в книге, размещены на интернет-сайте Апостольского престола [<http://www.vatican.va>].

всем верующим, но только священникам, а также ми-
рянам, чей образовательный уровень подтвержден па-
стырями.

В России руководящие указания из Рима поступали к католикам через посредничество государства, при-
чем российское правительство опасалось возникнове-
ния такой ситуации, когда католики в империи могли бы выбрать подчинение не монарху, а суверенной вла-
сти папы. С политической точки зрения инициатива Александра I, основателя РБО, не должна была встре-
тить отпор подданных-католиков, и государственным мужам не оставалось ничего иного, как запретить из-
дание папского бреве в России⁷⁶. Римско-католический митрополит, официально не ознакомленный с текстом бреве, продолжил работать в РБО, так и не дезавуиро-
вав свое спорное послание.

Из-за отказа протестантских миссий соблюдать пра-
вила Тридентского собора об истолковании, чтении и публикации Писания библейские общества осужда-
лись Апостольским престолом. В 1824 г. такое осужде-
ние прозвучало в энциклике папы Льва XII *Ubi primum*; в дальнейшем осуждение деятельности библейских обществ повторили папы Пий VIII, Пий IX, Лев XIII, а Григорий XVI для осуждения библейских обществ и иных протестантских групп, распространявших новы-
е перевода Писания, издал особую энциклику *Inter
praescipias* (1844). При этом папы одобряли католиче-
ские переводы Библии на национальные языки, если

⁷⁶ *Boudou A.* Op. cit. P. 116–118; Внешняя политика России XIX и начала XX века: документы российского Министерства иностранных дел / Ред.: А.А. Громыко и др. – М., 1974. Сер. 2. Т. 1 (9). С. 400, 731.

публикация этих переводов соответствовала всем церковным нормам⁷⁷.

Начиная с 1813 г. РБО распространяло Писание в московских тюрьмах, бесплатно раздавая книги арестантам⁷⁸. Можно сказать, что Попечительное о тюрьмах общество в дальнейшем продолжило это направление деятельности библейского общества, уже после того, как в 1826 г. император Николай I приостановил работу РБО. У доктора Гааза были личные знакомства в Британском и иностранном библейском обществе⁷⁹, но в деятельности РБО он не участвовал и с текстом папского бреве *Magno et acerbo* знаком не был. Протокольная запись доклада Тюремному комитету от 18 ноября 1835 г. сохранила рассказ Гааза о позитивном отношении большинства арестантов к Новому Завету, о желании читать его:

«Что касается до меня, я признаюсь, что, не зная никакого воспрещения читать и раздавать книги Свя-

⁷⁷ Недоразумение в историографии связано с внесением в Индекс запрещенных книг Нового Завета в итальянском переводе Антонио Мартини (см.: *Index librorum prohibitorum Sanctissimi Domini Nostri Pii Septimi Pontificis Maximi jussu editus*. Neapoli, 1821. P. 238). В двух распоряжениях папы Пия VII на сей счет (от 1819 и 1820 гг.) сказано, что запрет распространяется только на издания, лишенные комментариев, основанных на патристическом наследии; по-прежнему разрешалось читать итальянский перевод Нового Завета с одобренными богословскими комментариями Мартини [см.: *Index librorum prohibitorum: 1600–1966 / par J.M. De Bujanda, avec l'assistance de M. Richter*. Genève, 2002. (*Index des livres interdits*. T. XI). P. 874].

⁷⁸ Первый отчет... С. 70 (2-я паг.); Пятый отчет... С. 58 (2-я паг.).

⁷⁹ ГАРФ, ф. 564, оп. 1, д. 287, л. 3 об.

щенного Писания, я почитаю себя весьма счастливым тем, что не обязан изыскивать основания поводу, по коему мы должны распространять столько оного. Мне достаточно знать, что дело сие не запрещается Церковию, дабы совершенно предаться выполнению такого желания комитета, к коему я нахожу внутри себя ощущение, подвигающее меня к усердию всеми моими средствами»⁸⁰.

Гааз имел в виду отсутствие какого-либо прямого и гласного запрета переводов со стороны как католической, так и православной церковной власти, не вдаваясь при этом в нюансы. Десять лет спустя в аналогичной ситуации, призывая распространять Писание, Гааз апеллировал к идеологии Священного союза – альянса христианских монархов России, Пруссии и Австрии. На заседании Тюремного комитета 14 сентября 1845 г. Гааз говорил, что учреждение Тюремного комитета было «отраслью» Священного союза. Конечно, перед нами риторическая фигура, но для Гааза она исполнена большого смысла, поскольку Священный союз, по словам медика-филантропа, это «...намерение жить по-божески, т[о] е[сть] по закону Божию, чтобы правосудие сочетавалось с милосердием, чтобы Бог виден был во всех наших действиях. Таков же дух виден в правилах Тюремного общества, данных бессмертным основателем оного. Чего нельзя иначе достигнуть, как имея всегда основанием своих действий Св[ященное] Писание»⁸¹.

Научение российского общества Слову Божьему винделось Гаазу задачей одновременно государственной,

⁸⁰ ГАРФ, ф. 564, оп. 1, д. 276, лл. 1 об.–2.

⁸¹ ГАРФ, ф. 564, оп. 1, д. 283, л. 4.

филантропической и собственно религиозной – в духе религиозно-политической утопии Александра I.

В январе 1852 г., диктуя ответы на вопросы шотландца Мерилиза, одного из крупнейших жертвователей в пользу заключенных, Гааз сообщил, что с давних пор бесплатно раздает арестантам книги, и изложил собственное правило: «...ежели сии книги Священного Писания такого перевода, который согласен с переводами Церкви, к которой он, доктор Гааз, принадлежит, то он дает их по разрешению своей Церкви без затруднения тем лицам, о которых он полагает, что из чтения оных они будут себе приобретать назидание и пользу»⁸².

И, хотя польский перевод Нового Завета Якуба Вуека, издававшийся РБО, действительно ориентировался на Вульгату, о многих иных переводах РБО такого не скажешь. Доктор Гааз регулярно читал официально принятые Католической церковью Климентинское издание Вульгаты, но едва ли он лично занимался сверкой двух групп библейских текстов: Вульгаты и бытовавших в России переводах, будь то на церковнославянском, русском или же иных языках. Очевидно, что Гааз посвятил жизнь не лингвистике, не методологии богословской интерпретации Писания, но медицине и благотворительности. Так что его утверждения о некоем согласии всех упомянутых переводов, а также об имевшемся церковном разрешении восходили, скорее всего, к той положительной оценке изданий РБО, которую в 1814 г. высказали вслух митрополит Сестренцевич-Богуш, а также иные католические епископы России, от-

⁸² ГАРФ, ф. 564, оп. 1, д. 284, л. 5 об.–6.

кликнувшиеся на учреждение РБО. В конечном счете, медиком-филантропом двигало желание беспрепятственно распространять Слово Божье.

Кроме Священного Писания и иных упомянутых выше книг, члены Тюремного комитета, и Гааз в их числе, начиная с 1840-х гг. раздавали в тюремных стенах собственные издания. Фактически члены Тюремного комитета развивали более ранние начинания РБО и близких ему по духу ассоциаций, о которых А. Н. Пыпин писал:

«Распространение библейских обществ сопровождалось обыкновенно и учреждением обществ для издания религиозных сочинений. Первообразом их было английское общество этого рода Religious Tract Society [Общество распространения религиозных трактатов. – И. С.-Б.], существовавшее еще раньше библейского. У нас не было основано для этой цели особенного формального общества, но издание религиозных книг и брошюрок для назидательного популярного чтения уже с первых годов стало предметом систематической заботы у людей, стоявших близко к библейскому делу. Трудами этого рода в особенности известна княгиня Софья Сергеевна Мещерская, стоявшая в близких отношениях к императору Александру»⁸³.

Софья Сергеевна Мещерская (1775–1848) не только была писательницей и переводчицей, издателем сотен тысяч экземпляров религиозной и духовно-нравственной литературы на общедоступном русском языке, но также многие годы занималась благотворительностью в женских тюрьмах, состояла председательницей

⁸³ Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 106–107.

дамских комитетов Попечительного о тюрьмах общества в Санкт-Петербурге, иначе говоря, являлась коллегой Гааза.

Стремясь не только дарить купленное или же полученное в дар, но также составлять и тиражировать нечто свое, Гааз и его единомышленники должны были взаимодействовать с духовной цензурой⁸⁴. Ее высшим органом в России являлся Святейший Синод, а надзор

⁸⁴ Цензура как институт и социальное явление всесторонне изучается специалистами. Тематику российской духовной цензуры в последние годы успешно разрабатывают юристы (Ю. А. Потапов, К. О. Ильницкий и др.), историки (Д. А. Карпук, прот. А. Задорнов, М. А. Антипов, А. М. Воробьев, О. А. Цапина, А. А. Бондаренко и др.) и филологи (К. В. Петров, К. Ю. Андерс-Намжилова и др.), и все же духовная цензура императорской России остается значительно менее изученной, нежели светская цензура той же эпохи. Например, российскую духовную цензуру полностью обошли молчанием авторы фундаментальной энциклопедии «Цензура» (Censorship: A world encyclopedia / Ed. Derek Jones. London, Chicago, 2001. Vol. 1–4). В десяти выпусках сборника «Цензура в России» (Цензура в России: история и современность: сб. научных трудов / Редкол.: В. Р. Фирсов и др. СПб., 2001–2021. Вып. 1–10), издающегося Российской национальной библиотекой совместно с Институтом истории естествознания и техники РАН, появилась лишь одна статья, затрагивающая, пусть и косвенно, тематику духовной цензуры (Корнева Н. М., Солнышкин А. А. Ответственность за преступления печати, направленные против веры, в Российской империи XIX – начала XX века // Цензура в России... – СПб., 2021. Вып. 10. Ч. 1. С. 174–185). Ни один духовный цензор не упомянут в справочнике цензоров Российской империи (Цензоры Российской империи, конец XVIII – начало XX века: библиографический справочник / Редкол.: В. Р. Фирсов и др. – СПб., 2013).

за конкретными изданиями делегировался комитетам духовной цензуры на местах⁸⁵. В интересующую нас эпоху действовал Устав о духовной цензуре от 1828 г.⁸⁶, регламентировавший деятельность комитетов. На протяжении 1830–1850-х гг. правила работы цензоров непрерывно ужесточались⁸⁷, так что российское христианское книгоиздание в царствование Николая I, как правило, представляется нам рутинной обязанностью ведомства православного исповедания, дополненной инициативными проектами светских писателей (А. Н. Муравьева, А. П. Глинки) и осложненной подпольными изданиями старообрядческих типографий.

Такое представление возникает из-за контраста с более ранними событиями. В начале XIX в. в атмосфере

⁸⁵ Edwards D. W. Russian Ecclesiastical Censorship during the Reign of Tsar Nicholas I // Journal of Church and State. 1977. Vol. 19. Issue 1. P. 83–93; Карпук Д. А. Деятельность Святейшего Синода как высшего органа духовной цензуры в Российской империи // Святейший Синод в истории российской государственности = The Holy Synod in the history of the Russian statehood: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием / Ред.: С. Л. Фирсов, П. В. Федоров. – СПб., 2017 (Сборники Президентской библиотеки. Сер. «Электронный архив» = Presidential library collections. «Digital Archive» Series. Вып. 1). С. 351–357.

⁸⁶ № 1981. Высочайше утвержденный Устав о духовной цензуре // Полное собрание законов Российской империи: Собрание второе. – СПб., 1830. Т. III. С. 480–489; Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год: Напечатан по распоряжению Министерства народного просвещения. – СПб., 1862. С. 360–378.

⁸⁷ Котович А. Указ. соч. С. 201–482; Рейфман П. С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России. – М., 2014. Т. 1. Вып. 1. С. 116–184.

своеобразного мистицизма Александра I и его окружения христианское книгоиздание в России испытalo сильное влияние интерконфессиональных начинаний правительства, о которых шла речь выше. Постепенный отказ правительства от экуменических и универсалистских деклараций самым непосредственным образом сказался на российском книгоиздании; достаточно вспомнить внезапный обрыв в 1826 г. бурной книгоиздательской деятельности РБО.

Дальнейшее развитие христианского книжного дела, с 1820-х гг. и вплоть до эпохи Великих реформ, может показаться монотонным и зарегламентированным. При том неизученными остаются попытки миссионерского распространения печатного слова, имевшие место вне официальной церковной сферы, на некотором отдалении от общепринятой православной книжности, но также и не соприкасавшиеся с гетеродоксальной масонской субкультурой. Реконструкция подобных миссионерских проектов возможна с опорой на архивные фонды комитетов духовной цензуры. Интересующие нас документы Московского комитета духовной цензуры (далее – МКДЦ) ныне хранятся в Центральном государственном архиве г. Москвы. Как показал Д. А. Карпук, архивы комитетов духовной цензуры содержат источники не только по истории собственно института цензуры, но и по истории литературного процесса в России⁸⁸.

⁸⁸ Карпук Д. А. Материалы фонда Санкт-Петербургского духовно-цензурного комитета (РГИА. Ф. 807) как исторический источник по истории духовной цензуры в XIX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История», 4/5(21), 15.10.2013 (<https://history.jes.su/s207987840000574-0-1>; последнее обращение: 01.01.2022).

Доктор Гааз и последователи различных христианских конфессий

История книгоиздательских проектов Гааза приоткрывает присущий ему своеобразныйprotoэкуменизм. Отсылая те или иные рукописи в цензуру, медик-филантроп вновь и вновь оказывался на культурно-конфессиональной границе, в контактной зоне западного и восточного христианства, и, хотя он мог почувствовать себя при этом конфессиональным чужаком, внутренний мир Газза оставался универсалистским. Присущий Гаазу активизм, его акцент на приложении Евангелия к практической жизни открывали определенные экуменические перспективы. Обратимся к двум малоизвестным документам Тюремного комитета о контактах Гааза с православными и англиканами.

Близкое сотрудничество медика-филантропа с православным духовенством на почве благотворительности является одним из самых известных аспектов его общественной деятельности. В частности, Гааз содействовал участию арестантов в православном богослужении и таинствах⁸⁹. Вот лишь один пример того, как, общаясь с православными, Гааз умел становиться на их точку зрения. 8 августа 1844 г. медик-филантроп докладывал Тюремному комитету о беседе с заключенным старовером-беспоповцем: Гааз убеждал старовера,

⁸⁹ Один из многих случаев в этом ряду – настойчивые хлопоты Гааза в апреле 1835 г. об исповеди и причастии для осужденного поэта Владимира Игнатьевича Соколовского (1808–1839). См.: Клевенский М. К. биографии Герцена и Огарева. (По архивным материалам) // Голос минувшего. 1919. № 1–4. С. 77–78.

что грехи, не отпущенные священником, получившим рукоположение от епископа, остаются непрощенными, и уговаривал присоединиться к Православной церкви. Все, что Гааз сказал в своем докладе о дониконовских литургических книгах и старых обрядах, находилось в строгом соответствии с официальной позицией Святейшего Синода по данному вопросу⁹⁰.

Таинства Православной церкви признавались Римом как действительные и в ту эпоху, но душевная открытость Гааза русскому православию не совсем обычна для своего времени. Конечно, медик-филантроп вполне мог преследовать собственные цели, поскольку десятилетиями он сотрудничал с богатыми московскими старообрядцами, жертвовавшими немалые суммы на нужды заключенных и при том остававшимися в глазах правительства опасными отступниками от официально принятой религии. Выступив в 1844 г. с доклад о беспоповце, Гааз выказал свою лояльность Православной церкви, а следовательно, и монархической власти.

Хорошо известна опора медика-филантропа на шотландца-пресвитерианина Мерилиза в деле закупки и распространения книг Священного Писания⁹¹. Гааз контактировал также с англиканским духовенством, служившим в Москве⁹². В докладе Тюремному комитету от 14 сентября 1845 г. доктор Гааз, цитируя слова Екклесиаста («Кто наблюдает ветер, тому не сеять...» Еккл 11:4), как бы между прочим сослался на толкование данного

⁹⁰ ГАРФ, ф. 564, оп. 1, д. 272, л. 9–12 об.

⁹¹ Кони А. Ф. Указ. соч. С. 363–364, 367.

⁹² Во времена доктора Гааза и позднее в Москве действовала англиканская община с постоянным клиром, см.: Паламарчук П. Г. Сорок сороков. М., 1995. Т. 4. С. 442.

стиха, полученное от московского англиканского священнослужителя: надо не рассуждать подолгу о способах сияния Слова Божьего, но смелее браться за апостольское дело⁹³. Отсылка к духовным наставлениям англиканского священника легко и естественно срывается с уст католика Гааза.

Открытость православным и англиканам могла приводить к некоторым недоразумениям. Дочь А. И. Поля в своем мемуарном очерке, датированном 26 сентября 1891 г., поведала следующую историю:

«Несмотря на воспитание в иезуитской коллегии, для католика, веротерпимость его была редкая, и Православную церковь он считал сестрой западной, так что один усердный католик Рейс однажды сказал ему: “Если бы папа (римский. – И. С.-Б.) знал Ваши убеждения, давно бы отлучил Вас от Католической церкви”»⁹⁴.

Упомянутый коллегиум в Мюнстере – это католическая гимназия, в которой в 1790-х гг. будущий медик получил среднее образование. Первоначально коллегиум находился в ведении иезуитов, но в годы обучения Гааза имел уже совершенно иной статус вследствие роспуска Общества Иисуса; иезуитов в учебном заведении не оставалось⁹⁵. Предание, поведанное дочерью А. И. Поля, можно было бы отнести

⁹³ ГАРФ, ф. 564, оп. 1, д. 283, л. 2 об.

⁹⁴ ГАРФ, ф. 564, оп. 1, д. 287, л. 2.

⁹⁵ Beckmann J. „Die ganze Bewegung war die Bewegung aufsteigender Elemente.” Neue Forschungen zur Familie und Jugend von Friedrich Joseph Haas (1780–1853) // Medizingeschichte in Schlaglichtern. Beiträge des „Rheinischen Kreises der Medizinhistoriker” / Hrsg.: D. Gross, A. Karenberg, S. Kaiser, W. Antweiler. Kassel, 2011. (Schriften des Rheinischen Kreises der Medizinhistoriker. Band 2). S. 170–172.

к категории исторических анекдотов, тянувшихся, как шлейф, за яркими личностями. И все же остается ощущение, что мемуаристка адекватно передала экуменическую чувствительность медика-филантропа. Как сформировались эти его взгляды?

Прежде всего, отметим семейную традицию открытого политического мышления. По данным исследователей, родительская семья Гааза, принадлежавшая к тонкому слою богатых и хорошо образованных горожан, на рубеже XVIII–XIX вв. ратовала за присоединение родной для нее Рейнской области к Франции⁹⁶. Такая биографическая деталь указывает на некое культурное и, если угодно, региональное своеобразие характера.

Во-вторых, не будем забывать, что по своей формации Гааз – медик и ученый, в полной мере отвечающий требованиям профессии. Ради прогресса науки и в те времена, и сегодня необходимым признается открытое мышление, отвергающее наработанные стереотипы, если те мешают воспринять новый опыт познания. Само по себе это не могло не наложить печати на психологический облик доктора Гааза.

Биографы медика-филантропа уже обращали внимание на его примирительное отношение к протестантам. Й. Бекман-Кун объясняет это гипотетическим влиянием идей епископа Иоганна Николауса фон Хонтхайма (Johann Nikolaus von Hontheim; 1701–1790), иначе говоря, фебронианством⁹⁷, глубоко усвоенным преподавателями

⁹⁶ Ibid. S. 160–165.

⁹⁷ *Фебронианство* – церковно-политическая доктрина, сформулированная епископом Иоганном Николаусом фон Хонтхаймом в 1763 г. Для примирения католиков и

Гааза времен его гимназического обучения в Мюнстер⁹⁸. Все ли дело в фебронианстве? Можно возразить, что разительный пример доброты и обходительности в общении с протестантами при полном неприятии их специфической доктрины подал в свое время Франциск Сальский, любимый святой Гааза. Не забудем также о характерном для Гааза библиализме, в данном случае понимаемом не как метод буквального толкования Библии или же теоретизирование о ее богоодхновенности, но как набожное отношение к Писанию, слову Самого Бога, обращенному непосредственно к читателю. Данное свойство теоретически могло способствовать заинтересованному общению медика-филантропа с кем-то из последователей Реформации.

В России Гааз стал свидетелем дипломатического сближения Санкт-Петербурга и Рима в царствования Александра I и Николая I, свидетелем ликвидации структур Греко-католической церкви на территории Российской империи (1839) и многих иных событий в конфессиональной жизни своего нового отечества. Он встречал их, будучи человеком сложившихся взглядов.

протестантов Хонтхайм предлагал заново переосмыслить примат римского папы и передать значительный объем церковной власти собору епископов. Хонтхайм отрицал безошибочность папы, признавая за ним только первенство чести, последней апелляционной инстанцией в Церкви считал вселенский собор, предлагал сформировать национальные поместные церкви. Доктрина Хонтхайма гармонировала с духом времени и, несмотря на формальное осуждение со стороны папы Климента XIII (1764), имела большой успех во втор. пол. XVIII – нач. XIX вв.

98 Beckmann J. „Die ganze Bewegung war die Bewegung aufsteigender Elemente.“ S. 167–168.

Мы вправе предположить, что пишет, который Гааз испытывал к митрополиту Филарету, православному монашеству и духовенству, определялся в первую очередь самой христианской верой со всей присущей ей надеждой и великодушием. Сложно сказать, насколько учителя в Мюнстере, занявшие место иезуитов и разделявшие фебронианские идеи, повлияли на юного Фридриха Йозефа. С уверенностью протоэкуменизм Гааза удастся объяснить исходя из широкого культурного контекста Католического Просвещения, сохранившего свое влияние вплоть до начала XIX в.

В предыдущей главе мы видели, с какой смелостью Гааз направлял в цензуру тексты западного (католического) христианства. За этим просматривается некая философская предпосылка. Для того чтобы ее уяснить, примем определение, сформулированное У. Мак-Нилом: цивилизации – это крупные образования, объединенные общим литературным каноном и нормами поведения, оформленными в этом каноне⁹⁹. Гааз явно не ощущал противоречия между русской культурой, российским обществом – и католической книжностью. Ведь если Россия – православная страна, то она включена в христианскую цивилизацию. Поскольку во времена доктора Гааза еще можно было ставить знак равенства между христианским миром и Западом, возникала следующая цепочка умозаключений: Россия включена в христианскую (то есть западную) цивилизацию, следовательно, и в текстуальную культуру этой цивилизации, и нет никакого зазора между русской культурой и западно-христианским литературным каноном.

⁹⁹ Мак-Нил У. Восхождение Запада: История человеческого сообщества / Пер. с англ. – Киев–Москва, 2004. С. 20–21.

Не забудем также о возможности отыскания «своего в чужом», то есть о западных мотивах в русском богословии, способных облегчить восприятие православной веры для иностранца. Выше неоднократно упоминалось «Наставление о... должностях» Тихона Задонского – автора, который, как и Филарет Московский, должен был в глазах Гааза представлять русское православие. П. В. Хондзинский показал, что Тихон Задонский – представитель августинианства в аскетике, интерпретатор традиции, малоизвестной в Византии, в средневековой Руси, зато основополагающей для Запада¹⁰⁰. Учительство русского августиниста вполне могло импонировать Гаазу. Медик-филантроп был воспитан в католической духовной культуре, с акцентированной – по-августиновски – проблемой согласования божественной и человеческой воли, и он не мог не узнать в книгах святителя Тихона близкие ему мотивы. Тихон Задонский первым в России начал писать специально для оставшихся в миру, стремящихся в мирской жизни следовать за Христом¹⁰¹, и Гаазу, с его повышенным вниманием к мирянской духовности Франциска Сальского, это должно было быть особенно симпатично.

Возвращаясь к воспоминаниям дочери А. И. Поля, уточним – если Гааз действительно употреблял слово «церковь» с определением «сестра», то это весьма необычно. Современный авторитетный документ

¹⁰⁰ Хондзинский П., свящ. Блаженный Августин в русской духовной традиции XVIII в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 1: Богословие. Философия. 2011. Вып. 1 (33). С. 22–36.

¹⁰¹ Хондзинский П., прот. Святитель Филарет Московский: богословский синтез эпохи. Историко-богословское исследование / 2-е изд., испрavl. – М., 2012. С.52–62.

Католической церкви, изданный Конгрегацией вероучения, поясняет, что термин «церкви-сестры» в католическом учительстве никак не мог использоваться до Второго Ватиканского собора, то есть до 1960-х гг.¹⁰² Понятие «церкви-сестры» не находится в границах «теории ветвей», впервые разработанной англиканским богословом Уильямом Палмером (William Palmer) в 1838 г.¹⁰³, и к «теории ветвей» автоматически не отсылает. В словаре русского образованного общества братско-сестринская экклезиологическая терминология появилась, скорее всего, в царствование Александра I. Таковы были язык и душевный стиль alexandrovskой эпохи. Апологету православия, консерватору Александру Скарлатовичу Стурдзе (1791–1854) ничего не стоило во время Венского конгресса в книге *Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'église orthodoxe* («Рассуждение об учении и духе Православной церкви») как бы между прочим назвать Католическую церковь – сестрой:

«Если ковчег Православной церкви вмещает в себе не столь много скипетров, языков и мирских сует, как ее западной сестры, то следует за это быть благодарным

¹⁰² Nota sull'espressione «Chiese sorelle» // *Notitiae / Congregatio de cultu Divino et disciplina sacramentorum*. 2000. Vol. 36. № 7–8. P. 336–342.

¹⁰³ Согласно «теории ветвей», христианская Церковь в своей истории разделилась на несколько различных общин с собственным епископатом, но при этом каждая группа (англиканство, католичество, православие), если только она придерживается вероисповедания неразделенной Церкви и сохраняет апостольское преемство епископов, продолжает оставаться ветвью единой Церкви. В границах «теории ветвей» исчезает представление о единственности Церкви Иисуса Христа, а определения «схизмы» (раскола) и «ереси» релятивизируются.

Тому, Кто испытует и утешает, Кто отказывает в величии, чтобы отвести от растления»¹⁰⁴.

В дальнейшем бытованию братско-сестринской экклезиологической терминологии в русской духовной среде должны были способствовать идеи упомянутого Уильяма Палмера, нашедшего заинтересованных собеседников, как известно, не где-нибудь, а в России, которую он посетил дважды. Термин «церкви-сестры» вполне отвечал мыслям митрополита Филарета, развивавшего экклезиологию, неуловимо близкую к «теории ветвей» (судить об этом не так легко, поскольку из цензурных соображений Московский святитель высказывал свои экуменические идеи в завуалированной форме)¹⁰⁵. С большим сочувствием термин «церкви-сестры» мог бы воспринять архимандрит Макарий (Глухарев), чьи устные высказывания о братстве христианских конфессий бывали максимально приближены к «теории ветвей»¹⁰⁶.

Что же касается Гааза, его мышлению присущи ясность, отчетливость изложения; говоря о вере, он проявлял способность к лапидарному стилю. Едва ли медик-филантроп углубленно занимался экклезиологическими проблемами как профессиональный богослов, скорее, переживал реальный опыт братства, практикуя

¹⁰⁴ Stourdza, A., *de. Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'église orthodoxe.* Weimar, 1816. Р. 148. Благодарю прот. Павла Хондзинского за указание на этот текст.

¹⁰⁵ Хондзинский П., прот. «Церковь не есть академия»: Русское внеакадемическое богословие XIX века. –М., 2017. С. 58.

¹⁰⁶ Филимонов] Д. Д. Материалы для биографии основателя Алтайской миссии архимандрита Макария / 2-е изд., испрavl. и доп. – М., 1892. С. 195.

благотворительность совместно с православными и протестантами. Для выражения этого опыта Гааз вполне мог найти лапидарную братско-сестринскую языковую модель в Акте о Священном союзе (1815). В этом документе католический, протестантский и православный монархи признавали свои нации «как бы членами единого народа христианского», находящегося под прямым управлением Христа-Самодержца, а самих себя – братьями и «тремя единственного семейства отраслями, а именно Австрией, Пруссией и Россией...»¹⁰⁷. Согласно Акту о Священном союзе, на принципе прямого правления Христа, царя триединого христианского народа, зиждется не только политика стран-участниц, но и религиозная миссия, утверждавшая австрийцев, пруссаков и россиян «в правилах и деятельном исполнении [христианских. – И. С.-Б.] обязанностей».

¹⁰⁷ № 25943. Трактат братского христианского союза. С. 279–280.

ФРАГМЕНТЫ ЖИЗНИ

Священник Владимир Зелинский

СТАЯ ЛЕГКИХ ВРЕМИРЕЙ
Фрагменты жизни

О чем это все

Это не дневник, не автобиография, не вереница воспоминаний, не поток событий, не избранные страницы впечатлений, не перечень встреч, не череда некрологов, не летопись мгновений, не клубок размышлений, не перекличка голосов, приходящих отовсюду, но, пожалуй, все это вместе и что-то еще. Можно сказать, это следы, оставшиеся от каждого дня, в «беге времени», или, как гениально выразился Хлебников, в «стасе легких времирей». Так возникла эта композиция фрагментов, независимых друг от друга, но по замыслу образующих какое-то целое.

Публикуемое здесь – лишь его небольшая часть.

*Брешиа, Италия
2024 г.*

2013

17 декабря. ГУЛ ЛЕСА

От Дании до Иерусалима и сфинкса в Египте все под снегом. У нас же четвертую неделю подряд – небывалое (для декабря) солнце. Сейчас на закате, его лучи отражаются в окнах и бьют прямо в лицо. Кое-где еще остался снег на верхушках Альп. Кажется, что за ними – не другие горы, а иная земля.

Удивительно: лес всегда звучит. И сейчас, поздней осенью, когда не видно уже ни птиц, ни жуков, ни шелеста травы, слышишь их голоса, они сливаются в сплошной гул. «Откуда он, сей гул непостижимый?» В чем его весть?

2014

25 января. ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

1962 год. Татьянин день. Мы, студенты-первокурсники, в доме у Марины Журинской. Входит Виктор Живов в каком-то сверхэлегантном бьющем в глаза желтизной свитере вместе с Колей Котрелевым, развеселье, где-то уже хлебнувшие, что-то запевающие с порога. 1975 или 76 год, тот же день. В доме у Димы Борисова. Живов под видом татя в ночи и крадет в полумраке на виду у всех со стола бутылку. Затем комически изображает Яна на костре и старушку со «святой простотой». Таня Борисова в восторге. Словно вчера. Но вчерашний день – самый недоступный, говорил Аверинцев. Что было вчера-позавчера? Неделя христианского единства, выступления в Риме, Милане, Бергамо. Сегодня? Читаю о Майдане, готовлюсь к службе. Нет, как раз сегодня всего недоступней.

07.08.2021. Теперь никого из них не осталось в живых.

19 декабря. ЗАСТУПНИЧЕСТВО СВ. НИКОЛАЯ

Однажды была мне доверена история о чудесном вмешательстве св. Николая Угодника, почему бы не рассказать? Историй таких, видимо, было много, но приключилась же она именно с тем, кто всю свою жизнь только

и занимался николаеведением и знал о святом все, что только можно знать, с отцом Джерардо Чоффари, доминиканцем, директором Свято-Николаевского исследовательского центра в Бари. Там он мне ее и рассказывал в начале 2000-х.

Лет 10–12 назад до того, в свободный день, 25 апреля, государственный праздник Италии по случаю освобождения от фашизма, решил он съездить в свой загородный домик в двух часах езды от Бари, давно наметив себе навести там порядок. Это был небольшая хижина с чердаком, и подняться на него можно было только по хлипкой лестнице. Лестница стояла там не знаю, сколько лет, давно подгнила, и когда о. Джерардо был на самом верху, на высоте трех метров, рухнула. Он лежит на спине на жесткой каменистой земле. Без движения. Никакой боли, при ясном сознании и невозможности пошевелиться. Неподвижность тела, небо над головой.

Стал накрапывать дождик, подошла собака, понюхала, лизнула в нос, отошла. Вокруг – одни поля и виноградники, в радиусе нескольких километров ни души. И вот что наш доминиканец думает: я написал целую полку книг и исследований о св. Николае (типа: “Средневековые литургические кодексы в базилике Св. Николая” и т.п.), но ведь ни разу ему не молился. Отче, святителю, видишь, что со мной, помоги! Только произнес, как вспомнил, что мобильный телефон, который он всегда оставлял в машине, на этот раз остался в кармане брюк. Только как его добыть? Как-то частью левой руки орудя, с трудом из кармана выпростал. О той хижине никто из монашеской братии не знал, однако в телефоне был домашний номер старинного его друга,

на который он мизинцем сумел нажать. Дома никого не было, но взрослая дочь, уходя, вдруг вспомнила что что-то забыла. Вернулась и уже закрывая дверь, услышала звонок. Отец Джерардо смог сказать только два слова: паралич и название той местности, о которой знал только отец той девушки.

Скорая приехала через полчаса.

Перед операцией сказали, что переломан позвоночник, кажется, в двух местах, оставшуюся жизнь придется провести в инвалидном кресле. Отец Джерардо помолился еще. Через полгода он был в полном порядке, ходил (и по сей день ходит) на обеих ногах, на спину не жалуется. Несколько лет назад мы с ним ездили на Успенские Чтения в Киев. Потом после всех ученых трудов написал просто *Житие с посвящением «Святому Николаю с молитвенной благодарностью за тот вечер»*. Мих. Талалай перевел его на русский язык и опубликовал в Бари.

P.S. В декабре 2019 мы встретились с ним вновь. Он рассказал мне, что чудо, т.е. то, что необъяснимо и радостно, имело продолжение, но об этом в другой раз.

26 декабря. КОНЧИНА ОТЦА ГЛЕБА ЯКУНИНА

Умер отец Глеб. Я знал его с 1975 года. Невозможно было относиться к нему равнодушно. Через него в 1979 году шагнул в диссидентство, подписав письмо в его защиту. До того воздерживался (четверо маленьких детей – чем кормить?). Меньше всего он был попом в бытовом классическом смысле. Отец Александр Мень говорил мне: «Глеб готов ухо себе отрезать, чтобы только им насолить». При этом в нем не чувствовалось никакой, ну, ни малейшей злобы к кому бы то ни было. При общении

с ним всегда возникало ощущение, что небо любит таких: без нюансов прямых, смелых, детских, с юмором. И само православие такое любит, православие смелых дел, иронических поэм, смелое и шутливое. Он и анафему свою обращал в шутку («Надо же, в один день со Львом Толстым!»). Упокой, Господи, душу раба Твоего!

2015

28 апреля. ВЕСНА ПОСЛЕ ЛЕТА

Весна у нас, как обычно, пришла после лета, ослепительного апрельского лета, даже и с жарой. А теперь дождь, и горы, за окном уходящие за горизонт, вдруг стали как-то радостно, неожиданно зелеными. Есть у Кавабаты роман «Стон горы», и это звук весны, которую на горе и расслышишь.

А роман «Тысячекрылый журавль» того же Кавабаты – самое изысканное и целомудренное произведение о любви, которое я когда-либо читал.

24 мая. ПЕРЕД ПЛАЩАНИЦЕЙ

Вчера с приходом были у Туринской Плащаницы. Встреча с Лицом. Это не лицо смерти, но лик-послание о том, что смерти нет. Лицо Умершего источает тайну, наполнено ею (ее почти не передают фотографии), оно излучает примирение, тишину и надежду. Все прошлое (суд, казнь, кровь) – позади. А настояще – покой, входящий в вечность. Перед таким лицом, наверное, легко умирать. На нем прочитывается взгляд Отца, который встречает тебя за порогом жизни.

В Италии издается журнал Il Volto dei Volti Cristo (Лицо Лиц Христос), их уже вышло за 30 номеров,

регулярно проводятся международные конференции, их было уже 24, все это вокруг Лика Христа. В Церкви, духовной, жизни, культуре, мученичестве...

ВСЕМИРНАЯ ОТЗЫВЧИВОСТЬ?

Иоанн Златоуст, комментируя слова ап. Иоанна о Человеке, умершем за людей, «чтобы рассеянных чад Божиих собрать воедино», говорит, что Христос объединил всех, «и теперь те, кто в Риме, смотрит на тех, кто в Индии, как на часть своего тела». Существует ли где-нибудь еще подобное единство? Христос во главе всех». Сегодня же те, кто в Москве (Питере, Рязани, Воронеже...), со «всемирной нашей отзывчивостью» способны ли как-то коснуться боли тех, кто в Афинах? Или вспомнить о тысячах христианских новомучеников Нигерии как о «части своего тела»? В Риме, пожалуй, еще могут. Можем ли мы?

2016

Июнь. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВЕРЫ В ЕВАНГЕЛИИ

Овцы Мои голос Мой слышат, и Я знаю их, и они следуют за Мною (Ин 10:27). Слышать голос Бога, быть знаемым Им изнутри, следовать за голосом.

Овцы за ним следуют, потому что знают голос Его. А как узнать? Угадать? Ведь голосов много, (тех, кто *приходили до Меня*), тех, кто пришел потом и еще придет. Иисус обращается к непосредственному узнаванию, но и овцам предоставлен выбор: идти или упираться. «Я – дверь; чрез Меня, если кто войдет, спасен будет, и войдет и выйдет и пастище найдет». Дверь между этим миром и тем, незнаемым, зовущим, пугающим, немым,

заполненным страхами и фантазиями. Иисус говорит: а не заглядывайте ни в щелку, ни в замочную скважину. О чем не знаете, не гадайте, не перелезайте «инде», входите Мной.

Июнь. УСОПШИЕ В ЛАДОНИ БОЖЬЕЙ

Троицкая Родительская суббота. Задумываюсь: кто они, «мои» усопшие, чьи имена я сегодня долго вычитывал одно за другим? Жители украинских сел, мирно окончившие свой срок или когда-то убитые Голодомором, погибшие на войнах, давней и малой, нынешней, архиереи, собратья по алтарному ремеслу, друзья, любимые, ушедшая семья, к коей иногда, добавляю всех больших поэтов, от Гаврилы до Арсения и Иосифа. Убитых на дуэлях и удавленников не исключая. Все они, вместе собравшись, приносятся к молитвенной смертной тайне и, породнившись в ней, ложатся Богу в ладонь.

Июль. ТВОРЕНIE КАК ОБЩЕНИЕ (ВОСЛЕД ЗАБОЛОЦКОМУ)

Заболоцкий, с которым в последние дни не расставаюсь, как никто, владеет поэтической тайной общения с природой. Природой как творением. Иногда он пре-восходит даже Пастернака. Потому что сосредоточен не столько на своем восприятии, сколько на той вести, которую посыпает ему каждая из вещей. «Бездонная чаша прозрачной воды сияла и мыслила мыслью отдельной...» («Лесное озеро»), и человек, вступая в общение с водой, хочет разгадать эту мысль в прозрачности и сиянии воды, в бездонности озера, в толпе животных. Разгадать, значит приоткрыть – даже независимо от своих намерений – мысль Того, Кто создал этот фрагмент

мира. Разгадать, значит услышать, как все живые твари тянутся к этому «источнику правды, купели своей». И поэт – не где-то в стороне или сверху, он – один из них, тот, кто правду обнажает в слове, включен в перекличку логосов.

Август. ИСТИНА СОВЕСТИ

Сегодняшнее апостольское чтение: 2 Кор 1-6. Только Павел умел так изложить Евангелие, чтобы оно умешалось в несколько строк. *Открыто возвещая истину, мы представляем себя совести всякого человека пред Богом* (перев. Еп. Кассиана Безобразова). Апостол исходит из того, что истина совести всякого человека способна откликнуться Радостной Вести, заложенной при этом в другого. Если ж она закрыта, значит кем-то спрятано, потому что – бог мира сего ослепил мысли, залепил слух сердца, которое в себе эту истину изначально хранит. Еще не было написано: *Был Свет истинный, который просвещает каждого человека, приходящего в мир*, но Апостол утверждает в сущности тоже самое: сокровенную соприродность человеку Благой Вести. И в том же отрывке Павел связывает акт творения с чудом обращения: *Бог, сказавший: свет да воссияет из тьмы – есть тот, Кто воссиял в сердцах ваших* – т.е. Слово творения и свет веры есть Христос, всегда и во веки *Тот же*. Если спросить: что есть Откровение, ответ перед вами: свет-Логос, приходящий извне и «глаголющий» изнутри.

«Мы не знаем Христа по плоти...» и едва ли узнаем Его в истории. Это я еще раз понял, прочитав книгу Флуссера «Иисус».

2017

23.09.2017. БЛАГОДАРНОСТЬ

Благодарю Бога моего (ибо у Него есть свойство для каждого из нас быть лично Своим), Который вошел в мою жизнь, пребывая в ней то зримо, то потаенно, сохранив до 75 лет, почти не дав еще попробовать настоящей старости, оградив от солидности.

2018

18.02.2018. ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

По смыслу русского слова, это день, в который надо простить. Точнее день, который мы уже как бы все простили. И в нем и с ним простили и Воскресшего. Но такое прощение дается труднее всего. Потому что у всех самая невысказанная обида – на Бога. Кто только тайком не собирал на Него материал! И сколько бы ни накопилось его, освободиться, стряхнуть, весь материал – в камин. (По дороге из храма, на велосипеде).

Пасха 2018. «СЕЙЧАС» ВОСКРЕСЕНИЯ

На пасхальной литургии читается пролог Евангелия от Иоанна: В начале было Слово и Слово было у Бога... Но в самом событии Воскресения Слово не упомянуто. Оно здесь молчит, в слова не вмещается. Страстная неделя пронизана предчувствием Воскресения, она тянется к Пасхальной заутрени, которая возвещает: «Воскресение Твое Христе Спасе, Ангели поют на небесах...» О чем же они поют, Ангелы? О том, что уже свершилось, стало фактом и ликованием веры. Но ликованием уже того, что позади, на мгновение позади

нас. Но где «сейчас» Воскресения? Его как бы нет. Его «здесь и теперь» не имеет мысли, доступного воображению образа, слова для произнесения. Как то самое начало, в котором однажды было Слово, но в самом начале его во времени не было. А как вошло, то сделалось человеческим, мыслимым, произносимым, явило себя плотью в настоящем, прошлом и будущем. У Воскресения этих времен нет, нет своего мгновения. Оно входит к нам оттуда и уводит туда, где «времени больше не будет». И проводит через «лес символов», которые мы во времени изобретаем для жизни вечной. «Может быть и мы когда умрем, в этот лес отправимся вдвоем».

Христос Воскресе, друзья!

10.05.2018. ДЕНЬ ПОБЕДЫ. НО В БРЕШИИ

И у нас он празднуется, этот день. Но не в мае, а в конце января. И не победы, а поражения. И не каждый год, а лишь в юбилейный. В этом январе отмечалось 75-летие битвы под Николаевкой (итальянцы произносят с ударением на е), в Белгородской области. Из корпуса, в котором было более 61 тысячи альпийских стрелков в конце января 1943 года, через несколько дней осталось лишь пятая часть. Остальные погибли или замерзли. Орудием агрессии были они, и тогда в этом никто не сомневался, и до сих пор не прощают Муссолини этой авантюры. Значит, теперь они, потомки павших, должны ответить жестом братства и покаяния. Но не забыть и своих.

25 лет назад, когда было 50-летие этого разгрома (большинство было из здешних мест), выжившие русские ее участники, приглашенные в Италию, прошли по главной площади, где их ждали выжившие итальянцы.

Пожали друг другу руки, кто-то даже символически обнялся, мол, никогда больше. В самой Николаевке – в наши дни она называется Ливенка – был возведен какой-то благотворительный центр, за их, разумеется, альпийский счет. В сентябре там будет открыт мост дружбы, он уже построен.

Тогда под Николаевкой итальянская бригада была окружена. Ей было предложено сдаваться, т.е идти в Сибирь на неведомое количество лет, это они хорошо понимали. И что такое эта Сибирь они отведали уже в Николаевке, зимой на южной Руси. Что угодно, но не это. Что угодно означало попытку пробиться из окружения. С военной точки зрения она была безнадежна. И тогда солдаты решили: у русских меньше пуль, чем у нас тел. Взяли икону Донской Богородицы и пошли с нею на пулеметы, ни в кого не стреляя. Треть приблизительно прорвалась и вернулась домой. Никогда бы не поверил, если бы не слышал дважды этот рассказ от двух стариков, между собой незнакомых, которые участвовали в том прорыве.

Вы привычные, говорил один (общее такое поверье в Италии), а для нас ваш холод был хуже смерти. Представляешь, нам из Италии красное вино присылали, какой же итальянский обед без вина? – так мы его ломом раскалывали, чтобы... пить.

Та икона по сей день хранится где-то в Венеции.

01.06.2018. ВОЙТИ В ХРАМ ВПЕРВЫЕ

Всю жизнь думаю над тем, что же случилось со мной в тот день 31 мая 1971 года в канун памяти Отцов Первого Вселенского Собора. Пригласили на всенощную в храм св. Николая Чудотворца, рядом с метро

Парк культуры, на самом виду и потому, кажется, после революции никогда не закрывался. Обещали, что будет выступать необыкновенный проповедник Антоний из Англии. Ждали, но он так и не приехал. Я не был ходок по храмам. Перекреститься было немыслимо. Однако друг, который заманил меня на Антония, посоветовал: входишь в церковь, сложи руку тремя перстами и сделай так. Из вежливости, здесь так полагается. И вот с этим первым жестом словно хлынула какая-то теплая волна и смыла панцирь с души. И затопило чем-то, для чего у меня тогда не было слов. Их и сейчас немного.

Я не знаю, как другие люди становятся верующими. В моем случае это прибыло до сознания, без рефлексии о том. Для меня и до сих пор рефлексия всегда вторична. Потом, хоть и были периоды холдности, но «горнила сомнений» миновали меня. Однако всегда мучила попытка разгадать, расшифровать то, что именно случается в этот момент с душой. Как это? Вчера не было никакого Бога, а сегодня есть, и вот Он здесь. Со мной, во мне, везде. Бог пришел и подарил мне Свое присутствие. И я догадался, что Он безотлучно рядом и просто ждет удобного момента. Но когда Он входит, то облекается в конкретный религиозный язык. Язык жеста, язык богослужения, тогда совсем непонятного, язык Христа Русской Церкви; который потом станет мне родным. Но это и всегда язык жизненных узлов и переплетений, язык встреч и лиц, язык моего прошлого, запутанного и греховного, которое, как я понял, долго подводило меня именно к этому дню, к той минуте. «Еще нет слова на языке моем. Но Ты, Господи, знаешь его совершенно» (Пс 138).

У меня еще не было готовых слов, не было никакого верующего детства, и это было благо. И благо было то, что знаменитый проповедник в тот раз не приехал (мне довелось встретиться с ним потом и не однажды). Бог заговорил со мной без посредников; Его речь не наложилась ни на какую имевшуюся во мне «программу» или стертую когда-то память. Я мог воспринять этот ошеломляющий дар с неожиданной свежестью. Мой разум был слишком мал, чтобы пропустить Его через себя, попытаться отблагодарить. Он не способен на это и сейчас, и все же я только тем и занимаюсь, что ищу слова для Его Слова, зримые образы для Его прикосновения. Радость еще непроснувшихся, непроклонувшихся слов, переполняла меня. Это была встреча с чем-то бесконечно превосходящим понимание, которому можно было, нужно было доверить всего себя. Тогда я ощутил, что тайна у людей одна, но она залегает на разной глубине, одета в разные языки. Можно сказать, что Бог трудоустроил мою душу, послав ее на разгадку. С того дня до сегодняшнего. Наверное, и до последнего.

28.06.2018. ПАМЯТИ ХЛЕБНИКОВА

28 июня 1922 г. После Лермонтова это, наверное, самая абсурдная потеря на просторе русского языка. Не могу к нему относиться только как к некому явлению литературы, одному чуду русской словесности среди других, с его приемами, подражаниями, влияниями. Хлебников – это звуковой снимок младенческой души, так и не повзрослевшей, не приобретшей веса, отвеса и опыта. Его гениальность – «в воспроизведении удивления пробуждающегося разума, в попытке перевести изумительное вещей в образы и звукоподражания». Он

сохранил в себе ребенка, объявляя себя «Председателем земного шара», буддянином (типично детское словообразование, в отличие, от старого «изма», как подметка, прибитого к чужому башмаку «футуро»), странствуя почти «городским сумасшедшим» по весям и альманахам. И эта сохранность ребячества выразила себя в пугающей обнаженности языка.

Его речь – это не опыты словесной химии, но нерассуждающее доверие звуковым, ассоциативным и отчасти духовным корням слова, выносящего на поверхность таящуюся за ними реальность. В этой реальности исчезают границы, установленные социумом между значениями слов и их сочетанием. Слова соединяются и разъединяются легко, как во сне или в игре. Дар поэта заключен в выявлении этих связей. Звуки выталкивают наружу смысл, когда-то укоренившийся в них, сны свободно распоряжаются словами (Из книги «Ребенок на пороге Царства»).

30.06.2018. ДОРОГИ

После двух месяцев передвижений (Атланта, Вашингтон, Нью-Йорк, Ноксвилл, Париж, Верона, Женева, Рим...), добежал наконец до своего «кабинета» на горе Маддалене, и тотчас настигло ощущение дома, где хочется быть и быть собой. Ни одна из этих дорог не была пройдена только ради впечатлений и насыщения глаз, всякий раз звали и гнали встречи, выступления, работы. Но неизменно каждое воскресенье или в праздник главная работа-радость – в храме, в Брешии. За исключением лишь одной литургии, которую служил в НЙ. – «Но разве когда-то ты не хотел жить именно так – в странствиях, в поиске новизны?» – «Теперь это стало

ненужно»... – «Что же нужно?» – «Пожалуй, только кусочек леса, но своего. Не здешнего, не горного, в колючих кустарниках, но давнего, русского, хранящего свой секрет». – «Кому ты это пишешь?» – «Себе, потому что жизнь коротка».

28.07.2018. ЗАКОЛДОВАННОЕ МЕСТО

Не пишу обычно о сугубо личном, но теперь как-то сошлося. Позавчера пошли мы с сыном на гору Маддалену, не век же работать. Посмотрели на панораму города, приютившего нас, поужинали, выпили, не так, чтобы много. Пришли сумерки, уже как бы полутьма. Не хотелось уходить, но пора. Остановился на 30 секунд, Павел пошел вперед, мол, жду тебя у машины.

Расстояние совсем невелико, следую как бы к нему, но тут сам не замечаю, как попадаю в непонятное. Словно в заколдованное что-то. Тропинка, по которой мы первоначально шли, казалось бы, должна меня вывести куда нужно, но она все длится и не кончается. Слышу голос Павла, он меня зовет, я отвечаю, но он, как оказалось, меня не слышит. Голос его пропадает, а дорожка все ведет, словно знает куда, я ей доверяюсь. Иду минут 10, пока ясно не осознаю, ведь это совсем другая дорога. Ее здесь вообще не должно быть. Значит, я сбился с пути. Телефон мой разрядился за полчаса до сего момента, в лесу – уже почти тьма.

Что делать будешь, любитель горных прогулок? Возвращаться? Совсем заблудишься. Приходит решение: иди до конца, до первого жилья, до города, назад дороги уже совсем не видно, кругом тьма, 10 часов вечера. Но ту дорогу, которая ведет вниз, разглядеть еще можно. Она из гладких белых булыжников с острыми

краями. Надо спешить до непроглядной тьмы, но спешить, не спеша, тут как подскользнешься, растянешь ногу или головой о камень, самое время и место. Если дороги нельзя будет разглядеть, заночую в лесу, у меня и куртка есть.

Но что станет с Павлом? Знаю, он там носится по лесу, кричит: «папа!». Взвесив все, решаю, что его переживаниями придется пожертвовать. Иного выхода нет, путь только один – вниз и вперед, дорога должна вывести в город. Иду около часа. Дохожу до первых вилл, которые на горе, за высокими заборами окна светятся. Но как туда позвонить, как им, зажиточным, крепко собаками охраняемым, объяснить? Минут через 15 Ангел-Хранитель посыпает мне симпатичного пожилого господина, как раз отпирающего свою калитку. Объясняю так, вон оно дело какое, позвольте только вашим мобильным телефоном воспользоваться. Пожалуйста, только и его телефон не работает. А давайте я вас до дома довезу, предлагает. Вы – падре Зелинский? Да, откуда вы знаете? Помню вас, вы же у нас в вальденской церкви не раз выступали.

Едем с ним, останавливаемся у первого кафе, бросаюсь к первому встречному, звоню Павлу. Он уже целую кавалькаду вызвал на мое вызволение: и полицию, и пожарных, и скорую помощь. Едва успел отменить. Но скорая помощь все же приехала. Он был в жутком трансе и кризисе, воображая отца лежащим где-то в зарослях с разбитой головой. Ну, ладно, разрешилось, садится в машину, но и машина не едет. От включенных фар села старенькая батарея, пришлось так и оставить на горе наш фиатик. Хорошо, хоть скорая помощь вниз Павла свезла, хотя ей и запрещено попутчиков брать.

Вошел и принялся обнимать, ибо уж почти не надеялся меня увидеть. Все же хорошо, думаю, когда Бог благословляет тебя к концу жизни взрослым и любящим ребенком, типа мальчика, или просто сыном, без ребенка. А для машины вчера скорую помочь пришлось вызывать, теперь уже, увы, за полновесную плату. Слава Богу и за это!

14.08.2018. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕСТНЫХ ДРЕВ

«Слово «происхождение» не вполне точно передает греческое *проообος*, означающее буквально «предъисхождение», «несение впереди» дерева или части от подлинного Креста Господня» (Википедия о сегодняшнем немногого странном празднике). Однако само «древо» вещь, творение, воспринимаемое органами чувств, здесь как бы отступает в тень Креста Господня. Его простой, исходный смысл исчезает за таинством искупления, знаком спасения. Но в начале оно было просто деревом, сотворенным, взращенным Словом Божиим, через которое все начало быть, что начало быть. Создавая это дерево, Слово уже предвидело, знало, что будет на нем распято.

24.08.2018. РУССКИЙ ПАРТИЗАН

История, которую привез сын, вернувшись от давнего приятеля, однокурсника по Падуанскому университету. Время действия начало мая 1945 года, место – горы Пьемонта, северо-запад Италии. Отряд, все еще оставшийся верным «Социальной итальянской республике», ее знают под именем «Республики Салò» – Салò это живописный городок на озере Гарда, где находилась вилла Муссолини, ставшая как бы государственной

столицей – вчера получил известие, что Муссолини расстрелян партизанами. Труп его вместе с Кьяреттой Петаччи, возлюбленной дуче, еще вниз головой на площади Лорето в Милане. Муссолини решил бежать, его задержали почти на границе со Швейцарией, извлекли из грузовика, где он сидел, притворившись пьяным немецким солдатом; немцев по договору с партизанами пропускали. Расстреляли его на следующий день, второпях, пока не пришли американцы и не начали канистер с судами и адвокатами, еще неизвестно чем все это могло кончиться. Нет, это дело надо было между своими решать. Кьяретту, которой дали разрешение приехать к Муссолини, хотели было отогнать, оторвать, отшвырнуть, но она вцепилась в дуче, заслоняя его от пуль, и была убита на полсекунды раньше него.

Да и задолго до расстрела все уже было ясно. После высадки американцев в Сицилии, взятия Рима (июль 1944), близящегося разгрома Германии, у Республики Салò, бутафорской, марионеточной, навязанной из Берлина, не оставалось никаких шансов. Но они, честные, преданные, решились воевать до конца, были готовы умереть вместе с дуче. Но дуче уже нет, за кого воевать? Их было человек 20 молодежи. «Camerati, – отдает последний приказ начальник отряда, – теперь каждый за себя. Прячьте форму, бросайте оружие, идите по домам, может доберетесь. Родина вас не забудет».

Родина не забыла. Они шли к востоку, как раз в сторону Салò – в Ломбардию, Эмилио Романью, Венето, Альто-Адидже, но вскоре наткнулись на группу партизан, которые уже были повсюду. Черные рубашки в ранцах, без допросов и документов, все понятно и так. И без проволочек – к дереву, кругом лес, стенок ведь

нет. Они не сопротивляются, дают себя привязать. Сохранилось немало кадров кинохроники, как партизаны после победы расстреливали фашистов (в итальянском значении слова). Они напоминают «психологическую атаку» белых на пулемет в «Чапаеве»: такая же невозмутимость, то же презрение, сигаретка во рту. Здесь оно, наверное, так и было.

Но тут вдруг Ангел-Хранитель пролетает мимо, и русский партизан, непонятно как там оказавшийся, выбегает из толпы и бросается на шею к герою повествования. «Джанлука, ты ли это? Увиделись наконец, che gioia, come stai, как живешь?!» Так и живу, через минуту жить не буду. Он – совсем не Джанлука, он – Клаудио, никого он не спасал, но теперь неважно, а вдруг шанс? «Стойте, товарищи, этого не трогайте, он мне жизнь однажды спас». Расстрел останавливается. Compagni, они естественно, коммунисты или близко к тому, а русский из СССР, страны-факела, и сам уже 2 года исправно с нами воюет и воюет хорошо. ..

И вот тут происходит замыкание, цепочку мести и ярости, ту, что три дня назад заставила их коллег стрелять в ни в чем не повинную Кьянретту, вдруг заклинивает. Ком накопившейся холодной ненависти внезапно тает, как бы ниоткуда врывается давно забытое тепло... Люди внезапно начинают видеть людей, а те полны жизни, страсти, подавленного страха, отчаяния, но и желания умереть достойно, как и подобает черным рубашкам. Но теперь неизвестно за что. Ничего из того, за что стоило умирать, больше нет. И каждого, свой ты или чужой, где-то, наверное, ждет невеста. И – самое святое – мама. «Да, ладно, ребята, хоть вы, конечно, и суки фашистские, но война кончена, идите, куда шли».

Все 20, отпускаем. Так бывает в Италии. Не удивлюсь, если кофе или вином угостили, хлеба в дорогу дали, о том история умалчивает.

Да, собственно, зачем мне было ее рассказывать? Да потому, что она абсолютно подлинна и обречена забвению. В прошлом году герой нашего рассказа умер в Триесте в возрасте ста лет, успев рассказать ее студенту-историку, другу моего сына. У него была карьера спортивного журналиста, семья, дом, дети, внуки, правнуки. Жизнь, прожитая сполна, даже с прибыtkом, так и оставшаяся верной призыву юности: родина, дуче, величие Рима, черные рубашки. До конца дней этот, до старости неусомнившийся, нераскаявшийся «репуббликино» (сторонник той «Социальной республики») будет искать того незнакомого русского партизана, который спас ему жизнь. Ему и всему отряду. И не найдет. Ни до, ни после той встречи он его никогда не видел. Всего вероятнее, сразу после войны русский партизан, бежавший, видимо, из плена, вернулся домой. Как там дома сложилась его судьба, можно догадываться.

08.10.2018. ЛОВИТЬ ЧЕЛОВЕКОВ

Вчерашнее Евангелие: «Отныне будешь ловить человеков» (Лк 5:10). Чудесный улов, от которого рвалась сеть, оказывается, уже не нужен Симону, теперь он – Петр, камень, рыбак вселенской Церкви, ловец. «И вытащив обе лодки на берег, оставили все и последовали за Ним». Ясно и просто. Но все же хочется дойти до сути: что имел в виду Иисус? Чем ловить людей? Что это за сеть, которая привлечет несчитанные косяки людей, радующихся, что их поймали? И которым

в сетях будет по-бibleйски (Быт 1), по-евангельски (Мф 17:4) «хорошо»? И что за природа этого «хорошо нам здесь быть» – там, где, помимо всяких «хорошо», кишат еще и бесчисленные «проблемы Церкви»? Словно сам Бог оказался в этих сетях? Вместе с людьми и «проблемами»?

01.11.2018. ИТАЛЬЯНСКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ?

Единая Итальянская автокефальная Церковь? Нас, православных, здесь ок. 2 миллионов, где-то ок. 400 приходов. Из них ок. трехсот – румынские, более сотни – все остальные. Вполне согласен поминать румына как главу итальянской Церкви. Но пусть попробует Вселенский Патриарх дать нам автокефалию: он сразу станет врагом всех. А уж какой смысл в существовании Русского Экзархата, единственной епархии, которая живет по законам Собора 17-18 года, это уж нам разбираться. Но это залог будущего Русской Церкви.

13.11.2018. В МУЗЕЕ ХОЛОКОСТА

7 ноября мы с Наташей были в музее Холокоста в Иерусалиме. Уже не впервые. Ступала ли сюда нога православного паломника? Т.е. не просто туриста из благочестивой страны. Кто был, помнит: голоса выживших свидетелей, фотографии, цифры, документы, даже рельсы, проложенные по бульжнику в память о тех поездах. И этот темный зал со светящимися огоньками, где произносятся имена полутора миллионов уничтоженных детей, с указанием имени, возраста и места рождения каждого. Ко мне все время возвращалась наивная, но сверлящая мысль: почему подобного музея нет в России? Не одного Холокоста, но музея, посвященного

7 ноября, Великому Октябрю, гражданской войне, лагерям, строительству коммунизма, съездам партии, застою, вообще системе коллективного наваждения, длившегося 70 лет. Системы, целиком состоявшей из окаменевшей идеологии (о чем сегодня, глядя в прошлое, все забыли), которая вовсе не зависела от personalной одержимости отдельных граждан. Ее могло и вовсе не быть.

Речь не о музее Гулага, довольно жалком, который я видел в Москве. Здесь должен быть мемориал режима как такового, никак не меньше Пушкинского музея на Волхонке, где ничего не будет утаено, ни парадное, ни постыдное, включая речи вождей, их памятники, их портреты, директивы, постановления съездов партии, великие стройки, великие победы, подписи под расстрелами, полеты в космос, где гулаговский зал, может быть, не один, должен быть, наверное, главным, но далеко не единственным. От года 17 и до конца. Даже и до сего дня. Чтобы будущий посетитель, из породы цветаевских «задумчивых внуков», пройдясь во всем экспозициям, вышел оглушенным, что-то понявшим, освобожденным.

Это не должен быть музей одних репрессий. И в Яд Вашеме не только бараки, но и марширующие колонны вермахта. Там должно быть все. Счастливые пионерские лица, красные галстуки, соцсоревнования и на фоне их «Колымские рассказы».

24.11.2018. ПАНИХИДА

Скорбная радость: сегодня, не таясь, мог отслужить панихиду по жертвам Голодомора. И буду служить завтра при всем народе. Здесь и солидарность и долг.

«Промолчи, попадешь в палачи». Впрочем, начальство и не узнает. А узнает – никогда не спросит. А спросит, получит благочестивый ответ. И уже не спросит более.

24.12.2018. ИМЯ В ТВОРЕНИИ

«Космос – лестница разной степени словесности, – говорит А. Ф. Лосев. – Человек – слово, животное – слово, неодушевленный предмет – слово. Ибо все это смысл и его выражение». Вся тварь в своей совокупности разве не образует ли собой свод Писания, где у каждой вещи есть свое слово Христово, Его скрытое имя в словаре творения?

«*Cur Deus Homo*», – как озаглавлен знаменитый трактат св. Ансельма (XI–XII в.) «Почему Бог стал Человеком»? И для того, может быть, чтобы открыть миру его бого-именность, его бого-человечность?

28.12.2018. ПАМЯТИ МАНДЕЛЬШТАМА

«Я время целовал в измученное темя...» Вчера было 80 лет со дня кончины Мандельштама на лагерной пересылке. «Время – мера миру», как сказал гениальный измеритель звуков Хлебников. Эти 80 лет можно приложить ко всей оставшейся за холмом эпохе. Она сохранила его поэзию, сделав ее не только почетной частью русской культуры, но и частью русской жизни. Надежда Яковлевна, пронесшая этот огонь за пазухой, обжигаясь от него, принесла его нам как некое причастие. У Мандельштама нет могилы, но есть событие смерти, к которому по-разному мы причастны. Само отсутствие у него могилы – словно часть нашей жизни. И если прислушаться, его стихи словно пронизывают собой именно то время, которое мы прожили, в котором

живем. Они бросают отсвет, какой едва ли можно объяснить, но можно его почувствовать, на ту историю, которая срослась с нами. «От дней войны, от дней свободы кровавый отсвет в лицах есть» (Блок). И этот отсвет по сей день – мандельштамовский. В то время, когда стихи других поэтов вошли в «музей великих произведений искусства» и прочно расположились там, стихи Мандельштама почему-то не входят в такой музей. Они – на улице, они – в истории, там, где «миллионы убитых задешево», они – в молчании и в предчувствии беды, которого от нашей жизни, наверное, уже не отнять.

31.12.2018. ПЕРЕСЕКАЯ ВЕНЕЦИЮ

Это был совершенно пустынnyй район, где не было ни одного туриста, да и местных было необычно мало. Вокруг стояли жилые, совсем нестаринные дома, лишенные всякой претензии выдавать себя за таинственную Венецию, вроде наших Кузминок, но опрятные, нескученные, разделенные палисадниками с игравшими там детьми. Рядом – большой канал, кругом и во мне ощущение непривычного покоя. На следующий день мне предстояло улетать в Париж на епархиальное собрание, и там тоже надо было выступать, решать нечто судьбоносное, а через два дня в воскресенье рано утром уже быть на службе в Брешии, но сейчас хотелось от всего этого отстраниться. Надвигающийся вечер, тишина, канал с плывущими по нему судами, сумеречное небо, куда улетали вчерашние горести и послезавтрашние проблемы. И вот в это, почти фаустово, почти уснувшее мгновение вдруг, ни с того, ни с сего, вторглось предчувствие ужаса: а что если гибель

всего, здесь и сейчас, немедленно? Ну, не поделили что-то верховные жрецы на разных концах земли, столкнулись, друг друга не поняли, решили показать характер, а низшие, дежурящие у кодов и кнопок, хоть и содрогнулись, но выполнили приказ (Цитирую фразу из ранней книги, которую мне когда-то сугубо вменяли в вину в КГБ). И вот уже: черное небо, грязная вода, отравленный воздух, снесенные дома, безлюдье. Не то мягкое безлюдье, что окружает меня сейчас, а другое, где нет ничего, кроме смерти и безымянности.

Наверное, это был какой-то всплеск отрочества, ибо Венеция пробуждает подвалы памяти, когда война ожидалась со дня на день. Сегодня вероятность ее настолько с нами свыклась, что как бы и забылась. Да, она издает какой-то неприятный крысиный писк где-то на обочине, в канаве, куда мы не заглядываем. И самые боязливые давно привыкли. В самом этом привыкании скрыт новый статус человека, который им пока не осмыслен: вот уже более полувека прошло с того дня, когда человек, не Бог, осознал, что может по воле своей распять, не духовно, не виртуально, а физически, себя и жизнь на земле. И вот такая, невиданная, завоеванная им власть легко вписалась в наше существование. Даже иной раз радуемся (ну, немногие из нас), когда нам показывают все более смертоносные металлические изделия, коими хорошо грозить соседу: вот ужо достанется тебе, если что!

А я тут с какой-то идиллической лекцией для благочестивых венецианских старушек? Какую связь с этим новым нашим грозным статусом могут иметь имена Богородицы, сложенные в акафистах, заплетенные в византийские венки, многие века назад? Да и тогда легко

проливалась кровь и, может, даже легче, чем сегодня, но прямой угрозы всему существующему в те времена еще не было. И вот за мгновением ужаса вдруг открылся какой-то свет: связь эта существует. Пусть здравый смысл и Чехов говорят, что, когда люди в начале пьесы повесили на стену ружье, оно в конце концов должно выстрелить. А оно все висит, все растет, все грозит, громыхает об стену при всех трясениях земли, но так пока не стреляет. Словно Бог окутал его пеленой ни к каким делам земным не имеющих отношения слов, обозначающих и хранящих все, что Им сотворено. От их влажности промокает порох. Сын Божий, как сказано в начале Послания к Евреям, держит все словом силы Своей. Не в именах ли эта сила? Какие-то эманации, излучения силы исходят от них и падают на все, что создано Им и живет. Слово Его, раскрывает себя в именах творения, но именах, созданных нами, людьми, откликнувшимися Ему, держащему мир. И первые из них – имена Матери. Потому что сила Его – в материнстве мира.

2019

10.01.2019. РАЗГОВОР С ЗАКАТОМ

Стоя на автобусной остановке вчера после 4 часов вечера, когда вечер только приближался и должен был скрыться, как только коробка автобуса заберет меня в себя, я попробовал поговорить с закатом. Вернее, он первым обратился ко мне. Автобус, как и все вообще в нашей чудовной Италии, опаздывал минут на 15, так что времени на общение было столько, сколько нужно. Это было то январское время между четырьмя и пятью

часами, когда сияюще белый цвет на снежных предгорьях Альп начал густеть, переходить в нежную желтизну. Потом он незаметно обернулся азартно пылающей алостью.

«Пришедшее на запад солнца, видевшее свет вечерний...», говорит молитва на исходе дня. Свет солнца, приходящего на запад, перед тем как исчезнуть, становится Божким говорящим словом. Мы, когда прислушиваемся, способны откликнуться ему. Человек, хоть он и редко вспоминает о том, живет в беседе, диалоге с тем, что есть. Он сам – составная часть этой беседы.

«Все возьми, но этой розы алой дай мне снова свежесть ощутить», – вырвалось когда-то у Ахматовой. Кому это – «возьми»? Тому, Кто все дает, а потом забирает на исходя земного дня. Впрочем, свежесть розы я мог бы даже оставить здесь, у порога. Но вот с этой алостью вечернего неба, играющего со снегом, только сегодня выпавшим, который растает, как расстаться? «Да и я тоже не захотел бы с тобой расстаться», – ответил снег. «И я», – призналась уходящая с неба алость. «Возьми нас с собой, туда, где «запад солнца», – сказали горы под нами и кустарник на них. «Не забудь и меня», – откликнулся подмосковный лес, где спрятано детство.

17.01.2019. НАЦИЯ-ЛИЧНОСТЬ. ВИЙОН

Случайно взяв недавно перед сном «Золотую книгу французской поэзии» (*Livre d'or de la poésie française*, 1972), дабы беспокойные, торопящиеся мысли, ужом свернувшись, заснули тепло и мирно (без книги не засыпаю). И вдруг отвлекся от покоя, зачитавшись. Одно стихотворение, другое, третье, последние дни, кроме

Библии, читаю только ее. Антология, плотный том около 500 страниц, доходит до 1940 года. От Гийома, герцога Аквитанского (XI–XII вв.) в переводе на современный язык составителя Пьера Сегера до Раймона Кено и Рене Шара. Погружаясь то в старину, то в недавнюю (меньше ста лет) новизну, замечаю, что эти восемь с половиной веков, вовсе не такое уж безмерное пространство, где на одном конце не услышишь, не поймешь стоящего на другом. Они словно – трудно поверить – образуют единое, поющее, шутящее и зорко над собой наблюдающее существо.

Вспомнилась идея покойного моего друга Вадима Борисова о нации-личности («Из-под глыб», 1974), которая казалась мне если не милым мифом, то близко к тому, но эту личность я спонтанно здесь ощутил. Словно именно она, эта собирательная личность, написала за долгие века свою «Золотую книгу», чьи имена, голоса, стили менялись, но исповедовали себя, в сущности в одной душевной тональности. Не в литературоведческом, конечно, смысле. Шарль Орлеанский, Ронсар, поэты Плеяды, Бодлер, Эредиа, Аполлинер, Поль Элюар, Шарль Пеги, Робер Деснос... Та же занятость и игра с собой, легкая усмешка, декламация и грусть, остроумие и рассудительность вместе с чувственностью, выставленной напоказ, за которой всегда вопрос: а что там, за пределами видимого, куда мы уйдем, насытившись миром? Ключевым стихотворением этой поэтической личности я бы взял «Разговор Вийона с его душой», где разумная душа чинит допрос автору, который как бы с похмелья.

«Кто это? – Я. – Не понимаю, кто ты? – Твоя душа. Я не могластерпеть. Подумай над собою. – Неохота. –

Взгляни – подобно псу, – где хлеб, где плеть, Не можешь ты ни жить, ни умереть. – А отчего? – Тебя безумье охватило. – Что хочешь ты? – Найди былые силы. Опомнишь, изменись. – Я изменюсь. – Когда? – Когда-нибудь. – Коль так, мой милый, Я промолчу. – А я, я обойдусь» (пер. И. Эренбурга).

07.02.2019. ТЫ И Я

Чтобы различать Твое «ты», где спрятана превосходящая и взыскиющая нас тайна, и свое «я», в сущности ничтожное и суэтное, заключенное в теле, вложенное в социальные роли, занимающее место в обществе, приписанное к коллективу, облеченнное в мировоззрение, погруженное в слова-слова-слова, нужно ощутить всю дистанцию между тем и другим. И решиться ее пройти, сделать хотя бы первый шаг, за ним второй. Не в этом ли то настоящее христианство, на которое никогда не хватает ни сил, ни времени, ни главное, интереса?

08.02.2019. САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И ТАЙНА

То, что угадывается или ощущается на интуитивном уровне, не всегда формулируется на уровне рациональном. Но если попробовать, можно сказать так: наше «я» (самоидентификация) изначально несет в себе грехопадение Адама («Будете как боги, знающие добро и зло»), и это греховное «я» должно растаять в неизреченном присутствии Бога в нас. Или быть наполненным Его тайной. Поэтому для меня конфессиональные (самоидентификационные) границы вторичны, первична же верность присутствию Божию. Когда я говорю о неизреченном, я не имею в виду нечто эмоционально возвышенное, но то, что не укладывается в слова и концепты.

15.02.2019. ИКОНА СМЕРТИ

Сретение издавна служит для меня иконой умирания. Уж коли есть смерть на земле, то должен же существовать и освященный образ ухода из жизни. Ибо все облекается в слово и образ. И что может быть точнее, человечнее облика старца, идущего к Отцу-Владыке, Который отпускает его ныне. Отпускает – куда? Завтра уже нет для Симеона. Представления иудеев о жизни после жизни, еще не были пронизаны нашим упованием, нашим трепетом, нашим знанием. «И Дух Святой был на нем», говорит Евангелие. Он шел с ним рядом, Он вошел в саму смерть, а смерть вошла в икону.

27.02.2019. ПЛОТЬ КАК ХАОС. МУЗЕЙ РОДЕНА

Интереснейший доклад покойного о. Сергея Овсянникова из Амстердама «Плоть как хаос и тело как друг» (Вестник РХД 209), в котором он – не академически, но интуитивно – касается различия и взаимопротяжения этих понятий. Скорее это было импровизированное сообщение, сделанное в сентябре 2017 года, на конференции памяти митр. Антония Сурожского в Москве, незадолго до своей кончины (январь 2018).

Он приводит неожиданную цитату из «Заратустры» Ницше у митр. Антония: «Нужно носить в себе хаос, чтобы родить танцовщую звезду». Танцовщая звезда – знак рождения нового человека. «Извините, а что Новый Завет нам говорит?» – спрашивает о. Сергий. «Новый Завет говорит нам то же самое». Хаос подобен изначальной «плоти» мира, а плоть никак не является отрицательным понятием в Ветхом Завете. Это просто данность творения, и она исполняет свое предназначе-

ние, когда «хвалит Господа». Хаос – плоть, в которую облекается Слово.

Но в воплощенном Слове хаос обретает другое призвание: стать новой тварью, человеком, предназначенным к Воскресению, пройдя через мертвость тела. Отсюда – борьба и аскеза. «Кто избавит от сего тела смерти» (Рим 7:24). «Тела ваши – храм Святого Духа» (1 Кор 6:19). Богословие тела в Новом Завете, а слов о теле – там на целую тетрадку, – уходит корнями в бесконечность хаоса, в котором смерть и храм – «неразрывны и неслияны».

Статью о Сергию я читал в саду музея Родена в Париже, где провел полдня, накануне Генеральной Ассамблеи нашей Архиепископии 23 февраля. Было солнечно, непривычно тепло. Искусство Родена – максимально выразительный язык тела, но и бессознательный спор с ап. Павлом. В его скульптурах доминируют две темы: любовь, выраженная непобедимым влечением плоти («Поцелуй» во многих его вариантах), и добровольное мученичество («Граждане Калэ»). Каждая из тем – как послание художника, обращенное к зрителю: любите и радуйтесь телами, но, коли призовет долг, отдавайте их долгу, ими жертвуяте.

Загадочный мыслитель, положив голову на кулак, сидит над вратами ада, куда брошены в полете падения некогда живые тела. Мыслит он скорее упругими мускулами, чем напряженным взглядом, с которым зритель так и не встретится. Взгляд опущен вниз, к тем самым вратам. У Родена тела в аду все еще красивы даже в отчаянном страдании. Но им не вырваться из телесной клетки.

08.03.2019. МАРТ

«И март разбрасывает снег на паперти толпе калек, как будто вышел человек и вынес, и открыл ковчег и все до нитки роздал». Который год, который март эти строки, можно сказать, достают память и сердце. Просто сладу нет, закроешь глаза и зароешься в тот пастернаковский снежный ковчег, который никогда не прошлогодний, как у Вийона, но вечно детский, почему-то солнечный и нетающий. Снег у паперти храма, который когда-то построила семья св. Филиппа Колычева, снег кладбища с могилой отца, где мне не придется лежать. Здесь, у нас, снег можно увидеть лишь на дальних, почти трансцендентных вершинах Альп. Как на картинке, которая тоже может начать тяготить. Да и тот, мелькнув, уходит.

11.03.2019. ИЗГНАНИЕ АДАМА

Вчера – память о событии, о котором ни у кого не может быть никакой памяти, да и веры в него ясной нет, но все его как-то помнят и по-своему верят: неведомо где и когда, но случилось такое – изгнание Адама из рая. Оно произошло до времени, как уместить его в день? Бог сотворил небо, землю и все сущее, но лишь после греха и противления мир стал миром. С того момента Адам, который по слову Григория Нисского живет во всех нас, ищет это до-мирное до-временье, то обличая падшество жизни, то пытаясь заглянуть, что там за падшество, за видимостью.

Отсюда – хрестоматийный образ пещеры в 7-ой книге Государства у Платона. Отсюда кredo Соловьева (и стольких других): то, что видим – только отблеск неизримого. Все искусство омыто влажными или сухими

слезами по потерявшемуся раю, скрывшемуся где-то не-подалеку, за порогом нашего восприятия. Искусство – это человеческая попытка обнаружения подлинности того, что на самом деле есть, потому что сотворено. Рай скрывается в самой наготе, когда она не заключена в объект желания, в самой смерти, когда она вырывается из клетки страха. Но более всего, конечно, в любви. Вот уж поистине место, где «дьявол с Богом борется и поле битвы – сердца людей».

16.03.2019. ПОД СМОКОВНИЦЕЙ

Воскресное Евангелие первой недели поста, одно из наиболее близких мне. Оно приводит к некой смоковнице и прячет за ней свой смысл. Это дерево вообще кажется живым персонажем в Евангелии. В одном случае Иисус проклинает смоковницу, которая не дала Ему смокв, в другом находит на ней Закхея, велит ему слезть и ждать Гостя, в третьем пользуется ею для примера силы веры. И просто упоминает не раз («От смоковницы возьмите подобие...»). Но Нафанаилова смоковница особая. Под ней встречаются те, кто вот так, как он, узнал Иисуса. Они собираются здесь в общину, хотя смоковница у каждого своя. Она есть то священное время и место, которое пронизывает взгляд Божий, остающийся на человеке навсегда. Даже если он не знает об этом. Не знает, но догадывается, вдруг открывает его в себе. Как у Давида: «Не скрыты от Тебя были кости мои, когда я созидаем был втайне» (Псалом 138/139). Я вхожу в исповедание этих слов и словно ощущаю радостный удар тока: «Я видел тебя!»

04.03.2019. «БУДЬТЕ КАК ДЕТИ»

В «Никее» (издательстве) только что вышла моя книга «Будьте как дети. Теофания детства». Раньше – в первом московском, так и во втором тюменском издании – она называлась «Ребенок на пороге Царства». Сегодня, думаю, она появилась в магазинах.

Когда-то меня буквально околдовали, приковали к себе слова Евангелия от Матфея: «Иисус, призвав дитя... сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как это дитя, не войдете в Царство Небесное» (18:2). Они перекликались с близкими им по смыслу отрывками у Марка и у Луки. Я услышал в них одну из тех евангельских заповедей, которые и по сей день остаются как бы не конца дошедшиими до нас.

Заповедь выражена достаточно твердо и однозначно и в то же время как-то скользит мимо устоявшейся христианской мысли. Обычно она понимается сугубо моралистически. Вам, взрослым надлежит «быть как дети», то есть, уподобиться их смиренномудрию и простоте. Их послушливости и бесспорочности. Иначе говоря, научиться у детей тем качествам, которых у них чаще всего нет. Словно ребенок взят Христом напрокат для наставления благочестивому верующему. Но ребенок в раннем детстве – не литературная метафора Бога. Младенец – Его послание, которое надо когда-нибудь понять в его сути.

Сюжет этой книги вовсе не «Иисус и дети». Какой Он, мол, добрый и ласковый, а детишки вокруг чудесные. Совсем нет. Обратиться в детство – значит обратиться в глубинном смысле. Войти в замысел Бога о нас. Вернуться к подлинному своему «я», которым в не-раскрытоей, свернутой его форме мы обладали в самом

начале жизни, а затем, не заметив, потеряли в себе. Увидеть чудо творения человека и любовь, в него вложенную изначально, как его увидел автор 138-го Псалма. Причем, человека самого малого, едва рожденного, едва зачатого; ребенок подросший, подросток – это уже добыча нашего взрослого греховного мира.

Через это видение можно разглядеть истинную природу Церкви, понять смысл восточного аскетизма, разгадать смысл творчества. Наконец в «цивилизации ребенка», если повернуться к ней лицом, можно найти, если захотеть, спасение от той «цивилизации протезов», которая неотвратимо на нас надвигается. Предполагаю, что будущее богословие могло бы пойти, среди прочих, и по этому пути. Я не протоптал его, но лишь обратил на него внимание. «Если не обратитесь...» Не в того ребенка, который милый с волосиками, а в того, который некогда был сотворен и еще живет внутри нас.

08.04.2019. «ВЕСНА НАШЕГО ТЕЛА»

«Посмотри на то, как вся природа, к нашему упоминанию, внушает мысль о будущем воскресении. Солнце заходит и вновь появляется; звезды скрываются и опять возвращаются; цветы увядают и расцветают; деревья после зимы снова распускаются; семена не возродятся, если прежде не сгниют; так и тело на время, как деревья за зиму, скрывает жизненную силу под обманчивым видом мертвленности. К чему это нетерпеливое желание, чтобы оно ожило, когда еще зима в полной силе? Нам нужно дождаться весны нашего тела». (Минуций Феликс, II век).

15.04.2019. ПОЖАР В НОТР-ДАМ

Два часа смотрю его по итальянскому каналу. Т.е. по телевидению, которое вообще не способно говорить ни о чем, кроме как о местном, домашнем, замыкая всю вселенную в своем итальянском доме.

Что поражает здесь, это невероятное количество деятельности, утонченной души, вложенной в камни и витражи. Разной, очень дальней порой души. «Души готической рассудочная пропасть». Предельно точно. Ты утопаешь в ней. Камней и шедевров я видел потом немало, но с витражами меня сложились особые отношения. Они остались во мне.

«И чем внимательней, твердыня Нотр-Дам, я изучал твои чудовищные ребра, тем чаще думал я, из тяжести недоброй и я когда-нибудь прекрасное создам». Тяжесть недобродушная, она – в тебе.

Ребра действительно чудовищны. Сверху Собор Парижской Богоматери (в котором присутствие Богоматери ощущается как раз меньше всего) напоминает какую-то гигантскую сороконожку. Не советую смотреть на него с вертолета. Но изнутри эти синие витражи хранят в себе что-то интимно нежное, евангельское, тоскующее, окликающее тебя. И оклик навсегда остается.

Потом я привык к Собору. Он уникален, и – вместе с тем один из многих подобных. Да, Запад должен был говорить с Богом именно таким языком. Мы редко понимаем его, но это наши границы. Конечно же, есть бесконечное различие с нашими православными луковками и замкнутой в себе полнотой. И вместе с тем что-то сестринское с ними. И неистребимо родное.

Летом и осенью 1990 года я жил в домике рядом с Собором, в небольшом домике для клириков, куда меня пригласил о. Жак Фурнье, в то время секретарь архиепископа Парижского Жан-Мари Люстиже. Там я узнал об убийстве Александра Меня.

Рухнул один из шпилей. Обрушилась крыша. Пусть даже эти гарпии по краям улетят, куда им вздумается. Только бы не те витражи.

16.04.2019. ЗВУК И БОЛЬ ВИТРАЖЕЙ

Почти все, что было из дерева, кажется, сгорело. Все, что было из свинца (шпили, крепления крыши с какими-то прокладками), расплавилось и погибло. Святыни, прежде всего Терновый венец, вынесли заранее. Три человека (два пожарных, один полицейский) были ранены, но не тяжело. Стенам же огонь не страшен. Он страшен рисункам на стекле.

Стены – это мощь, воля, усилие, пусть даже спор с небом. На камне сем с Тобой буду говорить я. Громко говорить, чтобы Ты услышал. Витражи – это скорее шепот. Исповедание, признание, слезы, тихая радость, веселение, плач. В них говоришь Ты, я слышу, плача и веселясь. Исповедую тайну нашей беседы в прозрачном, красном и голубом. Погибшие витражи можно восстановить, но восстановить форму, но не звук.

Уже начался сбор средств на реставрацию. Конечно, Франция могла бы все сделать сама. В XII веке она могла себе это позволить, а сейчас, став в тысячу раз богаче, не может. В Италии то же самое, изумительные, стариннейшие, ветшающие соборы вопиют о помощи, но денег на реставрацию ни у кого нет. Но для Нотр-Дам их соберут.

Соберут, потому что наблюдая за огнем, – не только Франция, но и вся Европа, вдруг вспомнила о себе. Словно пробудилась, пусть на один день. Внезапно почувствовала себя раненой. «Горит часть нас самих», – сказал Макрон. Все так. Но какая часть? Религиозная, сентиментальная, памятливая, ищущая корни? Может быть, все это собранное вместе и ставшее неразличимым?

Чтобы пробудить такую память – допустим на минуту – Господь употребил сильное средство. Но далеко не самое сильное, надо сказать.

25.05.2019. НИЩИЕ В ПАРИЖЕ

Париж всегда поражал обилием нищих. Поразил и на этот раз (11 мая, собрание клириков Архиепископии). К ним трудно привыкнуть. Как ни странно, большинство из них французы, не беженцы. Откуда их столько, при наличии довольно крепкого социального государства и всяких благотворительных организаций? Но так, по-видимому, было всегда. Это профессия, не скажу призвание. В средние века они занимали целые кварталы. В наши дни их главный квартал – метро, в поездах, в извилистых переходах с одной линии на другую. Способные что-то играть, на чем-нибудь играют, иногда даже устраивают кукольные представления на пять минут, но большинство лишь встречает и догоняет тебя взглядом, от которого невольно отворачиваешься. Ответить, значит подать. Но ведь всем не подашь. Более тридцати лет как приезжаю сюда, число их не уменьшается. Скорее наоборот.

Вглядываюсь в их лица. Каждое из них – как затаившаяся икона отчаяния, которое нужно скрывать. От

горя отворачиваются. Подают больше тем, на ком задерживается взгляд. Они это знают. Как и всякий образ, этот тоже обращен к зрителю. Но если образа в храмах отбрасывают свой теплый отблеск даже на тех, кто проходит рядом без всякого интереса, то и здесь изображения нищеты тоже входят во взаимодействие с мимотекущими людскими потоками. Благополучные лица парижского метро словно отмечены какой-то защитной сухостью, оторжением чужой беды. Ведь подают мало, хотя не знаю, сколько за день у них набирается. Выйдешь на улицу, посмотришь на лица в автомобилях, странно, они будто мягче, пооткрыше. Они свободны от чужой беды.

01.06.2019. РАЗГОВОР С ЛУЧОМ

Перед отъездом из Рима, захожу к друзьям, бывшим москвичам, римским экскурсоводам. Более, чем скромная, съемная квартира, словно слепок московского былого жилья. Тот же набор книг, который мы все читали, а если не успели прочесть, то держали в руках, если и не все держали, то дышали ими и непрочитанными, потому что они соткали воздух вокруг нас. Тот же набор разговоров, что и в былье московские годы. Через час с вокзала Термини, до которого меньше 10 минут ходьбы, вечерним поездом уезжаю в Брешию. А за оставшийся час перед дорогой хорошо выпить чаю, а то и вина, поговорить о кризисе нашей Архиепископии, о журнале, как будто закрывшемся, но еще имеющем надежду выжить, вспомнить общих знакомых. Как во время оно. Поговорить.

Сижу перед раскрытым окном и не могу взгляда отвести от стены напротив. Она вся как бы греется под

каким-то особенно мягким, добрым, приветливым к тебе светом. «Пришедшe на запад солнца, видевше свет вечерний...» – всплывают слова. Вглядываюсь в этот свет, вслушиваюсь в него и сознаю, что он непременно что-то хочет мне передать. Отсеченность, обреченность, покой. И наш московский разговор, особого значения не имеющий, тоже как бы теплится под этим лучом.

По контрасту, видимо, он пробуждает память о жизни, текущей где-то на том берегу. Там, где возник этот осколок, начался тот разговор, сгустился воздух, занесенный сюда. Там торжественно служат в соборах, гибридно воюют, всеместно воруют, жиরуют, бедствуют, празднуют славу-победу, бьют ногами, даже пытают похожих на нас с собеседником. Какими мы были, какими нас нет. И видно, уже не будет.

03.06.2019. ДЕЛА ДНЯ

Вчерашнее Евангелие от Иоанна: «Мне должно делать дела Пославшего Меня доколе есть день...» Отец послал Меня, чтобы наполнить этот день, малый фрагмент сотворенного Им времени, делами Его на земле. Потом придет ночь, где не будет времени, не будет дел. Пробегал глазами эту строку, которая казалась понятной и все же отчасти недоуменной: Христос пришел возвестить День Немеркнувший («Воскресения день...»), который придет за ночью а тут упор переносится на дела, которые следует делать здесь и сейчас. Они должны быть зrimы. Иисус отверзает очи слепцу, чтобы он увидел то, что раньше было доступно ему лишь наощупь, на слух. Мир Христов даруется исцеленному видимым и освященным всем, что день содержит в себе:

вот колодец, где можно напиться и скот напоить, вот виноградник, где надо подрезать лозу, вот женщина, которую Бог пошлет тебе в жены, вот храм, в котором надо молиться. И о нем сказано: «Мое имя будет там», и «Я Тот, Кто говорит с тобою...».

09.06.2019. ФИЛОСОФИЯ РАДОСТИ

«Радость ваша да будет совершенна». Меня не покидает интуиция, что здесь «смысл философии всей». Что в радости суть познания Бога. Не усилия разума, который всегда что-то рассекает и отсекает, но цветение жизни перед лицом невидимого Отца, узнаваемом в Его Слове, спрятанном, но подающем весть о Себе в каждом видимом творении. Радость неба на земле, которая усваивается нами так редко и робко, потому что строгие церковные люди готовы назвать ее прелестью – это и есть почва, на которой когда-то выросла Церковь. Из радости ожидания встречи отточились потом догматы, поднялись стены, сложились обряды. Но все это – лишь человеческое усилие, это ликующее знание предельно точно передать, сохранить, оградить, продлить, рассказать о нем Богу и самим себе.

15.06.2019. УТРО

Случайный прохожий, заметивший сегодня около 7 утра странную фигуру пожилого, прилично одетого господина, перелезающего через забор дома, едва ли угадал бы в нем религиозного писателя и православного священника, торопящегося на автобус, чтобы попасть в храм за 60 км и служить там Троицкую родительскую субботу, потому что дочка, у которой он накануне ночевал после концерта в Сало (ударение на о) с участием

семилетней внучки Кристины, забыла сообщить ему код от ворот на выход, а ему не хотелось будить ни ее, ни жену. И все же это был именно он.

17.06.2019. МОЛИТВА О СЛОВАХ

Троица. «Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой» (Ин 7:38). На память неожиданно приходит изумительная «Молитва о словах» С. Аверинцева. «Боже, слова отбегают от утлого жилья человека...» Не все наши слова помещаются в жилищах разума, не все соразмерны тому, что за ними стоит. Они сгибаются под глыбами своих смыслов, устают, выгорают. Кто способен породниться с тем, что живет в именах «Отец», «Сын», «Дух Святой»? Произнести их – нет ничего проще, принять их в дар, как причастие, труднее всего. «Мы молимся Тебе, Слово, от начала бывшее у Бога, выговаривающее без речи молчания Его глубины...» Может быть, та живая вода Иисуса течет и «выговаривается» сначала без речи?

20.06.2019. ОТЕЦ ГЕОРГИЙ ЧИСТЯКОВ.

ПРИНОШЕНИЕ ПАМЯТИ

Чем дальше мы удаляемся от дня и года кончины о. Георгия Чистякова, тем более светлеет его облик, тем ближе становится его присутствие. Но при жизни я знал его совсем неблизко: две-три встречи в Италии, две-три в Москве, это, собственно, все. Но вспоминаю его все чаще, и вспоминая, всегда удивляюсь. Удивляюсь тому главному, что было и по сей день остается в нем, его образу, исповедничеству, тонусу его веры, его неповторимому свидетельству о Христе.

Этот образ – как определить его? Назову его абсолютной вовлеченностью глубинного существования, когда от избытка сердца глаголят уста. Кажется, со временем его рукоположения, далеко не раннего, на сороковом году жизни, до столь ранней смерти через неполных 15 лет, его уста никогда не закрывались. Они стали устами той «воды живой», о которой говорится в Евангелии, читаемом на Троицу. «Живой водой» о. Георгия была сама его жизнь, жизнь как исповедание. Как в буквальном, так и расширительном смысле, т.е. прежде всего в духовничестве, таинстве покаяния несчитанных его «духовных чад», хотя я стараюсь не пользоваться этой формулой, в служениях, проповедях, книгах, статьях, конференциях, толкованиях Св. Писания, но также столь же несчитанных актах милосердия... Обо всем этом я не стану рассказывать, друзья и собратья, присутствующие на вечере, расскажут о том лучше меня. Сейчас, читая две его только что вышедшие книги, которых я прежде не читал, я задумываюсь о его облике, сопоставляя его с тем, что сохранила память.

В его текстах, прежде всего, чувствуется жар слова, который прямо струится от его строк, та исповедь горячего сердца, по слову Достоевского, интонация которой сближает его с проповедями митрополита Антония Блума. И у вл. Антония, и у о. Георгия поражает эта всецелая открытость сердца, вложенного в слово, предельная личная, иногда романтическая пережитость того, что им произносились и исповедовалось; ни там, ни здесь вы не найдете ни одного чужого, проходного, затертого слова. В этом, кстати, ловушка, которая каждый день стоит на пути священнического труда; так

легко, соблазнительно соскользнуть на дорожку должных, привычных слов, за которыми стоит тысячелетняя традиция, но нет тебя, что-то чувствующего и мыслящего сегодня.

Горячее сердце о. Георгия – это и сердце разумеющее, не только мудрое, но и весьма ученое сердце, сыплющее искрами разноцветных, разнопородных, часто самых неожиданных знаний и ассоциаций – это сближает его со стилем Сергея Аверинцева. Но при всем буйном цветении эрудиции, иной раз даже избыточной для выражения его мысли, всякий раз, когда он упоминает какого-то древнего или нового цитируемого автора, он как-то приобщает его ко Христу, даже если тот никогда не покидал «двора язычников»; так у нас в Италии называют далеких от христианства писателей, невольно делающихся его свидетелями. А еще в нем чувствуется жертвенная нетерпимость ко злу, неправде и фальши, столь свойственная русской интеллигенции, как и Льву Толстому, которого о. Георгий по все той же горячности бесстрашно объявил более православным, чем его современники.

У многих ли эрудитов можем мы найти талант сострадания? Не думайте, что это просто болтливая чувствительность со слезами в очах; нет, это именно талант войти в боль другого и принять ее в себя, талант, Господом данный, и о. Георгий был одарен им в высшей степени. В отличие от о. Александра Меня, на которого, как на своего великого учителя, он постоянно ссылается, родившегося, на мой взгляд, уже зрелым мужем, возраста Христова, о. Георгий, по-своему не менее значительный – на расстоянии это становится ясно – остается «вечным юношем», подобным в чем-то

Кьеркегору, но юношей далеко не кабинетным, не архивным, а брошенным в самую муку, радость, глубину, ликование жизни. Не только своей жизни, но и сотен людей которые его окружали, и тысяч, которые читали его.

За каждой литургией поминаю его с чувством причастности и общения.

02.07.2019. ТВОРЕНИЕ, ДИАЛОГ, ВЗГЛЯД

Всякий раз, когда телевидение доносит образы лесных пожаров, меня охватывает неясное, но острое чувство сострадания к этому созданию Божию, которое «стенает и мучится доныне» (Рим 8:22). Мучится прямо здесь, перед глазами. Оно кажется единым живым существом, которое треском веток, скрюченными телами, сопротивляясь до последнего, бросает отчаянный зов о помощи нам, всем «у кого есть уши, чтобы слышать, а не слышат» (Иез 2:2).

Экологический кризис, однако, достиг того уровня, когда не деревья только, но и мы сами начинаем звать о помощи, хотя и не умеем расслышать голоса тех, кто рядом с нами рождается и умирает без слова. Всякая тварь обладает своим языком, данным ей изначально, и каждая гора, озеро, облако, травинка, бабочка, жук или камень на свой лад вступает в общение с нами. Каждое существо ищет как-то возвестить о себе, обозначить себя для нас очертанием тела, запахом, действием. Конечно, его язык или способ выражения не всегда ласков и нам по вкусу; иногда он бывает и угрожающим, но мы должны услышать всех. В подаваемых ими сигналах, воспоминание о творении в Эдеме, откуда люди еще не были изгнаны. Когда мы оставляем их умирать,

мы стираем какую-то частицу нашей памяти. Мир без сумрачного леса (“selva oscura”) Данте или звука «дикой» воды – мир забвения.

У творения есть дар или свойство, нами забытое: служить диалогом между Словом и Бытием. «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью» (Быт 1:3-5). Каждая тварь отныне связана с произнесенным именем, со звуком, со знаком; имя – заключает в себе связь между Словом所说的 и явлением, тем, что вызвано Им к бытию. Бог, однако, не пожелал разговаривать лишь с Собой, Он дал человеку задание именовать сотворенные Им вещи. Это был жест доверия – нести слово Отца всем Его чадам, донести Его весть наречением имен человеческими устами.

«И нарек человек имена всем скотам...» (Быт 2:20). Мир, в котором мы живем, родился в раю, начавшись от обмена именами; одно то, которое дает человек, другое, скрытое, принесенное Словом Божиим, заложенным в тварях. Услышим это Слово, угадаем его, уйдут и кризисы... Но мы заглушаем Божью речь нашей, собственной. Современная техника – далеко не только электроника, машина, металл, это по большей части способ вести диалог с творением, из которого исключен Творец. Это прямая реализация обещанного: «Будете как боги».

Собирательный человек человечества создает свое тесное, им изобретаемое и обустраиваемое гетто во вселенной, где господствует только его ratio, его речь, его текст, и при этом исчезает всякий видимый след Слова. Это особенно заметно там, где речь идет о заражении жизни, а сегодня и манипуляциями с ней. До

сих пор человеку принадлежала способность убивать жизнь, а Богу – даровать ее, сегодня мы готовы вторгнуться и в этот дар.

Спасение творения или, скажем скромнее, возвращение к нему, начинается с чистого взгляда. «Если око твое чисто...» «Я смотрю на дерево, я могу воспринять его как зрительный образ, я могу ощутить его как движение: стружение соков по сосудам, которые окружают сердцевину, я могу отнести его к определенному виду деревьев, я могу сделать его бессмертным, лишив жизни, если представлю его в виде числа и стану рассматривать его лишь как численное отношение... Однако по воле и по милости может произойти так, что, когда я гляжу на дерево, меня захватывает отношение с ним...» (Мартин Бубер. «Я и Ты»).

Тот образ, в каком дерево предстает передо мной и смотрит на меня, что-то изменяет во мне. Какие-то зрительные его токи вливаются в мое собственное бытие, остаются и растворяются в нем. Я говорю дереву «ты», и оно входит в круг событий, протекающих в глубине моей жизни. Но если я говорю «ты» моему ближнему, собрату по человеческой семье, отношения с ним овладевают мною куда более явно и настоятельно. Весь текучий и недоступный мне объем его личности образует во мне отпечаток, который густеет во мне, смешиваясь со множеством других отпечатков. Его образ активен, его краски, звуки, сигналы, смыслы предъявляют свои требования ко мне. Чтобы полюбить ближнего, не нужно ли научиться видеть добрым оком братьев наших меньших по творению?

«Кто не любит деревьев, не любит Христа», – сказал один греческий святой.

05.09.2019. 20 ЛЕТ СВЯЩЕНСТВА

Сегодня 20 лет моего облечения во священство. Как сказано в Ставленной грамоте: «благовейного (?) сего диакона первое испытавше опасным испытанием (т.е. после исповеди)... рукоположили в сан пресвитера» – в том самом парижском соборе на рю Дарю, который, в прежней своей ипостаси доживает, наверное, последние дни.

Издали священство притягивает близостью к Богу. Вот кажется, переступишь порог, и ты уже перед Ним, рядом почти. Но та близость отступает. Думаешь, что входишь в само непостижимое, спрятанное в святых, вечных словах, обрядах, символах, многопудовых знаниях, но оно не здесь, а где-то за ними. Мнишь, что оказываешься перед лицом Шехины, Славы Господней, о которой говорит Библия, но замечаешь, что на глазах твоих повязка, и ты не знаешь, как ее снять. Ты по статусу как бы в луче благодатного света, а внутри себя во тьме или в лучшем случае в сером неподвижном рассвете.

Чтобы до этого света дотянуться, надо из себя выйти, что-то важное в себе отдать. В том числе и многое благоприобретенное, освященное. Любовь не ищет своего, как говорит ап. Павел. Любовь есть обнищание, мы же – заложенным в нас инстинктом, который даже не всегда сознаем – ищем накопления, обретения, обладания. Обладания исполненным долгом или обрядом, даже обрядом души, самим знанием. Самой истиной. Собственно, в такой логике любви, отрекающейся от своего, священство, наверное, и состоит. Если попробую жить по ней, может, узнаю.

*13.12.2019. ОТ СВЯТОГО НИКОЛАЯ
К АПОСТОЛУ АНДРЕЮ*

Они поместили свои праздники и свои мощи в тесной близости, так что в скудости нашего земного горизонта можно ощутить и какой-то мягкий оттенок соперничества; меньше недели (13–19) между торжествами того и другого, а между чтимыми останками их тел – не слишком дальнее расстояние от восточного берега Южной Италии до западного, от Адриатического моря до Тирренского. Оба связаны со славянскими землями, один – бесчисленными чудесами, там совершенными, другой – благословением Киеву и всем землям, простирающимся к Северо-Востоку от Иерусалима.

Конечно, Апостол не имеет и сотой части тех пилигримов или туристов, которые ежедневно притекают к Николаю Угоднику. Вчера, милостью Божией и добротой настоятеля русского прихода, впервые сослужил у его мощей, оказавшись случайно-промышленно в Бари с экуменической лекцией (Крещение и Евхаристия в Православной Церкви). Четверг – день, отведенный православным в крипте базилики св. Николая. Помолился ему об исцелении внука. И еще о многом. Пообщался с отцами-доминиканцами, которые меня и пригласили и приютили. В особенности, со старым знакомцем, о. Джерардо Чоффари, должно быть, наибольшим специалистом по николаеведению на нашей планете.

Изумителен старый Бари, начинающийся сразу от площади, на которой стоит базилика. Потрескавшийся светлый, теплый камень узеньких улиц и небольших домиков (жилищ, баров, лавок для туристов), где двери всегда открыты, лишь покрыты белой, подстать

камню, тюлевой занавеской, за которой видна кухня, а часто и вся семья, сидящая за столом под образом Святого. Он здесь повсюду. Это совсем не Бари, отстроенный после войны, город совершенно прозаический, а как бы обжитое людьми продолжение собора, Николаиград. Разве телевизор на кухнях напоминает, что ты не в средневековье. А за спиной базилики – сразу море, а морю, сколько его не видишь, «не дано премелькаться».

Оборачиваясь на юг от предножья Альп, вижу двух этих святых, Николая и Андрея, как братьев, расположившихся друг напротив друга. Вот еще апостол Матфей в Салерно, неподалеку от Амальфи, совсем рядом с Андреем. Спасибо соперникам-латинянам, всем этим морякам, купцам, авантюристам, которые, не зная о будущем появлении Блистательной Порты и турецкого мира, что еще захочет встать с колен, заблаговременно украли у византийцев все.

Праздник ап. Андрея. День памяти о. Александра Шмемана. Возвращаясь с Литургии.

17.12.2019. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ УЖИН

...На 540 человек, организованный несколькими католическими общинами. И еще множеством благотворителей, непонятно откуда взявшихся. Как бы для представителей города. Мы с женой приглашены в качестве православных. Обслуживают юные добровольцы, и среди них есть и банкиры, предприниматели, издатели, вице-мэр (дама) нашего города. Разносят еду, кстати, весьма неплохую. За нашими столом на десять человек, кроме меня и жены, четверо заключенных и их опекуны-воспитатели в женском поле. Отсидев

положенное количество лет, те досиживают теперь в условиях полусвободы: утром покидают тюрьму, вечером должны возвращаться на очлег. Все пожилые, все местные, все итальянцы, и если по нашим понятиям, то воры в законе. Здесь легко быть в законе, работать можно, но совсем не обязательно. Отмечаю, что никакого особого интереса ни к еде, ни к вину, щедро разливаемому, у них нет. Мой сосед и ровесник – прямо копия главного персонажа из «Бандитского Петербурга».

Разговорились. Там, за стенами, проблем с едой нет, с насилием есть, но не слишком, ведь все хотят получить досрочное освобождение, хотя бы полусвободу, а хорошее поведение реально засчитывается. Что самое трудное? А вот не делать ничего. 24 часа в сутки. И еще теснота. Его последняя жена-украинка, дочка восьми лет, сам он издает тюремный журнал, пишет статьи.

Года три назад познакомился с директрисой местной тюрьмы, где однажды выступал. Средних лет хрупкая женщина. «Так ты православный? А я из Бари, бывала в вашей церкви». Тогда заключенные подарили мне деревянную подставку для книг, держу ее с тех пор на престоле.

Все никак не могу понять, вот эта атмосфера случайной, мгновенной, как бы запанибратской, но без вульгарности, дружественности, со вспыхивающей взаимной симпатией, потом, конечно, быстро тающей – это нечто условное, ни копейки не стоящее или та золотая монетка, которую Господь невзначай уронил в наш аппенинский сапожок?

*30.12.2019. НА ИСХОДЕ ДНЯ, ГОДА,
ДЕСЯТИЛЕТИЯ, ЖИЗНИ*

Размышляю.

Опустите руку в карман, любезный читатель. Или откройте сумочку, если Господь решил сделать вас женщиной. Вы найдете предмет, без которого не можете прожить ни дня, а то и получаса. Чего только не сосредоточено в этой штуке размером в несколько сантиметров в длину, чуть меньше в ширину, устройство которой вам едва ли понятно. Помимо телефонов известных вам людей, там еще сотни лиц неизвестных, тех, кого наш новояз заставил называть френдами. Здесь разложены все товары, лежат ключи от всех главных гостиниц мира, собраны почти все фильмы и книги, представлены главные новости, предложены карты городов и схемы маршрутов, приглашения в страны, в которых едва ли побываете... Здесь собраны сокровища главных музеев, изображены спортивные состязания, сцены всех пороков и преступлений, хранятся вещи, о коих вы и не помышляете...

Нет, вовсе не перед электронным таинством у себя в кармане следует остановиться в изумлении (хотя и оно изумления достойно), а перед самим собой. Кто мы, открывшие потайную дверь в нескончаемое? Жили, строили, стреляли, изобретали, как вдруг «река времен в своем теченье», вынесла нас к берегу вселенной, размеры которого не охватывает воображение. За каждым именем десятки или тысячи других, за любым из них – другие сотни, всюду – за далью даль. Мы заходим по щиколотку в этот океан и кличем золотую рыбку, и она тут как тут. «Чего тебе надобно, старче?» Корыта не попросим, сразу начнем с конца: чтобы жить нам в

океане-море и была бы ты у нас, рыбка, на посылках. По тому океану чтобы стрелкой носилась она по нашему приказу. Мы, как правило, просим рыбку о самом невинном: отправить смс, узнать расписание поездов, справиться о погоде, посмотреть кино, вызвать такси, полицию, водопроводчика... Это лишь первые робкие шаги, потом попросим много большего. И останавливаемся перед открывшимися возможностями как Эдип перед Сфинксом. Сфинкс знает нашу судьбу, а мы нет. Знает о том, что однажды мы войдем в его королевство и забудем дорогу обратно. Что зеркала и отражения перестанем отличать от обжитого нами дома и от самих себя.

«Но где мой дом и где рассудок мой?» (А. Ахматова).

Здесь речь не идет об угрозе техники. Угроза есть, куда денешься? Но вздыхаем ли мы о ней или в бубен бьем, бунтом идем, остановить ее все равно не можем. Не устану вспоминать фразу Хайдеггера в одном из последних его интервью: «Однажды человек окажется во власти собственных своих изделий». А как он там окажется? Только ли умножая технические средства познания тварного мира? Не только. Технические средства все же можно контролировать. Но по каждой из коммуникаций, которые пролагает знание, пробегает наша личность и оставляет след. Есть в человеке такая страсть, которая чаще всего ускользает от контроля: максимально умножать и расширять свои отражения, способы или виды присутствия в мире. Страсть превращать доступную нам мысленно вселенную в продолжение своего «я». Страсть к бесконечному его расширению. Орудие этой страсти у вас в руках. Оно еще пока не столь совершенно, но мы еще в самом начале.

Впереди еще огромные возможности по производству собственных двойников. Тот мир, куда мы пока едва решаемся заходить, готов расступиться перед нами.

«Что толку, если человек приобретет весь мир, а душа своей повредит?» Мы приобретаем мир в познании, в информации, проекциях, в умножающихся зеркалах, отражающих наши помыслы, фантазии, расчеты, желания. «The world is your oyster» («мир – ваша устрица»), говорит английская пословица, сулящая жизненный успех. Успех, можно считать, обеспечен. Но душа, проглотившая мир, сама легко становится ее добычей. Доступной и скользкой как устрица.

2020

09.03.2020. КАРАНТИН

Декрет, посадивший всю Ломбардию в карантин, вышел в 2 часа ночи с субботы на воскресенье. Утром все, кто могли, шумно толпой бросились на вокзал, чтобы уехать на юг к родственникам. Поезда работали как ни в чем ни бывало. Закрывалось все, что могло быть закрыто. Храмы, однако, стояли открытыми, но служить в них было запрещено под страхом наказания. До трехмесячного заключения под стражу.

Мы с напарником моим служили тайно. Пришло 6 человек, остальные, впрочем, были предупреждены, что службы не будет. Все же как никак Торжество Православия. Во время сего Торжества суетная мысль посетила меня: а что предписывает наш устав на случай вторжения враждебных сил? Если врываются красные большевики или зеленые исламисты, стреляют тебе в спину, устав предписывает упасть, не пролив чашу, и

уж потом направиться туда, где «несть печаль, ни воздыхание», не задерживаясь для проверки по дороге. Но если вежливая итальянская полиция, явившись, потребует немедленно прекратить службу? Не прекратишь, прекратит она, выполняя приказ. Но не явилась.

Зато вечером, когда мы с сыном, заехали в ближайший ресторан, чтобы заказать там постную пиццу и выпить положенную красовулю вина (торжество все же), полиция была тут как тут. Прямо рядом. Непривольная советская мысль: уж не за нами ли? Нет, она должна была проверить, закрыты ли все бары и рестораны. Симпатичная полицейская девушка лет 30, узнав о нашей проблеме, тотчас прониклась сочувствием и минут пять обстоятельно, со вкусом объясняла, где, в каких конкретно местах можно заказать пиццу на вынос, это разрешено, и что бы она нам порекомендовала. Сын, в котором вдруг взыграл закон и порядок, возмущался: зачем она тратит свое оплачиваемое полицейское время на постороннюю болтовню? Италия есть Италия. И при строгом карантине.

10.03.2020. КРАСНАЯ ЗОНА

Со вчерашнего вечера вся Италия в красной зоне. Но на Севере, конкретно же в Ломбардии, зараженных вирусом в 10 раз больше, чем где-либо еще. Возникает ощущение солдата провинившегося полка, приговоренного к децимации. Но «надежда не постыжает», говорит ап. Павел.

15.03.2020. КАРАНТИН (продолжение)

Не стал бы писать о себе, но спрашивают. Разделяю судьбу не Италии даже, но Ломбардии, эпицентра

заражений. По Италии же всего ок. 22 тысяч инфицированных. Вчера умерло 175 человек, выздоровело 527, заразилось 2795. Когда не хватает мест в моргах, гробы складывают в храмах, где теперь не служат. С умирающими нельзя прощаться, они уходят в одиночестве. Хоронят ускоренным способом. Выходить из дома можно только с оправдательным документом, который сам себе выдаешь: куда иду и зачем, полиция проверяет.

Улицы пусты. Однако вирус мог заскочить в наши тела и много раньше, сидим в затворах, ждем, проявится он или нет. Кто молится, кто поет. Хорошо поет, с балкона и всем двором, солидарно, соборно. В Турине позавчера на рынок (который сейчас, понятно, закрыт) пришли оперные певцы и спели несколько арий из «Травиаты». Народ подхватил. *Buongiorno, Italia, che non si spaventa* (Здравствуй, Италия, которая не пугается), поется в популярной песне. Нет, она не пугается.

Пастырская работа продолжается по интернету, который, естественно, перегружен. Сегодня утром причащал одного прихожанина, он не может пропустить воскресенье без причастия и приезжал ко мне. Ему, инвалиду, трудно подыматься по ступенькам, но водить машину совсем нетрудно, исповедь и причастие проходили в его автомобиле. Это был далеко не самый «неканонический» способ причастия в моей практике. Лет семь назад меня позвали в больницу к одному мальчику с Украины, умиравшего от лейкемии, лет восемь ему было. Там меня заставили снять совершенно всю одежду, одеть какие-то балахоны, а лжицу просовывать через двойную полимерную сетку. Помню, как трудно было ему, бедняге, к ней приблизиться, но

иначе было не дотянуться. Вскоре он умер. Родители, чтобы привезти больного ребенка сюда, долго добиваются разрешения и бесплатного лечения, а потом оказывается слишком поздно.

Выглянуло солнце, осветив лес на горе Маддалене. И с ним вместе, как всегда, обещание жизни. Может быть, уже не этой, не здесь.

Вторая неделя Великого поста,

22.03.2020. СВЯЩЕННИК ВНЕ АЛТАРЯ

Пушкинское «молча стою как поденщик ненужный» невольно примеряешь к себе. Ненужный поденщик – священник, который не служит литургию, стоит поодаль. Это католический наш собрат может и миссией заниматься, и молодежный лагерь тянуть, и массу нужных вещей переделывать, а православный должен служить. Вот просто стоять у престола. Уже не раз замечал: неслужащий священик начинает распадаться.

За двумя исключениями из-за операций в прошлом году, и, кажется трех-четырех из-за отпусков, других воскресений без Евхаристии за 20 лет у меня не было. Ныне же у нас в стране, тем более в городе, служить в храме или не служить – не вопрос твоего выбора или смелого вызова; запрещено не то, что служить, но и на улице показываться. По городу разъежает полиция, за ней армия, а в небе бродит вертолет, высматривая нарушителей. Сначала думал: больных забирает, нет, крулит без цели, наблюдает, что внизу.

«Поденщик ненужный». Ты выпадаешь из радостного ритма отклика, подготовки, включенности, необходимости, соответствия ожиданиям. Надо быть в форме, во время помолиться, найти тропари, что-то приготовить.

Например, проповедь на тему воскресного Евангелия. Тем более Евангелия Крестопоклонной недели. Ты произносил ее двадцать раз, стараясь заново, не повторяясь, погружаться в тайну Распятия на максимально доступную тебе глубину. Как бы задерживать в ней дыхание, чтобы затем вынырнуть с обновленными, учительными словами. И теперь чувствуешь, что люди ждут от тебя какого-то учительного известия, вписанного в положенный литургический ритм, а у тебя его нет. И как бы его не нужно.

Вчера в Италии скончалось 793 человека. Больше половины у нас, на севере, в Ломбардии. А в Ломбардии самые гибкие места – Бергамо и Брешия. «А в наши дни и воздух пахнет смертью. Открыть окно, что жили отворить» (Пастернак). К такому запаху быстро привыкаешь. Совершенно бессмысленно и неполезно чего-то бояться, даже требовать от Бога особой для себя защиты; как будет, так будет. Почему-то сейчас, в крестопоклонное время, Божье присутствие скорее – в молчании. И учительное известие – в тишине. Это не то, что людям, самому себе не объяснишь: сегодня твое слово – это отсутствие слова. Когда ныряешь в тайну и не выныриваешь сколько можешь.

26.03.2020. СОВРЕМЕННАЯ СМЕРТЬ

Парадокс смерти эпохи постмодерна в том, что технический прогресс обгоняет и преодолевает человека. Это выявил вирус, напавший из-за угла, внезапно, никого не щадя. Явился он не от бедности, не от беженства, а скорее от кипения экономики, от плотности деловых связей, от интенсивности снования взад-вперед по планете, преизбытка передвижений и

бизнес-рукопожатий. Пришел, прыгнул сверху на тех, кто на здоровье не жаловался и умирать не собирался. Вспоминаю библейского Иова, он тоже ни на что не жаловался, но пришел Противоречащий и в одночасье отнял все, чем Иов гордился: наследников, дом, поместья, гараж, бассейн, хорошую должность и счет в банке. Наконец само тело в его физической уверенности в себе, силе, опрятности.

Сегодняшняя медицина там, где она есть, совершенно не намерена дать вам умереть от хвори. Она, отдадим ей должное, с огромными усилиями, человеческими, техническими, финансовыми, будет делать все, чтобы не заглох мотор жизни, который заложен в ваше тело. Чтобы легкие могли набирать воздух, сердце не прекращало своего труда и качали почки. Но с благодарностью отдавая себя в ее руки, мы не можем не ощутить, что наше существование здесь сведено теперь лишь к работе изнемогающих клеток. Вездесущий вирус довел эту редукцию до предела: вокруг снует, сбиваясь с ног, медперсонал, делая все, чтобы удержать нас в этой клеточной жизни, за пределом которой, разумеется само собой, нет ничего. Все, что за пределом, четко отсечено от ее медицинских действий.

Но вот за ними вы вдруг находите то самое отсеченное – самого себя. Тело, уходя, открывает в себе личность, до которой раньше было недосуг, душу, сведенную к самому существенному, к стону, крику, тревоге, надежде, к тому соприкосновению с вечным, которое не должно прерваться. Но сказать вам об этом некому, слово уже вам не принадлежит. Болезнь, которая растеклась по миру от густоты общения, лишила вас общения. Белые или зеленые халаты, маски, капельницы, беготня

от одной койки к другой... И как последнее, чуть унизительное испытание, судно, подкладываемое под тело, уже не способное справляться со своими нуждами.

Когда Иов сидел на своем гноище и чистил черепками кожу от проказы, пришли друзья, помолчали, потом стали утешать. Не столько даже утешать, сколько наставлять духовно. Они лучше, чем он, знали причину его бед. Они понимали, что Иов наказан не просто так. Их голосами, казалось, говорила сама мудрость. Перечитайте хотя бы речи Вилдада или Софара. Ты, Иов, согрешил и должен понять в чем именно, Богу не перечить и принести покаяние. Все ведь правильно говорят. Они как бы владеют сокровенным знанием Божиим, знают точно, за что свалилась на Иова кара. Но Иов добивается от Бога знания своего, не чужого, не общего, и потому упорствует в своем неразумном вопле. Он хочет встретить Бога лицом к лицу, услышать Его голос, а не богословие друзей. И Господь ему отвечает.

В отличие от нынешних умирающих, Иов мог спорить с друзьями. Сейчас умирающих всей наличной техникой лечат, с ними не разговаривают. И лечат, в общем, хорошо, много лучше, чем лечили в прошлом. Однако стенание больных, их разговор с Богом чем-то схож с воплем Иова. Их голос заперт внутри себя. Некому услышать то, что они могли бы сказать напоследок. Масса людей вокруг, но у них другие, насущные, технические заботы. И вот этот вопль в глухой тишине, это одиночество на пороге другого бытия, порой вызывает к жизни какое-то последнее исповедание. Так часто оно говорит словами Псалма (21), которые произнес Христос на кресте: «Боже Мой! Боже Мой! почему Ты меня оставил?» Бог, даже не исповеданный, сокрытый,

Бог «губ шевелящихся», слышит и принимает твою исповедь. Если захочешь ее донести.

Нет, конечно, умирание само по себе не есть ни оправдание, ни спасение. Но может им стать. Особен-но, если пережить его заранее, когда мы крепки, свободны и не замкнуты в себе.

27.03.2020. МОЛИТВА ПАПЫ ФРАНЦИСКА

Сегодняшняя молитва об избавлении от пандемии папы Франциска на площади св. Петра. Площадь была пуста, охраняема полицией, но за ней виднелись немногочисленные паломники. По площади гулял дождь, хлеща людей поодаль, камни, крыши, но Папа стоял под навесом. После чтения отрывка из Евангелия от Марка (4:35-41) об Иисусе, спасшем учеников от бури, находясь с ними в лодке, он произнес молитву, скорее медитацию, о том, что все мы в одной лодке, которую сейчас топит буря.

Помолился об умерших (по статистике их в Италии за вчерашний день 969), об умирающих, о всех, кто служит им и нам. Потом, прихрамывая, не без труда, явно с запущенным артритом, направился к образу Богородицы Salus populi Romani, древнейшей византийской иконе, приписываемой евангелисту Луке и почитаемой Покровительницей Рима, стоявшей перед входом в собор. Какое-то время он молился перед ней в безмолвии. Этот образ, хранящийся в базилике Санта Мария Маджоре, по преданию, спас Рим от чумы в 1522 году.

Затем Франциск вернулся к собору св. Петра, вошел в притвор, где перед импровизированным алтарем со Святыми Дарами, выставленными для adorации,

произнес другую молитву и даровал – в согласии с правилами Римской Церкви – отпущение грехов больным и тем, кто в этом нуждается. Т.е. всем, кто пожелает его индульгенцию принять. Но убедительней слов был, казалось, сам образ: фигуры старца Первосвященника в белом, пустом притворе среди массивных колонн Святого Петра, и лазурной глубины за его спиной, постепенно густеющей, переходящей в плотную синеву. Синева теперь казалась фоном небесной иконы Материнского заступничества.

РУКОПОЛОЖЕНИЕ

Второй раз, через 10 лет ровно. 5 сентября 1999 года, я был рукоположен во иерея архипископом Сергием Коноваловым в соборе Александра Невского в Париже. После литургии мы вернулись с Наташей и Павлом в этот уже тонувший, но еще дышавший, ставший родным Медон (Денег на гостиницы у меня, понятно, никогда не было). Вошли под арку, со знаменитой надписью Potager du Dauphin, т.е. огород наследника, парк, разбитый еще в 1681 году при Короле-Солнце. И войдя, тотчас увидели ждавшего нас о. Рене. Подойдя ко мне, сложив по-православному руки, широченно улыбаясь, он произнес: «Благословите, батюшка!» Я подумал: это шутка такая? Кто из нас батюшка? Нет, всерьез. Единственное, что я знал твердо, что делается это правой рукой. И благословил.

Впервые в жизни.

07.04.2020. БЛАГОВЕЩЕНИЕ

Уже несколько воскресений не могу служить в храме. Не могу даже войти в него. А на дворе Благовещение, «на волю птичку выпускаю...» Но где эта воля наша в четырех стенах?

«Спасения нашего главизна, и еже от века таинства явление» – гласит тропарь праздника. Таинство – в посещении Марии, в извещении Ее Ангелом. «Спасения главизна» начинается с диалога между ним и «Благословенной в женах». Он приносит Благую Весть, т.е. Евангелие. Евангелие – отныне и книга и событие. Сегодняшний праздник делает нас причастными тому и другому, Событию как Слову, которое зачинается в человеческой семье. И мы входим в это Слово-Событие, через тот, случившийся однажды и ставший вечным разговор Гавриила с Марией.

Эхо того разговора проносится по всему Священному Писанию, от начала и до конца. Святые Отцы, размышляя о Богородице, видели в Ней новую Еву, родившую Спасителя, победившего грех, внесенный в мир Евой первой, созерцали Ее в виде неопалимой купины, и олицетворения Премудрости, Художницы творения (Притчи 8:30), и в образе души, обращенной к Богу. Благовещение бросает свой свет на неизведанные глубины Библии. Мария – Живоносный Источник, как называется одна из ее икон, источник – не только чудес и исцелений, но и неожиданно являемых смыслов. Она рождает Слово, которое становится для нас обращением, постижением, по мере сил – жизнью.

Благовещенье, разговор и праздник, есть и архетип нашей веры. Почему мы становимся верующими и не устаем ими быть? Потому что получили и сейчас получаем от Бога известие о том, что Он есть, что Он рядом с нами, что Его лицо есть лик любви. Конечно, слух наш чаще всего настроен совсем на другое, наши уши заложены, лучше сказать, контужены тысячами шумов, исходящих извне и изнутри. Голос Божий редко

говорит из громов и молний, он, если и просачивается в нас, то с усилием.

По Божьей воле, внедренной в случайные как бы обстоятельства, мы должны будем теперь праздновать этот и грядущие праздники в нерукотворных храмах. Наедине с «сокровенным сердца человеком», как говорит ап. Петр. Беседуя с ним, прислушиваясь, делясь извещениями. У него всегда есть, что нам сказать. Лишившись церковных стен и даров, мы можем поискать их в том, где-то запрятанном, затурканном в нас человеке. Событие «извещения» Божия – внутри нас самих. И каждый может праздновать его по-новому и по-своему.

Ангел говорил однажды с Той, Кто обрела благодать у Бога, но не говорил ли он когда-то и с нами грешными? Вспомним, задумаемся, нырнем поглубже в сундуки памяти. Не обещал ли нам, что и наша душа может зачать Слово Божие? Возможно, и обещал, только мы не слышали его голос, не всегда его слушали, забыли, затерли, смешали с другими песнями и шепотами. И вот свалился на нас карантин и сказал по-своему, по-хорошему: а ты вспомни, прислушайся.

Так что крепись, птичка-душа, не бейся понапрасну о прутья клетки. Или, побившись немного, затихни и отдохни. Глядишь, еще потрешься о прутья клювиком, удивишься потом и порадуешься тишине. А там и поблагодаришь.

08.04.2020. ВЕСНА В КАРАНТИНЕ

Весне карантин не указ, вырвавшись из положенных ей сроков, она, из полузимы еще дня три назад, разбежавшись, бухнула сразу в лето. С настоящей жарой,

беспокойными птицами, с дорогой, манящей вдаль. Стоят деревья, неожиданно живые, неправдоподобно зеленые, недоступные. Теперь близко не подойдешь, не погладишь.

Гуляю, чтоб размяться, вокруг дома, встречаю двух персон в масках, которые при каждом круге шаражаются метра на четыре. У меня вместо маски шарфик, да и тот не держится. Думаю про весну. Всякий раз сравниваю здешнюю, ломбардийскую с тамошней, московской.

Там еще, может быть, снег лежит, по крайней мере, за городом. Здесь он уже позавчера как расстыпал на самой дальней холодной горе. У нас весна по-итальянски открыта и проста. Она приходит незамысловато, вместе с хорошей погодой. «Клейкие зеленые листочки» – сегодня еще малые, клейкие, а завтра, глядишь, уже широкие,полноправные листья. Не успеваешь и в любви признаться, как Иван Карамазов. И не заметишь чуда.

А вот в Москве она умела всегда задержаться. Сначала так ударит ледяным хвостом в конце марта, словно хочет сказать: не ждите, не надейтесь, здесь у нас зима навсегда. А потом это «навсегда» вдруг начинает отползать. Еще снег на улицах, но под ним ручьи, в мои времена его не так расторопно убирали, и вот тающий снег, сдаваясь теплу, вдруг выдает тебе какой-то свой юный секрет. Это не передашь, как будто некий клик-щелчок, никаким аппаратом не уловимый, раздается в внешнем воздухе. И по ту сторону воздуха, словно открывается чья-то шкатулка с обещаниями. И в детстве так было и далеко потом. Здесь каждый год прислушиваюсь к этому переходу, но клика не слышу.

11.04.2020. ЯЗЫК ПРОСТРАНСТВА

Дом обладает своим, четко описываемым и понятным смыслом, когда есть еще и не-дом. И в этот не-дом можно пойти, а в дом вернуться. В Лазареву Субботу я всегда ездил с сыном или с викарием моим или с помощником в аббатство Магуццано, и на следующий день в воскресенье, храм был полон оливковых веток. Оливковый сад за 25 километров ощущался почти как продолжение дома. Ныне он – дальнее зарубежье, куда не добудешь визу. Как, впрочем, и в храм, что в одном километре. В это ближнее зарубежье тоже не попадешь, полиция схватит тебя по дороге. Так начинаешь понимать «язык пространства, сжатого до точки». Это язык домашних стен, неожиданно сужающихся до грудной клетки.

12.04.2020. ПЕРВАЯ ПАСХА

Позднегрущевские годы. Навсегда запомнил эту дату: 12 апреля, прохладно было, по-весеннему. Пишущему на тот день было лет 18. Юноша посторонний, совсем не крещеный, разве что любопытствующий, решил со стороны посмотреть: что там за диковинное действие спрятано в слове «Пасха». Событие это происходило в центре Москвы, неподалеку от того места, где стоит сейчас храм Христа Спасителя, у церкви Ильи Обыденного. К полночи толпа вокруг нее стала довольно густой, с одной стороны, старушечьей со свечками, с другой – молодежной в кепках и куртках модных и недешевых. Около 12, из церковных недр как-то тихо запело, что-то никогда не слышанное, далекое, но сразу вдруг чудное и родное. «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесех...».

Затем с тем же пением, довольно чинно, бесстрашно народ стал выходить на улицу в весеннюю тьму. Бесстрашно потому, что вокруг выстроилось войско для нападения, находясь как бы уже в ожидании. Та часть толпы, которая была молодежной, в этот момент неистово, как по команде засвистела. Мало что засвистела, можно сказать, заревела, и ревела на протяжении всего крестного хода, обошедшего храм три раза со своим «Воскресение Твое...» все нараставшим и как бы спорящим с уличным свистом: чья возьмет? Потом в соревнование вступил священик, произносивший речитативом перед закрытыми дверьми храма стихири пасхальной заутрени «Да воскреснет Бог и расточатся врази его...» и народ с его единодушным, многоголосным тропарем: «Христос воскресе из мертвых...» Но свист вскоре потерял свою слаженность, стал хаотичным, но более злобным, более, так сказать, персональным, так что служба, которая шла по своему расписанию, в конце концов, победила. Это был, вероятно, подготовленный заранее десант – по комсомольскому призыву, но собравший еще некий приблудненный, подзаборный контингент, радующийся, что сейчас от души можно делать то, за что в другой раз попадают в милицию.

Вдоволь насыщившись, погуляв, покурив, набросав окурки, заодно тут же и выпив, пообнимавшись, потискавшись, так чтобы все святоши это видели, затем убедившись, что больше ничего особенного не произойдет, да и решив, что веселье лучше бы продолжить вочных сквериках и подворотнях, а мягкая апрельская темнота не создана для добродетели, местные «врази» стали постепенно расточаться. Комсомольское задание было

выполнено, а приблудненный элемент врываться в сам храм в центре Москвы все же не решался.

К часу ночи в храм уже можно было войти. И войти очень хотелось, но что-то мешало. Аверинцев в великом своем стихотворении-псалме писал о слове, «огражденном сторожевою тишиною». Для пишущего эти строки сторожевой оградой стал именно свист и хохот, и окурки, брошенные демонстративно, и вся эта кампания плевков и свистов, спущенная по разнарядке из каких-то райкомов... Именно она, хотя тот наблюдатель отнюдь не был частью “смехливой” толпы, и даже про себя, на возглас «Христос Воскресе!» шептал стыдливым от себя самого скрываемым «Воистине Воскресе!», не пустила его тогда в храм. Потому, наверное, чтобы через десять лет именно в нем он и крестился.

Где вы, дедушки-бабушки-свистуны-гуляки-куряки, одетые в куртки той поры? Как вы сегодня, кто жив из вас, хотели, наверное, и вербочки освятить, а в Великую Субботу куличи да пасхи, в Пасхальную же ночь даже заутреню отстоять, полным голосом «Воистине Воскресе!» воскликая, все, как у людей... Как бы и мы сегодня хотели... Для многих из нас, там стоявших, это, может, последняя Пасха. Но остаемся дома в этом году. Без радости храма. Господь предусмотрел для нас нечто лучшее.

07.05.2020. ПЕРВЫЙ ВЫХОД ИЗ ДОМА

Больше, чем на 100 метров. Первая прогулка на велосипеде. Внезапное чувство легкости и скорости. Первая, после двух месяцев, дорога в храм. Входишь и тебя обдает запахом непогасшего очага, который обычно не замечаешь. Никого, ты один. Как там у митр. Антония?

Я смотрю на Него, Он (может быть, и вправду?) смотрит на меня. Не знаю, смотрит ли, но дает ощущение счастья.

24.05.2020. ПОСЛЕ КАРАНТИНА

Первая литургия в храме после 2 месяцев. Усталость и счастье. Фейсбук подстерег меня беззащитно спящим, как бы уже склонным к умиранию. Прежде, чем успел стереть, уже десяток беспокойств. Всех виртуально обнимаю, прошу стереть, кто переписал к себе.

12.09.2020. БИБЛИЯ

Два года назал в Иерусалиме Илья Гриц – вечная, сердечная ему память! – подарил мне Библию в современном русском переводе издания Заокской духовной академии под редакцией отца и сына Кулаковых (2015). Рекомендовал его как лучший из существующих. Год назад начал ее читать по главам, на днях закончил. От «В начале сотворил Бог...» до благословения в последней строке Апокалипсиса. Неканонические книги, ради полноты, перечитывал в синодальном переводе.

Года четыре назад о. Иннокентий Павлов, посылая мне перевод РБО (2011) – при всей его занятости, на все книжные просьбы он откликался незамедлительно – спрашивал о его литературном качестве. Собрался ответить, но так и не успел. Заокский перевод чуть лучше.

Перевод синодальный, разумеется, обветшал, в тексте Ветхого Завета есть немало прямых ошибок. У Пророков прежде всего. Но есть формулы, которые когда-то проросли в тебя, словно вписались в «жизнь с Богом». «Тогда отверз им ум к уразумению Писаний» – сказано о последей встрече Иисуса с учениками (Лк 23:45).

«Отверз ум» – овеяно таинством познания. Не то что «помог им понять». Или непревзойденное славянское, определение веры, которому в русском его восприятии не перестану удивляться: «Уповаемых извещение, ве-щей обличение невидимых» (Евр 11:1).

Прочесть заново всю Библию – как-никак событие, пусть и растянувшееся надолго.

Писание вызывает тебя на экзамен: что нового сказали тебе Слово Божие? Отверзло ум – на что? Обличило вещи невидимые – какие? Библия – не просто книга, но собрание книг, за каждой из них – сонм толкований духовных, патристических, современных, научных, лингвистических. Любой звук, образ, предмет, там упомянутый, имеет свою земную историю. Но все Писание, как любил повторять святоотеческую максиму Илья, говорит о Христе. И когда ты закрываешь последнюю страницу, оно задает тебе только один вопрос: Каким словом передать эту весть? Как Божий лик отразился в потоке твоего существования? Ответ не может быть ни многословным, ни многознающим. Он должен уложиться в одно твое слово.

Это слово – как имя на белом камне в Апокалипсисе, которого никто не знает, кроме дающего и получающего. Его нужно в себе найти, его услышать, выбрать среди многих других. Но прежде всего осознать, что дается оно не философам, не ученым, не одним святым Отцам, но всякому человеку, входящему в мир. Тебе персонально.

08.11.2020. ВОПРОС О МИФАХ

Все мифы возникают из одного и того же источника и стоят один другого. Механизм их действия всегда одинаков. Тогда в чем же может состоять принципиальное

отличие христианского мифа (шире – христианской мифологии) от любой другой мифологии или идеологии? Такой же точно жестокий рационализм в «верхах» и такая же иррациональная одержимость в «низах», такая же устоявшаяся система ритуальных действий, нарушение которой грозит анафемой. В чем же состоит принципиальное различие?

Принципиальное различие состоит в следующем: марксизм-ленинизм – это человеческое изобретение, которое выдает себя за науку, но на самом деле в качестве лже-религии пародирует собой христианство (как нацизм пародирует собой идею избранного народа в Библии). Христианство – это откровение Бога любви, которое посыпается людям, люди же то и дело хотят превратить его в миф, а миф используют как орудие ненависти. Потому что Откровение беззащитно, как и любовь.

13.11.2020. ПАНДЕМИЯ И СТРАХ

Вчера было ок. 38 тысяч заражений в Италии. Сегодня, наверное, перевалит за 40. И четверть из них у нас, в Ломбардии, самой красной из терпящих бедствие зон. Весной, когда все это начиналось, народ пел на балконах, как бы гуляя на пире во время чумы. Впереди было лето. В ноябре давно привык, не поет.

Странные отношения пандемии со страхом. Пытаюсь его в себе нашупать и не могу. Хотя внучка, которую обнимал 10 дней назад, уже переболела и легко выскользнула из ковида как форелька из сети. Но когда зло хотят причинить тебе люди, и ты знаешь об этом, то здесь не всегда похвалишься бесстрашием.

26.12. 2020. РАЗЛИЧИЕ МЫСЛИ И МЫСЛЯЩЕГО

Да, на этом стоит остановиться. Но прежде всего уточним: речь не идет о «технической угрозе». Угроза исходит не от средств, а от самого человека. Она была, разумеется, всегда, но в наше время она многократно возросла, ясно почему. Человек обладает бессознательным, но тот его слой, который разведал Фрейд, самый поверхностный, под ним лежит другой, где импульсы не имеют столь четкой направленности, и вот именно этот слой бывает одержим тем, что Ницше называл «волей к власти», и эта воля вкладывает себя в растущее знание, которое постоянно умножается. Она руководит техническими открытиями, изобретениями, путешествиями к звездам. И однажды этот слой или другое «оно» – говорю очень схематично – может добиться власти над сознанием, верхним «я». Эта власть будет осуществляться за счет того, что наша мысль, как и все живое в организме, обладает энергией, и этой энергией однажды можно будет овладеть, как струением крови в сосудах. Да, творение всегда меньше творца, и в этом творце, человеке-изобретателе, заложен другой Творец – так я, по крайней мере, верю, – и Он пребывает на самом глубинном уровне бессознательного. Не на него ли указывал атеист Хайдеггер, когда говорил в последнем интервью: «Только Бог может нас спасти»?

2021*15.02.2021. СРЕТЕНИЕ*

Ныне отпущаёши. После крещения, после причас-тия, при уходе дня, при уходе жизни, в последний про-блеск ее: те же неисчерпаемые слова Симеона. Первый

Завет принимает на руки Новый, тот еще слишком мал, он лежит в пеленках. Обещанная смерть выступает в неожиданном просвете Троицы: Владыки-Господа, Сына-Младенца и таинственного ведения, открытого Духом Симеону. Я всматриваюсь в эту даль ждущей его смерти и даль светлеет.

В храме холодно. Всякий раз с изумлением смотрю на своего сослужителя, флорентийца, который, придя на службу, сбрасывает куртку, свитер и оставаясь в легкой рубашке, накидывает обычный подрясник, даже не шерстяной. Облачение же наше, коллеги знают, греет слабо. Я же, только спрятав под ним полушубок, уверен, что холод уже не достанет меня, как в былые времена. Он совсем даже небольшой, плюс 5-6, но упорный, влажный, вездесущий.

Ныне отпущаеш.

10.04.2021. ПЕСЧИНКА МУДРОСТИ

Если годы намыли во мне какую-то песчинку мудрости (не ума, который изменчив, изворотлив и все гребет под себя), то она советует мне не судить душу моего ближнего или дальнего в ее «божественном». Я не говорю, что все веры равны и все истинны, упаси Бог! – но у всякой веры есть видимая часть, она может быть светлой, может быть темной, вложеной в извращенную структуру, может быть даже безумной (*delirium religiosus*), но есть и невидимая, и мы не знаем в ней соотношение света и тьмы.

03.05.2021. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Первое уже давнее, впечатление от Запада от прежде невыездного, меня (Милан, сентябрь 1988). Голуби не боятся людей, а люди не боятся машин. На красный

свет иной раз переходят одуванчики Божии, даже не оглядываясь. Гомо советикус сум, до сих пор не привыкну.

30.05.2021. ИСКУШЕНИЕ

«Еще нет слова на языке моем, но Ты, Господи, знаешь его совершенно» (Пс 138:4). Просыпаюсь с этой строкой, допытываюсь смысла. Первое несложное открытие: здесь не должно быть привычной человеческой логики. Если мои слова известны Ему прежде их выговаривания, то и слова-мысли других, многих миллиардов людей, живших и живущих ныне, тоже известны. Значит, Бог есть всезнание. Невероятный мозг с памятью, хранящей, несущей в себе все на свете... Ничего не значит. Я узнаю в себе Твое знание, его ощущаю и исповедую, перед ним каюсь и радуюсь, с ним живу и собираюсь умереть. Но не делаю из него никаких экспрополяций, не помещаю это знание в центр глобальных идеологических систем с их гордыней и принципом разделений.

Слово еще не родилось, но оно уже ведомо. «Куда пойду от духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу? Взойду на небо – и там Ты; сойду ли в преисподнюю и там Ты» (7-8). Достаточно погрузиться в себя поглубже, чтобы найти подобный «опыт» (Ну, не опыт в нашем смысле, конечно). С первого же момента моего существования во чреве матери, я соединен с Тем, Кто подумал обо мне и приказал быть. Твоя дума вошла в меня и стала мною: костями, лепетом. Твое знание, которое было мной когда-то разбужено, извлечено из потаенности и анонимности. Вера в таком пробуждении и состоит. Только будить себя и просыпаться надо всегда, снова и снова.

«Те, кто ищет Тебя, искушает Тебя» (Рильке). Я не ищу. Не ишу, но знаю: Ты здесь вблизи каждого слова, не только доброго, но и злого, поверх мысли и чувства, но сам я прячусь от Твоего взгляда. Сочлененность бытия Божия с человеческим мы едва ли можем вообразить. И потому следует, о ней, наверное, молчать.

19.08.2021. ПРЕОБРАЖЕНИЕ

«Летят за днями дни, и каждый час уносит частичку бытия...» Но бывают частички, которые словно падают ниоткуда и останавливаются. Садятся как мотыльки на цветок, крылышками «крылышкуя», ловя солнце. Не от свет ли преображения часов и частиц? «Преобразился еси на горе...», преобразив и гору и все, что вокруг. В веянии тихого ветра явил Себя Господь. Но и в этом прикосновении времени, которое сейчас проживаем.

16.10.2021. ЯЗЫК ВЕЩЕЙ

Все предметы, созданные человеком, от дверной ручки до произведения искусства, от корабля, замка, лекарства до тайной полиции суть способы того или иного вида общения людей между собой. Они – языки, нам о себе по-своему говорящие. Дверной замок с нами заводит один разговор, президент другой. Все эти вещи суть послания разной качественности, разной степени плотности. Виртуальный мир, куда мы недавно вступили, словно обнажил все на свете до информационного костяка, до комбинации знаков, которые мы можем узнать, но едва ли можем сдвинуть с места. Хотим раздобыть какие-то сведения о человеке или о событии, и Гугл, если знает, расскажет нам то, что знает. Знания, входя в нас, делают нас другими. Но впуская их в себя,

мы остаемся пассивны. Дважды два слишком часто четыре, Волга все еще впадает в Каспийское море, Лермонтов погиб на дуэли в 1841 году. И еще целый водопад знаний, который затопил нас, а он все продолжает падать в нас из мира извне.

Следующее поколение изобретателей гуглов (с нынешним я был даже знаком, когда ему было пять лет, племянник моего школьного друга) не поменяет ли радикально нашу позицию во вселенной? И тогда мы, некое коллективное человечество, владельцы главных секретов, овладеем функциональным языком предметов, научимся именем, мыслью, простым кликом указывать, как им, предметам, на свете быть, двигаться, меняться. Все станет текучим и гибким, и водопад повелительных знаний будет падать не сверху вниз, а снизу вверх, от нас к вещам и уносить их по нашей воле. Словом, владея знанием, «будем как боги»?

Это не философия, но лишь сон, тревожный и долгий, как все сны, не имеющий логики, но так сегодня приснившийся.

13.11.2021. ПОМИНОВЕНИЕ МУЧЕНИКОВ

«Я взглянул окрест и душа моя страданиями человеческими уязвлена стала», сгоряча воскликнул первый русский диссидент. – Не смей и глаз подымать, – рявкнула великая держава. – Не верти головой, – возвысила строгий голос Церковь, – в себя смотри, виши, сколько там грехов накопилось. – Кто прошлое помянет, тому глаз вон, – подтвердила вековая мудрость. – Что за охота в ямах копаться, на дворе ноябрь, а в Таиланде солнышко светит, да и Кипр приветит, – спели сирены. И вообще тебе надо их, турбуленций? – спросили

домашние тапочки и коты. – Подыми имя мое из праха, шепчет то, что называлось некогда человеком.

16.11.2021. ДОБРА ЛИ РЕЛИГИЯ НАША?

– «Удивительное лицо! (князь Мышкин о Настасье Филипповне), – и я уверен, что судьба ее не из обычновенных. Лицо веселое, а она ведь ужасно страдала, а? Об этом глаза говорят, вот эти две косточки, две точки под глазами в начале щек. Это гордое лицо, ужасно гордое, и вот не знаю, добра ли она? Ах, кабы добра! Всё было бы спасено!..»

По примеру князя вглядываюсь в лицо нашей религии, изумительной от красоты. Немного тяжелой, но вековой, застывшей красоты догматов, обрядов, позолоченных риз. Лицо веселое, да, но ведь она ужасно страдала. Били ее нещадно, она помнит об этом и очень боится, что вернется битье. Гордое лицо, но куда ее спрячешь, гордость, когда она знает и исповедует, что сокровище хранит только она, а другого и быть не может. Но добра ли она? Ах, кабы добра! Кабы все да если бы.

31.12.2022. КОНЧИНА ПАПЫ

Умер Бенедикт XVI. Этот тяжелый год в последний его день он омрачил своей кончиной. Когда умирают 95-летние иногда бывает более удивительно, чем когда умирает те, кому за 70. Почему-то возникает ощущение, что кому-то, может, и пора, но эти будут жить и жить.

Не к месту вспоминается одна из шуток покойного Томаша Шпидлика: «Я, наверное, так и не умру. Ведь после 90 мало, кто умирает».

У меня есть одно воспоминание о Ратцингерे которым, наверное, следует поделиться. Осенью 1988 года

меня впервые выпустили на Запад, в начале ноября я прибыл в Рим. В аэропорту меня встретил о. Стефано Каприо, давний знакомец по Москве и сквозь проливной дождь отвез меня сразу в конгрегацию по вероучению в Ватикане, которую возглавлял кардинал Йозеф Ратцингер. Так было договорено.

Аудиенция эта была обусловлена тем, что незадолго до того у меня вышла по-французски и по-итальянски книга «Дабы уверовал мир». Это был отклик на книгу Ратцингера и Витторио Мессори «Беседа о вере», изданную двумя годами ранее. И кардинал, отвечающий за вероучение всей Католической Церкви, пожелал со мной встретиться.

Встреча была скорее формальной. Я увидел сверх занятого человека, который, помимо того, что заведовал тем, что было когда-то Святой инквизицией, слыл одним из самых плодовитых и глубоких богословов. Я же еще не научился вести себя при встречах с такими особами. Я рассказал немного о своей книге, где Ратцингер говорил о кризисе католичества на Западе, я сравнивал его с кризисом православия на Востоке, совершенно иным, но в чем-то параллельным. Он спрашивал о России, я говорил, что мы атакованы восточными религиями, которые тогда казалось заполонили все. “L’Evangile est plus fort”, Евангелие сильнее, сказал он на прощанье, улыбнувшись.

Через годы, встретившись на площади св. Петра, обменялись взглядами как старые знакомые.

Ратцингер, в отличие от Иоанна Павла II, который с одинаковой легкостью и простотой мог говорить с миллионной толпой и с глазу на глаз, был человеком неразговорчивым, скорее интровертным. Когда его избрали

Папой, и он вышел на балкон собора св. Петра, чтобы приветствовать толпу, я заметил в его глазах какое-то смущение, даже неудобство. Словно он стеснялся, что оказался на такой высоте. Раньше его взгляд был совершенно другим, он смотрел на меня во время нашей единственной встречи испытующе, твердо, я как-то ежился под этим взглядом. Теперь этот был совсем не кардинальский взгляд, в котором светилось что-то подкупавшее, дружеское, словно застенчивое.

Помню его слова на том же балконе сразу после избрания:

«После кончины любимого нашего Папы преосвященнейшие кардиналы избрали меня смиренного работника в винограднике Господнем...»

И это было правдой. Весь свой понтификат, появляясь на людях, он провел в каком-то смиренном смущении. Меня не удивил его неожиданный уход на покой. А после избрания я предполагал, что первым главным его документом будет что-то вероучительное, католическое, сугубо римское. Но первая его энциклика называлась *Deus caritas est*, Бог есть любовь. 2.1.2013.

2023

01.01.2023 ОДНАЖДЫ НОВЫЙ ГОД

«Однажды. Все только однажды. Однажды и больше ни разу. Мы тоже однажды. Но это однажды, пускай хотя бы однажды, пока мы земные, наверное, неотвратимо» (Рильке).

Старый год ушел, унеся с собой что-то необъятное для каждого. Мы вступили в иное, открывающееся сегодня, чему названья нет. Всякий Новый год, даже и нынешний,

с «кровавым отсветом в лицах» (Блок), предназначен быть праздником благодарения и благословения.

«Зародыши мои видели очи Твои, в Твоей книге записаны все дни для меня назначенные, когда ни одного из них еще не было» (Пс 138).

Те дни, что в книге Твоей записаны, незачем и счи-тать. Назначено то, что назначено. Но как научиться благословлять текущее это «однажды»,

13.09.2023. ИИСУС

Что есть Иисус для меня, средневерующего? Слово в тысяче его воплощений: вторая глава Символа веры, определение «Распятого же за ны при Понтийском Пилате...», Тот, Чье бытие удостоверено не розысками ученых книжников, но нестираемой коллективной памятью двух этих тысяч лет, имя, обращенное к тайне, растворившейся в мысли, хотя и не до конца, истина о Боге, за строгость которой мы так держимся, что расстоптать готовы всякого, кто правды нашей не соблюдает. Младенец на руках Богородицы, «печать равнообразная, в Себе показуя Тя, Отца» и далее, далее, ведь икона, умозрение в лицах, она тоже слово. Умозрений у нас – целый небосвод над сонмом неисчислимым сестер и сбратьев, живых и усопших.

Но есть и другой Иисус, узнанный или неузнанный, ускользающий от определений, сторонящийся торжественных формул, даже песен церковных. Он – как костьль нашего/моего «верую, Господи, помоги моему не-верию», вообще во всем помоги, Друг, поддержи, Врач, исцели, Хозяин, вмешайся, Золотая Рыбка, исполни же-ление, Всевидящий, разреши проблему, Сам знаешь ка-кую... Он – и скальпель в руках хирурга (однажды перед операцией и я молился о его руках), и носилки, которые

другие руки несут... не перечислить предметов, за которыми хотим Его видеть. Наконец, Он есть и Суд, куда мы несем греховные немощи, чтобы избежать суда.

Но есть еще и другой Иисус, по ту сторону всяких предметов, еще более интимный, еще менее выговариваемый, Иисус – крыло, дуновение того, что не входит в ум, что не слышало ухо, шелест, который скрыт в вещах, «видимых же всех и невидимых», внезапное прикоснение любви/света из иных краев, из глубины творения, наконец, молчание, потому что главное открывается за гранью звуков и образов, иногда и в час смерти нашей...

Они едины эти, условно говоря, три, «неслиянны и нераздельны». Но Христос один, «во веки Тот же». У нас же Он разный, по обстоятельствам души.

03.10.2023. ГРЕХ ПРАВЕДНИКОВ

Перечитывая Паскаля: «Есть лишь два сорта людей: одни – праведники, которые чувствуют себя грешниками, другие – грешники, которые чувствуют себя праведниками».

Но бывают ли – не люди, а государства – способные ощутить грех свой? Исповедующие вину перед сонмом им убитым, державы, коленнопреклоненные от покаяния? Даже и Церкви, у которых правоты всегда через край? Или когда люди сбиваются в большие множества, они все вместе уже по определению праведники; их благость из камня вытесана, алмазом сияет?

В летах преклонных, а вопросы никчемные задаешь.

15.02.2024. НЫНЕ ОТПУЩАЕШИ

Бывает у людей ощущение, что живут они слишком долго, дольше положенного, записанного в течение их жизни, и пора им уходить. Не всегда и обозначается это

«пора» болезнями или скорбями, но возникает подспудно какая-то изжитость жизни. Даже не усталость от нее, но исчерпанность. Вспоминаю не к месту людей остро одаренных и уставших жить: Цветаеву, Блока, даже Лермонтова, хотя ему и не было 27 лет. Вот дана тебе гениальность, ты ею повязан, без нее ты уже не ты. Словно дальше все будет лишнее. Вот дан тебе срок, но ты ощущил, что он завершен, и жизнь с ладони державшей тебя руки скользит вниз. Немногие, правду сказать, могут найти в этом иссякании опору. Но, может быть, Тот, Кто дал, подготовил нечто лучшее? Верим, но всем знанием не знаем. И все же есть нездешняя радость в надежде. «Ныне отпущаешь раба Твоего, Владыко» – да, жизнь умолкает, но тот глагол, который тебя отпускает, хранит и другие слова. Они еще не сказаны. Но ты можешь видеть отблеск их света. «Яко видесте очи мои спасение Твое...» – это как завещание старца, идущего к смерти, тем, кому еще предстоит умереть.

10.03.2024. «ЧТО ЕСЛИ?» НА СТРАШНОМ СУДЕ

«Алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником и вы приняли Меня...» Два тысячелетия читаем св. Матфея, чуть голову со вздохом склонив: да, хорошо бы когда так... Но у меня рассуждения часто начинаются не там, где положено, а со «что если?» А что если освободить эти слова из облака благочестия, проплывшего минуту назад, и перенести в сердце богословия? Сделать их условием стояния в Церкви? Не ритуальное «согрешил словом, делом и помышлением», ненужное никому, а каноном перед причастием, правилом Евхаристии? Как во Второзаконии сказано: Напиши их на косяке дома твоего, на вратах

Царства, куда хочешь попасть. Но что тогда стало бы с нами, с питающими прежде всего себя, да со всей Церковью? Все эти тысячелетия неисчерпаемую тайну Богочеловека она облекала в раковины четких определений. Собирала Соборы, ковала непреложное знание. Стояла на камне сем. А вот если бы она собирала Соборы, ради познания Христа иным, Им указанным способом?

Тебя, батюшка, уж не в Армию ли Спасения заносит? Ты, поди, еще все христианство к благотворительности сведешь? А то к какому-нибудь, прости Господи, гуманизму?

Упаси Бог, пишущий – рядовой призванный среди бесчисленных других, в ряду стоящий, на перекличку исправно откликающийся: здесь я! Но пресвитерского ряда не нарушая, на средину равняясь, про себя тихо задумываюсь. А что если?

22.03.2024. «ПОСЛЕДНИЙ КАТАКЛИЗМ»

«Когда пробьет последний час природы, Состав частей разрушится земных: Всё здимое опять покроют воды, И Божий лик изобразится в них».

Как это в 1831 году некий стихотворец и дипломат в Мюнхене мог предвидеть, что человек заставит льды таять и новый потоп станет угрожать всему здимому? Или скорее это предсказание о том, что здимое, исчезая, оставляет незримый облик, и Бог по-нему восстановит все заново?

Сегодня день воды. Всей воды на планете. Это правильный день, потому и вода на войне с человеком, терпит поражения и одерживает победы, мстит ему, «стенает и мучится доныне», все еще с надеждой ожидая с ним примирения.

26.03.2024. КЛЮЧ И РИТМ

Ключ к устроению мира в Слове Божьем и безмолвный ритм, заложенный в творении – не одно и то же, но где-то они под грохотом, скрежетом, воплем перекликаются. (Приснилось на Благовещение по западному календарю.)

04.05.2024. ПАСХАЛЬНОЕ ПРО ИУДУ

Не пройти Страстные дни, обогнув Иуду. Апостол предатель, вечная загадка. Вчера прослушал ролик о. Феогноста Пушкиова: Иуда – мелкий, человечишка, но вот из-за таких ничтожеств и случаются великие беды. Льстец, раб и вор, «сребролюбием недугодав» – в литературных текстах. Разочаровавшийся апостол, согласно Баргилу Пикснеру, книгу которого («Иисус в Иерусалиме») я когда-то перевел. Предательство было лишь провокацией, чтобы наконец разбудить в Иисусе Того, Кто, призвав 12 легионов ангелов, наконец сделает мир Своим Царством. У о. С. Булгакова больше богословия, но он о том же. «Это была воскресшая в нем надежда, что Иисус явит Себя мессианским царем и откроет мессианское царство, в котором уже не будет ни нищеты, ни порабощения» («Иуда-Искариот – апостол-предатель»). Иуда у него – на грани почти мученика, исполняющего посланное ему, страшное предназначение. Ни с кем не спорю, но мне кажется, по-евангельски все очевидней.

Мое понимание, по-крестьянски простое, начинается со слов. «Вошел же в Иуду сатана». Это не миф, не образ. Вошел тихо, не заставив его по земле кататься, испускать пену, протоптив тропинку по сребролюбию, слабости слишком человеческой. Сначала подступался к Иисусу, но, получив отпор, затаился. Подбирался к Симону-Петру, но разбил нос, не о камень, на котором

Церковь высится, но о любовь. С Иудой же, не имея не-проходимых преград, заключил прочный союз. Для начала он овладел его знанием, сделал своим инструментом. Ведь Иуда все наперед рассчитал, знал место, где должен быть Иисус, умел договориться с первосвященниками, нашел способ, как выдать Его, внешне словно и не подставившись. И вот, когда все было сделано, сатана также тихо ушел, выбросил использованный им инструмент, оставил Иуду один на один с собой. Тот еще мог кинуться к ногам арестованного Иисуса и получить прощение. Но «был схвачен судорогой воли» (о. С. Булгаков). И вот событие, в котором в тот момент, ему пришлось играть главную роль, опрокинулось на него всей своей тяжестью. Сердце его стало невыносимо тяжелым. Смертный не может жить с таким сердцем.

«Из сердца исходят злые помыслы: убийства, прелюбодеяния...». Помыслы легко становятся вещами, делами, событиями. Они рождаются из сатанинской тяжести, которую, правда, не все чувствуют, и начинают жить своей жизнью, совершенно независимой от тех, кто их прежде помыслил. Свиньи, в которых вселились бесы, едва ли собирались тонуть. Люди, бросающие своих парней в жерла войн, может быть, и не хотели для них такой участи. Просто незаметно зашел сатана, и завалил землю трупами. Потом и концов не найдешь, по расчетам сначала все выходило иначе.

И все же – ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! Для всех.

Как и для Иуды, хотя и не дерзну думать о его встрече со Спасителем.

06.05.2024. СВЕТЛЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

«Бога не видел никто никогда...» А мы как увидели? «Сквозь тусклое стекло, гадательно»? «Стоит среди вас

Некто, – говорит Иоанн, – Которого вы не знаете». Не знаем, но как-то угадываем, ведаем: Он здесь, вблизи. Может быть, эта связь между тем Присутствием и непонятным нашим ведением, и есть вера? Но ее ручеек быстро впитывается в землю, мелеет с текущими днями, делами... Как вдруг наполняется, разливается от напора мощной волны. Наше «Христос Воскресе» есть лишь капля ее, но она падает на глаза, и на мгновение они открываются.

07.05.2024. СВЕТЛЫЙ ВТОРНИК

Дорога в Эммаус, одна из любимейших, протоптанных сердцем. Меня поражала неузнанность Иисуса, Он – лишь прохожий для шедших рядом. «Глаза их былидержаны», говорит евангелист. Удержанность глаз – состояние «естественнного» человека. Изведенный Словом из ничто, он рождается в Адаме как бы незрячим. Чтобы начать путь и узнать того, Кто хочет быть узнанным.

«Был узнан ими в преломлении хлеба». Слово-событие, ставшее одним из ключевых в личном моем словаре. Я был слеп до солидной уже зрелости (28,5), с удержаными глазами, упERTыми на другое, шумное, кричаще манящее. Как «вдруг открылись у них глаза», словно оказался я среди них, шедших в Эммаус, молившихся какой-то непонятной для слуха моего молитвой, но полной смысла Его и присутствия. С тех пор моя жизнь приобрела смысл в узнавании. За всяkim лицом, листком, мигом, взглядом, неожиданным случаем.

Спустя много лет «преломление хлеба» стало, стыдно сказать, моей профессией. «Удержанность» никуда не ушла, но теперь я знаю, откуда она. И жду, что однажды слизшиеся мои глаза наконец прорежутся и будет узнан Он окончательно.

**ВОСПОМИНАНИЯ ОБ
ОТЦЕ АЛЕКСАНДРЕ МЕНЕ**

«ОТЕЦ БЫЛ НЕ ТОЛЬКО ГЕНИАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК, НО И СВЯТОЙ»

Беседа с Еленой Мень

Наталья Большакова-Минченко: Ляля, ты родилась и выросла в невероятно счастливой семье, где не было ссор и конфликтов, и даже повседневные трудности и заботы покрывались любовью.

Наталья Федоровна на мой вопрос о том, как они жили с о. Александром, сказала: «Мы за 35 лет совместной жизни ни разу не поссорились...»

Елена Мень: Да, это правда, я выросла в очень счастливой семье, с нашим отцом были практически невозможны никакие конфликты, он был слишком позитивным, терпеливым, с удивительным чувством юмора. Естественно, для каждой девочки отец является образцом, у меня были попытки найти кого-то похожего в жизни, но потом смирилась и уже 25 лет вполне себе счастливо живу со своим итальянским мужем. Впрочем, и о «попытках» не жалею – двое прекрасных детей, да и с их отцами у меня нормальные отношения.

Н. Б.-М.: Да и старшее поколение – бабушки, дедушки, и Вера Яковлевна¹ – все они окружали

¹ Вера Яковлевна Василевская (1902–1975), двоюродная сестра Елены Семёновны Мень, – кандидат педагогических наук, специалист по педагогике и детской дефектологии. Окончила философский факультет Московского университета и Институт иностранных языков. Ей принадлежит ряд научных работ и переводов, в том числе, перевод с французского книги Франциска Сальского «Введение в благочестивую жизнь». (Изд-во «Жизнь с Богом», Брюссель, 1967 г.). Её воспоминания об о. Серафиме Батюкове «Катакомбы XX века» изданы Фондом им. А. Меня, М., 2001 г. (Прим. ред.)

vas, детей, любовью, заботой, и между собой были дружны.

Е. М.: У нас практически были три бабушки, очень разные, мне кажется они дополняли друг друга. Бабушка Лена очень светлая, духовная и не практическая. Вера интеллектуальная, умная, интроверт, много занималась с нами, меня она особенно любила... С нашей бабушкой Ангелиной мы росли в одном доме, отец очень любил и уважал маминых родителей. Талантливые, трудолюбивые. Дедушка агроном, бабушка пела в церкви, профессионально. Большой дом, который они построили, огромный сад, за которым они сами ухаживали, были очень общительные, имели много друзей. Я помню, на каком-то юбилее бабы Лины отец сказал, что конечно, ему приходит много писем, но и его тёще не меньше. Это был уютный дом, мы с моим братом и детьми часто его вспоминаем. С родственниками нам повезло, все друг друга любили.

Н. Б.-М.: Кто из родных был наибольшим авторитетом для тебя?

Е. М.: Самым большим авторитетом и примером был, конечно, отец, по-другому и быть не могло, и не только для меня.

Н. Б.-М.: Ангелина Петровна сказала мне об о. Александре: «Алик – счастье моей жизни, солнце моей жизни!». Чтобы тёща так говорила о своём зяте – это что-то уникальное!

Знаю, что отец читал вам с Мишой перед сном. А что читал?

Е. М.: Да папа читал нам в детстве книги перед сном, чтобы уделить нам время, он же был очень загружен. Читал исторические романы, много фантастики, которую любил.

*Отец Александр с Лялей.
1958 г.*

*Наталья Фёдоровна
с Лялей. 1960 г.*

*Наталья Фёдоровна
с Лялей и Мишкой. 1960 г.*

Н. Б.-М.: Почему, закончив медицинское училище, ты стала не медиком, а художником, начала писать иконы? Где, у кого ты этому училась?

Е. М.: Я пошла в 18 лет в медицинское училище чтобы понять, моё ли это дело, закончила и поняла, что не моё. А рисовать я всегда любила, закончила художественную школу в Сергиевом Посаде. Потом заинтересовалось иконописью и, чтобы понять технику, брала уроки у Ксении Покровской². Когда разобралась, училась сама, ходила в музеи, делала копии. Какое-то время работала в иконописных мастерских Патриархии – это тоже мне что-то дало.

Н. Б.-М.: Кого из «знаменитых» прихожан о. Александра ты знала и какое впечатление они оставили?

Е. М.: Из знаменитых прихожан очень хорошо помню Надежду Мандельштам, она жила у нас летом как дачница. Я была от неё в восторге, – умна, остроумна, язвительна, просто очаровательна! Она оставила мне в наследство кольцо с её инициалами.

Н. Б.-М.: Что из книг отца любишь более всего и почему?

Е. М.: За эти годы я читала и перечитывала разные его книги, сборники («Культура. Христианство. Церковь»). То мне хотелось читать «Магизм и единобожие», а когда был издан «Комментарий к Апокалипсису», – кажется, первое издание – это ваше?

Н. Б.-М.: Да, мы издали «Комментарий к Апокалипсису» в 1992 г., снабдив его иллюстрациями к Апокалипсису Юлиуса Шнорр фон Карольсфельда. Этот художник нравился о. Александру.

² Ксения Покровская (1942–2013), прихожанка о. Александра, иконописец. (*Прим. ред.*)

Е. М.: Да, так вот, я увлеклась Комментарием, изучала его, делала иллюстрации. В Болонском университете мы перевели этот текст на итальянский язык. За год работы я сделала 27 икон размером 50 x 70 см; фон золотой – все это на тему Апокалипсиса. И мы издали «Комментарий к Апокалипсису» на итальянском языке в очень хорошем Флорентийском издательстве. Я автор обложки и внутри книги – 25 иллюстраций моих икон.

Н. Б.-М.: Замечательно, что в одной книге и текст отца, и иллюстрации дочери! Я думаю, что он очень радуется этому с сотворчеству!

Е. М.: Этот цикл икон не раз экспонировался на выставках в различных городах Италии.

А по поводу книг хочу сказать, что последние годы часто перечитываю книгу «Отец Александр Мень отвечает на вопросы», у меня возникает ощущение личного контакта.

Н. Б.-М.: Свою дочь ты назвала Александрой, а сына – Александром, это в честь отца?

Е. М.: У моих детей одинаковые имена, потому что мальчика хотела назвать в честь отца и вообще мне нравилось это имя, но родилась дочь, и я решила, что для девочки тоже красиво. А потом образовался сын и я решила, пусть тоже будет Александр. Так вот и получились Аля и Саша!

Н. Б.-М.: Почему ты решила уехать из СССР, эмигрировать? Ради чего?

Е. М.: Я думаю, что есть родина, а есть место рождения. Мне с детства хотелось уехать, я много читала переводной литературы и думала, что мне надо куда-то туда...

Н. Б.-М.: И тебе повезло, что о. Александр смог дважды приехать в Италию, когда вы уже были там.

Е. М.: Да, в октябре 1989 г. отца пригласили на симпозиум в Италию, в Бергамо, где он выступал с докладом. Но мы мало могли общаться с отцом в тот его приезд, потому что он каждый день выступал с лекциями, проповедями – везде от Милана до Рима.

Н. Б.-М.: Да, он немного рассказывал об этом и показывал многочисленные газеты с его фотографиями и статьями о нем: «Padre Alessandro...».

Говорил, что даже и музеев не видел...

Е. М.: Но зато побывал в Тре Фонтане³, на отпевании Малой сестры Магдалены, с которой духовно он был очень близок.

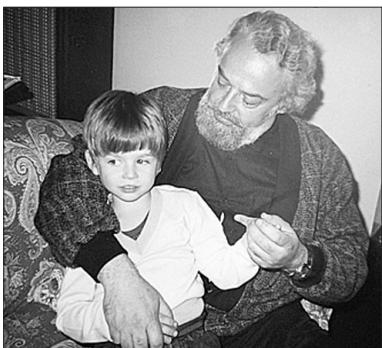

*Отец Александр у гроба матушки Магдалены,
часовня в Тре Фонтане, 9 ноября 1989 г.*

³ Тре Фонтане – основной дом Малых сестер Иисуса, расположенный в Риме на улице Лауринтина, где, по преданию, ап. Павел принял свой мученический венец. Эвкалиптовый лес, в котором Малые сестры построили свои домики, был отдан им монахами-траппистами из Тре Фонтане. (Прим. ред.)

Слева направо: отец Марк и его семья, Ляля, отец Александр; 1990, г. Бари

Отец Александр с четырехлетним внуком Сашкой, 1990, г. Бергамо

Н. Б.-М.: Да, как писала Малая сестра Клер, «9 ноября мы везли его (о. А.) на машине из Руссикума⁴ на отпевание в Тре Фонтане. По дороге мы показывали разные памятники, катакомбы, римские дороги... Но о. Александр знал наизусть весь план Рима, и, вероятно, лучше, чем мы».

После отпевания и трапезы о. Александр отслужил панихиду на церковно-славянском языке в часовне у гроба матушки Магдалены, в окружении Малых сестер и сказал им Слово⁵.

Е. М.: А летом 1990 года отец приехал в отпуск к нам, в Бергамо. И мы ездили к морю, какое-то время жили в Бари, в доме итальянского православного священника, отца Марка.

Н. Б.-М.: Получив телеграмму 9-го сентября 1990 года об убийстве отца, - что это было для тебя?.. Совсем неожиданно, или... Ведь только недавно он был у вас в Италии.

Е. М.: В 1990 году это было как снег на голову. Не могла поверить, что у кого-то поднялась рука на такого светлого человека. Хотя мир часто именно таких уничтожает. Еще удивительно, что он прожил 55 лет! Думаю, отец что-то чувствовал. Помню, как он прикладывал ладонь к стенам старинных зданий, как будто прощался с этим материальным миром...

И, когда мой муж Юра 10 июля 1990 года повез отца в аэропорт, прощаясь, он сказал отцу, что раз границы открыты, будем, наверно, теперь часто видеться,

⁴ Руссикум – семинария восточного обряда в Риме. (*Прим. ред.*)

⁵ *Малая сестра Клер Иисуса. Радость и надежда друзей Христа.* // Христианос-XIX, 2010. С. 139–144.

на что отец Александр возразил: «Вряд ли это получится...».

Н. Б.-М.: Насколько изменилась твоя жизнь, мироощущение и пр. после 9-го сентября 90-го года?

Е. М.: Первые два года было очень тяжело, потом пришлось смириться с тем, что здесь мы больше не увидимся.

Н. Б.-М.: А отец не подавал тебе знаков о себе, о своем состоянии «там»?

Е. М.: Подавал! Буквально с первых дней, давая мне понять, что с ним все хорошо. И через эти явления его я уверилась ещё больше, что он не только гениальный человек, но и святой.

Н. Б.-М.: Ты уже более 30 лет живешь в Италии. Насколько это «твоя» страна? Какие люди составляют твою среду общения, легко ли тебе с итальянцами? Как сложилась твоя творческая жизнь?

Е. М.: В Италии я уже 35 лет. Думаю, для художника это лучшая страна и я её очень люблю. Мне нравятся итальянцы и симпатичен их менталитет. Как ни странно, мои иконы здесь оценили, делала много выставок, вполне реализовалась. Чувствую себя дома.

*Болонья, Италия
Май 2024 г.*

«ПАПА БЫЛ ЛЮБЯЩИМ, ПОНИМАЮЩИМ, ТЕРПЕЛИВЫМ ОТЦОМ»

Беседа с Михаилом Менем

Наталья Большакова-Минченко: Миша, помнишь ли ты, как отец достраивал дом родителей мамы в Семхозе, обустраивал второй этаж для жизни вашей семьи, куда вы переехали в 1965 г. из пос. Алабино?

Ведь он все умел делать сам: строить, работать в саду, готовить еду и пр., – что удивительно для писателя, богослова, интеллектуала?

Михаил Мень: Это весьма интересная история. Когда родители окончательно решили, что будут жить в Семхозе, они купили в разобранном виде, так называемый, «финский домик» и умудрились разместить эту конструкцию на втором этаже дома маминых родителей. Получилось довольно неплохо, некоторые элементы этого «финского домика» живы до сих пор. Потом были еще две реконструкции, в результате которых появился сначала мансардный кабинет отца, а затем и кабинет на первом этаже, который сейчас является сердцем всей мемориальной экспозиции. Это стало возможно благодаря тому, что дом подключили к центральному отоплению и пропала нужда в том помещении где хранился уголь, в котором отец прятал во время обысков запрещенную литературу, в частности, рукописи Солженицына. И во время первого обыска в этом доме (мне было тогда лет 6–7) гебисты поленились лезть в этот уголь в сарае, в котором была спрятана рукопись «В Круге первом». Тем самым спасли отца от ареста и тюрьмы.

Н. Б.-М.: Ужасно, что ребенку выпало пережить обыск в доме!

М. М.: Как ни странно, в памяти не осталось чувства страха (наверно, потому, что я не понимал всей степени опасности этого визита), а помню удивление и даже недоумение от манеры поведения этих людей. Ведь у нас в доме бывало большое количество посетителей, гостей, и со всеми был какой-то хороший контакт, а с пришедшими с обыском невозможен был какой-либо контакт. Впрочем, гостившая у нас в тот день, Вера Яковлевна (тетя отца и наша двоюродная бабушка), увела нас с сестрой в детскую комнату.

Да, так вот, возвращаясь к обустройству дома в Семхозе, надо сказать, что родители полностью руководили процессом этих ремонтов. Что же касается хозяйственной, физической нагрузки отца, то это была работа на огороде и в саду, так как наша семья в полной мере использовала натуральное хозяйство, и он это делал с удовольствием. Рядом с ним во время работы традиционно находился приемник, на котором он слушал различные «голоса», от чего соседи часто впадали в ступор. Мы с ним постоянно пиляли и кололи дрова, потому что горячая вода у нас нагревалась только в специальной колонке. Хорошо помню, как однажды у нас сорвалась двуручная пила и поранила отцу кисть руки, этот шрам был хорошо виден потом.

Н. Б.-М.: Прививал ли отец любовь к чтению, присущую ему самому с раннего детства, – вам, своим детям? Знаю, что читал вам обоим перед сном, – а что читал? Обсуждал ли с вами прочитанное?

М. М.: У нас в семье была традиция чтения вслух отцом интересных книг. Это была разная литература,

начиная с приключенческой классики, Жюля Верна, Артура Конан Дойля, Майна Рида и заканчивая более серьезными произведениями. Сестра была старше меня на три года и отец подбирал книги, подходящие для ее возраста, а я подтягивался и это очень помогало моему развитию. Например, роман Булгакова *Мастер и Маргарита* первый раз он прочитал нам, когда мне было всего лет двенадцать, но его комментарии очень сильно помогли мне разобраться в этом произведении. Может быть, воспоминания об этих семейных чтениях сегодня привили мне любовь к аудио книгам, которые я слушаю постоянно, за рулем, во время занятия спортом и т.д. Сейчас я поглощаю огромное количество современной литературы.

Н. Б.-М.: Комментируя такие сложные произведения, отец, тем самым, учил вас мыслить и чувствовать. Как это важно для формирования личности ребенка!

Какое отношение к окружающему миру, окружающей действительности он вам прививал?

М. М.: Папа был выдающимся человеком. Гениальным мыслителем, убедительным оратором, и – это для меня важнее всего – любящим, понимающим, терпеливым отцом и отличным педагогом. Я ни разу не видел его в плохом настроении. Отец настолько был человеком жизнерадостным (и это было основано на глубоком христианском понимании мира), что даже в начале восьмидесятых, когда происходили и обыски, и вызовы на Лубянку для допросов – он об этих событиях, о которых можно было тогда только с со дроганием рассказывать, – чтобы оградить семью, успокоить маму, говорил в шутливом тоне. И действительно, было ощущение, что он и из этих серьёзных

неприятностей, и из каких-то других ситуаций выходил победителем...

Отец очень поддерживал все наши с сестрой начинания, любые, – но никогда не навязывал окончательных решений, позволяя себе лишь осторожно подводить нас к ним. И знаешь, ещё что – посмотри: семидесятые годы. Я – маленький мальчик. В школе пропаганда соответствующая. В какой сложной ситуации был отец! Он мог бы в разговоре на «опасную» тему солгать. Но как после этого дальше быть? И как жить с собственной совестью, отягчённой ложью? И отец говорил мне правду. И про советскую власть, и про то, как она боролась и борется с Церковью. И не боялся того, что я где-нибудь что-нибудь «ляпну». Потому что это была правда. Понимаете, насколько человек был смел и честен сам с собой? Никогда я не слышал от него: «Пусть это останется между нами, не вздумай проговориться», он лишь говорил: «Ну, ты же понимаешь...». Эти слова были обращены ко мне как ко взрослому человеку.

Н. Б.-М.: И это свидетельствует о его доверии к тебе.

Была ли у вас семейная традиция совместной общей молитвы?

Воспитывали ли вас с сестрой родители в христианском духе, и в чем это выражалось?

М. М.: В семейной традиции было, конечно, чтение «Отче наш» перед трапезой и благодарственной молитвы по ее окончанию. Практически каждое воскресенье мы с сестрой были в храме. Напомню, что в те годы в СССР был только один выходной – воскресенье. И, конечно, хотелось и выпасть, отдохнуть и чем-то позаниматься, но я был укоренен в понимании того, что я должен быть на литургии, причаститься.

Н. Б.-М.: Какие детские впечатления от праздников Рождества Христова, Пасхи, Преображения и др. у тебя остались? Помогли ли они тебе в духовном воспитании собственных детей?

М. М.: Безусловно, атмосфера этих праздников способствовала нашему духовному воспитанию. Во время службы я всегда находился в алтаре, и это многократно усиливало мои ощущения, у отца во время литургии было очень вдохновленное лицо. Особенно запомнились пасхальныеочные службы. Большое количество молящихся людей, торжественная, светлая атмосфера в храме, ну, и конечно, милицейский кордон на подходе к церкви, который создавал ощущение того, что мы идем против всей атеистической государственной системы. Постясь весь Великий пост, предвкушение разговения скромной пищей, после пасхальной литургии и на Светлой неделе, тоже было запоминающимся праздничным событием.

Сейчас, по возможности, стараюсь ездить со своими детьми на праздничные богослужения, считаю это очень важным.

И надо сказать, что отец придавал значение и обрядовой стороне праздника, – чтобы ребенок участвовал в подготовке к Рождеству, украшая елку, зажигая свечи и т.д. А во время Богоявления – чтобы участвовал в молитвах освящения воды, и чтобы в семье все пили крещенскую воду с благоговением. А, например, в праздник Преображения, – участвовал в освящении плодов земных, освящении труда и творчества человека. Отец говорил, что через эти материальные символы, через внешнее ребенок приходит к пониманию внутреннего содержания событий Священной истории.

Н. Б.-М.: Обсуждал ли отец с тобой проблему мальчишеских драк, – надо ли драться, надо ли отвечать на удар?

М. М.: Жили мы в провинции – в посёлке Семхоз рядом с подмосковным Загорском. Провинциальная молодежь советских времён не отличалась вежливостью и миролюбием. И я, воспитанный в мирном, интеллигентном доме, в юном возрасте записался в секцию самбо. Предвидел, что придется участвовать в уличных потасовках и надо было научиться уметь постоять за себя. Это очень потом пригодилось. Отец поддержал это мое увлечение, думаю, что в этом и кроется ответ на твой вопрос.

Н. Б.-М.: Да, понятно. Какие уроки отца запомнились и остались с тобой по жизни во взрослом возрасте?

М. М.: Среди многочисленных уроков отца – умение контролировать время и всё успевать – один из самых главных. У меня часто спрашивают, не была ли семья Александра Меня обделена его вниманием, ведь он был постоянно то на службе, то на лекциях, то писал свои работы в кабинете. Но мы никогда не чувствовали дефицита его внимания, отец очень много успевал, он чётко умел распределять своё время и с детства меня к этому приучил. Он всегда вёл ежедневник, и его жизнь была расписана поминутно. Я никогда не видел, чтобы он просто ничего не делал. Сорок минут идёт электричка от Семхоза до Пушкино, так вот, очень многое из того, что сейчас публикуется, написано и отредактировано им в электричке. В конце жизни, перед трагической кончиной, он особенно спешил всё успеть.

Слева направо: Ляля, о. Александр, Миша.
Ленинград, 1973 г.

Когда мне исполнилось двенадцать лет, отец подарил мне часы и сказал: «Время – это конь, который стремительно несется вперед, а часы на твоей руке – это вожжи, чтобы ты мог управлять им». Со мной отец начинал с того, что писал мне расписание дня. Садился: «Завтра у нас понедельник, вот в этот час ты чем занят? Сколько будешь гулять? Два часа тебе хватит? Запишем – два часа». Он дал мне такую закалку, что я до сих пор этому следую. Отец научил меня записывать всё, что происходит в жизни, мысли и дела, – пусть немного, буквально пару строк. Потому что, всё забывается. «В памяти, – говорил он, – нужно держать только самые важные вещи, а остальное – записывать».

Н. Б.-М.: В последний год его жизни, в 1990-м – каким ты помнишь отца (кроме того, что он был «нарасхват»)? И в последнее лето замечал ли ты что-нибудь особенное в его поведении, реакциях?

М. М.: Наша последняя встреча с отцом была в середине лета 90-го. Мы сели в беседке в нашем саду в Семхозе перекусить

и поговорить. Беседа получилась спокойная, неспешная... Но я почувствовал, что отец изменился. Хотя он всё время улыбался, но на его лице отражалось – так мне кажется из сегодняшнего дня – предчувствие, что впереди что-то судьбоносное, неизбежное. Потом я слышал от разных людей, что отец в последнее время

*Перед уходом Михаила в
армию, 1979 г.*

говорил: «Мне уже недолго осталось, надо спешить». Но нет, не было в его лице, залитом солнцем и озаренным внутренним светом, трагичности. Была готовность к раскрытию какой-то великой тайны, к важнейшему событию в жизни...

В тот день мы с ним говорили и о политике. Тогда я уже большую часть своего времени посвящал не творчеству, а бизнесу, то есть бесконечным разборкам – полдня с властями, и другие полдня – с бандитами. Я говорил отцу, что не верю в Горбачевский косметический ремонт коммунистической системы. Что полуимеры не годятся, и нужна не *Перестройка*, а коренные преобразования. Отец моего максимализма не разделял – он считал, что надо двигаться постепенно, что пена уляжется и страна встанет на нормальный путь развития. Просто надо набраться терпения...

Н. Б.-М.: 9-е сентября для тебя было полной неожиданностью, или... знал ли ты об угрозах в адрес отца, об агрессивных записках с проявлением антисемитизма, которые он получал на лекциях? Что ты думаешь о мотивах этого злодеяния, о «заказчиках» убийства?

М. М.: Конечно мы знали и об угрозах, и о записках, но было невозможно предположить, что отца могут убить! Казалось, что время уже поменялось и что самое опасное уже позади.

Думаю, что, когда СССР начал с треском разваливаться, в КГБ стали искать идеологическую основу для будущей новой России. И рассматривалось православие, как один из таких фундаментов, но конечно, их интересовало православие, которое опирается на консервативные традиции, на обрядоверие, а не на то открытое ко всему миру живое, базирующееся на Евангелии,

православие, которое нес в этот мир мой отец. Его влияние в обществе к 1990 году заметно возросло, и он никак не вписывался в эти новые планы, которые, как мы видим сейчас, достаточно успешно реализуются. Убийцы отца так и не были найдены. Уверен, что не из-за недостатка улик или непрофессионализма следователей. Это было первое преступление в ряду подобных, имевших целью убрать из этого мира авторитетных, популярных и харизматичных людей, способных направить Россию на верный путь развития.

Они хотели, чтобы протоиерей Александр Мень замолчал, но этой цели они точно не достигли. Книги отца изданы миллионными тиражами, переведены на многие языки мира. И его голос продолжает звучать!

Н. Б.-М.: На 18 языках! У тебя нет предположений о том, что могло быть в том украденном портфеле, с которым отец вышел из дома в то роковое утро?

М. М.: Не исключаю, что в портфеле могли быть какие-то значимые документы, которые, возможно, послужили определенным катализатором к осуществлению этого злодеяния. Во всяком случае, в печатной машинке отца мы с мамой обнаружили первую страницу, напечатанной им накануне убийства, серьезной аналитической статьи на политическую тему.

Н. Б.-М.: Как повлияло на твою жизнь убийство отца?

М. М.: Моя жизнь после 9 сентября 1990 года разделилась на «до» и «после»! Во многом это трагическое событие повлияло на мое решение пойти в политику. К середине 1990-х годов я уже достаточно комфортно чувствовал себя в бизнесе, уверен, что если бы я остался на стезе предпринимательства, то вполне состоялся бы, возможно, в шоу-бизнесе, а возможно, и вернулся

бы к первоначальной профессии, которой обучался в Губкинском¹ институте и погрузился бы в нефтяную отрасль. Но пример отца, который всегда считал материальный достаток не целью, а средством для достижения поставленных перед человеком задач и в конечном итоге – для служения людям, заложил в меня иную модель поведения. Поэтому мной и было принято такое решение, и я о нем абсолютно не жалею, несмотря на все издержки работы в органах государственной власти. К тому же очень сильно я не любил советскую власть и воспринял её крушение, как огромную надежду на будущее России и считал, опираясь на уроки отца, невозможным оставаться в стороне.

Н. Б.-М.: Ощущаешь ли ты связь с отцом, спустя годы после его убийства?

М. М.: Да, конечно! Каждый день и не только во время молитвы, но и при принятии любого серьезного решения.

Н. Б.-М.: Миша, иногда можно слышать упреки в твой адрес от некоторых духовных чад твоего отца по поводу того, что по твоей инициативе книги отца Александра в цифровом и в аудио форматах появились на платформе *Литрес*. По их мнению, все эти произведения должны быть в бесплатном доступе в сети интернет. Поясни, пожалуйста, свою позицию по этому вопросу.

М. М.: По моему глубокому убеждению, у людей, которые критически высказываются по данному поводу, к сожалению, нет понимания, как распространяется информация в современном мире. Простое выкладывание

¹ МИНХиГП им. Губкина. Московский институт нефтехимической и газовой промышленности. (*Прим. ред.*)

произведений отца в сети интернет на сегодняшний день не дает уже практически ничего и рассчитано лишь на тех, кто будет специально искать эти произведения в сети. А наша задача распространять наследие отца на более широкую аудиторию и для этого как раз и существуют такие площадки, как *Литрес* и ряд других. К примеру, как только там появляется новое произведение, его сразу видят в разделе новинки все пользователи таких ресурсов, и очень многие желают ознакомиться с этой книгой. Эти люди никогда бы не стали специально искать этот материал, а тут нам как раз и помогают подобные площадки. Наша сегодняшняя задача – привлекать как можно больше людей молодого поколения, а они как раз и являются основными пользователями подобных цифровых платформ. Тот крайне небольшой гонорар, который поступает от подобных продаж, в полном объеме идет на реализацию наших дальнейших издательских и других планов. К тому же производство аудио-книги – это достаточно ресурсоемкий процесс, здесь нужна и звукозаписывающая студия, и оплата гонораров актерам, читающим эти произведения. Я глубоко убежден, что нам давно пора привлекать к наследию отца тех людей, которые еще с ним совсем не знакомы, но при этом ищут ответы на, так называемые, вечные вопросы.

Н. Б.-М.: Как я понимаю и телеграм-канал, который ты ведешь, тоже предназначен для решения этой задачи?

М. М.: Безусловно, телеграм-каналы на территории бывшего СССР, и не только, на сегодняшний день являются одним из самых популярных ресурсов для распространения информации, при этом мессенджером

телеграм, в большинстве своем, пользуются продвинутые и достаточно молодые люди, а это нам как раз и нужно. Наш канал «Александр Мень отвечает на вопросы» в первоначальной версии, за период чуть больше года, набрал без малого 10 000 читателей, потом он кому-то не понравился и его взломали.

Пришлось его удалить и запустить заново. За короткий период у него уже 2 500 читателей и это очень приличный результат, уверен, что в ближайшее время мы достигнем первоначальных показателей и превысим их.

Хочу воспользоваться случаем и поблагодарить всех, кто помогает нам продвигать обновленный канал в сложный период, в том числе, и редакцию журнала «Христианос» за размещение QR-кода этого телеграм-канала. Теперь любой читатель может навести на QR-код камеру своего смартфона и перейти на канал, конечно, при условии, что само приложение *телеграм* уже установлено.

Н. Б.-М.: А как ты думаешь, Миша, если бы отец сейчас был бы, в земном понимании, жив, он использовал бы все эти возможности в своем служении?

М. М.: Уверен, что да! Напомню, что отец был одним из первых священников, который вышел на телевизионную проповедь, делал слайд-фильмы для Малых групп и т.д., и это позволяет говорить о том, что сегодня он обязательно бы использовал все современные ресурсы для проповеди Евангелия!

Н. Б.-М.: И я разделяю твою уверенность. Когда появились диктофоны и аудиокассеты, то в Новодеревенском приходе стали записывать проповеди о. Александра, также и его беседы в Малых группах. И мы в Риге стали получать эти кассеты, передаваемые с проводниками поезда Москва – Рига. И, когда я написала о. Александру, что мы в Риге в нашей молитвенной группе (созданной по его благословению) слушаем его проповеди, беседы, и как это всем здесь нужно, – он ответил: «Вот видите, не все в прогрессе плохо!..». В нашей семье это стало такой знаковой присказкой.

М. М.: Абсолютно согласен! Для меня было очень важно, что отец иногда привлекал меня для создания слайд-фильмов на Библейскую тематику. За изготовление подобных слайд-фильмов некоторые люди получили, в те тревожные годы, уголовные дела и реальные тюремные сроки, но отец не побоялся доверить мне, совсем еще мальчишке, эту звукорежиссерскую работу!

Н. Б.-М.: Эти слайд-фильмы были, как воздух, нужны!

Миша, вот еще многих волнует такая тема: что стало с квартирой Елены Семёновны Мень в Москве, на Серпуховке, где были планы устроить музей?

М. М.: В свое время нам удалось выкупить эту квартиру и даже обустроить там небольшую мемориальную экспозицию, и ее освятил отец Александр Борисов, который очень хорошо помнит эту квартиру. Но потом

этот дом попал под инвестпрограмму реновации. Он был практически полностью снесен и на его месте был построен новый, в котором, увы, не осталось ничего аутентичного. В порядке компенсации мне удалось добиться выделения для нашего Фонда помещения в этом доме, но этот объект уже не имеет никакого отношения к истории нашей семьи! Думаю, что сегодня самое логичное размещение экспозиций, посвященных отцу, это наш дом в Семхозе, где отец жил и трудился долгие годы, и в Москве, в Библиотеке иностранной литературы, где отец часто выступал, и там очень высокая посещаемость образованной молодежью.

Н. Б.-М.: У тебя, Миша, есть впечатления от встречи с Александром Галичем. Расскажи, пожалуйста!

М. М.: Как-то раз к нам в гости в Семхоз приехал Александр Галич, тогда уже очень известный поэт, бард и сценарист. Только через несколько лет я понял, что это был прощальный визит перед вынужденной иммиграцией.

Отец крестил его, и одно из самых известных произведений Александра Галича («Когда я вернусь») связано с Новодеревенским храмом, где служил отец Александр, и куда Галич приехал знакомиться с отцом.

...Когда я вернусь, я пойду в тот единственный дом
Где с куполом синим не властно соперничать небо
И ладана запах, как запах приютского хлеба
Ударит меня и заплещется в сердце моем
Когда я вернусь...

Не все знают, что «тот единственный дом где с куполом синим не властно соперничать небо» – это

символическое описание храма Сретения Господня в Новой Деревне Пушкинского района Подмосковья, где служил мой отец и где действительно голубые купола.

После ужина, на котором были и другие гости, Александр Аркадьевич открыл большой черный футляр. Внутри, на красном бархатном ложе покоилась изумительно красивая гитара.

Он взял её в руки, минуту перебирал струны, подкручивая колки, а затем начался первый в моей жизни «живой» концерт. Когда Галич запел, его мощная энергетика, глубокие стихи и проникновенный голос буквально потрясли меня. И я – мальчик целеустремлённый, сразу принял для себя решение: научиться играть на этом фантастическом инструменте. Так, во многом благодаря этой встрече, в моей жизни появилась музыка!

Н. Б.-М.: А что можешь сказать о Надежде Яковлевне Мандельштам, которая нередко летом жила в Семхозе?

М. М.: У нас дома в Семхозе часто бывали очень интересные и известные люди, и подолгу гостила Надежда Яковлевна Мандельштам, с которой я сдружился, и она меня постоянно просила сбегать в местный магазин за «Беломором». Хорошо запомнил, как однажды я вернулся из магазина, а Надежды Яковлевны не было в ее комнате, наверно, она поднялась к отцу в кабинет. На столе стояла очень красочная бутылка, на которой были написаны неведомые мне тогда слова: Gordon's London dry gin. Дело в том, что Надежда Яковлевна (или как ее тогда многие называли Баба Надя) получила гонорар за свою книгу, изданную на Западе, так называемыми, «сертификатами», и у нее появились многие диковинные предметы из магазина «Березка». Я, будучи

в полной уверенности, что в такой красивой бутылке может быть только очень вкусный лимонад, решил по-пробовать сделать глоток и обжог себе губы неразбавленным джином! Этот вкус можжевельника надолго остался у меня в памяти!

Н. Б.-М.: (Смеется.) А Ляля рассказала мне, как, опустившая корзину для бумаг в кабинете отца, подняла упавшую на пол скомканную бумажку. И почему-то развернула ее. На ней были такие строчки, написанные рукой отца: «Хорошо тому живется, кто в «Березку» знает ход, джин он молча попивает, и бутылки не сдает».

М. М.: (Смеется.) Чувство юмора отца было составляющей его творческой натуры.

Надежда Яковлевна прошла очень непростой жизненный путь, во многом – трагический, и при этом она не замкнулась в себе, а, наоборот, помогала очень многим людям.

Помню я, конечно, и Солженицына и многих других. Александр Исаевич произвел на меня тогда впечатление своей необычной, для того времени, шкиперской бородой и я спросил у отца, кто этот человек. Отец сказал мне, что этот человек хочет построить новую церковь, но что он его отговорил, сказав, что в СССР большое количество брошенных церквей и лучше потратить силы и возможности на восстановление одной из них.

Я был очень удивлен, что в атеистическом Советском Союзе кто-то мечтает о строительстве новой церкви, но позже отец мне объяснил, что речь тогда шла, конечно, про неофициальное, даже лучше сказать, подпольное финансирование подобного проекта.

Н. Б.-М.: У многих из Новодеревенского прихода, и не только, до сих пор остается искаженное представление

о причине недопонимания между тобой и отцом Виктором Григоренко и о судьбе музея прот. Александра Меня.

М. М.: Мы с Виктором Григоренко (1961–2022), моим, ныне покойным, двоюродным братом, вместе росли и были очень близки. Впоследствии он стал священником и служил настоятелем Сергиевского храма, построенного на месте убийства моего отца, – в микрорайоне Семхоз, в городе Сергиев Посад. Этот храм был моим любимым детищем и был построен на мои личные и привлеченные мной средства.

Рядом с этим храмом, как всем хорошо известно, располагается муниципальное учреждение «Культурный центр Дубрава имени протоиерея Александра Меня», где мы разместили музей-экспозицию, посвящённую жизни и пастырскому служению отца. Отец Виктор совмещал работу настоятеля храма с должностью заместителя директора этого муниципального учреждения, курирующего музей-экспозицию, то есть, по сути, являлся муниципальным служащим.

Все было спокойно до тех пор, пока местные экологи не уговорили отца Виктора публично выступить, на встрече министра экологии Подмосковья с местными жителями, – против размещения мусороперерабатывающего завода на территории района. Мотивировали они это тем, что, дескать, брат у вас большой человек, он прикроет и защитит, если что... Они тогда не знали, что на меня в тот период уже началась «охота», и это весьма ослабило мои возможности. Тем самым, они серьезно подставили отца Виктора и всех нас.

В это время шла большая кампания по размещению мусороперерабатывающих заводов в различных

регионах страны и по федеральному плану один объект планировалось расположить на территории Сергиево-Посадского района. На мой взгляд это было категорически неприемлемо – Сергиев Посад стал привлекательной, обустраиваемой инфраструктурой гостеприимства, точкой притяжения для христиан со всего мира, туда ежегодно приезжало огромное количество туристов и паломников, и планируемое соседство могло нанести непоправимый вред особому духу этого места. Я пытался повлиять на это решение, используя все свои возможности, но мне однозначно дали понять, что ничего сделать нельзя, решение о размещении завода под Сергиевым Посадом принято на самом высоком уровне и обжалованию не подлежит.

Отец Виктор не посоветовался со мной по этому поводу, и я узнал про его жесткое выступление на той встрече из местной прессы. Акция эта была, на тот момент, уже абсолютно бессмысленной и, если бы я о ней знал заранее, я бы отговорил отца Виктора. Но время вспять не повернуть – конфликт стал стремительно развиваться. Об этом инциденте было доложено губернатору Подмосковья, ну и, конечно, преподнесено в соответствующем ракурсе.

От областных властей поступила команда любым путём убрать отца Виктора из Культурного центра: они считали, что муниципальный служащий, получающий зарплату из бюджета любого уровня, не должен выступать с речами, обличающими власть. Ситуация усугублялась еще и тем, что музейный отдел Дубравы состоял почти полностью из членов семьи отца Виктора, там работали и получали муниципальную зарплату, его супруга, две дочери и мама. Мой многоопытный дядя

Павел Мень, еще задолго до всего этого, неоднократно настоятельно рекомендовал отцу Виктору отказаться от такого способа заработка для своей семьи, но тот его, к сожалению, не слышал, а я, до этого инцидента, был погружен в свою работу и не придавал этому факту особого значения.

В связи со всем этим я, хорошо зная методы давления наших властей, серьезно опасался того, что эта информация, преподнесенная в негативном контексте, будет «слита» в местные СМИ, что, безусловно, отразилось бы на репутации всех нас и, что самое главное, на памяти отца.

Ценой больших усилий мне удалось договориться с городскими властями, что в случае, если отец Виктор уволится из Дубравы «по собственному желанию» и сосредоточится на работе в приходе, нам дадут сохранить музей Александра Меня на балансе муниципалитета, практически не сокращая штата сотрудников. Это был единственный возможный компромисс. Однако отец Виктор был, светлая ему память, человеком бескомпромиссным и принял решение сражаться с этой «ветряной мельницей» до конца. И я не смог его отговорить.

После этого весь музейный отдел Дубравы был, естественно, сокращен и начались бесконечные судебные разбирательства, результат которых был, разумеется, предрешён. Уволенный отец Виктор в должности восстановлен не был, а музей остался без финансирования. Мало того, у местных и региональных властей остался такой негативный осадок от этих событий, что я стал реально опасаться за то, что музей, расположенный на муниципальных площадях, может вообще быть закрыт под любым предлогом. Надо было спасать

ситуацию, помочь могло только чудо и, по воле Божией, оно случилось.

После очередного совещания в Белом Доме у вице-премьера Ольги Голодец я задержался, поведал ей вкратце о сути дела и высказал идею перенести музей-экспозицию отца Александра Меня в Москву, в Библиотеку иностранной литературы.

Это было знаковое место для папы, именно там в начале *Перестройки* он начинал свои первые публичные выступления перед светской аудиторией.

Ольга Юрьевна полностью поддержала эту инициативу и дала соответствующее поручение министерству культуры, которому подчинялась Библиотека. На этом чудеса не закончились – наш с ней разговор происходил в присутствии одного бизнесмена, случайно оказавшегося на этом совещании, который внимательно всё выслушав, сказал, что с огромным уважением относится к памяти отца Александра Меня и готов полностью отремонтировать помещение под экспозицию.

Отец часто мне говорил – ничего случайного не бывает.

Основная часть музея переехала в отремонтированное помещение в Библиотеке иностранной литературы, часть перебазировалась в мемориальный кабинет отца, расположенный в нашем Семхозском доме, а часть экспонатов отец Виктор разместил у себя в приходском доме рядом с храмом в Семхозе.

Тем самым музей был спасён.

По прошествии времени я, как человек склонный к анализу своих поступков, постоянно прокручиваю в голове этот сюжет и думаю, можно ли было придумать какое-то другое решение, чтобы распутать этот узел?

Наверно, в первоначальных беседах с отцом Виктором мне нужно было быть более настойчивым, нужно было встречаться со всей его семьей и разъяснять им все риски, заложенные в его упорстве. Наверно, нужно было найти кого-нибудь, кто был для него более авторитетным человеком, чем я. В любом случае – вся эта история оставила на всю жизнь боль в моем сердце.

Н. Б.-М.: Боль, видимо, усугубляется еще и тем, что это – необратимо, отца Виктора нет среди нас, и ничего нельзя изменить, объяснить...

А как мама переживала! Наталья Фёдоровна говорила мне с болью: «Витя и Миша в ссоре, что само по себе тяжко, но хуже всего, что это вокруг имени и памяти отца Александра».

И многих людей – и в Семхозе, и в Новой Деревне, и в Москве – среди близких к о. А. Меню, это разделило на сторонников о. Виктора и твоих. Большинство, не зная всех обстоятельств, обвиняли тебя, делая пострадавшим отца Виктора.

М. М.: Да, конечно, но утешает меня то, что весной 2021 года мы встретились с отцом Виктором и с моей мамой, и нам удалось спокойно обсудить всю эту ситуацию, а буквально за несколько дней до его смерти мы очень откровенно поговорили по телефону и попросили друг у друга прощения.

Тем же, кто пытается кого-то осуждать в сложившейся ситуации, я рекомендую воздержаться, ибо для христианина осуждение неприемлемо. Так же могу посоветовать посмотреть фильм замечательного режиссера Ридли Скотта «Последняя дуэль», в котором одна ситуация последовательно рассказывается от имени трех участников, и режиссер мастерски показывает, как

небольшие, на первый взгляд, нюансы в оценке происходящего могут поменять взгляд на произошедшее в целом.

Но я к подобного рода непониманиям отношусь спокойно, я к этому привык, ибо почти тридцатилетнее участие в политических процессах закалило меня.

Н. Б.-М.: Похоже, что нечто подобное происходило и тогда, когда началась кампания по твоей дискредитации? Когда против тебя возбудили дело, которое потом развалилось и было закрыто, но осадок, как говорится, остался. Многие, тоже не разобравшись, стали давать соответствующие оценки.

М. М.: Да, это вещи одного порядка. Порой, к сожалению, некоторые люди даже не удосуживаются анализировать те или иные события. Мало того, иногда они даже не хотят изучить независимые источники информации по интересующей их теме. Например, открыть Википедию и посмотреть там, ведь эта платформа интересна своей объективностью, потому что из нее ничего нельзя удалить, а добавить можно только факты, подтвержденные в других авторитетных источниках. Но это мало кого интересует, очень уж хочется кого-то осудить... Но Господь им судья, а я зла ни на кого не держу. Поверь, придет время, когда можно будет обо всем этом говорить открыто и все точки над i будут расставлены!

Во время одной из последних наших бесед с отцом Виктором, говоря о моих злоключениях, он сказал мне замечательные слова: «Никогда не спрашивай у Бога “за что” тебе посыпаются серьезные испытания, а спрашивай “для чего”!». Вот сейчас я очень хорошо понимаю, для чего они мне были посланы!!!

*Рига, Латвия
Сентябрь 2023 г. – Апрель 2024 г.*

СЛОВО ПАСТЫРЯ

Архимандрит Виктор (Мамонтов)

ПРОПОВЕДИ

Из гомилетического наследия

(Продолжение.

Начало Христианос-XXVII, XXVIII, XXX, XXXI)

Сохранившийся фрагмент проповеди
на Вечерне Великой пятницы 9 апреля 1999 г.

Как трудно связать то, что совершается здесь, и то, что было когда-то: эту славу выноса Плащаницы и тот ужас, человеческий ужас, охвативший всю тварь в час смерти Христа, в ту единственную, великую, неповторимую Пятницу. Нынче смерть Христова говорит нам о Воскресении.

Мы сейчас молитвенно выслушали с вами Плач Пресвятой Богородицы (читался канон только что), плач Матери над телом жестокой смертью умершего Сына, в мучениях испустившего дух на Кресте.

«Изъязвлен за беззакония наши и мучим за грехи наши».

Аминь.

* * *

Пасха.

11.04.1999.

Поздравляю вас, дорогие братья и сестры со светлым Христовым Воскресением! Сегодня торжествует жизнь, потому что Христос победил смерть.

Как победил, мы задаем себе вопрос, если люди и после Воскресения, спустя уже почти две тысячи лет после Воскресения Христова, умирают? Мы постоянно отпеваем, провожаем в последний путь наших близких, – где же победа над смертью? Победа совершилась, Жизнь нам дана; и она дана нам как возможность, которую мы можем принять и можем не принять. До Христа люди могли только созерцать Бога, думать о вечной жизни, но ею не обладали, потому что в мире царствовали смерть и грех. И нужно было освободить человечество от власти греха и смерти и дать действительно жизнь – жизнь, в которой нет греха, нет смерти – человек не способен был дать эту жизнь себе, нужна была сила свыше. И Бог Отец посыпает нам Своего Сына – Спасителя, Который приносит Себя в жертву за нас; грех человеческий нужно было искупить только такой драгоценной жертвой, какую принес Иисус Христос – Он отдал Свою жизнь. Т. е., мы узнали, что смерть побеждается только любовью.

В жизни природной, в жизни плотской корень – зло; и в жизни плотской идет борьба, и тот, кто победит, он уничтожает побежденного. А Христос победил смерть, никого не уничтожив. Не уничтожая грешного человека, Он его преображает. И свойство любви как раз заключается в этом: она преображает жизнь. Дух Святой, Которого посыпает нам Господь, Он нас одухотворяет, и смысл христианства заключается в том, чтобы одухотворить человека – плотского сделать духовным; потому что плотской способен жить только природной жизнью, которая не ведет нас к Богу, которая есть умирание. А в жизни духовной смерти нет.

Как Иисус Христос победил смерть? Он умирает как человек, и Он пережил богооставленность – это страшный момент был в Его жизни; Он всё пережил как человек. Но поскольку Он был не только Человек, но и Бог, сойдя во ад, Он всё наполнил Собою, и вывел из ада тех, кто хотел оттуда выйти.

Так и сейчас: людям, которые не познакомились еще со Христом, которые живут как в аду, есть возможность выйти из тьмы, из ада путем, который Христос нам показывает. Нужно прийти к Нему, нужно избрать Его, выбрать жизнь, а не смерть; и если человек делает такой правильный выбор, не играет с грехом (а у нас очень многие люди выбрали грех, потому что он сладок кажется, а потом бывает очень горек), то не выбравшие Христа обретают смерть, а выбравшие Христа обретают жизнь. Христос никого не приневоливает прийти к Себе, Он только призывает: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы», т. е. придите к Жизни, уйдите от смерти; и когда вы соединитесь со Мной, вы обретете внутреннюю свободу, и вы познаете, что такая жизнь вечная. Это радость, мир, любовь; радость о Воскресшем Господе нашем Иисусе Христе.

И сегодня в храме мы переживаем эту радость, потому что действительно мы обрели вечную жизнь, Христос действительно воскрес, и мы находимся в лучшем положении, чем люди, жившие до Христа: они только мечтали о такой жизни, а мы её уже имеем. И каждый из нас, получая этот дар жизни, благодарит Господа всем своим существом за него и старается быть достойным этого высшего дара.

Христос воскресе!

* * *

Неделя о Фоме
18.04.1999. Литургия
Деян 5:12-20
Ин 20:19-31

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Иисус Христос говорит апостолу Фоме: «Не будь неверующим, но верующим», поскольку он усомнился в Его Воскресении, не поверил словам апостолов, их свидетельству. И мы думаем о том, почему Фома не поверил свидетельству апостолов. Ведь кто-то сказал, что, если мы увидим в глазах хоть одного человека в этом мире сияние вечной жизни, мы можем обрести веру в Бога. Видимо, этого сияния у апостолов не было. И он их свидетельству не поверил.

Поэтому он сказал им: «Если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю». Эти слова говорят многие люди в мире сем: «Покажи мне Бога, каков Он есть, и я уверую; мне надо Его потрогать, мне надо Его ощутить». И когда отвечают, что Бог – чистейший Дух, люди тогда начинают сомневаться и говорить, что Тот, в Кого вы верите, это ваша фантазия.

И действительно, многие люди, которые верят в то, что видят, люди плотские, они не хотят признать, что есть невидимый духовный мир, который постигается не физически, а внутренне, духовным образом, Духом Святым. И Богочеловек виден не телесными глазами, а сердцем: «Блаженны чистые сердцем, яко тии Бога узрят». И должны были измениться чувства апостола Фомы, чтобы он уверовал в Воскресшего Христа.

Когда Иисус Христос ему является и говорит: «Подай перст твой сюда и посмотри руки Мои, подай руку твою и вложи в ребра Мои, и не будь неверующим, но верующим», – мы не знаем, вложил ли руку свою в ребра Иисуса Христа Фома. Но он сказал Иисусу Христу в ответ: «Господь мой и Бог мой». Т. е. он признал Его Богом своим, личным Богом, – и говорит это твердо и убедительно.

Можно полагать, что его чувства изменились в момент встречи с Иисусом Христом, и он уже Его увидел не телесными глазами, а своим сердцем, и сердце приняло Господа в себя. И он говорит очень лично: «Господь мой и Бог мой», т. е. говорит Иисусу Христу, что моя жизнь и я принадлежу Тебе (Ты – мне, а я – Тебе).

И его веру Иисус Христос оценивает, как истинную веру. «Ты поверил, потому что увидел Меня»; ты поверили, да, ты действительно уверовал в Меня. Но Иисус Христос ставит выше веры той, которая хочет всё испытывать, видеть, получать знамения, чудеса, которые могли бы открыть сердце, – ту веру, которая не испытывает Бога, а ту веру, которая есть истинное доверие Богу, не сомневающееся. И такой вере не нужны никакие чудеса и внешние свидетельства: «Блаженны не видевшие и уверовавшие».

Т. е. вера должна быть осознанная. Мы должны так думать о Боге, чтобы иметь чувство абсолютного доверия к Нему; не верить себе, а верить Богу. Бог не навязывается нам, и вера – это добровольное действие человеческого существа, действие нашей свободной воли. И Бог хочет быть с нами, всегда хочет, – но важно, хочу ли я быть с Богом. И две воли, Божественная и человеческая, должны соединиться; если нет этого соединения, тогда и нет веры человека в Бога.

Человек утверждается в вере тогда, когда он понимает, что природный мир не даст ему полноты жизни, не исцелит его от страданий и не исцелит его от зла, потому что источника добра в природе нет. Источник добра – вне природного мира, он – в Том, Кто сотворил этот природный мир по Своей любви. И, следовательно, надеяться на себя, на всё внешнее, на внешние обстоятельства жизни, – это безумие. Мы видим, как разрушается человеческое здоровье, как разрушается материальная жизнь, и сокровища, которые собирает человек, они тоже подвергаются порче; и человек, по зрелому размышлению, понимает, что он обретет мир и равновесие не там, где всё в противоречиях, в борьбе добра и зла, а там, где этой борьбы нет, где только свет и любовь.

И когда человек сердцем ощутит эту правду жизни, и сердцем ощутит это добро, истину, он становится верующим.

Можно обмануться в вере. Можно поверить своим ощущениям, и можно поверить фантазиям своего ума, можно придумать, что ты – верующий; но действительность, духовная реальность это может всё разрушить. Если у человека возникают испытания, страдания, в которых он начинает обвинять Бога, то разрушается эта мнимая вера. Значит, понятия о том, что Бог есть любовь и не может причинить никакого зла, у человека не было. А тот, который видит Бога только как источник любви, он никогда не возопшет, находясь в самых злых страданиях, в самых трудных положениях своей жизни, – и это есть истинная вера, это есть истинное доверие Богу, истинная связь с Ним, которая нерушима и которую не поколеблют никакие испытания века сего.

Аминь.

* * *

Радоница

20.04.1999. Литургия

Сегодня мы пришли в храм, чтобы участвовать в Евхаристии и после неё совершить панихиду об усопших; ибо во все дни Светлой седмицы мы не совершали поминовения усопших. У нас служба была пасхальная, мы возвещали всему миру о победе жизни над смертью, воспевая тропарь: «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ, и даровавый нам жизнь вечную».

Многие спрашивают о том, что, если смерть побеждена, то почему же умирают люди? Почему и в 1999 году мы видим постоянно гробы и в них тех, которые лежат бездыханными: где победа над смертью, как вы её понимаете, что вы говорите? И действительно, это вопрос очень серьезный.

Как же так: Христос победил смерть, а мы хороним и хороним людей? Так ведь? А люди умирают и умирают... В чем здесь дело? И как Христос победил смерть? Действительно ли Он победил смерть?

Да, Христос победил смерть – потому что Он жизнь, в Нем нет греха; там, где грех, там смерть. Он пришел в этот мир, пораженный грехом, в котором царствовала смерть: т. е. рождается человек физически, и вся жизнь его идет к этому концу. И по псалму, человек живет 70, а кто в силах – 80 лет. И старые люди – это уже не зажженная свеча, которая горит и горит; старые люди – они уже как огарки, которым гореть остается мало. И поэтому в старости мы должны очень много думать о том конце, который приближается; но не бояться смерти, не думать о конце с ужасом, – а радостно. Потому

что смерть физическая для нас не есть конец, умирая физической смертью, человек не уничтожается, – он воскреснет так же, как воскрес Христос; не призрачно, а истинно. И воскреснет вместе со своим телом, но тело это уже будет другим, одухотворенным, и над ним не будут иметь уже власти физические законы; Иисус Христос проходил сквозь стены, для Него не было препятствий, потому что Тело Его было уже иным, – такими и мы будем по воскресении.

Христос победил смерть, потому что Он есть жизнь и любовь, а любовь всегда побеждает. И Он победил потому, что Он – Свет, Который светит во мраке. В сегодняшнем Евангелии сказано, вы это слышали: «Всякий, верующий в Него (в Иисуса Христа), не погибнет, но будет иметь жизнь вечную, ибо Отец послал Сына Своего в мир не для того, чтобы судить мир», а для того, чтобы его спасти через Христа; «и всякий, поступающий по правде (живущий по совести), идет к свету, а тот, кто делает зло, любит зло, ненавидит свет, ненавидит Христа и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы». Вы эту видите картину в современной жизни.

Христа многие боятся. Некоторые люди боятся войти в храм; или войдут, и тут же выходят, как пробки вылетают даже. Почему? Потому что наполнены злом, а в храме, в доме молитвы, присутствует благодать, – здесь невидимое присутствие Божие. И эта благодать уязвляет человека неочищенного, сердце которого исполнено зла. Что общего между светом и тьмою? Что общего между злом и добром? Они сталкиваются.

Но любовь имеет такое свойство: не уничтожать. Если в природном мире всё построено на уничтожении:

одно уничтожает другое для того, чтобы жить, – то Христос побеждает иначе. Он не уничтожает грешного человека, Он его преображает. И тот, кто верит во Христа, никогда не умрет: духовно. Физически он умрет, – но наступит момент, когда будет всеобщее воскресение, и тогда восстанет и тело человека, которое уже изменилось до неузнаваемости. Человек сливается с землей: мы сейчас, может быть, ходим в Карсаве по праху наших предков, это древняя земля (город Лудза основан в XII веке, значит, жизнь здесь существовала уже давно, и здесь христианство тоже уже было издревле), – и сколько за это время умерло людей, и могилы их мы не видим; со временем всё материальное изменяется до неузнаваемости. И вот, эти люди стали уже прахом, землею, но, когда будет всеобщее воскресение, они тоже восстанут: каким образом, – мы это представить себе не можем, это тайна, и испытывать её нельзя.

И поэтому человек, когда хочет всё умом понять своим человеческим, то он заходит в тупик и не верит Богу. И говорит: это всё сказки, о воскресении; человек умирает, на его могиле вырастает лопух, и всё, – вот и всё, что остается от человека; поживут потомки, которые помнят его, вымрут, – и не с кем плакать, не с кем вспоминать: всё, кончено. Но Церковь молится о всех людях, и о всех православных христианах, от века скончавшихся; т. е. она вбирает в свою молитву, в своё общение всех предшественников. И мы помним не только христиан, мы помним и тех, кто жил до Христа, потому что на их вере зиждется и наша вера, и потому что у Бога нет мертвых, у Него все живы. И в целом мы – Церковь Христова, народ Божий, и мы имеем связь духовную с теми, кого физически не видим.

И вот, самое главное – иметь эту связь. Мы и в жизни этой временной не видим физически своих родственников, близких, которые живут в других пределах; но посмотрите, какая сердечная живая связь есть между теми, кто любит друг друга. Они постоянно заботятся об этих людях, постоянно молятся, постоянно благожелают им, посылают эти благожелания.

И сегодня мы исполнены желания сотворить молитву о тех, кого нет с нами физически, но которые живут в нашем сердце, в нашей памяти, и которые живы для нас и в Боге живы. Мы, конечно, заботимся о них, о их участии, нас беспокоит: как им там? С Богом ли они, или грехи им помешали войти в покой Господа? Потому что мы все время этого покоя им желаем; когда совершается отпевание, мы молимся: «Упокой, Господи, душу усопшего раба (или рабы)», – т. е. заботимся о самом главном, о душе, о самом главном, чем живет душа.

Душа питается миром, душа живет миром; если нет мира в душе, она несчастна, она не с Богом, она от Бога отошла. И поскольку мир – это ее естественное состояние, она стремится к этому миру. И хорошо, если это стремление выливается в поступок благочестивый, в покаяние и желание у Господа просить помощи, помилования. И важно, чтобы у нас была жажда восстановить свою связь с Богом и обрести этот вожделенный мир: он нужен и тем, кто еще живет в теле, чья душа еще в теле пребывает, и тем, чья душа уже разлучилась с телом.

И только в мире мы можем молиться и желать этого мира тем, кто его потерял. Страшна духовная смерть. Она заключается в уходе человека от Бога; или всё выполняет внешне и только то, что положено, а это тоже страшно: только создается иллюзия, что человек с Богом, а на самом деле он не с Богом. Это проверяется

очень просто: если человек злится на кого-то, не любит, делит людей на добрых и злых, то он не с Богом. Бог всех любит. Солнце светит, сказано, и на праведников, и на злых людей. И поэтому каждый из нас должен стремиться к такой полноте жизни, и восстановить ту связь, которая рвется нашими грехами.

Нас Господь просит жить по совести, по правде. «Поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны». И если мы живем верою и любовию, мы непобедимы: смерть не имеет над нами власти; потому что она побеждается только верой и любовью. Нет любви в сердце – человек духовно умер. Он может есть, пить, размножаться, трудиться, веселиться; а зрелища сейчас людей потрясают просто, они не могут от них оторвать глаз, – и лукавый хочет держать людей в своей власти: чтобы человек смотрел сюда, а не туда. И многие люди смотрят сюда, и часами пребывают в таком запое; есть запой водочный, и есть зрелищный запой, и вот тем, кто укоряет человека за водочный запой, хорошо бы подумать: а у меня нет ли запоя зрелищного, – когда я часами сижу бездумно, и совершенно забываю о Боге, о молитве, а потом говорю: как плохо, что муж пьёт, как плохо, что дети стали пьяницами, ворами, преступниками... Всё потому, что нет веры, нет любви: следовательно, избрали путь смерти, путь тьмы, стали духовными мертвецами.

Можно ходить ногами, и быть мертвыми; не лежать в гробу, а уже быть мертвым человеком. И Христос пришел нас всех воскресить. И сейчас нужно очень многих людей воскрешать – живых трупов, которые молодые, которым 18–20 лет, но которые Бога не знают: мертвецы ходящие, которые живут только миром сим, который имеет конец. Ведь жить только природной жизнью

это значит стремиться к смерти, а жить духовной жизнью это значит обрести вечную жизнь, – и она присутствует в миге временной жизни.

Вечная жизнь – это не будущая жизнь, а глубина той жизни, которая есть уже сейчас. Потому что если мы с Богом, то мы уже сейчас пребываем в Царстве Небесном; и Христос сказал: «Царствие Божие внутрь вас есть», а в Царстве Божием смерти нет. И поэтому люди, которые живут Христом, надеются на Бога, любят Его, физической смерти не боятся: потому что она для них – только дверь в Царство Небесное, только переход в жизнь вечную.

И дай, Господь, чтобы каждый из нас так чувствовал и имел такое духовное сознание и крепкую веру, и любовь к Богу, Который нас всегда любит и хочет, чтобы мы вошли в Его любовь и в Его покой, получили дар вечной жизни и не меняли его на дары этой временной жизни.

И дай, Господи, нам всем истинно воскреснуть.
Аминь.

Слово после литургии

...Необходимо позаботиться не только о могилах, которые вам принадлежат, вашим родственникам, но и о могилах заброшенных, – многие люди покинули Латвию, и родственники вымерли, – чтобы на кладбище не было заброшенных могил, чтобы мы не делили: моё и чужое.

У христианина нет таких понятий: «моё» и «чужое», – у нас всё общее. Христос один Бог для всех, и мы должны своё служение распространить на всех, а не жить по принципу «мой дом – моя крепость» и всё: вот,

у меня есть родные по крови, я их безумно люблю, а к остальным отношусь как попало; христианин всех любит: и по крови родных, и ближних не по крови, – как Господь. И к такой любви мы призваны; и если наше сердце еще не расширилось, не вмещает ближних, то нужно молиться о том, чтобы Господь наши чувства изменил и изменил наше сердце: чтобы оно было не закрытым, а открытым.

И как приятно увидеть человека открытого: не закрытого, а открытого; скрытный человек, конечно, это большая тяжесть в жизни. Попробуйте иметь соседей очень скрытных – очень тяжело, так ведь? – очень тяжело. Как трудно учителям с детьми закрытыми – очень трудно. И как легко с человеком открытым, – не легкомысленным, у которого душа нараспашку и греху, и добру, а открытым духовно. Есть открытые люди очень внешне: открыты на бутылку, на всякое такое нехорошее (говорят: вот, рубаха-парень, или еще что-то), – не об этой открытости идет речь, а о духовной открытости: открытости любви, добру, радости, миру.

И помоги, Господи, вам, уходя из храма, унести ту искру любви, которую вам сегодня Господь всем дал.

* * *

Неделя о самаряныне

09.05.1999. Литургия

Ин 4:5-42

Христос воскресе!

Воистину воскресе.

Нынешняя неделя по Пасхе – неделя о самаряныне, и вы слышали Евангелие от Иоанна о встрече Иисуса Христа с женщиной самарянкой у колодца.

Эта встреча интересна тем, что Иисус Христос открывает женщине самарянке, что Он – Мессия, и Он открывает ей тайну той жизни, которую дарует Мессия всем, кто уверует в Него.

Что Иисус Христос увидел в Самарии? Что Он увидел, встретившись с одной из представительниц этого маленького народа, который презирали иудеи? Он увидел дух заблуждения, дух вражды, дух немирный. Самаряне не общались с иудеями, иудеи не общались с самарянами и не только на религиозной почве. И поэтому, когда Иисус Христос обращается к женщине-самарянке (а она понимает, что Он по виду иудей) с просьбой дать воды, женщина изумлена. «Дай Мне пить». Женщина самарянская говорит Ему: «Как Ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, самарянки? Ибо иудеи с самарянами не общаются». Т. е. мы видим эту глубину пропасти, которая возникла в жизни людей, которым должно быть народом Божиим, народом дружным, единым, – пропасть, которую вырыл их грех; и грех, который не уменьшался в жизни, а который жизнь вел к распаду, внутреннему и внешнему.

И вот, мы видим эту жизнь, которая не жизнь; потому что существование во вражде не угодно Богу, и такая жизнь не приводит к Богу. И хотя и самаряне почитают Бога, и иудеи, но это почитание бездуховное, потому что где нет любви, то там нет и Бога: остается только пустое благочестие, о котором говорил Апостол, а оно не рождает жизни, оно рождает гордость и ложное самочувствие спасения. Самарянам казалось, что они спасаются, иудеям казалось, что они спасаются, что они почитают Бога, что они праведные люди, но в действительности это было не так.

И эту болезнь обнажает Иисус Христос Своим поведением, Своей жизнью, т. е. Своим поступком: поступком любви, поступком мира. Он ломает эту перегородку, которую воздвигали веками иудеи и самаряне, – здесь общие были усилия; и Иисус Христос, обратившись к женщине: «Дай Мне пить», вошел с ней в общение, – в общение очень глубокое, сокровенное, духовное.

И радостно, что самарянка приняла в свое сердце и мир, который исходил от Христа, и любовь, – и она преображается на наших глазах; эта любовь её изменяет. Она, видимо, не только шарахалась иудеев, но она боялась и своих соплеменников, потому что была грешна: кто ходит в тех местах в полдень за водою? – в это время все пытаются скрыться от зноя, но она не хотела встретить кого-либо у этого места, куда приходят все (чтобы избежать, видимо, всяких пересудов, осуждений), и приходила сюда тогда, когда никто не приходил. И Христос это всё видел, как Сердцеведец, видел её грехи, её жизнь, и Ему хотелось освободить её от этого рабства внутреннего и внешнего. И Он говорит ей о муже, которого у неё нет. Слово о муже уязвляет её совесть, и она Иисусу Христу рассказывает о себе правду.

«Пойди, позови мужа твоего и приди сюда». А она Ему говорит в ответ: «У меня нет мужа». «Правду ты сказала, – говорит ей Христос, – что у тебя нет мужа». И Иисус Христос исцеляет её сердце через покаяние.

Далее Иисус Христос начинает разговор, казалось бы, неожиданный, затрагивает в нем такой вопрос, который не имеет отношения к теме предыдущей беседы. Он говорит самарянке: «Поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете

поклоняться Отцу». Он ей говорит о том, что исполнилось чаяние, исполнилось ожидание: в мир пришел Мессия – Тот, Который обновит мир, преобразит его. «Вы ждете обновления мира, но ошибаетесь, когда думаете, что обновление этого мира совершится каким-то внешним образом».

Иудеи связывали свои надежды мессианские с сильной личностью, которая сможет освободить народ иудейский из римского плена и даст ему внешнюю свободу. А Иисус Христос говорит женщине-самарянке, что придет Мессия, т. е. Христос, и когда Он придет, то «возвестит вам всё».

Что значит «всё»? Т. е. будет послан Дух Святой, в Котором совершится вся полнота жизни. Только Дух Святой может дать полноту жизни, только Дух Святой может прекратить всякую вражду, умиротворить людей, умиротворить народы. Только в Духе Святом люди могут быть миротворцы. И, Сам, будучи исполненным Духа Святого, Иисус Христос ей показывает сейчас, в сию минуту, что это за жизнь: жизнь в которой нет никаких разделений, где человек человеку – брат, друг, который общается с себе подобным в любви и мире. Это самое главное, что возвестил ей Иисус Христос: что наступило время, когда Богу «истинные поклонники будут поклоняться в духе и истине».

Поклоняться в духе и истине это означает пребывать в любви, пребывать в мире, и поступать и жить из этого мира, из этой любви. Ведь можно жить, опираясь на правила жизни, опираясь только на мораль, и не испытать радости жизни, и не познать, что есть та жизнь, которую явил Иисус Христос.

И вот, иудеи, которые опирались на закон и исполняли его, считали себя правильными людьми, и счита-

ли тех людей, которые не исполняют закон, грешника-ми, они не считали их себе подобными. И мы видим, в какой тупик заводит людей отсутствие духа и истины в жизни. И поэтому, как важно исполнять призыв апостольский «не угашать Духа Святого», т. е. не держаться внешних правил, а стремиться всегда поставить на первое место любовь, истину и правду.

Преподобный Серафим Саровский призывал нас всех к стяжанию Духа Святого, и тогда мы спасемся; потому что Бог есть Дух, и, если человек имеет Духа Божьего, он живет Богом, живет Божьей жизнью. И тогда он всех любит, и все для него в этом мире братья и сестры.

И вот, тайну такой жизни открыл Иисус Христос самарянке, Он ей показал, что Бог есть Бог всех. И эту тайну жизни она приняла. И поняла, что Дух есть то, что нас объединяет.

И слава Богу, что наши сердца приняли Духа Святого, и Духом Святым мы живем, и радуемся в общении друг другу, и радуемся, когда исполняется Церковь, когда мы в любви предстаем перед Богом как Его дети, как одна духовная семья.

Аминь.

* * *

09.05.1999.

Слово перед исповедью (окончание?)

...Несмотря ни на что возлюбить образ Божий в человеке, а то, что не есть образ, – отнести, возненавидеть; и сказать нашему ближнему: то, что ты сделал, это не ты, и я тебя люблю не за зло, которое есть в тебе и которое ты сотворил, а за ту искру Божию, которая и во мне есть, и в каждом человеке Божьем.

И только на этом пути, пути духовном, мы можем преобразить себя духовно, и этим преобразить окружающую жизнь. Мы же постоянно всё хотим смешать: зло с добром, – и вот эта смесь, которую мы называем жизнью, она не есть жизнь. Нужно отделение – но не хирургическим способом, а духовным. Дух Святой ничего не изничтожает, Он только преображает.

Поэтому очень странно и глупо, когда люди рвут отношения друг с другом; *отношения друг с другом нужно не рвать, а преображать*. А мы постоянно грешим этим: я не подаю этому руки, я не хочу на этого смотреть, я удалился от этого человека, – это духовный тупик. И мы сами себя в него загоняем.

Отношения с близкими нужно не рвать, а преображать.

* * *

Память св. апостола и
сщмч. Симеона, еп. Иерусалимского
09.05.1999. Вечерня

Мы читали отрывок из Первого послания апостола Иоанна, в связи с тем, что сегодня творится память святого апостола и священномученика Симеона, епископа Иерусалимского, сродника Господня по плоти, который пострадал за Христа в 107 году по Р.Х. И уже на «Господи, воззвах» вы услышали стихиры, посвященные ему. Жизнеописание его очень краткое.

Почему его называют сродником Господним? Называют потому, что он был сыном Клеопы, младшего брата святого Иосифа Обручника. В зрелом возрасте он увидел чудеса Господа Иисуса Христа, уверовал в Него и стал

одним из 70-ти апостолов. Святой Симеон проповедовал учение Христово, наставлял в истинах святой веры и обличал идолослужение. После убийства святого апостола Иакова, первого епископа Иерусалимского, на его место христиане избрали святого апостола Симеона. В правление императора Траяна римскому правителью Аттику донесли, что святой Симеон происходит из рода царя Давида (римляне уничтожали всех потомков царя Давида) и исповедует христианскую веру. Язычники схватили святого Симеона, который в то время был уже столетним старцем, и после долгих мучений распяли на кресте.

Т. е. он священномученик – тот, кто свидетельствовал о любви Христовой. Он мог стать свидетелем, потому что (как говорил вам уже Сергий) люди, которые пошли за Христом, не оглядываясь назад, имеют совершенную любовь.

Совершенная любовь может быть у людей небоязливых, не двоящихся; если человек имеет страх человеческий, страх, который внушает ему дьявол, то он не может устремиться к Господу с таким желанием, чтобы быть с Ним, связать свою жизнь только с Ним. И когда есть страх в нас, то мы должны сказать себе, как об этом говорит апостол Иоанн, что в нас еще нет любви к Богу, потому что, по его словам, «в любви нет страха; совершенная любовь изгоняет страх... в страхе есть мучение; боящийся несовершен в любви».

И апостол объясняет, почему мы должны любить Бога: Бог первый возлюбил нас; «Он прежде возлюбил нас». Когда Бог объясняется нам в любви, даёт нам знаки этой любви, – что обычно в таких случаях люди говорят, когда кто-то скажет: «я люблю тебя»? – он говорит: «и я тоже», если он имеет любовь к тому, кто его

полюбил, кто даёт ему свою жизнь и хочет, чтобы тот ближний отдал свою жизнь; и в этой отдаче жизни есть та полнота и совершенство жизни, к которой мы призваны. Мы становимся прозрачными для Бога и ближнего, и в нас нет страха.

Почему нет страха? Потому что эта любовь изгоняет страх. Разве чувствует какой-то страх младенец, который находится на руках любящей его матери? Ему кажется, что никакие силы этого мира не могут разлучить его с матерью, оторвать от матери; и он чувствует эту защиту, эту любовь, и покоен, мирен. И если мы знаем, что Бог – любовь, а любовь – это сила могущественная, которую не может сокрушить никакая сила природного мира, то мы будем мирны и спокойны, находясь в лоне такой любви. И мы скажем тогда: «Господь – просвещение мое и спаситель мой. Кого убоюсь, кого устрашусь?»

И такое было духовное самочувствие у первомучеников, у христиан, и у епископа Симеона, память которого мы совершаем, – потому что в любви нет страха. И, казалось бы, они теряли эту жизнь, самое драгоценное, что есть у человека по разуму людей мира сего, но они понимали, что отдача этой жизни – это не потеря, – потому что, как говорил старец Таврион, духовник Рижской Спасо-Преображенской пустыни, «с Богом потерять не бывает»; и жизни не теряет человек: он расстается с временной жизнью и обретает вечную жизнь, и в Боге мы живем всегда и не умираем.

Поэтому священномученик Симеон, как и другие, мучение, и страдание, и физическую смерть принимали благодушно, спокойно, благословляя гонителей своих, но не проклиная; и не умоляли их о том, чтобы

они прекратили свои мучения и оставили их в живых. И никакие прельщения не могли смутить их духа. Их пытались не только мучениями запугать, устрашить, но им пытались льстить, обещая награды за отказ от Христа и за поклонение идолам, – как раз язычники восстали против священномученика Симеона, и ясно, что они хотели от Симеона: поклонения идолам, императору, который обожествил себя. Но душа человека, которая встретилась с Иисусом Христом, могла ответить на эти угрозы и прельщения только отказом, решительным «нет» – и «да» Богу, Которому они отдавали свою жизнь и Которого полюбили навсегда и запечатлели эту верность Ему своей кровью мученической.

Аминь.

* * *

Память ап. Иакова (Зеведеева)
12.05.1999. Вечерня

«Иаков, сын Зеведея, был в числе двенадцати апостолов, которые были призваны Самим Иисусом Христом к апостольскому служению. Он был призван со своим братом, Иоанном – апостолом Иоанном Богословом.

Иисус Христос открывал ему, и наиболее близким ученикам, Свои Божественные тайны; мы видим апостола Иакова при воскрешении дочери Иаира, на Фаворской горе, где они созерцали Божию славу Иисуса Христа, и в Гефсиманском саду. В день Пятидесятницы, когда родилась Церковь, по сошествии Святого Духа, апостол Иаков, как и прочие апостолы, исполненный благодатной силы, отправился на проповедь и проповедовал в Испании и в других странах, затем возвратился в Иерусалим.

Он открыто и смело учил об Иисусе Христе как Спасителе мира и, опираясь на Священное Писание, обличал фарисеев и книжников, которые не видели в Иисусе Христе Мессию, и обличал их жестокосердие и неверие. Они пытались противостоять апостольскому слову, но не имели силы сделать это и пошли на хитрость: за деньги наняли философа-волхва Гермогена, чтобы он вступил в спор с апостолом и опроверг его доводы о Христе как о пришедшем на землю обетованном Мессии. Волхв послал к святому апостолу своего ученика Филиппа, но он уверовал в Господа Иисуса Христа; затем и сам Гермоген уверовал в Иисуса Христа, сжег свои волшебные книги, уверовал в силу Божию, убедился в ней, принял святое крещение и сделался последователем Христа. Противники христиан убедили Ирода Агриппу схватить апостола Иакова и осудить его на смерть. Святой Иаков спокойно выслушал смертный приговор и продолжал свидетельствовать о Христе. Один из доносчиков на апостола, по имени Иосия, был поражен мужеством святого Иакова, он уверовал в истину слова о пришествии Христа-Мессии. Когда апостола повели на казнь, Иосия пал к его ногам, покаялся в своем грехе и молил о прощении. Апостол обнял, поцеловал его и сказал: “Мир тебе и прощение”. Тогда Иосия исповедал всенародно веру во Христа и был обезглавлен вместе со святым Иаковом в 44 году в Иерусалиме».

Апостол Иаков, как и другие апостолы, избранные Иисусом Христом, имели неповторимое служение; Иисус Христос доверил им быть фундаментом Церкви, её основанием, быть начатком её, начатком нового народа Божия. И они занимались домостроительством Церкви, но самое главное их служение было служение Слова – они постоянно проповедовали то, что слышали

из уст Иисуса Христа, и проповедовали о воскресении Иисуса Христа, ибо без веры в Воскресение нет христианства, нет Царства Божия.

На служение они были избраны Самим Господом, Он доверил им это служение; но затем уже апостолы имели власть давать возможность служить делу спасения тем, кого они избирали сами, кого, вернее, избирала Церковь, и на кого они возлагали руки.

Слово «апостол» означает «посланный»: они были посланы в мир для того, чтобы его преобразить; не для того, чтобы бороться с миром, а – преображать этот мир. И апостолы были духовной закваской в этом мире, доброй закваской, потому что благодаря их служению Церковь Христова, будучи вначале маленькой общиной в Иерусалиме, как бы сектой среди иудействующих, она росла и умножалась. «Росла» – это слово относится к качеству веры, а «умножалась» – к увеличению числа членов Церкви, составляющих её Тело.

Мы входим в труд апостольский, входим в их служение, и мы тоже должны трудиться для созидания Церкви; трудиться так, чтобы она, как уже было сказано, росла и умножалась.

* * *

Неделя 7-я по Пасхе
Св. отцов 1-го Вселенского собора
23.05.1999. Литургия
Деян 20:16-18, 28-36
Ин 17:1-13

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Неделя 7-я по Пасхе – это неделя святых отцов 1-го Вселенского собора, который собрался в 325 году в

городе Никее. И вы слышали Евангелие от Иоанна, первосвященническую молитву Иисуса Христа. Перед Своим уходом из этого мира Он молит Своего Отца со-блести учеников Своих «во имя Твое: тех, которых Ты Мне дал, – чтобы они были едино, как и Мы». Без этого единения нет жизни вечной, которую дает нам через Иисуса Христа Бог Отец, и крепить это единение во имя Отца, во имя Сына, и во имя Святого Духа значит жить истинно в глубине общения с Богом и с близкими.

Что может нарушить это единство? Уменьшение любви. Уменьшение любви рождает дух заблуждения, когда люди начинают смотреть друг на друга уже не как братья на братьев и сестер, а по-иному. И дух заблуждения может изменить отношение и к Сыну, и к Богу; и человек может прельститься своим умом, своими дарами, и поставить дар выше Подавшего дар; и заниматься своеумием, и рождать такие мысли, которые ему кажутся самыми мудрыми, такими, которые должен принять весь мир.

И когда появились христиане, – первые христиане, – они жили радостно, с упнованием на скорое пришествие Иисуса Христа, они верили в Него сердцем, их вера была сердечная, искренняя. И они не стремились как-то эту веру формулировать, поскольку она была иного свойства. Но с годами, с веками стали появляться те, которые не принимали так Христа, как Его истинные служители. Дух заблуждения заставил их сомневаться в Божественности происхождения Христа. Вернее, сказать «сомневаться» о тех, с кем спорили святые отцы на 1-ом Вселенском соборе, было бы слишком резко и несправедливо. Пресвитерalexандрийский Арий, он, когда пытался выразить свое познание Иисуса Христа

как Сына Божия, он не мог найти подходящих слов, ум его не настолько воцерковился, чтобы, размышляя, он мог сказать так, как это пришло в голову святителю Афанасию Великому, который твердо сказал, что Иисус Христос – Сын Божий, потому что Он единосущен Отцу.

И это было сказано настолько глубоко, настолько емко, что отвергало все остальные подходы к Иисусу Христу, приводящие к умалению Его природы. Арий, когда размышлял об Иисусе Христе, опирался на многие места Священного Писания и, в частности, замечал, что Иисус Христос Сам говорит об Отце, что Он есть Тот, Кто более Меня, – т. е. Он, получалось как бы, не равен Отцу. И Арий в своих размышлениях не мог прийти к той формуле духовной, которую Дух Святой дал святителю Афанасию.

Мы верим, что Иисус Христос единосущен Отцу, Он одной природы с Отцом. Мы называем себя сынами Божьими, потому что Господь нас Своей благодатью усыновляет: мы по благодати сыны Божьи, но не по природе, мы не единоприродны.

И эти споры вокруг Иисуса Христа возникли тогда, когда Церковь должна была осознать свою веру перед лицом языческого мира и отлить эту веру в догматические формулы, которые стали бы символом веры её, – что и произошло в истории Церкви. Мы имеем с вами Символ веры, в котором мы не можем изменить ничего, потому что в нем выражена вся полнота нашей жизни в Боге и с Богом. И если мы своим умом попытаемся что-то изменить в Символе веры, мы ошибемся, мы не войдем в тот разум Церкви, который имели святые отцы, когда они собрались на Никейский собор в 325 году,

представляя Вселенскую Церковь, отстаивая чистоту её учения, её веры.

Если мы умалим значение Иисуса Христа как Спасителя, то мы отвергнем своё спасение. Мы не можем спастись через того, кто просто просвещенный (свыше) человек, – тот, который обожился, одухотворился, и которого можно поставить в один ряд и с Магометом, и с Буддой, и еще многими сынами Божиими, которые были в этом мире, стремились к богопознанию и соединению с Богом. Иисус Христос не от земли, Он не восходит от земли на Небо, – Он приходит к нам от Отца и разрешает самый мучительный, самый трудный вопрос жизни человека после грехопадения: Он освобождает человека от власти греха и смерти, и Своей смертью, Своей жизнью Он соединяет нас с Богом, и в Нем мы обретаем Бога Живого, оживаем и преображаемся.

Поэтому все современные заблуждения многих людей можно проверить только таким исповеданием. Это исповедание истинное, животворящее и спасительное; если не верить в Христа как Сына Божия, то мир не спасен. И мир нуждается в Мессии, но Христос уже спас мир, и возносясь на Небо, Он оставил этот мир иным, чем он был во время пришествия Христа: мир искуплен и спасен, и надо войти в это спасение. И тот, кто жаждет спасения, кто жаждет жизни, – придя в Церковь Христову, через братьев и сестер, которые живут в ней (если они действительно христиане, если они действительно едины, как заповедал нам Христос), эти люди могут познать Христа: познать Его бытийно, через явление любви, – и это самое главное.

Если человек будет проявлять какие-то сомнения, Церковь имеет все средства и возможности, чтобы эти

сомнения рассеять. Сомнения происходят не от любознательности; и когда возник спор на 1-м Никейском соборе, это спор был очень жизненный: нельзя было терять Христа людям, нужно было спасать тех, которые заблудились и которые стали отходить от Христа. И Церковь, как любящая мать, не угрозами, а в братском, любовном диалоге, который порой был очень горячим, накаленным, разрешила Духом Святым самый сложный вопрос жизни – вопрос нашего спасения.

И мы, в таком упновании на Духа Святого, Которого должны призывать на всякое дело наше, духовное и не духовное, постараемся разрешать все недоуменные вопросы нашей жизни и разрешать самые сложные духовные вопросы, которые возникают внутри нас и в нашей церковной жизни. И Духом Святым Господь открывает нам тайну Жизни, которую мы принимаем в сердце наше и стараемся эту тайну воплотить в нашей жизни, воплотить любовь.

Аминь.

* * *

Равноап. Кирилла и Мефодия

24.05.1999. Литургия

Ин 14:27-15:7

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Вы слышали Евангелие от Иоанна, 14-ю главу с 27-го стиха и по 7-й стих 15-й главы.

Иисус Христос, обращаясь к Своим ученикам, много раз говорит им: «Пребудьте во Мне, и Я в вас. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон. Если пребудете во Мне, и слова Мои в вас пребудут, то чего ни пожелаете, просите, и будет вам».

Что означает эта заповедь, это высокое наставление Божественного Учителя Своим ученикам: «пребыть в Нем»? Он хочет, чтобы они любили Его и жили Им; потому что тот, кто любит, он забывает себя и живет жизнью любимого. И только приняв это условие жизни, жизни в любви, можно обрести вечную жизнь, можно соединиться со Христом и быть той веточкой, о которой Он говорит, которая не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе. «Так и вы, если не будете во Мне, не принесете плода», т. е. рождать способно только живое, но не мертвое. И тем самым Иисус Христос внушиает всем нам, чтобы мы не просто знали о Нем, восхищались Им, как это бывает со многими, рассуждали о любви, – но жили Им и пребывали в добрे.

К сожалению, мы часто хотим пребывать не во Христе, а в обряде, в обычae, в законе. В законе утонули фарисеи: в его мелочных правилах, которые они всё наращивали и наращивали, – и им казалось, что праведность заключается в том, чтобы исполнить все предписания Закона. И они казались себе уже самодостаточными; и это упование на внешнее приводило к тому, что и Бог уже не нужен был.

Так и мы, когда утопаем во всем внешнем, становимся очень похожи на законников, фарисеев; и тогда мы не видим в ближнем человека, и для нас самое главное закон, а не человек: суббота, а не человек. И мы не хотим переместить этого центра внимания с внешнего на внутреннее; а Христос нам сказал, что без ближнего мы не можем войти в Царство Небесное, – сказал Своими поступками, Своими действиями. И Он пришел в нашу жизнь, общую, пришел в этот мир греха и смерти, чтобы уврачевать этот мир, преобразить этот мир, преобразить Своей любовью.

Мир преобразится только тогда, когда каждый человек в этом мире лично встретится со Христом. Бог в Новом Завете встречается не с каким-то народом, в лице Христа, – не с русским, не с немецким, французским, японским, – а встречается с каждой личностью, с каждым человеком. Поэтому, на каком языке говорит человек, неважно – нет “христианского” языка, каким хотели его представить ревнители латинского, греческого и еврейского, есть язык христианства, а это язык любви. И когда говорится о личной встрече каждого с Богом, с Иисусом Христом, то подразумевается отклик человека на любовь, которая всегда готова любить: Бог всегда нас любит, независимо от наших дел и поступков.

Нам кажется, что Он любит больше праведников, чем грешников, – и такую психологическую ошибку, и не только психологическую, многие совершают, и думают, что если человек всё исполняет внешне правильно, то он за это возлюблен Богом, возлюблен Христом. Господь любит нас не за это, а просто потому, что Он нас любит – безусловно, без всяких условий. И наши грехи мешают этой любви. Нам кажется, что, вот, если я буду совершать много дел, тогда я соединюсь с Господом, – суть не в этом, а – в открытости сердца. Потому что и дела, которые мы совершаем, они могут иметь основу нечистую: по видимости, это будет хорошо, а во внутреннем виде своем – гнило и плохо (если примешивается тщеславие, если примешивается гордость и еще что-либо). Мы можем дать кому-то что-либо не потому, что любим, а потому, что это средство, как нам кажется, спасения.

И вот, часто любовь мы превращаем даже в средство спасения, и тем самым умертвляем жизнь и умертвляем в себе Христа, Который хотел бы жить в нас, быть

в нас, но наши страсти, как убийцы, всегда готовы ранить Христа и, более того, убить Его. И вот, Христа убивает такое законническое отношение к христианской жизни, когда мы ставим на первое место не человека, а внешнее; и готовы за это внешнее даже убить человека, испытывая так называемую «священную ненависть». Избави, Господи, нас от этой «священной ненависти», ибо в этом нет Христа и нет плода любви, о котором говорит Христос Своим ученикам.

Сейчас благоприятное время для проповеди, для миссии любви, несмотря на все внутренние и внешние трудности жизни. И всё будет зависеть от того, как каждый из нас лично будет гореть или не гореть желанием послужить ближнему всей своей жизнью, – это самое главное. Если мы станем похожи на Христа, в этой жажде, в этом желании, мы сами преобразимся и преобразим мир. Ибо наш мир нуждается в свидетельстве любви, свидетельстве, которое бы не утопало в словах, а которое было бы реальным, бытийным, жизненным, когда бы мы в нашем ближнем видели человека, в котором живет Христос. И это самая лучшая проповедь, это проповедь на все времена – она всегда актуальна – и единственная проповедь, которая способна преобразить этот мир.

Аминь.

* * *

Троицкая родительская суббота
29.05.1999. Литургия
Ин 5:25-29

Господь говорит: «Истинно, истинно говорю вам: наступает время, и настало уже, когда мертвые услышат

глас Сына Божия и, услышав, оживут; ибо как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе. Наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божьего, и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло – в воскресение осуждения».

Речь идет о нашем будущем воскресении, о том, как в дни Второго Пришествия Иисуса Христа преобразится мир и преобразятся все люди, и наступит то Царство блаженства, о котором думает каждый христианин, каждый призванный к вечной жизни.

Господь говорит, что те, кто слушают Его слово и веруют в (Посланного) Богом Отцом Сына Божия, т. е. в Него, имеют жизнь вечную и на суд не приходят, потому что уже перешли от смерти в жизнь. Что это означает?

Это означает следующее: те, кто живут по заповедям Божиим и исполняют самую главную заповедь, заповедь любви, – любви к Богу и к ближнему, – уже пребывают в вечной жизни. И вечную жизнь являет любовь, которую Господь заповедал иметь каждому из нас, – ибо смерть побеждается только верой и любовью. Бог есть любовь; следовательно, каждому из нас нужно стремиться обожиться, одухотвориться, и не прикасаться ко злу. Ибо когда мы начинаем служить злу, мы духовно умираем; и самое страшное – это духовная смерть: когда душа разлучается с Богом, порывает связь с Ним, не живет Им, а исполняет все повеления дьявола. Ведь когда человек злится, когда человек обманывает, крадет, лжет – ведь он же не повеление Божье исполняет, он находится во власти зла и разлагается, и умирает духовно. И вы видите в нашей сегодняшней жизни это безумие человеческое, когда люди выбирают не Бога, а зло, дьявола, и исполняют его волю, т. е. отказываются от жизни.

Церковь молится о том, чтобы каждая душа спаслась. Это воля Божия. Господь любит всех и всем дает вечную жизнь, и от нашей свободной воли зависит избрать жизнь или смерть. Большинство людей выбирают смерть. Почему выбирают? Потому что грех к людям приходит в такой соблазнительной форме, что они не могут отказаться от него. Вот, человек хочет украсть что-то: Бог смотрит на него, что он – во власти греха, одержим этой силой зла. И Господь хочет остановить безумного человека, но человеку кажется то, что он хочет сделать, очень нужным, сладким: он украдет – он будет есть, он будет иметь; а потом оказывается, что душу ранил смертельно, и за одним воровством следует другое воровство, и человек утопает во лжи и умирает духовно. Но человеку вначале кажется, что сделать это нужно, необходимо, иначе он не будет жить; он крадет, как ему кажется, во имя жизни: чтобы есть, пить, или ради удовольствия тоже, удовольствие считает жизнью сладкой, хорошей (что ж, одни богатые, другие бедные, – какая несправедливость, – я тоже буду воровать, чтобы жить), – но когда человек крадет, он умирает, он не живет. Это только говорю об одном грехе; и всякий грех мертвят человека, – и тот, у кого есть духовный разум, никогда не уступит злу.

К сожалению, у нас многие люди ходят в храм и умеют красть, умеют лгать, умеют блудить, пить хорошо, и всё что угодно. Нужно выходить из власти смерти, нельзя быть мертвецами; надо жить. Не будем думать, что мертвецы – те, которых мы сегодня пришли помянуть. Всякий, кто убивает себя грехами, мертвец духовный. И поэтому нужно оживать, вместе с Господом: стать на колени, покаяться и призвать Господа на помощь, и не служить дьяволу.

Сегодня мы вспоминаем всех ушедших от нас, не живущих с нами телесно, которые прожили эту времененную жизнь и, конечно, много нагрешили, как и всякий человек. Многие не успели покаяться, многих смерть застигла врасплох, – а сейчас многие люди умирают без покаяния, некоторые в пьяном виде погибают: на дорогах, когда пьяные ведут автомобиль, или сами, дома погибают от пьянства, и сгорают не только они, но весь дом и окружающие люди. И какая должна быть сильная молитва, чтобы помочь вытащить этих людей из тьмы. А если окружающие их люди такие же, как они, – тоже пьют, разлагаются, кто же будет молиться?

И вот, Церковь в такие дни поминовения усопших, молится об этих людях: о всех заблудших людях, о тех, кто умер без покаяния, о тех, кто Бога, может быть, и хулил, и не познал. Но любовь Божия не может никого отвергнуть, и если она есть в наших сердцах, то она побуждает нас молиться о всех и не делить людей на добрых и злых, а призывает посмотреть на них глазами любви и увидеть прежде всего их страдание, а не грех. И если мы видим прежде всего страдание человека, мы начинаем молиться о нем, сочувствовать, сопереживать этому человеку. И вот, это сочувствие и сострадание и подвигает всех нас в этот день памяти усопших молиться о них.

Некоторым ушедшим, может быть, досадили в жизни. Может быть, были матери, которые не любили своих детей, причинили им много зла; супруги, которые пили и ничего хорошего не дали в жизни окружающим их людям. Но не будем в этот день осуждать никого, и ни в какой день нельзя осуждать, – нужно посмотреть на грешного человека, еще раз повторяю, глазами

Христа и прежде всего подумать о том, что ему очень трудно, ему очень больно.

Как врач, который видит тяжело больного человека, стремится всеми силами, используя все средства медицины, помочь ему, так и мы, имея в Церкви многие духовные средства, а прежде всего, нашу любовь, должны помочь душам усопших людей, которые нуждаются в нашей молитве. Неоднократно уже говорилось о том, что сами о себе они не могут помолиться: они молятся за нас, а мы должны молиться за них, с верою в милость Божию, уповая на эту милость Божию и желая им вечного блаженства, вечного покоя.

Аминь.

* * *

Слово после вечерни
09.10.1999.

О смысле страданий

Страдания приносят плоды, когда мы во Христе страдаем, и они бесплодны, когда мы без Христа страдаем, – во имя себя страдаем, во имя своего самолюбия, во имя своего эгоизма, – ибо когда нас достигает стрела уязвляющая, мы начинаем мучиться и много размышлять о том, что мы не достойны того, что с нами случилось, и принимаем не благодушно то, что против нас направлено, а с сопротивлением, ропотом и желанием освободиться от страданий.

Конечно, изначально прекрасный мир и изначально прекрасный человек не знал страданий, – это порождение уже греховного мира, – и естественно человеку

не иметь страдания; но поскольку мы живем в мире падшем, мире, который должен исцеляться, мы должны принять страдание и понять, что страдание нас очищает, страдание нас приближает к Богу, – если мы, еще раз повторяю, страдаем во имя Христа, за Христа, и если мы страдаем за вечную жизнь, а не за эту временную жизнь, которая не имеет того смысла, который есть у вечной жизни.

Философы говорят: «Я мыслю, значит, существую». Христианин может сказать: «Я люблю, значит, существую», а если я люблю, значит, страдаю. Потому что любовь Христа, она всегда причиняет страдание. Почему? Причина не в любви, а причина в тех, кто встречается с этой любовью, воспринимает её. Эту любовь очень трудно вместить; эта любовь уязвляет, она обличает наши пороки. Если, как сегодня говорилось в проповеди, человек во тьме, во зле, то любовь обнажает это зло, – оно становится видимым; потому что зло не может обличить зла, и нужна эта любовь, нужен этот свет.

Вот, когда этот свет, эту любовь увидел сегодня поминаемый мученик Елистрат, то он ни во что вменил все блага этого мира, хотя этот мир, хоть и поврежденный, тоже прекрасен; но он познал правду жизни вечной и познал, что эта жизнь дает истинную свободу человеку. И когда он жил этой свободой, как и его отец воин, и дед, который видел даже страдания Иисуса Христа (мученик Елистрат пострадал в самом начале IV века, т. е. он жил в III веке, – это еще недавнее время от того периода, когда жил и проповедовал Христос)... И когда он об этой правде проговорился, – так можно сказать, потому что его молитву ночную услышал один воин и донес на него, – он начал терпеть лютые

гонения и лютые страдания: требовали отречения от Христа и поклонения идолам. Этого не последовало. Начались физические страдания; и когда вы будете перечитывать житие (я этого пересказывать не буду), вы увидите изощренные пытки, – но ни одна из них не устрашила его, потому что он был свободнее тех гонителей, которые его пытались устрашить. И в любви нет страха, в совершенной любви. А Господь уже дал мученику такую полноту веры, и он верил реально словам Христа о том, что не нужно бояться убивающих тело.

И мы в нашей жизни постоянно страдаем, если любим; если не любим, то страдаем по-другому: т. е. страдаем во имя свое. А почему мы страдаем, когда любим? Потому что любовь не может не сострадать, а в нашей жизни повседневной, – и жизни вокруг нас, и жизни еще более дальней, не связанной с нашими пределами, – постоянно люди страдают. И если мы чувствуем себя частицей человечества, которое должно стать богочеловечеством, одним духовным организмом, духовной семьей, то всякое страдание в этом мире должно отзываться в сердце нашем болью. И то, что случилось не с нами, это случилось и с нами, потому что мы связаны все духовно незримым образом друг с другом.

Поэтому святые отцы-пустынники, которые удалялись от людей, они только физически уходили от них, но не презиная людей, не потому, что люди им мешали, – а потому, что они уже вмещали этих людей в своем сердце, весь мир, и оплакивали грехи всех людей, как это умел делать старец Силуан, известный вам, память которого в конце сентября наша Православная Церковь отмечала. У них была слезная молитва не только о своих грехах, но о грехах людей всего мира, – и поэтому не

кажется нам странным благословение Господа на страдание; Он сказал нам: «В мире скорбны будете, но мучайтесь – Я победил мир». Т. е. мы постоянно будем пребывать в скорби, но эта скорбь наша должна быть светлой, если мы страдаем за Христа и страдаем во Христе.

И мученик Елистрат победил своих гонителей: он остался непреклонным. Они верили в идолов, а он верил в Живого Бога. Но он не проклинал, по слову апостолов, гонителей своих, а благословлял, – поэтому и уверовали видевшие его страдание воины. И потом они вместе с ним были заточены в темницу и стали как бы его духовной дружиной, о чём и в святыцах, и в житии говорится: сегодня прославляем не только (Калистрата), но и тех воинов (их было более 40 вначале), которые уверовали (во Христа) и за эту веру были убиты.

И любовь Христа победить нельзя, нет таких сил в мире, которые могли бы эту любовь победить, – если мы будем в это верить, то мы никогда не впадем в уныние, в какое бы пекло страданий мы ни попадали. Только не дай Бог нам страдать из-за наших грехов, когда мы сами привлекаем на себя страдание тем, что уходим от Христа и поступаем не по-христиански, – и тогда заходим в различные тупики, нравственные, духовные, из которых бывает очень трудно выходить, и душа наша мучается. Но когда мы страдаем без вины, и когда мы страдаем из-за того, во что мы верим, мы тогда блаженны, и тогда наше страдание светло, и тогда у него есть плод.

И страдания во Христе всегда плодоносны.

И страдания (Калистрата) спасли десятки язычников, потому что они увидели в нем человека Божьего,

праведного человека, и эта праведность их восхитила, и сердце выбрало это, а не то, чему их приневоливали поклоняться и чем жить.

Господь видит нас, когда мы страдаем, и хочет, чтобы мы обратились к Нему за помощью. Он насильно не может вторгаться в нашу жизнь, Он хочет действия веры, призыва из немощи нашей, из отсутствия силы, – чтобы наполнить нас этой силой, без которой мы ничего не можем сделать.

Аминь.

* * *

Слово перед исповедью
10.10.1999.

... У нас многие, как главную ценность, на первое место ставят здоровье, телесное здоровье; мы знаем очень много здоровых людей и пустых, которые погибают от своего здоровья, душа их не на месте. А мы должны прежде всего обрести мир душевный как наше естественное состояние. Это естественное состояние души – мир, (когда нет мира, ничто нас не радует в этой жизни), и поэтому будем стремиться к этому.

А наша душа исцеляется тогда, когда мы уклоняемся от зла. Вот, сегодня в конце Евхаристии будут петь 33-й псалом, и там будут слова: «Уклонись от зла и сотвори благо». Тебя злят, а ты не злись; на тебя клевещут, а ты сам не клевещи; тебя обижают, а ты не обижайся; у тебя крадут, а ты не кради, – всё делай наоборот, и всё это будет угодно Богу.

Аминь.

* * *

10.10.1999. Литургия
Лк 5:8-9

О благовении и страхе Божьем

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Вы слышали Евангелие от Луки о чудесном лове рыб на Генисаретском озере. Мы видим, как Иисус Христос вошел в одну лодку, вначале учил народ из лодки, а затем сотворил чудо, т. е. было поймано великое множество рыбы – такое количество, что были наполнены обе лодки, и они начали тонуть от этого изобилия. И увидев это чудо, «Симон Петр припал к коленям Иисуса и сказал: выйди от меня, Господи, потому что я человек грешный». Почему он так странно ведет себя, Петр? Он должен был радоваться тому, что совершилось, а он ведет себя как-то необычно и просит Иисуса Христа удалиться из лодки.

Евангелист говорит, что Петра обнял ужас, – и не только его, но и всех, бывших с ним, – от этого лова рыб, ими пойманных. Почему ужас обнял апостола Петра и других, и почему он просит Иисуса Христа удалиться из лодки?

Симон Петр увидел лицом к лицу Божию силу, которую явил в этом чуде Иисус Христос. Он вначале называет Иисуса Христа Наставником, Учителем, – и в этих словах мы можем еще увидеть то отношение к Иисусу Христу, которое было у многих: как к необыкновенному учителю, пророку, – но вот, когда была явлена эта сила Божественная, Петр затрепетал перед этой силой, его обнял не только страх, но и благовение перед

этой силой. И он просит Иисуса Христа выйти из лодки не потому, что Иисус Христос не нужен ему, – а потому, что он перед этой силой чувствует себя таким маленьким и недостойным ее. И он не может принять ее, вместить в себя, – это выше его. Поэтому он и обращается с такими словами к Иисусу Христу.

Но это драгоценное чувство, и оно возвышает в глазах Иисуса Христа Петра и делает возможным именно его посвятить на апостольское служение. Иисус Христос говорит ему: «Не бойся, отныне будешь ловить человеков», т. е. у тебя будет очень высокое служение. Ты оставил свое прежнее занятие ради другого, которое тоже есть труд, труд священный, труд Мой, – ты войдешь в Мой труд просвещения народа, сидящего во тьме, духовного просвещения ради их исцеления.

И, конечно, еще не открывается в этом месте вся тайна, вся глубина и весь размах этого служения сердцу Петра, но он верит безотчетно Иисусу Христу; и когда Иисус Христос просит их оставить все, они делают это: «оставили все, и последовали за Ним», за Иисусом Христом.

Оставить все и идти за Христом это не означает бросить все и идти за Христом, следовать по Его стопам, материально. «Оставить все» это значит быть со Христом; если мы не оставим земного, мы и не будем со Христом. Мы можем, не уходя никуда из своего дома, уйти от Христа; и можем пойти за Ним, следовать по физическим Его стопам, и не быть с Ним до конца, как это случилось с Иудой, допустим.

Поведение апостола Петра наставляет нас высокому благоговению перед Богом, благоговению перед Его любовью. Получив дар материальный, – тот большой

улов рыбы, – апостолы испытали в сердцах своих чувство благодарности и преклонились перед этой любовью, дающей так щедро, изобильно, с избытком, без меры, и в то же время устрашились этой любви, потому что её очень трудно вместить. Мы же часто, не понимая этой любви и не имея встречи с Господом, вступаем с Ним в такие дерзкие отношения, в которых нет ни малейшего благоговения, ни страха.

Часто люди относятся к Богу как к автомату, который выдает земные блага, и если не выдает их, то они возмущаются, спорят с Ним, и некоторые даже ругаются с Богом – особенно, когда случаются в их жизни трагические события. И можно тогда от человека, который еще не встретился с Богом, с Его любовью, услышать такие нехорошие слова, которые представляют Бога в таком виде, что полюбить Его невозможно. Но это неправда, это человеческие слова, лживые слова, и от них нужно отказываться, и нужно стремиться всё же всем нам изменить свои отношения к Богу, – чтобы наши отношения не были корыстными, потому что мы все этим грешим, мы всё время требуем от Бога, но мало требуем от себя. А должно быть наоборот.

Мы должны знать, что Господь нас любит всегда неизменно, что у Него есть все сокровища, и духовные, и материальные, и Он никогда не скучится дать их; но если мы их еще не получили, то причина этого в нас: мы еще часто не сможем удержать того дара, который нам Господь может дать. И чтобы этот дар получить, и вместить в себя, нужно очиститься. И состояние апостола Петра, очень благоговейное, должно учить нас всех этому смирению пред Богом – тому высокому

чувству, когда мы говорим Господу: я не достоин того дара, который Ты мне даешь; это по Твоей милости, по Твоей любви.

Мы же иногда говорим Господу: я, вот, трудился для Тебя; я хожу в храм, я ставлю свечи, я причащаюсь, я творю милостыню, еще что-то делаю, – неужели, я не заслужил, чтобы Ты мне дал то, что я хотел? И мы начинаем требовать за мнимые наши заслуги от Господа, и вступаем в корыстные отношения с Ним, и конечно, всё портим в своей духовной жизни. Таких отношений у нас с Богом не должно быть.

Мы должны вести себя так, как ведет себя апостол Петр, тогда еще Симон: «Господи, выйди от меня, потому что я человек грешный». Это не будет словами, которые должны удалить от нас Господа, а наоборот, неизмеримо приблизить Его, потому что где есть благоговение, там есть Живой Господь.

Аминь.

Священник Владимир Лапшин

ПРОПОВЕДИ

Рождество Христово

07.01.2024. Литургия

Гал 4:4–7

Мф 2:1–12

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Итак, мы с вами вновь празднуем Рождество Христово. И вновь, и вновь, вот уже две тысячи лет, мы стоим перед тайной. «Где должно родиться Христу?» Древние пророки знали, что ему должно родиться в Вифлееме. Но что такое Вифлеем, почему именно в Вифлееме? Вифлеем – город Давида, царя Давида, Иисус – царского рода. Но Вифлеем был городом Давида не тогда, когда Давид был царем. А тогда, когда он пас овец, скот своего отца – когда ему приходилось защищать пастбища от хищников, когда ему приходилось спать под открытым небом, когда ему приходилось спать на голой земле. Тогда Вифлеем был городом Давида. Но «город» – это звучит слишком громко. Город Вифлеем… Хотел сказать «сегодня» – да и сегодня это не совсем город, а пригород, по сути, Иерусалима. А тогда это была просто деревня. И вот в этой деревне, в этом селении рождается Иисус Христос. Почему? Почему Сын Божий рождается не в центре вселенной, не в центре Римской империи, не в Риме, не в императорском дворце? И даже не в Иерусалиме, даже не в Кесарии, не во дворце царя Ирода. Он рождается в Вифлееме на скотном дворе. Царь мира, Сын Божий!

Почему? Кто знает ответ на этот вопрос? Но каждый из нас должен вновь и вновь задавать этот вопрос себе. Потому что это очень важно. Очень важно найти ответ на этот вопрос, очень важно понять, что на этом строится то, что мы называем христианством, то, что мы называем православием. На этом стоит то, что можно было бы назвать нашими отношениями с Богом.

Каждый раз в преддверии Рождества Христова, в праздник Рождества, в ближайшие дни после Рождества мы говорим о том, что суть Рождества Христова в том, что Бог стал человеком. Но не просто человеком! Он принял на себя все условия человеческой жизни, Он принял на себя всю боль, все страдание этого мира. Именно поэтому Он рождается на скотном дворе – как миллионы других бедных, несчастных, униженных. Чтобы никто не мог сказать, что «Он родился только для нас». Никто не может сказать, что Он родился в императорском дворце, для того чтобы благословлять императорскую семью и его двор; никто не может сказать, что Он родился в доме первосвященника, для того чтобы благословлять священническое сословие и так далее. Нет. Он рождается среди самых обездоленных, Он рождается для всех людей на земле!

И еще раз важно вспомнить, повторить, что Он родился для того, чтобы Бог стал человеком, и чтобы человек стал богом. И в этом призвание каждого из нас, это напоминание нам о том, к чему мы с вами призваны. Кто из нас живет для того, чтобы стать богом? В лучшем случае кто-то, может быть, живет, чтобы стать порядочным человеком. И вот давайте сопоставим эти масштабы, сопоставим эти размеры. Я очень часто в этом храме говорю: где в Евангелии написано,

что мы должны быть порядочными? Где в Евангелии написано, что мы должны быть приличными? Где в Евангелии написано, что мы должны принадлежать к тому или иному хорошему кругу, обществу? В Евангелии написано «будьте святы, потому что Я свят», «будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный». Апостол Павел пишет: «Подражайте мне, как я Христу». Вот в чем наше призвание.

Но для того, чтобы это осуществилось, для того, чтобы действительно каждый из нас смог стать богом, мы должны еще стать подлинно людьми. Каждый из нас еще должен стать человеком. Сохранить эту человечность, пронести ее через всю свою жизнь. Вся культура мира сего противостоит этому, вся культура, современная цивилизация, и тысячу лет назад, и две тысячи лет назад, и до того, направлена на расчеловечивание человека. Культивируются самые низменные инстинкты, заложенные в нас еще природой, – то, что в нас от животного, то, что в нас от зверя. И как среди всего этого стать человеком, сохранить человечность во всех этих условиях? Именно для этого Христос пришел в этот мир – чтобы показать нам, что это возможно. Он это сделал. А раз Он это сделал, значит и мы это можем сделать. С Его помощью, Его благодатью, Его любовью. Но я еще раз хочу повторить, что для того, чтобы это стало возможно, мы должны стремиться к этому, мы должны помнить об этом, мы должны понимать, что мы живем именно для этого и ни для чего другого.

Вот о чем этот праздник. Это не детская сказочка, это не детский праздник с подарками под елочкой, нет. Это очень серьезно. Это напоминание нам о том, какой

ценой даруется нам возможность стать детьми Божьими, стать подобными Ему, стать такими же святыми, как Он был свят. Давайте задумаемся об этом.

И да хранит вас Господь!

* * *

Обрезание Господне

14.01.2024. Литургия

Кол 2:8–12

Лк 2:20–21; 40–52

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Итак, сегодня мы с вами празднуем Обрезание Господне. Слава Богу, так случилось, что в этом году этот праздник попал на воскресенье, и в храме много народа. И праздник действительно становится праздником. Почему я об этом говорю? Потому, что это такой недооцененный праздник, недопонятый церковным народом. Если бы этот праздник попал на седничный день, на будний день, наверно, в храме было бы всего несколько человек. Многие даже и в этот день, даже если и совершается служба, то совершают не столько праздник Обрезания, сколько память святителя Василия Великого. Конечно, святитель Василий Великий заслуживает особого почитания, но вот этот праздник все-таки приижать нельзя. Потому что этот праздник стоит в одном ряду с такими праздниками, как Рождество, как праздник Крещения Господня, как праздник, который будет в феврале, Сретение мы будем праздновать. В одном ряду с ними он бы тоже должен был быть двунадесятым. Кто-то скажет: да что же в нем особенного-то? Да всё особенное, всё важно!

Мы знаем, что Иисус Христос Сын Божий, мы знаем, что в Нем полнота Божества. Но мы очень часто забываем, что в Нем эта полнота Божества была *телесно*, как мы слышим в отрывке из Послания апостола Павла к Колоссянам, что Он был не только Сыном Божиим, но Он был Сыном Человеческим. Он был не только Богом, Он был подлинно Человеком, совершенным Человеком, истинно Человеком. И вот никак нельзя забывать о Его человечности. В рождественские дни, в дни Богоявления мы часто говорим о том, в чем смысл христианства, в чем смысл этих событий, праздников. В том, что Бог стал Человеком, чтобы человек стал Богом. В Нем, в Иисусе Христе, Бог соединился с человеком. Но Он был Человеком! Вот именно человечность и подчеркивается этим событием, этим воспоминанием, этим праздником.

И для нас это важно почему? Потому, что, забывая о человечности Христа, мы слишком снисходительно начинаем относиться к своим немощам, к своим неудачам, к своим грехам, скажем так. Ну что с нас взять? Мы простые смертные. Мы люди. Но вот Он тоже был Человеком – и Он умер за нас на Кресте. Он был смертным, но Он смог пройти через всю жизнь без греха. Значит, и мы можем! Не своей, наверное, какой-то мудростью, хитростью, умом своим, не своими силами – но Его благодатью. Как опять же пишет апостол Павел – что в Нем, во Христе, то есть в соединении со Христом, мы обрезаны нерукотворным обрезанием. Сам Господь говорил: «Всё, что Я делаю и вы сделаете, и больше того можете сделать. Потому, что Я ухожу к Отцу уже, а вы-то здесь остаётесь. Так что у вас больше возможностей еще».

Вот это очень важно всегда помнить. И этот праздник важен, очень важен. Давайте задумаемся об этом.

Да хранит вас Господь!

* * *

Навечерие Богоявления

18.01.2024. Литургия

1 Кор 9:19–27

Лк 3:1–18

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Итак, сегодня у нас с вами Навечерие, сочельник Богоявления, или, – как у нас чаще называют этот праздник, – Крещения Господня. И по сложившейся традиции в этот день мы читаем много отрывков из Евангелия, рассказывающих об этом событии, и совершаем Великое освящение воды. И вот в связи с этим иногда возникает вопрос: а почему вода? Почему вода, что значит вода вот в этом обряде, в этом символе? Какое значение имеет вода для покаяния? Ну, казалось бы, ответ на этот вопрос достаточно прост. Вода – это символ чистоты. Если мы хотим избавиться от нечистоты физической, мы омываем руки, мы принимаем душ, мы моемся. Если мы хотим избавиться от нечистоты духовной, мы идём к великой реке, мы идём к тем водам, которые с древних времён почитаются священными. Иоанн Креститель крестит на Иордане.

Но если это – крещение, крещение покаяния, покаяний, то возникает другой вопрос. А зачем тогда Иисус туда приходит и принимает это крещение? В чём Ему каяться? Он единственный безгрешен. И вот ответ на этот вопрос уже труднее. Здесь мы должны вспомнить

не только воду как символ чистоты, но мы должны здесь вспомнить и воду как источник жизни. Мы все с вами стоим на 90 процентов, наверное, из воды. Мы знаем, что та жизнь, которая нам известна, не может существовать без воды. Всё живое связано с водой.

Если вы возьмёте Книгу Бытия, начнёте читать первую главу, вы увидите, что всё живое выходит из воды. Вода – это ещё и лоно жизни, колыбель жизни. И если физическая жизнь рождается из первозданного океана, из тех вод, которые были созданы Богом, то жизнь духовная рождается из освящённой воды, воды, пронизанной Духом Святым. Вот именно для этого Иисус и входит в эту воду! Не для того, чтобы с Себя что-то смыть, а для того, чтобы принять на Себя вот ту грязь, тот грех, ту боль, то страдание, которые там уже были – с других людей. Чтобы освятить эту воду, чтобы она стала источником новой жизни, вечной жизни. Вот та правда, о которой говорит Иисус, когда Иоанн Ему говорит: «Зачем Ты пришёл? Я должен креститься от Тебя!» А Иисус отвечает: «Оставь. Сегодня нам нужно исполнить всю правду». Вот это и есть та правда: Он освящает эту воду, Он освящает этот мир, входя в него.

И сегодня мы с вами в память о том событии будем освящать воду. И с этой водой вы пойдёте домой, с этой водой вы будете ехать в транспорте, в метро, вы будете идти по улице – и вокруг вас всё будет освящаться. Но это бывает раз в год. Ну, ещё завтра это будет – два раза в год. Но мир нуждается в освящении каждый день! Именно для этого мы с вами причащаемся Святых Христовых Таин. Мы принимаем в себя Тело и Кровь Христовы. Для чего? Для того, чтобы там, где были мы, было свято. Вот как Иисус входит в эти воды

и освящает их, так мы должны входить в магазин – и магазин должен становиться святым, мы должны входить в транспорт – и транспорт должен освящаться.

Вот что такое христианство. Думаем ли мы об этом? Помним ли мы об этом? Делаем ли мы что-то для этого? Вот в чем вопрос. А не в том, зачем вода и так далее.

Да хранит вас Господь!

* * *

Богоявление

19.01.2024. Литургия

Тит 2:11–14; 3:4–7

Мф 3:13–17

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Итак, сегодня мы с вами совершаем праздник Богоявления, который чаще в нашей традиции называют Крещением Господним. Но это один из самых древних праздников – Богоявление. Мы с вами не раз говорили, что когда-то это был единый праздник. Не было отдельного праздника Рождества, не было отдельного праздника Обрезания, не было праздника Сретенья Господня – был праздник Богоявления. И в этот день вспоминали и Рождество Христово, и Обрезание и Сретенье, и даже брак в Кане Галилейской, на котором Господь совершил своё первое чудо. И всё это было таким единым событием, единым праздником. Но позже, уже где-то в четвёртом веке или чуть позже, некоторые праздники появились ещё попозже, церковь решила разделить эти события. Рождество стали праздновать отдельно, Обрезание, Сретенье Господне. Ну, и вот

праздник Богоявления, тем самым, стал праздником Крещения, потому что в этот день стали вспоминать одно событие – Крещение Христа на Иордане.

Уже вчера, в Навечерие, в сочельник крещенский, мы с вами говорили о том, что значит этот праздник для нас. Сегодня я, конечно, не буду повторять полностью всю вчерашнюю проповедь, но суть события в том, что Бог приходит в этот мир, освящает воду Иордана, тем самым освящая этот мир, и даёт возможность крещения от воды в Жизнь Вечную. Обычная вода является источником физической жизни, мы знаем, что всё живое на земле не может существовать без воды. Вода, в которую сошёл Дух Святой, вода, в которую сошёл Иисус Христос становится источником Жизни Вечной, Жизни Духовной. Это то, о чём мы говорили вчера.

Сегодня я хочу обратить ваше внимание на слова с Небес, которые услышал Иисус Христос, и Иоанн, наверно, тоже: «Сей есть Мой Сын Возлюбленный, в котором Моё Благоволение». Но в таинстве крещения, вступая в жизнь вечную, мы сочетаемся со Христом, воссоединяясь с Ним, насколько это возможно для этого мира. Значит в Нём, в Иисусе Христе, и мы становимся возлюбленными детьми Господа, и нам дарована Благодать. Как сказано в послании к Титу, которое мы сегодня читали. Вот это очень важно. Мы привыкли к тому, что, так называемые, господские праздники, праздники в честь великих евангельских событий, связанных с Господом нашим Иисусом Христом, являются откровением Божиим, откровением Бога. Но вот сегодняшний праздник, как, кстати, и многие другие, это ещё и откровение о человеке, откровение о том, что нам даровано – вот в этом Богоявление. Мы с вами говорили

в рождественские дни, что суть Боговоплощения, суть Рождества в том, что Бог стал человеком, чтобы человек стал богом для этого мира. Вот то же самое можно сказать и сегодня. То же самое можно сказать и о празднике Крещения Господня. Через это событие принимается таинство крещения, помазание Святого Духа, через это мы становимся возлюбленными детьми Бога. И даруется нам это именно для того, чтобы мы могли осуществить, реализовать это в нашей жизни. Поэтому этот праздник, как и все праздники церковного года, не только повод для торжества, не только повод для радости, чтобы возгордиться – «вот кем сделал меня Бог». Но и для того, чтобы напомнить о нашей ответственности, напомнить, что нам дано, что нам даровано и что мы с этим делаем в нашей жизни. Давайте задумаемся об этом.

Да хранит вас Господь!

* * *

Сретение Господне
15.02.2024. Литургия
Евр 7:7–17
Лк 2:22–40

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Итак, сегодня мы с вами празднуем Сретение Господне. Не раз мы уже говорили о том, что этот праздник стоит в одном ряду с такими праздниками, как Рождество Христово, Крещение, сюда можно прибавить ещё и Преображение, и многие другие праздники, которые все, по сути, являются одним единым событием, одним

единым праздником, который можно было бы назвать Богоявлением. Бог являет Себя миру. Этот праздник Сретение, в переводе на русский язык это Встреча. Встреча человека с Богом. Бог явил Себя миру, человек встретился с Богом. Но каждый раз меня поражает то, как незаметно это происходит в этом мире. Нам казалось, что Богоявление это должно быть что-то громкое, с молниями. Как какой-нибудь громоверхий Зевс, который врывается в человечество! Нет! Вспомните, как происходит Рождество Христово: тихо, ночью, на задворках Римской империи, где-то в хлеву рождается Младенец. И никто об этом не знает. Не знает, что это Божественное Дитя.

Недавно мы праздновали. Крещение Господне. Бог приходит на Иордан, чтобы вместе с людьми «исполнить всякую правду», как говорит Иисус Иоанну Крестителю. То есть, опять являет себя миру. Но кто это видит? Быть может, один Иоанн, может, ещё кто-то что-то увидел, услышал. Вот сегодня мы читаем рассказ о том, как младенец Иисус был принесён в храм, для совершения положенного по закону жертвоприношения. И это видят только старец Симеон и пророчица Анна. И каждый раз меня поражает в этом празднике, как Симеон смог увидеть в этом Младенце, принесённым, в общем-то, если не нищими, то очень бедными родителями, потому что Евангелие указывает жертву, которую они хотели принести - два птенца голубиных. Это жертва, которую могли принести очень бедные люди. Потому что те, кто богаче, в таких случаях приносили в жертву агнцев, тельцов, а они всё, что могут, – это двух птенцов голубиных принести. И вот как он увидел в Нём Бога, как он увидел в Нём Сына

Божия, спасение спасаемых, свет во откровение языков?! В Евангелии написано: вдохновение от Бога, Духом Святым водимый, он пришёл и всё увидел. Мы-то тоже все водимые Духом Святым, мы же все водимые Богом. Все помазанные Духом Святым. Нам всем дан дар вот этой встречи, возможной встречи в будущем.

Бог каждый день нас с вами прощает. Каждый день и нас с вами вдохновляет на подвиги, на служение, на дела святые. Каждый день Он стучится в наше сердце, но мы не видим Его, не слышим. Потому что мы заняты, у нас много разных дел, нам много чего надо сделать. А у Симеона это было всей его жизнью, центром его жизни. Он жил жаждой этой встречи, и она произошла. Давайте задумаемся об этом. Это не значит, что мы должны ничего не делать, что мы не должны работать, что мы не должны заводить семью, что мы целыми днями только должны быть в храме, где, в принципе, целыми днями делать нечего. Нет! Но это значит жаждать этой встречи, она должна повлиять на нашу жизнь, она должна быть центральным стержнем, на котором всё должно держаться. Помните, как Господь говорит: «Ищите прежде Царства Божия и Правды Его, а остальное всё приложится». Он не говорит, что всё остальное плохо, Он не говорит, что остальное нам не надо. Нет! Но главное – Царство Божье, главное – встреча с Богом, встреча со Христом. И тогда это будет действительно христианство. Тогда это будет встреча. Вот это понятие встречи важно в христианстве. У владыки Антония (Блума) – целая книга посвящена «Богословию встречи». А мы этой встречи и не ищем, а то и уклоняемся. Давайте задумаемся об этом.

Да хранит вас Господь!

* * *

Неделя о мытаре и фарисее

25.02.2024. Литургия

2 Тим 3:10–15

Лк 18:10–14

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Итак, сегодня у нас с вами Неделя о мытаре и фарисее. В предыдущую неделю мы с вами говорили о том, что теперь все литургические чтения, богослужебные песнопения так или иначе будут нам напоминать о приближении Великого поста и говорить о покаянии. Но вот сегодняшние литургические отрывки, как мне кажется, говорят не только о покаянии, но о чем-то очень-очень важном для понимания того, что есть христианство. То есть, нечто очень важное о христианстве. Хотя понимание того, что есть христианство, – это, по сути, и есть покаяние. Значит, в конечном счете все равно речь идет о покаянии.

Ну, прежде всего надо отметить, что вот в этой притче о мытаре и фарисее мы, слушая ее, и слушая особенно некоторые песнопения богослужебные, неправильно расставляем акценты. У нас получается мытарь – такой весь белый и пушистый, а фарисей – плохой. Но на самом деле это ведь не так. Мы ничего плохого о фарисее не знаем, о каких-то его недостатках. Наверное, они у него какие-то были. Но по тому, что он сам о себе говорит, он, в принципе, порядочный человек. Он не нарушает закон, он никого не грабит, он не прелюбодействует. Он регулярно отдает десятину со всех своих доходов, со всего, что имеет, – отдает на храм, отдает бедным, нищим людям... Постится, больше, чем

положено. Положено один день в неделю поститься – он два дня постится. То есть он, в принципе, неплохой человек. Про мытаря мы мало что знаем. Может быть, он не очень плохой, может быть и в нем было что-то хорошее. Но мы знаем, что он мытарь. И он сам о себе говорит как о грешнике, он каётся. Так в чем здесь суть-то, почему нам именно это предлагает сегодня Церковь? Что здесь о покаянии?

Покаяние – это, как мы с вами не раз говорили, изменение, это «метанойя» – изменение сознания. Изменение перспективы, изменение взгляда: на жизнь, на отношения с Богом и так далее. Вот у фарисея мы этого не видим. Он подлинно человек этого мира. Что в этом мире свойственно людям? Превозносить себя. Хвастаться. Даже если нечем – мы придумаем что-нибудь, мы найдем, чем себя как-то возвеличить. Ну если не получается себя возвеличить – надо другого принизить: я уже все равно выше буду. Своих достоинств нет, но он-то хуже! Вот всё это мы видим в фарисее. Вот именно поэтому Господь и говорит, что он пошел из храма менее оправданным, а мытарь пошел более оправданным. Не сказано, что фарисей пошел осужденным, нет. Но он пошел менее оправданным, чем мытарь.

А мытарь, почему же он-то так превознесен? Про мытарей мы много раз с вами говорили: мытари, они такие – они и грабили, и хищничали. Да и вообще оккупантам служили. За что ж его-то так Господь? А за то, что он понимает, кто он. Он понимает, он знает свои недостатки. Он смотрит на себя, не сравнивая с другими людьми – он смотрит на себя глазами Бога. Он видит всю свою несостоятельность, он видит всё свое недостоинство. И признаёт это. И в этом единственная

его, что называется, добродетель. Именно поэтому он идет из храма оправданным более, нежели фарисеем.

В принципе, о том же самом, о перемене перспективы, об изменении сознания говорит и апостольское зачало – отрывок из Послания к Тимофею. Ведь очень часто мы на христианство, на наши отношения с Богом смотрим как на религию, которая помогает лучше устроиться в этом мире: которая дает нам благополучие, материальное, которая дает нам здоровье, которая устраивает какие-то наши дела, наши отношения с другими людьми и так далее. Но ведь христианство – это что-то совсем другое. И когда вот этого всего мы не получаем, особенно в какие-то трудные времена, вот как сейчас, наступает разочарование. «А где же Бог? А почему ж всё так плохо?» Родные мои, но Он и не обещал. Он и не обещал, что будет хорошо здесь, в этом мире. Он говорил: «Будете скорбь иметь в мире». А вот сегодня мы слышим, как апостол Тимофею пишет – что все желающие жить благочестиво во Христе Иисусе будут *гонимы*. То есть все желающие жить похристиански, жить по правде Божьей, жить по любви будут гонимы. А злые люди будут преуспевать во зле. Так что чему ж тут удивляться? Христианство – это что-то совсем другое. Это не религия благополучия. Это не религия устройства в этом мире. Христианство – это быть рядом со Христом. Христианство – это быть в лучах Его света. А в этом мире быть рядом со Христом – это вот, распятие. Мы давно не вспоминали слова подвижницы благочестия XX века Екатерины Колышкиной. Она говорила, что у креста одна сторона занята, Господом. Но с другой стороны свободно. И вот быть со Христом, быть христианином – это значит быть вот

там, распятым. Это значит быть гонимым и распятым – но рядом с Ним! Вот что такое христианство. И для того, чтобы принять это, нужно изменить, опять же мы возвращаемся к слову «покаяние», изменить сознание, изменить видение, изменить перспективу! Посмотреть на христианство по-другому.

Давайте задумаемся об этом. Потому что ведь многие люди годами ходят в церковь – и не понимают, о чем идет речь. Даже не задумываются об этом. А ведь это так важно! Чтобы не было каких-то разочарований, чтобы не было падений. Сейчас люди приходя, часто говорят: «Батюшка, я теряю веру от всего того, что происходит!» Да что ж это за вера такая, если ты ее теряешь от того, что происходит? Значит, неправильная вера была. Не та вера, не в то! Не та перспектива, не то направление было взято, изначально. Вот что такое покаяние. Вот именно этому мы и должны учиться в эти недели перед постом. Ну, и конечно, во время самого поста.

Да хранит вас Господь!

* * *

Неделя о блудном сыне

03.03.2024 Литургия

Кор 6:12-20

Лк 15:11-32

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Итак, сегодня Неделя о блудном сыне. В этот день читается эта удивительная притча, можно сказать жемчужина Евангелия, жемчужина Евангелия от Луки. Вообщем, Евангелие от Луки наполнено этими жемчужинами:

чтобы мы читали в преддверии Великого поста, если бы у нас не было Евангелия от Луки? Притча о мытаре и фарисее, притча о блудном сыне, а потом еще будет чтение о милосердном самарянине – это всё Евангелие от Луки, все вот эти истории, притчи... И история о Закхее, хотя это не притча, а реальная история, но это тоже в Евангелии от Луки. Это просто удивительно. И вот в связи с этой притчей, конечно, можно говорить до бесконечности. Есть даже целая книжка, она правда небольшая, можно сказать трактат, написанная как комментарий, как размышление на эту притчу. Некто иезуит Марко Иван Рупник, словенский монах, профессор, богослов, в свое время размышлял, и когда-то давно, я уже не помню сколько лет назад, когда еще было радио наше, мы с вами, со многими из вас, кто в то время слушал радио, читали эту книгу, этот трактат, размышляли.

Но сегодня я хочу обратить ваше внимание только на два момента. Даже не два момента, это в принципе два момента, связанные друг с другом, можно сказать, один момент, они прекрасно дополняют друг друга. Прежде всего, смотрите: мы читали неделю назад притчу о мытаре и фарисее. Там два действующих лица: один очень-очень грешный, как мы можем предположить, другой – праведный. В сегодняшней притче мы опять видим двух братьев, один блудный, один грешный, один очень плохой. А другой – праведный. И интересно то, что, когда мы читаем эти притчи, когда мы читаем это Евангелие, наши симпатии на стороне грешника. Наши симпатии на стороне нехорошего, а праведный как-то вот... И хотя и в прошлый раз я говорил, что это мы так воспринимаем, но в Евангелии не написано,

что фарисей был осужден Богом. Сказано только, что мытарь пошёл более оправданным.

И в сегодняшней притче мы тоже не читаем, что отец возмущается поведением старшего сына, укоряет его, осуждает его. Нет. Он уговаривает его. Но речь не об этом. Сразу возникает мысль: так что же, для Бога лучше, чтобы мы были грешниками что ли? Ему не нужны праведники? Ему не нужны правильные? Речь не об этом... Нет, конечно же, ни Евангелие, ни Господь этими своими притчами не призывает нас грешить, чтобы потом каяться. Знаете, такая в народе есть поговорка: не согрешишь – не покаешься. Это не тот подход. Речь идет о том, что очень часто эта формальная праведность, правильность ожесточает людей, окаменевает их сердца. А грешники очень часто способны к покаянию. Да, есть, конечно, и нераскаянные грешники, такие бывают, мы слышали, мы знаем из истории и, наверное, из Священного Писания, можно и в Священном Писании найти такие примеры. Но, всё-таки, есть о чем задуматься, скажем так. И второй момент. Мы очень часто забываем, что главное действующее лицо здесь всё-таки не братья, не сыновья, а отец. И эта притча, конечно, должна была бы называться «о милосердном отце». В этой притче есть один момент: «увидев его издалека, он побежал ему навстречу и пал на шею». Вот это очень важно. Да, этот младший сын, он плохой, он очень плохой. Мы с вами в свое время когда-то говорили, насколько он плох. Представьте себе, заявить живому отцу, отцу в силах сказать: «Слушай, стариk, ты зажился. Ты мне живой не нужен. Отдай мне мою долю наследства (наследство дети когда получают? когда родители умирают), я буду жить сам... а ты там как

хочешь, хоть умирай, хоть живи, твои проблемы, но мне ты больше не нужен, я буду сам». Это же страшно. А отец любит его. Он, может быть, каждый день выходил на эту дорогу и смотрел вдаль... Как он увидел его издалека? Потому, что он ждал его. Он верил в это. Он надеялся. И побежал навстречу, забыв обо всём, забыв о гордыне, о гордости и так далее. И пал ему на шею. Сын пытается что-то ему сказать, пытается вроде как бы покаяться, признать свою вину... Отцу не нужны все эти слова. Ему нужен сын, понимаете? Он даже его не дослушивает до конца. Вот это очень важный момент. Мы всё время стараемся быть перед Богом правильными. Мы пытаемся выстроить с Ним деловые отношения. Мы всё время набиваемся к Нему в наёмники. А Ему наёмники не нужны. Ему сын нужен, Ему дети нужны. Может быть, непутёвый, какой есть. Главное, чтобы был любящим. Главное, чтобы свой был, чтобы родной был. Вот чего Господь ждёт. Вот сейчас перед постом опять начинаются разговоры о том, как правильно? Как и что неправильно? Что можно? Что нельзя? Как...? Как сердце велит. Главное, чтобы Отца не расстроить. Главное, чтобы не предать Его любовь. Мы иногда с вами во время общей покаянной молитвы говорим о том, что есть один грех, страшный грех, из которого всё остальное растет. Это предательство. Вот не предать эту любовь Бога, не предать Его веру в нас. Мы очень часто говорим о том, как важно быть верующим человеком. Как важно верить в Бога. Да, это очень важно. Но гораздо важнее, что Он в нас верит. Он любит нас. И никогда не разочаровывается. Он всегда ждёт. На какую бы чужбину мы не ушли, что бы мы там не накосячили... Он всё равно ждёт нас. Потому

что любит. Чем мы на эту любовь можем ответить? Как не предать эту любовь? Давайте задумаемся об этом.

Да хранит вас Господь!

* * *

Прощенное воскресенье

17.03.2024. Литургия

Рим 13:11–14:4

Мф 6:14–21

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Итак, сегодня у нас с вами последний воскресный день перед началом Великого поста. И в связи с сегодняшними литургическими отрывками, чтениями можно было бы говорить об очень-очень многом. Здесь говорится и о посте, и о межчеловеческих отношениях, и о духовности, которую мы очень часто вспоминаем, о духовных ценностях... То есть говорить можно до бесконечности. Но я хочу обратить ваше внимание только на один момент.

Вы помните, что день сегодня называется Прощёное воскресенье. И мы с вами сегодня будем просить друг у друга прощения – за те обиды, которые мы причинили друг другу, за те дурные мысли, которые у нас о ком-то, может быть, были, за осуждение, за многое-многое другое. Но очень важно заметить, что в Евангелии нигде не говорится «если будете просить прощения, то Отец Небесный вам всё простит». В Евангелии сказано по-другому: «если вы будете прощать»! И я каждый раз, каждый год именно на это обращаю ваше внимание в этот день. Да, конечно, это не значит, что не надо просить прощения. Конечно, надо! Особенно если это

искренне, когда мы сознаём свою вину, – чтобы загладить эту вину. Ну как не попросить прощения?! Конечно же. Но в Евангелии речь идет о другом. В Евангелии главное не только попросить прощения, а *самому простить!* Мы очень часто говорим, что этот день, Прощёное воскресенье, – для того, чтобы войти в Великий пост необремененными, для того, чтобы не тащить с собой туда груз застарелых каких-то обид. Так вот, это *невозможно*, если мы не прощаем, если мы не простим. Все это так и пойдет вместе с нами, так и будет тянутъ нас к земле. Очень часто люди приходят на исповедь, говорят: «Батюшка, не могу – такая обида, такая обида, так разъедает душу!» Правильно! *Твоя* обида: ты обиделся или ты обиделась, и разъедает *твою* душу. Тот, кто тебя обидел, тот, на кого ты обиделся, – он, может быть, даже ничего и не знает, и не помнит уже. А *твоя* душа разъедается, *твоя* душа разлагается, *твоя* душа не может жить в мире! А ведь это же самое главное, самое главное – мир в душе. Самое главное – это мир с Богом, мир с людьми, мир с самим собой. Это и есть вот то сокровище, о котором говорится в евангельском отрывке – «где сокровище ваше зарыто, там и сердце ваше». Но для того, чтобы мир был, мы должны простить. Без этого ничего не получится.

Давайте задумаемся! Сегодня мы будем просить друг у друга прощения, постараемся быть искренними в этом – это всё хорошо, всё правильно. Но самое главное, давайте простим! Простим, постараемся простить всем, на кого мы что-то имеем, всем, кто нас обидел. Кто-то – тот, кто обидел нас, или тот, на кого мы что-то имеем, – он может даже и не сознавать этого, он может даже не знать об этом и не думать. Ему все равно – нам

плохо! Поэтому мы должны простить. Не ждать, когда кто-то попросит прощения, а самим простить. Часто люди говорят: «Ну как прощать, как прощать, если не просят прощения? Нельзя, не бывает прощения без просьбы о прощении. Без покаяния». Ну как, родные мои, ну как же? Ну, вот когда Его убивали на кресте, когда Его распинали – кто там просил у Него прощения, кто там каялся? А ведь Он всех прощает. Он говорит: «Отче, и Ты прости. Потому что не знают, не ведают, что творят». Вот что такое прощение. Давайте задумаемся об этом сегодня, вот в этот день, который мы так и называем – Прощённое воскресенье.

Да хранит вас Господь!

* * *

Лазарева суббота

27.04.2024. Литургия

Евр 12:28–13:8

Ин 11:1–45

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Итак, как мы уже говорили, Великий пост, к которому мы в свое время очень долго готовились, и который сам был многонедельным, вчера закончился. Сегодня у нас праздник – Лазарева суббота, завтра у нас праздник – Вход Господень в Иерусалим. И эти праздники очень важны для понимания того, что есть христианство, для понимания того, что есть, как мы часто это говорим, наши отношения с Богом, что есть христианская жизнь.

Уже вчера на молитве Тэзе с молодежью мы говорили о том, что в этом евангельском рассказе о воскрешении Лазаря есть очень важные моменты. Здесь можно

было бы говорить об очень-очень многом! Здесь есть и вопросы, есть какие-то сомнения, есть переживания. Например, почему Иисус медлит? Когда узнал, что Лазарь заболел, почему Он не поспешил в Иерусалим? Почему Он ждет два дня, почему Он ждет, когда Лазарь умрет? Вопрос. И даже у святых отцов нет каких-то таких вот однозначных мнений на этот счет. У Господа какие-то свои планы, у Него какое-то свое видение. Но для человека, для меня, например, этот вопрос остается. Да, Он говорит: «Я радуюсь, что Меня не было там в это время» – это Он говорит ученикам. «Вы увидите славу Божию». Неужели ради того, чтобы явить славу Божию, нужно было причинить столько горя Марфе и Марии, которые так переживают, убиваются о смерти своего брата?.. Можно говорить до бесконечности, тут много моментов. Иисус плачет! Сын Божий плачет. Это говорит о Его человечности. Мы очень часто говорим о том, что Он был Сыном Божиим, мы очень часто говорим о том, что Он был Богом, что Он второе Лицо Пресвятой Троицы и так далее, мы говорим о Его божественности – но мы забываем о Его человечности! Если он плачет над гробом Лазаря, то я представляю, как было страшно Ему, когда Его мучили, пытали, как Ему больно было перед казнью. И сама казнь! Мне не раз приходилось слышать: «Ну что, ну Он же Бог, Он же Сын Божий! Он же знал, что Он воскреснет и так далее. Чего бояться?» Мы тоже знаем, что воскреснем, но все равно боимся. Мы же каждое воскресенье с вами поем «Воскресение Христово видевше», «Христос воскрес» вот скоро будем петь, «смертиу смерть поправ», «смерти нет» и так далее. Мы всё это знаем. Но умирать-то страшно, все равно страшно.

Но я хотел обратить внимание на другое – то, что мне кажется сегодня очень важным и актуальным. Марфа и Мария переживают страшное горе: умер брат. Судя по всему, младший брат. Об этом тоже можно говорить, рассуждать, но в общем-то многие толкователи сходятся к тому, что это был младший брат – почему они так и убиваются, почему они так переживают. Потому что сами они уже в общем-то женщины взрослые, если бы это был старший брат, значит, ему было бы еще больше лет. Продолжительность жизни в те времена была не очень большая. А они так переживают потому что, как я уже сказал, многие комментаторы, толкователи считают, что это был младший брат, а это совсем другое дело. И они нуждаются в утешении, конечно они нуждаются *в чуде*. Они говорят Иисусу: «Если б Ты был здесь, не умер бы брат». Они верят в Его... возможность совершить невозможное! «Если б Ты был здесь! Всё было бы хорошо».

Почему я говорю, что это важно, – потому что мы сегодня все нуждаемся в утешении. Мы сегодня все нуждаемся в чуде. Мы переживаем очень трудные времена – когда, кажется, земля уходит из-под ног, когда обычная жизнь распадается. Я тут смотрел в интернете интервью отца Алексея Уминского. И вот интервьюер спрашивает его: «Ну как вы себя сейчас чувствуете – после того, как это всё произошло и так далее. Он говорит: «Я как контуженый. Я не могу ни читать, ни молиться, ничего, ни слушать музыку...»

Я уже два года как контуженый. Ничего не получается... Мы все нуждаемся в чуде. Мы все нуждаемся в каком-то утешении. И Господь готов совершить это чудо, Господь готов войти в нашу жизнь с утешением.

Но нужна наша вера! Вот Марфа и Мария верят в Него, они верят в то, что Он может совершить чудо, они доверяют Ему! Марфа прямо говорит: «Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир». А верим ли мы в чудо, верим ли мы в возможность утешения?

Вот с этим связан и второй момент. Мы очень часто обижаемся на Иисуса, мы очень часто обижаемся на Бога. Мы просим Его о чем-то – а Он вроде как не дает, Он не совершает это чудо! Но ведь важно понять, что вместе с чудом приходит и Он Сам. Нам-то нужно только чудо, а Сам Он пусть там остается. Но с чудом приходит вместе Он, а вот этого мы как-то... не знаю, уместно ли здесь слово «боимся». Ну не боимся – стесняемся. Нам как-то неудобно, как мы будем выглядеть перед Ним. Вот вчера мы вспоминали, что первые христиане каждый день начинали и заканчивали словами «маранафа» – «Ей, Господи, гряди. Гряди скорее!» Они жаждали этой встречи со Христом! А мы ее жаждем? Мы готовы впустить Его в свою жизнь – целиком, полностью? Так, чтобы Он всё собой заполнил? Ведь если Он войдет в нашу жизнь, в эту нашу жизнь, она уже просто перестанет быть нашей – это будет Его жизнь, это Он будет через нас вот здесь жить, проживать. Мы будем Его руками, мы будем Его ногами, мы будем Его глазами. Мы будем Его *человечностью*, Его людьми. Но мы будем Его, а не своими уже. Мы готовы к этому? Боюсь, что нет. Нам хочется самим рулить, нам хочется самим решать, что нам надо, нам хочется самим... Нам всё хочется самим, самим, самим. Вот именно поэтому Он и не может войти в нашу жизнь – войти с утешением, войти с чудом.

Давайте задумаемся об этом. Каждый раз, когда мы с вами совершаляем тот или иной праздник, мы говорим о том, что это не только повод для радости. Да, сегодня повод для радости: сегодня икру можно есть. Смешно, правда, да? Сегодня не только повод для радости – это напоминание об огромной ответственности этих отношений с Богом, ответственности того, что называется христианством.

Да хранит вас Господь!

* * *

Вход Господень в Иерусалим

28.04.2024. Литургия

Флп 4:4–9

Ин 12:1–18

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Вчера мы с вами праздновали Лазареву субботу. Сегодня один из величайших праздников христианской церкви – Вход Господень в Иерусалим. Эти два праздника в песнопениях и в самой традиции нашей Церкви неразрывно связаны друг с другом. Хотя надо признать, что между ними, между этими событиями, прошло достаточно много времени. Многим церковным людям кажется: они вчера были на службе, сегодня, поется один и тот же тропарь – им кажется, что это вот так и произошло – что вчера или, может быть, сегодня утром Господь воскресил Лазаря, вечером Ему устроили вечерю, трапезу, а на следующий день Он вошел в Иерусалим. На самом деле, нет. Почему я обращаю ваше внимание на это? Потому что ведь многие не знают этого. Потому что многие либо вообще не читали

Евангелие, либо читают его невнимательно. А если бы вы вчера вечером, прия домой после литургии, прочитали одиннадцатую главу Евангелия от Иоанна дальше, до конца, вы бы это всё увидели. Там прямо написано, что первосвященники собирались, чтобы устроить заговор против Иисуса. Поэтому Он уже не мог ходить открыто нигде, а удалился в пустынные места и там проводил время со своими учениками. Сколько прошло этого времени, мы не знаем. Но время прошло.

И это тоже очень важно. Потому что, мне кажется, если бы Иисус сразу после воскрешения Лазаря вошёл в Иерусалим или если бы воскрешение Лазаря действительно произошло прямо накануне входа, то есть за шесть дней до Пасхи, всё было бы по-другому. Это было бы триумфальное шествие. Его противники не успели бы ничего сделать. А здесь они сумели договориться, они решили все эти проблемы, они ждали подходящего момента. И этот подходящий момент наступил. Почему, опять же, это очень важно? Нам кажется, что Бог должен был всё как-то сделать победоносно. Но нет. У Него своя стратегия, у Него свои какие-то планы. Его планы – не наши планы. Если бы мы планировали эту атаку на Иерусалим, мы бы сделали всё как надо. Но Он делает по-другому. Он делает по-другому, и это заставляет нас о многом задуматься.

Нам многое не нравится в том, что происходит в мире, нам многое не нравится, как устраиваются наши личные дела или ещё что-то. И мы задаемся вопросом: «Где же Бог? Куда Он смотрит? Почему Он не действует так, как я считаю нужным?» А у Него своя стратегия, у Него своё видение. И это очень важно понять, эти два праздника нас очень многому учат. Мы вчера

уже говорили: Иисус узнаёт о том, что Лазарь болен, но не спешит в Иерусалим. Чего Он ждёт? Может быть, Он надеется, что Лазарь выздоровеет? Или Ему нужно убедиться в том, что Лазарь умер? Мы не знаем. Но Он не спешит в Иерусалим, Он направляется туда только через несколько дней. И Лазарь во гробе уже четыре дня – четырехдневный, как мы его называем, Лазарь.

Это опять же свидетельствует о том, как мы должны принимать замысел Божий, волю Божию. Каждый день жизни мы должны принимать как дар Божий, каким бы трудным этот день нам ни казался. Какие бы испытания ни выпадали на нашу долю, мы должны благодарить Бога. Потому что это Божий день, это день Господень. Господь его даровал нам, значит, это нужно. А уж как он пройдёт – на всё воля Божия. Ну а что касается праздника, Входа Господня в Иерусалим, – будем радоваться! Радоваться, ликовать вместе со всем народом, вместе с теми жителями Иерусалима или с иудеями, пришедшими на праздник встречать Иисуса с ветвями. Где ветви-то, где пальмы? Встречать Иисуса, радоваться: «Благословен Грядущий во имя Господне. Бог Господь, и явися нам. Радость велия, аллилуйя!» Но – помнить, какой ценой дарована нам эта радость. Помнить: чтобы мы могли сегодня это петь, Он взошёл на Крест. Он мучился, страдал, Он умер. Но всё равно – радоваться, да, радоваться! Как апостол Павел пишет филиппийцам, мы слышим сегодня: «Радуйтесь, паки реку – радуйтесь. Радуйтесь!» Это он пишет из тюрьмы. Он сам радуется, он пребывает в темнице, он в заточении – но он пишет филиппийцам это письмо о радости. Специалисты его называют «письмо радости», «послание радости». В этом послании больше двадцати

раз, по-моему, употребляется слово «радость», «радуйтесь», «я радуюсь». И Павел радуется, и нас призывает радоваться. Так что будем радоваться. Но всегда будем помнить, что Господь за нас умер. Страдал и умер, чтобы мы могли радоваться.

Да хранит вас Господь!

* * *

Великий Четверг

Воспоминание Тайной Вечери

02.05.2024. Литургия

1 Кор 11:23-32

Евангелие составное:

Мф 26:1–20; Ин 13:3-17; Мф 26:21-39;

Лк 22:43-45; Мф 26:40–27:2

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Традиционно днем рождения Церкви считается день Сошествия Святого Духа, когда на апостолов сошел Святой Дух, когда они начали проповедовать. То есть событие, в честь которого установлен праздник Пятидесятницы. И в этом есть определенный резон: действительно, Церковь проявляет себя в силе и славе, начиная с сошествия Святого Духа. Но в истории Церкви, в евангельской истории, есть еще одно событие, которое является, можно сказать, краеугольным камнем в основании Церкви. Это то событие, которое мы вспоминаем сегодня, – Тайная Вечеря. Вечеря, на которой был установлен Новый Завет Бога с человеком. И символом, знаком которого стала именно Евхаристия, Преломление хлеба, Причащение Тела и Крови Христовых. И для первых христиан это было очевидно: что Церковь – это

люди, собравшиеся ради Евхаристии, люди, собравшиеся вокруг Евхаристии, вокруг Христа, присутствующего в этих Таинствах, в этих таинствах. В одиннадцатой главе Послания к коринфянам, отрывок из которой мы слышали, апостол Павел прямо об этом говорит. Он укоряет коринфян: «Я слышал, до меня дошло, что, когда вы собираетесь в церковь, это, к сожалению, не означает, что вы собрались ради Евхаристии. Так для чего вы тогда собираетесь, непонятно», – он говорит. То есть Церковь – это и есть Евхаристия. Для него Евхаристия, Церковь и христианство были, можно сказать, синонимы: христианства нет вне Церкви, а Церкви нет вне Евхаристии, без Евхаристии.

Это очень важно! Именно поэтому, святитель Василий Великий, Литургию которого мы сегодня совершаем, призывал причащаться каждый день! Но не у всех есть такая возможность. И Василий Великий это понимал. Он это понимал и говорил: «Ну хотя бы тричетыре раза в неделю. Ну или уж хотя бы раз в неделю». Мы знаем, что уже в те ранние времена, раз святитель Василий Великий говорит об этом, пишет об этом, уговаривает, объясняет – значит, уже в то время появились люди, которые пренебрегали Евхаристией, которые недооценивали это таинство. В начале V века о том же писал уже Иоанн Златоуст. Он писал: «Вы говорите: „Я недостоин часто причащаться“». А если ты будешь причащаться раз в год – что, ты будешь достоин?» – спрашивает он. Тем более недостоин. Потому что пренебрегаешь вот этой милостью Божией, любовью Божией, этим таинством.

Многих смущают слова апостола Павла из того отрывка, который мы сегодня читали, – что «потому

многие из вас и болеют, и умирают, что недостойно причащаетесь». И многие считают: «Ну, я же недостоин! Как же мне?..» Родные мои, здесь недостоинство, то недостоинство, о котором говорит апостол Павел, совсем не то, о чем обычно помышляют люди. Многие говорят: «Я недостоин, потому что я не постился, недопостился». Кто-то говорит: «Я не вычитал положенное правило, каноны и так далее, я не могу сегодня причащаться, я недостоин». Родные мои, речь не об этом. В одиннадцатой главе, в предшествующих словах, предшествующих абзацах вот тому отрывку, который мы читали, апостол Павел как раз и поясняет, о каком недостоинстве идет речь. Речь идет о том, что, когда люди не понимают, что это именно братская трапеза, когда они приходят вроде бы в церковь, вроде бы в собрание, вроде бы приходят ради Евхаристии, но приходят каждый сам по себе. Когда им нет дела до других, когда они ссорятся друг с другом, когда одни не уважают других, не принимают других. Когда какие-то разделения, споры, ссоры и так далее. Вот о чем идет речь! А не о том, что кто-то чего-то не дочитал, не о том, что кто-то недопостился.

Так что давайте, родные, будем помнить об этом. Это удивительное таинство, которое нам даровано, эта удивительная милость Божия, благодать Божия! Мы сегодня читали паремии, отрывки из Ветхого Завета. Помните, как Бог является израильтянам у горы Синай? Громы, молнии, горы трясутся. Ужас! А к нам Господь приходит как Хлеб и Вино – щадя нас, милуя нас. Как не благодарить Его за это? Можем вспомнить отрывок из книги Иова, как Бог разговаривает с Иовом: «Кто ты, безумный? Где ты был, когда Я создавал Вселенную?

Где ты был, когда Я прокладывал пути для рек, когда устанавливал пределы планет, светил и так далее? Где ты был, кто ты есть?» А с нами как Господь говорит? «Вы дети Мои любимые». Дал нам возможность называть Его... даже вот в синодальном переводе, в русском переводе это не очень хорошо звучит. Мы читаем молитву: «Отче наш». Отец наш... А ведь на самом деле, скорее всего, там было «Авва». А «Авва», если перевести, – это «Папа». «Папа наш Небесный». То есть, Он дал нам возможность называть его Папой, Папочкой! Можем вспомнить отрывок из Книги пророка Исаии, который мы сегодня читали. Там гром, там все рушится, там все падает, там все трясется! А нас Господь и милует, и холит, и лелеет. Как не благодарить Его, как пренебрегать вот этим? Ведь слово «Евхаристия» – оно и означает «благо-дарение»: мы собираемся вокруг Евхаристии, мы собираемся ради того, чтобы вместе благодарить Бога за Его любовь к нам. Как можно этим пренебрегать? Давайте задумаемся об этом.

И да хранит вас Господь!

* * *

Великая Пятница

03.05.2024. Утреня Великой Субботы

1 Кор 5:6-8; Гал 3:13-14

Мф 27:62-66

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

И вот вновь мы с вами стоим перед гробом Господним. И вновь, как каждый год в эти дни, мы задаемся вопросом: как это могло быть, как это возможно, почему? Что это за люди такие, которые это совершили?

И вот очень важно вспомнить о том, что это совершили не какие-то отъявленные злодеи, не убийцы, не кровопийцы, не законченные подонки. Всё это совершили самые обычные люди, такие же, как мы с вами. Кому-то было некогда, они готовились к празднику. Кто-то просто исполнял приказ – точно так же, как и сейчас многие исполняют страшные, беззаконные приказы. Кто-то отдавал эти приказы, потому что боялся потерять свое место, свою власть – помните, как Каиафа говорит: «Придут римляне и всё здесь разрушат, всё у нас отнимут». И вот сегодня, когда мы с вами крестным ходом шли с Плащаницей вокруг храма, кто-то спешил домой с работы, ему было некогда. Во время чтения «блаженных непорочных» сигналили машины: кто-то парковался, кто-то кому-то не уступил дорогу, кто-то что-то ещё...

И я думаю, что, если бы всё это происходило сегодня, если бы сегодня Господь пришел в наш мир, в нашу жизнь, всё это повторилось бы с той же самой неотвратимостью. Этот мир восстает против Бога, этот мир не хочет Его впускать в свою жизнь. И вот каждый раз, когда мы с вами стоим перед Гробом, когда мы с вами совершаем эти службы, мы должны задаваться вопросом: а где мы, мы с кем? Но не только раз в год, когда мы стоим перед гробом Господним. Этот вопрос встает перед нами каждый день. Каждый день мы перед выбором, что совершить: совершить добро или совершить что-то, может быть, даже не подлое, не страшное, но удобное для себя. Вот это очень важный момент. Нетрудно прийти в храм, нетрудно пройти с крестным ходом вокруг храма, нетрудно даже выстоять, в общем-то, эту не самую простую службу. И, казалось бы, даже

посокрушаться. Но очень трудно каждый день быть со Христом. Очень трудно каждый день быть с Богом. Каждый день брать свой крест и следовать за Сыном Божиим. Давайте задумаемся об этом.

И да хранит вас всех Господь!

* * *

Великая Суббота

04.05.2024. Литургия

Рим 6:3–11

Мф 28:1–20

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

В последние дни Великого поста, в эти дни Страстной седмицы, мы старались следовать за Христом. Вместе с Ним мы были у гроба четырёхдневного Лазаря. Вместе со Христом мы вступали в город Иерусалим. Вместе со Христом мы проживали те дни, те моменты, всё то, что происходило с Ним там. В среду мы вспоминали о предательстве Иуды. В четверг мы вспоминали Тайную Вечерю и вступали вместе с Ним в Гефсиманский сад, где Он творил молитву до кровавого пота: «Да минует Меня чаша сия, но да будет Твоя воля, а не Моя». В четверг поздно вечером и в пятницу – мы вместе со Христом шли на Голгофу. Мы старались в эти дни не просто услышать об этом, мы старались прожить это. Вчера вечером, в пятницу вечером, мы снимали с Креста Тело Господа нашего Иисуса и полагали Его во гробе, который сегодня перед нами. Но сегодня, наверное, такой день, когда мы не сможем прожить всё то, что в это время проживает Иисус Христос. Он, как мы вчера пели во время непорочных, пришёл на землю, чтобы спасти Адама, но

«не нашед его на земле, сошёл в преисподние земли». Сегодня Христос во аде, а мы с вами уже в праздничном облачении, мы с вами уже во свете Воскресения, мы с вами уже читаем о Воскресении.

Вот это очень важно понять. Мы уже ликуем. Но какой ценой даруется нам это ликование? Какую цену Бог заплатил за то, чтобы у нас с вами всё это было? Как мы должны жить? Мы слышали отрывок из Послания апостола Павла к Римлянам, что в крещении мы все умираем, мы умерли для греха. «Елицы во Христа креститеся, во Христа облекостесь» поют. Мы облеклись во Христа. Что такое христианство? Это уже жизнь в Боге, жизнь для Бога со Христом Иисусом. И вот это очень важно понять и помнить: да, нам всё это даровано. Мы с вами для этого, в принципе, ничего не сделали, и не смогли бы, наверное. Никто не может, как барон Мюнхгаузен, вытащить себя за волосы из болота. Бог может. Но вот жить благодарением Ему за это, жить верой в это, жить радостью, быть счастливыми – вот чего Господь ждёт от нас самих. Это очень важно понять. Ведь мы такие унылые, мы серые, мы даже радоваться понастоящему не умеем. Пасха грядёт, а у нас... Мы все в заботах, там то не так, это не так, мы плачем, ропщем, ноем. Ну как можно, как можно? Нам всё даровано, нам счастье даровано, нам Царство Божие даровано, нам Бог Самого Себя подарил! Что ещё нужно? Чего ещё нам не хватает для счастья? Давайте задумаемся. Сегодня, здесь, сейчас. Да, Господь во гробе, да, Господь сошёл в ад, но мы-то с вами живём уже в Воскресении! Мы уже спасены, мы уже можем жить Царством Божиим, у нас всё есть. Чего нам ещё нужно?

Да хранит вас Господь!

* * *

Пасха

05.05.2024. Литургия

Деян 1:1–8

Ин 1:1–17

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Несмотря ни на что, Христос воскрес! (Прихожане: Воистину воскрес!) Вновь и вновь Он воскресает в нашей жизни. Более того, Он вновь и вновь рождается в нашей жизни, Он входит в нашу жизнь, Он страдает за наши грехи, Он вновь и вновь умирает за нас – и вновь и вновь воскресает. Надеясь на нас, веря в нас, веря в то, что мы когда-нибудь это поймем и примем в свою жизнь. Что это преобразит нас, что это сделает нас подлинно человеками, Человеками с большой буквы, Сынами Человеческими, детьми Божьими. Мы очень часто говорим о том, как важно верить в Бога. Но если бы вы знали, как важно то, что Он верит в нас! Он верит в нас, Он надеется на нас, он ждет каждого из нас.

Христос воскресе!

Воистину воскресе!

ПОЭЗИЯ

Владимир Френкель

СТИХИ НА ВЕЧНЫЕ ТЕМЫ

Сейчас у нас такие времена, которые так и тянет назвать апокалиптическими. Но не будем спешить – сколько раз в истории человечества людям казалось, что конец истории близок, а все-таки не наступал. Так было и в двадцатом веке, и в нынешнем то же чувство. И в самом деле, иногда кажется, что Антихрист уже здесь, во всяком случае, его как-то много.

Надо ли в это время писать стихи? – вечный вопрос. Да, надо, и совсем необязательно именно на эту тему. А на вечные человеческие темы – о жизни и смерти, о свидании и разлуке, о памяти и забвении. Хотя история и современность все равно отразятся в стихах. Но события пройдут, а стихи останутся. Стихи о человеческих чувствах. Да, это вечные темы. В наше время они еще более вечные.

* * *

Иудин грех до Страшного Суда...
M. Волошин

А может, прав был наш последний царь,
Что вышел из истории во тьму,
Оставив нам огонь, и кровь, и гарь,
Оставив всё, а царство – никому.
Еще сто лет пребудет всё как встарь –
Так, может быть, привиделось ему.

Жить без царя, – так мог бы он сказать, –
Хотелось вам? Ну что же, господа,
Вам жить, но нет, скорее, умирать...
Он не сказал бы это никогда.
Тем более, что некому прощать
Кровавый грех до Страшного Суда.

2022 г.

ОТРЕЧЕНИЕ

Меня не касается трепет
Его иудейских забот...

O. M.

Никогда, ничего, ни о чем, никому –
Только эти слова провожают во тьму.
И не знать бы совсем никаких перемен,
Ни войны и ни мира, кровавых арен.

Поскорее от тех иудейских забот,
Что, по слову поэта, уже и не в счет.
И пускай же их трепет нигде, никогда
Не коснется, не ранит, иначе – беда.

Я не знаю, что делать мне с этой страной,
Здесь всего-то еще и знакома со мной
Заоконная тень отошедшего дня,
Где невидимый ангел узнает меня.

2022 г.

ГЛАВНОЕ

Мы никогда не состаримся. Никогда.
Так налегке и жизнь свою проживем,
Словно танцуя. Да что тут считать года?
Даже столетья нам уже нипочем.
Так не бывает, – скажут, – придет беда,
Будут печальные вести... Да что нам в том?
Не беспокойтесь, дамы и господа,
Главное – мы никогда, никогда не умрем.

2022 г.

В КОНЦЕ ВРЕМЕН

В конце времен... Неведомо, когда
Все кончится, и все начнется вновь,
И свет, и мрак, и горе не беда,
Свиданье, и разлука, и любовь.

А может быть, там городская ночь
В разгаре, и веселье допоздна,
Небось, продлится, да и мы не прочь
Хлебнуть без меры терпкого вина.

И вот он – город, музыка, бульвар,
Кафе еще открыты, на вопрос
Незаданный – откуда этот Дар? –
Никто и не ответит нам всерьез.

Никто, и никогда, и ни о чем
Беседовать – какая благодать!
А что там притаилось за углом –
Неведомо, не стоит и гадать.

Должно быть, вечность вовсе не скучна,
Ее нам опасаться не резон.
А этот свет... а музыка... она
Не вечный сон, а лишь конец времен.

2022 г.

* * *

Вот плывет кораблик лунный
В темном небе – погляди! –
Неуверенный и юный,
Что он видит впереди?

Видит город опустелый,
Тот, что за моим окном,
Фонарей молочно-белый
Свет безжизненный кругом.

Как законченная тема,
Не зажжется никогда
В мутном небе Вифлеема
Путеводная звезда.

Что увидели когда-то
В диком поле пастухи?
Ночь была тиха и свята,
И неведомы грехи.

Что ж, плыви куда подале,
Наш кораблик, без забот,
Ночь, пока еще в начале,
За тобою поплынет.

Впрочем, некуда стремиться,
Все закончилось давно.
Точно белая страница,
Светит лунное окно.

Словно это свет последний
Отражен. А между тем,
Страшный Суд прошел намедни,
Не замеченный никем.

2012/2022 г.

ДОЖДЬ ПРОШЕЛ

Дождь прошел. Уже и день уходит,
Жизнь уходит, может быть, прошла,
Не прощаюсь. Небо непогодит,
И закат сгорел дотла.

А вокруг – привычная картина,
Да другой не стоит и желать.
Вот благословенная рутинा,
Ничего не надо изменять.

Не беда, что небу неугоден,
Что давно махнул на все рукой
Навсегда... и надо же – свободен!
Как там было: воля и покой.

2023 г.

ТАК УХОДИТЬ

И те умрут, и эти, да и те,
И даже те, кто этого не знает,
И те, что проживают в простоте,
Как солнце, что за горизонтом тает.

Так уходить, чтоб этого не знать,
Не каждому дано, наверно, свыше.
О, Господи, какая благодать
В незнанье, но об этом –тише,тише,

Почти беззвучно. Что же ты, о чём,
О ком не плачешь, редко вспоминаешь,
И если ангел за твоим плечом
Появится – его ты не узнаешь.

2023 г.

ВОСПОМИНАНИЕ

Когда порой воспоминанье...
А. Пушкин

Засыпанная листьями скамья
В каком-то парке, где, когда, не знаю,
Не помню, то есть, там уже не я,
А тень моя расположилась с краю.

Что надо ей? Она-то помнит, да,
Что здесь когда-то... Нет, зачем, не буду
И вспоминать, не то придет беда,
Уж лучше я совсем о том забуду.

Зачем она осталась там? О, нет,
Нет никакой беды, воспоминанье –
Как будто тень, и столько долгих лет
Хранит она далекое свиданье.

Что делать нам, когда лишь эпизод
Внезапно наша память освещает?
А эта тень уже который год
Над листьями опавшими витает.

2023 г.

ОТРЫВОК

Вот тебе снова осколок луны,
Вот и опять беспокойные сны,
Словно посланья далекой страны.

Не изменилась ночей синева,
Не позабыты ночные слова.
Нет ни отчаянья, ни торжества.

2023 г.

* * *

Листая старые журналы,
Где пожелтевшие листы
Приоткрывают нам анналы
Истории, когда пусты
Воспоминания, и мимо
Наш взгляд нечаянно скользит,
Как будто на аренах Рима
Мы видим – жизнь еще бежит.

А впрочем, Рим какой-то новый,
Четвертый, если не Второй,
Античный, нет, средневековый,
Нет, нарисованный. Порой
Нам кажется, что сочиняли
Историю мы наугад,
Во что-то верили, не знали,
Что всё покатится назад.

2023 г.

ЧИТАЯ АПОКАЛИПСИС. ЛИШНЕЕ

Вот и дожили до конца света,
До ожиданья Господня лета,

Anno Domini, если иначе,
Где отпевания, скорби, плачи

Будут, где сатана на троне
Мира сего, словно вор в законе.

Что мы обрящем в будущем этом,
Таком неуютном, ненастном, где там

Жить ли мы будем под знаком зверя,
Ангел ли нас упасет – не верю.

Deus conservat... Слова иные –
Огненный ангел раскинул крылья.

2023 г.

* * *

Мы вновь увидимся в том кафе
И не удивимся друг другу, нет.
Наверно, словно слова в строфе,
С тобой соседствуем столько лет.

О чем ведем разговор? Ну да,
Не изменились наши черты.
— А помнишь, только вчера... — Когда?
— Назад лет десять... — Конечно! — Ты

Еще не знала... — О чем? — О том,
Что мы увидимся здесь опять,
На том же месте, и мы вдвоем...
— Но лучше бы наперед не знать.

Вот так беседуем. Говор, смех,
Летают шутки, сверкает свет
В ночном кафе, на виду у всех...
Лишь мы невидимы. Нас же — нет.

2022 г.

* * *

Вспоминать нечаянные встречи
Где-нибудь, на Взморье, может быть,
Оклик, неоконченные речи —
Словно этот миг остановить.

То-то радость — наперед не зная,
С кем ты нынче встретишься, когда,
Прошлое, что календарь, листая,
Помнить эти встречи — не года.

Здесь моя над временем победа –
Те свиданья, мимолетный взгляд
В жизни, и нескáзанное credo,
То есть – верю! – много лет назад.

2023 г.

Израиль, Иерусалим

2022–2023 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Они работали тридцать лет и три года.....	4
БИБЛЕЙСКАЯ АСКЕТИКА	
Владимир Сорокин	
Тора: дух и буква	7
ХРИСТИАНСКАЯ АКСИОЛОГИЯ	
Прот. Игорь Прекуп	
Подмены в сознании современных православных христиан.....	59
У ИСТОКОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ	
Свящ. Владимир Зелинский	
Светлая тайна Премудрости.....	115
Евгений Барабанов	
Образ Софии Премудрости Божией в древнерусской иконописи	119
ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ НА ЗАПАДЕ В ХХ–ХХI вв.	
Свящ. Александр Занемонец	
Епископ Кампенский Мефодий (Кульман) и паломничества на Святую Землю из Русского Зарубежья, 1950–1970 гг.	139
Наталья Большакова-Минченко	
Игуменья по призванию <i>Материалы к жизнеописанию монахини Ольги (Слёзкиной, 1915–2013), игуменьи Покровского монастыря в Бюси-ан-От, Франция</i>	168

СЛУЖЕНИЕ ЕДИНСТВУ

Илья Семененко-Басин	
О докторе Гаазе	201

ФРАГМЕНТЫ ЖИЗНИ

Свящ. Владимир Зелинский	
Стая легких времирей.....	251

**ВОСПОМИНАНИЯ
ОБ ОТЦЕ АЛЕКСАНДРЕ МЕНЕ**

«Отец был не только гениальный человек, но и святой»	
Беседа с Еленой Мень.....	339
«Папа был выдающимся человеком!»	
Беседа с Михаилом Менем	348

СЛОВО ПАСТЫРЯ

Архим. Виктор (Мамонтов)	
Проповеди.....	373
Свящ. Владимир Лапшин	
Проповеди.....	415

ПОЭЗИЯ

Владимир Френкель	
Стихи на вечные темы	453

TABLE DES MATIÈRES

Ils ont travaillé trente ans et trois ans	4
---	---

ASCÉTIQUE BIBLIQUE

Vladimir Sorokine

La Torah : l'esprit et la lettre	7
--	---

AXIOLOGIE CHRÉTIENNE

Archiprêtre Igor Prékoup

Substitutions dans la conscience des chrétiens orthodoxes aujourd'hui.....	59
---	----

AUX SOURCES DE LA CULTURE RUSSE ANCIENNE

Prêtre Vladimir Zélinsky

Le mystère lumineux de la sagesse.....	115
--	-----

Evguéni Barabanov

L'image de la Sophia la Sagesse de Dieu dans les icônes russes anciennes	119
---	-----

DANS L'HISTOIRE DE L'ORTHODOXIE RUSSE EN OCCIDENT AUX XXE ET XXIE SIÈCLES

Prêtre Alexandre Zaniémoniets

L'évêque de Campanie Méthode (Kuhlman) et le pèlerinage en Terre Sainte à partir des terres d'immigration des Russes de 1950 à 1970	139
---	-----

Natalia Bolchakova-Mintchenko

Higoumène par vocation : <i>Matériaux pour la biographie de la moniale Olga (Slezkine, 1915–2013) Higoumène du Monastère Notre Dame de Toute Protection à Bussy-en-Othe (France)</i>	168
---	-----

AU SERVICE DE L'UNITÉ CHRÉTIENNE**Ilya Semenenko-Bassine**

À propos du Dr Haas 201

FRAGMENTS D'UNE VIE**Prêtre Vladimir Zélinsky**

Vol de passereaux temps 251

SOUVENIRS SUR LE PÈRE ALEXANDRE MEN**Entretien avec Elena Men**« Mon père n'était pas seulement un homme génial,
c'était un saint » 339**Entretien avec Mikhail Men**« Papa nous aimait, nous comprenait, nous
supportait » 348**PAROLES DE PASTEURS****Archimandrite Victor (Mamontov)**

Homélies 373

Prêtre Vladimir Lapchine

Homélies 415

POÉSIE**Vladimir Frenkel**

Poèmes sur des thèmes éternels 453

CONTENTS

They worked for thirty years and three more years 4

BIBLICAL ASCETICS

Vladimir Sorokin

The Torah: the spirit and the letter 7

CHRISTIAN AXIOLOGY

Archpriest Igor Prekup

Substitutions in the minds
of present-day Orthodox Christians 59

AT THE ORIGINS OF OLD RUSSIAN CULTURE

Priest Vladimir Zelinsky

The luminous mystery of Wisdom 115

Evgeny Barabanov

The Image of Sophia the Wisdom of God
in Old Russian iconography 118

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN ORTHODOXY IN THE WEST IN THE 20TH –21ST CENTURIES

Priest Alexander Zanemonetz

Bishop Methodius of Campania (Kuhlmann)
and pilgrimages to the Holy Land
from the Russian Diaspora, 1950–1970. 139

Natalia Bolshakova-Minchenko

Hegumenia (Mother Superior) by calling
Materials to the biography of nun Olga (Slyozkina, 1915–2013),
the hegumenia of the Pokrovsky Convent
in Bussy-en-Othe in France 168

SERVING UNITY**Ilya Semenenko-Basin**

- About Doctor Gaaz 201

LIFE FRAGMENTS**Priest Vladimir Zelinsky**

- A Murmuration of Timelings 251

**MEMORIES
OF FATHER ALEXANDER MEN'**

“Father was not only a genius, but also a saint” 339

Conversation with Elena Men’

“Dad was a loving, understanding, patient father” 348

Conversation with Mikhail Men’**PASTOR’S WORD****Archimandrite Victor (Mamontov)**

- Sermons 373

Priest Vladimir Lapshin

- Sermons 415

POETRY**Vladimir Frenkel**

- Poems on eternal themes 453

**Международным Благотворительным Обществом
имени Александра Менья
(Рига, Латвия)
изданы (1991–2024)**

Альманах «Христианос» – выпуск I – XXXIII
Альманах «Отчий Дом»

Книги:

Протоиерей Александр Мень
«Практическое руководство к молитве»

«Апокалипсис» –
Комментарий протоиерея Александра Менья

«Крестный Путь».
Молитвенные размышления и молитвы
Вселенского Патриарха Варфоломея

Архимандрит Зинон (Теодор) «Беседы иконописца»

Владимир Френкель «Время пустыни». Стихи

Малая сестра Магдалена Иисуса
«По следам брата Шарля» (Зеленая тетрадь)

Иеромонах Габриэль Бунге «Скудельные сосуды» –
практика личной молитвы по преданию Святых Отцов

София Рукова «Отец Александр Мень»

Протоиерей Александр Мень «Истоки религии»
(*«Relīģijas pirmsākumi»*) на латышском языке

Артуро Каттанео «Брак: дар и служение»

Иеромонах Габриэль Бунге

«Другой Утешитель. Икона Пресвятой Троицы
преп. Андрея Рублева»

Светлана Домбровская «Пастырь»

(Повесть об отце Александре Мене)

Иеромонах Габриэль Бунге

«Вино дракона и хлеб ангельский» –
учение Евагрия Понтийского о гневе и кротости

Священник Владимир Лапшин

«Деяния Святых Апостолов» – Комментарии

Иеромонах Габриэль Бунге

«Акедия» – духовное учение Евагрия Понтийского
об унынии

Наталья Большакова

«Христианство осуществимо на земле»

(История создания и жизнь монастыря

Покрова Пресвятой Богородицы в Бюси-ан-От
(Франция)

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:

Послания к Коринфянам,

Послание к Галатам – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:

Послания к Фессалоникийцам,

Послание к Римлянам – Беседы»

Наталья Большакова

«Жизнь и служение

епископа Кампанского Мефодия (Кульмана)»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:
Послание к Филиппийцам,
Послание к Колоссянам, Послание к Филимону,
Послание к Ефесянам – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:
Послание к Титу,
Послания к Тимофею,
Послание к Евреям – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Давайте задумаемся!»
Статьи. Проповеди. Беседы

Священник Владимир Лапшин

«Вы будете Мне свидетелями...»
Проповеди

Участие в издании:

Протоиерей Александр Мень

«Благослови молитву мою» («Svētī manu lūgšanu») на
латышском языке в сотрудничестве с изд-вом
«KALA Raksti» (Rīga)

Протоиерей Александр Мень

«Сын Человеческий» («Cilvēka Dēls») на латышском
языке в сотрудничестве с изд-вом «KALA Raksti»
(Rīga)

**Alexander Men'
International Charity Society**

Riga Latvia
Phone: +371 29147350
E-mail: amenfond@gmail.com
www.hristianos.com